

**Жизнеописания Отечественных
подвижников благочестия 18 и 19 веков.
Июль**

Раба Божия Анна Ивановна

(Память 1 июля).

На Смоленском кладбище в С.-Петербурге читается, после блаженной Ксении, раба Божия Анна Ивановна Лашкина или Лукашева, жившая в первой половине XIX столетия. Но происхождению своему Анна Ивановна принадлежала к интеллигентной фамилии. Образование свое она получила в одном из институтов Петербурга. По окончании институтского курса она стала вращаться в кругу высшего светского общества. Здесь она познакомилась, а затем и полюбила одного гвардейского офицера, который, по-видимому, платил ей взаимностью. Анна Ивановна вполне надеялась выйти за него замуж. Любимый Анной Ивановной офицер, однако, совершенно неожиданно предпочел Анне Ивановне другую девушку и женился на ней. Это так поразило Анну Ивановну, так глубоко потрясло ее, что она совершенно разочаровалась как в себе самой и в своих достоинствах, так и в любимом ею человеке, а равно, и во всех окружающих ее людях, и вообще, в достижении земного счастья. «Нет, на земле, где так много зла, истинного счастья не может быть, решила она: оно здесь недостижимо. Истинное счастье возможно лишь на небе, в единении с Самим Богом. Стало быть, чтобы быть счастливой, нужно отказаться от всего земного, греховного, нужно умертвить в себе все то, что привязывает к земной жизни, нужно вступить в борьбу со всеми страстями и похотями мира, нужно сделаться, прежде всего, нищей духом!».

Придя к такому убеждению, Анна Ивановна сразу порвала все связи с миром: она тотчас же оставила Петербург, родных, друзей, знакомых и несколько лет подряд о ней не было никаких известий. Где она жила в это время, чем занималась – неизвестно. В Петербурге она появилась в виде юродивой. Одеждою для нее служило самое жалкое рубище, на голове она носила белый чепец, который покрывался ситцевым платком, завязанным сзади, в одной руке она всегда имела палку, а другой придерживала висящий за спиной громадный узел-

мешок, в котором хранилось все, что ей подавалось добрыми людьми. Какого-либо определенного местожительства Анна Ивановна не имела. Подобно рабе Божией Ксении, она целый день бродила по городу. Ее часто видели и на Сенной площади, и в Гостином ряду, и в Перинной линии, и в других людных местах. Купцы, приказчики и другие добрые люди, видя оборванную, жалкую женщину, охотно подавали ей милостыню, а знавшие Анну Ивановну – дарили ей остатки ситца, ситцевые платки, башмаки, ленты и т. п., и все это Анной Ивановной складывалось в бездонный, по-видимому, мешок, из которого потом все полученное раздавалось бедным. Если же мешок пустел, Анна Ивановна клала в него камни и таскала их на себе. Иногда Анна Ивановна заходила в институты, пансионы, разговаривала с воспитанницами и всех поражала отличным знанием языков – немецкого и французского, на которых свободно изъяснялась.

Большей же частью Анна Ивановна жила и ночевала на Сенной площади у домовладельца (торговца меховыми товарами) Петухова, у которого была даже приемницей детей его, или же в квартирах прот. Спасо-Сенновской церкви, И. И. Иванова (ум. 1848 г.), и священника о. Василия Георгиевича Чулкова (ум. 1865 г.), или же в квартире сирот диакона той же церкви Березайских, у которых потом Анна Ивановна и скончалась.

Почти каждый день она приходила в Сенновский храм или к утрени, или к ранней обедне; приложится к иконам, раздаст милостыню нищим, а потом и зайдет к кому-нибудь. Тут она и обедала, и чай пила, и ночевала.

Все жители Сенной площади – торговцы, приказчики, чернорабочие и многие из духовных лиц, хорошо знавшие Анну Ивановну, относились к ней с глубоким уважением, видя в ней не простую побирушку-нищую, а Христа ради юродивую, а потому, всячески старались чем-нибудь угодить ей, и охотно подавали ей милостыню, потому что знали, что она передаст эту милостыню тому, кто действительно в ней нуждается. С особенным же вниманием следили за Анной Ивановной, как и за блаж. Ксенией, извозчики. Завидя Анну Ивановну, они

наперегонки мчались к ней на своих пролетках, желая провезти ее хоть несколько шагов, в уверенности, что кому это удастся, у того целый день езда будет прибыльной. Но Анна Ивановна не садилась на вперед всех примчавшегося возницу; со многими из них она заводила ссоры, шумела, кричала, грозила палкой и, наконец, садилась в пролетку того из них, которого считала лучшим. За свой проезд Анна Ивановна обычно платила пятиалтынный... но извозчики почему-то не хотели брать пятиалтынного. «Куда ты мне даешь пятиалтынный... дай лучше копеечку... Не надо мне твоего пятиалтынного» – обычно говорили ей извозчики. И чрезвычайно рад был тот возница, кому Анна Ивановна давала вместо пятиалтынного копеечку. Извозчики верили, что именно копеечка Анны Ивановны доставит им желанную удачу в дневной выручке.

Другие же люди, плохо знавшие Анну Ивановну и соблазнявшиеся отчасти ее грязным и рваным костюмом, а отчасти ее нередкими ссорами с окружающими, шумом, криком и вообще, странным поведением, считали ее за сердитую, ворчливую нищую, и относились к ней с полным недоброжелательством. Такие именно недоброжелательные отношения к Анне Ивановне установились и со стороны призреваемых старушек в богадельне Больше-Охтенского кладбища, куда Анна Ивановна была определена по распоряжению Епархиального Начальства. А последнее, т. е. определение Анны Ивановны в число призреваемых Больше-Охтенской богадельни, произошло по следующему, обнаружившему в ней дар прозорливости, случаю:

Бродя однажды по городу, Анна Ивановна зашла в Невскую лавру. На дворе Лавры ей попался навстречу очень молодой ученый архимандрит. Анна Ивановна подошла к нему под благословение и потом сказала ему, что он скоро будет епископом. Не поверил о. архимандрит словам бедной нищей. Но предсказание Анны Ивановны исполнилось в точности. О. архимандрит, действительно, вскоре же был возведен в сан епископа и сделался викарием С.-Петербургским. Тогда-то он и вспомнил слова юродивой. Он тотчас же разыскал Анну Ивановну, и, тронутый ее жалким внешним видом, а, может

быть, и из боязни, чтобы ее, как бродяжку, не открывающую своего звания и не имеющую паспорта, не забрали в полицию, стал хлопотать о предоставлении ей какого-нибудь пристанища. Хлопоты епископа увенчались успехом. Анна Ивановна, под вымышленными фамилией и званием дочери умершего работника Медицинского ведомства Ивана Лашкина, была определена в число призреваемых при богадельне Больше-Охтенского православного кладбища. Но этому определению в богадельню не были рады, как сама Анна Ивановна, так и ее соседки-богаделенки. Анна Ивановна не могла равнодушно и спокойно смотреть на праздную жизнь богаделенок, в пересудах и во взаимных ссорах, она вмешивалась в их ссоры, шумела, кричала на них, делала нередко резкие наставления, чем еще больше обостряла и без того уже недоброжелательные отношения. Богаделенки, с своей стороны, с презрением относились к ней. Терпя обиды, раба Божия Анна на обидчиков не гневалась, но жалела их и предупреждала от новых грехов. Поэтому Анна Ивановна по-прежнему любила больше жить на Сенной, где ее любили и где она чувствовала себя подальше от греха.

Терпя обиды, р. Б. Анна на обидчиков не гневалась, но жалела их, и предупреждала их от новых грехов.

Протоиерей Покровской Коломенской церкви, о. Гавриил Иоаннович Михайлов хорошо знал Анну Ивановну, но почему-то недолюбливал ее, позволяя себе иногда, хотя и в шутку, посмеяться над ней. Однажды хоронили зажиточного купца. На похороны, а после них и на поминки, в числе других были приглашены о. Гавриил и Анна Ивановна. На поминках, в присутствии одного архимандрита, многих протоиереев и иереев, разговор, по обычаю, зашел о добродетелях почившего и о том, как легко умирать тем людям, кто при кончине сознает, что в жизни, по возможности, исполнил все, что надлежит христианину. О. Гавриил, обращаясь к Анне Ивановне, спросил ее: «вот и ты, Анна Ивановна, много пострадала в своей жизни, много потрудились, а приготовилась ли к смерти? Ведь ты, я думаю, скоро умрешь?» – «Батюшка, отвечала Анна Ивановна, я всегда готова умереть. Я всю жизнь к этому дню

готовилась. Да вот, что мне жаль: когда я умру, то и ты проживешь после меня не больше одной недели. А у тебя ведь семья – надо же пожалеть и семью». Это же самое предсказала Анна Ивановна о. Гавриилу и в другой раз... Идя однажды по Садовой улице, он встретил Анну Ивановну. Анна Ивановна бросила на землю свой мешок и подошла к о. Гавриилу за благословением. О. Гавриил, увидавши Анну Ивановну, которую давно не видал, сказал: «ах, это ты Анна Ивановна... все еще странствуешь по городу, а я думал, что тебя уже и в живых нет! Ну, ладно, Господь тебя благословит». – «Вот, спасибо, батюшка, отвечала Анна Ивановна, за благословение... А о смерти лучше не говори... Помнишь, я тебе сказала, что как только я умру, так и ты после того недолго проживешь... Ну вот, и теперь я то же скажу: как только я умру и не успеют меня похоронить, как и по тебе будут панихиды служить». Действительно, вскоре после смерти Анны Ивановны, о. Гавриил сильно заболел и, несмотря на всевозможные старания семи докторов, жизнь его спасти не удалось: через два дня после смерти Анны Ивановны о. Гавриил скончался.

Добрым же людям она радостно сообщала наперед о предстоящих им радостях.

Придя однажды в квартиру священника Спасо-Преображенской Колтовской церкви А. М. Листова, и беседуя с ним, Анна Ивановна, между прочим, сказала ему: «ну, батюшка, ты скоро будешь большим священником, видишь: все бугорки да бугорки, горки да горки, кресты да кресты... а деревьев-то, деревьев-то сколько?! Вот, ты там и будешь большим священником». И, действительно, в скором же времени и совершенно неожиданно предсказание Анны Ивановны исполнилось: о. Александр был назначен настоятелем Больше-Охтенского кладбища и возведен в сан протоиерея.

В другой раз, придя к о. Александру, служившему уже на Охте, Анна Ивановна подала ему два куса розовой материи и сказала: «возьми, батюшка, эти куски, они тебе пригодятся к свадьбе». – «К какой свадьбе, спросил о. Александр, у нас не предвидится никакой свадьбы». – «Ладно, ладно, бери, свадьба будет». И, действительно, в скором же времени к двум дочерям

о. Александра посватались женихи, гг. З. и Н. Обе свадьбы состоялись, и принесенная р. Б. Анной материя пригодилась.

У диакона Спасо-Сенновской церкви о. А. Васильева родился ребенок. Крестины отложили до выздоровления матери. Спустя неделю, мать встала с постели. Назначен был день крестин. Ждали кума, куму, священника... Гостей звали немного, так как средства у о. диакона были небольшие... Принесли уже купель... И вдруг, о. диакон видит, что к их парадному ходу идет грязная, оборванная Анна Ивановна... «Ах, эта Анна... сказал он... опять тащится... ну, куда я ее дену? Придут кум, кума, священник, может быть, гости... что я с ней буду делать?» – «Ну, ладно, не волнуйся, говорит ему матушка-родильница: я возьму ее к себе на кухню». Смотрят: Анна Ивановна повернула от парадного хода и направилась в кухню... Встреченная матушкой, она вдруг говорит ей: «Ах, эта Анна – опять притащилась... ну, куда вы ее денете... Придет батюшка, кум, кума, а гостей-то, гостей-то сколько? Что вы с ней будете делать? Разве в кухню?! Да нет, я уйду и из кухни. На вот, возьми копейку-то: у вас средства небольшие: тебе это пригодится – это первый новорожденному подарок». Отдав копейку, Анна Ивановна тотчас повернулась и ушла. И что же?! Гостей на крестины набралось много, и все они принесли новорожденному богатые подарки...

Гордости, заносчивости и обидчивости в людях она не терпела и грозно обличала.

У протоиерея Иванова жила бедная родственница, вдова сельского дьячка. У нее было два мальчика, которые стараниями протоиерея были определены в духовное училище. Случился какой-то праздник. К протоиерею собралось много гостей, и большинство из них осталось у него ночевать... Кроватей и диванов лишних не было... Менее почетным гостям пришлось лечь на полу. Пришлось лечь на полу и вдове с ненаглядными сынками, пришедшими на праздник... Но вдова почему-то этим обиделась и, укладывая своих сыновей, сказала: «ну, что же делать, детки, ложитесь на полу: вот будете профессорами да академиками, так вас не будут класть спать на пол» ... Анна Ивановна, собиравшаяся идти спать в кухню,

услыхала слова вдовы, обернулась к ней, да и говорит: «какие у тебя они там профессора да академисты, оба они будут цапари да каменисты». Действительно, оба сына вдовы за скверное поведение были уволены из училища и сделались воришками и бродягами.

Ей было открыто будущее не только в жизни людей, но и в самой природе.

Как-то зимой Анна Ивановна забралась в сад к тому же протоиерею Иванову и, остановившись среди сада, начала охать и ахать от восторга и удивления. «Батюшки, батюшки, кричала она, махая руками, смотрите – яблоков-то, яблоков-то сколько! ну, куда их только девать-то?! – Эх, горе, забыли подпереть сучья-то... ну вот, теперь все они и обломятся» ... На следующее лето в этом саду был такой обильный урожай яблок, что, действительно, весьма многие сучья и ветви яблонь от тяжести плодов поломались...

Смерть свою блаженная заранее провидела, и сама избрала себе место могилы.

Незадолго до своей смерти Анна Ивановна, захвативши с собой гробовый покров, пришла на Смоленское кладбище и пригласила о. настоятеля отслужить панихиду. Приведя о. настоятеля на то место, где теперь часовня над могилой р. Б. Анны, Анна Ивановна разостлала на земле покров и просила отслужить панихиду по рабе Божией Анне. Когда панихида была отслужена, Анна Ивановна покров пожертвовала в церковь с тем условием, чтобы им были покрываемы тела убогих покойников, а о. настоятеля кладбища просила похоронить ее на том месте, где лежал на земле разостланный покров. Узнали о поступке Анны Ивановны монахини женского монастыря в Петербурге, увидели, что она готовится к смерти и стали просить ее, чтобы она завещала похоронить себя на монастырском кладбище, предлагая ей, в то же время, любое место. Но Анна Ивановна не согласилась на это предложение, твердо настаивая на том, чтобы ее похоронили на выбранном ею месте на Смоленском кладбище.

Она скончалась 1 июля 1853 г.

С 1-го по 5-е июля 1853 года в Петербурге замечалось необыкновенное оживление. Тысячи народа всевозможных возрастов, званий и состояний, молча, с печальными лицами спешили к Спасской, на Сенной, церкви. Экономные хозяйки, кухарки, мелочные торговцы, пришедшие на Сенной рынок за провизией, оставляли в лавках свои корзины, лотки, и также спешили к церкви Спаса. От Гостиного двора, Перинной линии, всех улиц и переулков, окружающих Сенную площадь, целые толпы народа сновали взад и вперед к той же церкви... 1-го числа вечером в тесной квартире Березайских тихо, безболезненно скончалась раба Божия юродивая Анна Ивановна, так долго старавшаяся, под видом оборванной, грязной побирушки, возбуждавшей то жалость, то отвращение в встречавшихся, избавиться от всего земного, греховного и достичь истинного счастья, соединиться со Христом.

Весть об этом событии тотчас же разнеслась по всей площади и по городу, и все, знавшие усопшую, поспешили поклониться ее праху. В продолжение 3–4 дней ко гробу Анны Ивановны собирались сотни, тысячи людей. Маленькая квартирка Березайских, разумеется, не могла вместить всех посетителей: усопшую вынесли в церковь, и толпы народа с утра до вечера 2, 3 и 4-го июля, приходили сюда проститься с Анной Ивановной. С лишком три дня продолжался этот наплыв посетителей в храм Спаса, на четвертый день (5-го июля) – этот наплыв еще более усилился: в этот день отпевали и хоронили Анну Ивановну. Обширный храм не мог уже вместить всех посетителей: многие стояли на паперти и в ограде церкви. Долго длилась служба церковная, еще дольше тянулось прощание с усопшей... все присутствующие непременно желали дать Анне Ивановне последнее целование... Наконец, все было кончено... гроб с прахом усопшей был поднят на плечи усердствующих, и в сопровождении десятков тысяч народа, в предшествовании духовенства, при торжественном пении «со святыми упокой», его понесли на Смоленское кладбище для погребения на том месте, которое было избрано самой Анной Ивановной... Наплыв в этот день народа на Смоленское кладбище был огромный. Народу в этот день было не меньше,

чем в день Смоленской Божией Матери, а в этот день на кладбище бывает до 30–40 тысяч человек... Вся Сенная площадь была на кладбище... Вот каким уважением пользовалась почившая!.. После того, долгое время приходили почитатели Анны Ивановны на ее могилу, много рассказывали о ее жизни, странностях поведения, прозорливости.

В девяностых годах XIX столетия могила представляла из себя простую насыпь, обложенную по бокам дерном и покрытую сверху цокольной плитой со следующей надписью, сделанной, по всей вероятности, г. Петуховым: «Во имя Отца и Сына и Святого Духа. Аминь. На сем месте погребено тело рабы Божией Анны Ивановны Лашкиной, престарелой девицы, прожившей в юродстве Христа ради. Я знал ее более 30 лет и была в одном положении. Скончалась июля 1 дня 1853 года». В головах стоял дубовый, увешанный иконами, крест, перед которым теплилась лампада. Из могильной насыпи посетители могилы брали землю и уносили ее домой, как верное средство от болезней. Разбираемую ежегодно насыпь приходилось делать вновь, но плита с надписью сохранилась еще до сих пор.

Лет десять тому назад какая-то дама, глубокая почитательница Анны Ивановны, стала хлопотать о том, чтобы над ее могилой была устроена часовенка; она собрала по своим знакомым и почитателям Анны Ивановны рублей сто денег, принесла их к покойному настоятелю кладбища, протоиерею П. А. Матвеевскому, и просила его об устройстве часовни. Желание почитательницы Анны Ивановны исполнилось. Могилу привели в приличный вид: обложили дерном и покрыли прежней плитой; в голове поставили новый дубовый крест с неугасимой лампадой, а всю могилу покрыли железной, решетчатой, с внутренними стеклянными рамами, часовней.

Почитатели Анны Ивановны сейчас же принесли несколько покровов, икон, крестов, венков; покровами одели могильную плиту, а сверху покровов положили кресты; иконами и венками украсили стены часовни.

В настоящее время часовня почти всегда заперта: могилу Анны Ивановны уже не разрывают, но из-под западной стенки часовни, где стоит надмогильный крест, посетители могилы и

теперь еще берут землю и уносят ее домой, по-прежнему веря, что эта земля – лучшее средство от болезней.

С лишком пятьдесят лет прошло со дня смерти Анны Ивановны. Мало людей, которые знали почившую при жизни, осталось в живых, но молва о ее подвижнической жизни и о ее прозорливости твердо сохраняется в памяти народа. Многие идут на ее могилу, помолются за нее, попросят у нее помощи в своих нуждах, возьмут землицы и идут в часовню р. Б. Ксении, где и помянут ее вместе с Ксенией. Нередко, впрочем, людьми, получившими какую-либо молитвенную помощь от р. Б. Анны, служатся панихиды и над ее могилой.

Каждый посетитель кладбища, слышавший о р. Б. Анне, непременно зайдет помолиться на ее могилу, а, зайдя в часовню Ксении, помянет в своих молитвах Ксению, и Анну.

День Ангела Анны Ивановны 3-го февраля.

Кроме Ксении и Анны на Смоленском кладбище погребены и некоторые другие юродивые, пользующиеся также почитанием у народа, таковы: Марфа, Матрона, Ирина, Анна Ивановна Комиссарова, Ольга Ивановна и др.¹

Инокния Исидора (Дария–странница)

(Память 1 июля).

Дарьюшка родилась в начале второй половины XVIII столетия в крестьянской семье. Родители ее скончались, когда ей шел всего пятнадцатый год, и при таком юном возрасте на ее попечении остались еще малолетние брат и сестра. Приютил их к себе дедушка, крестьянин Новгородской губернии, известный по округе и уважаемый всеми за свое благочестие и любовь к ближнему. Вот как впоследствии описывала свою жизнь в доме дедушки сама Дарьюшка в своих воспоминаниях.

«Мы жили с дедушкой и любили его, вместо отца и матери. Дедушка был грамотный и жил по слову Божию. Как только окончит все работы, сейчас, бывало, возьмет книгу и начнет читать вслух. Книг у него было много: Евангелие, Библия и Четьи-Минеи, и много еще других. Нрава он был тихого, не любил пустых речей и уж больно был жалостлив к человекам Божиим, т.е. к нищим и убогим. Вся семья повиновалась ему безропотно, хоть он никогда голосом не крикнул, а все таково тихо и благодушно учил нас. Без молитвы у нас никто ничего не починал, и все спешили покончить дальние работы к тому времени, как дедушка возьмется за книгу. Не только своя семья, но даже и соседи собирались к нам в избу с домашней работой, кто пряд, кто ткал, кто шил или вязал. Тишина была такая, что муха пролетит, так слышно, никто слова не промолвит, только слышалось неспешное чтение семидесятилетнего старика. А то читает, читает он, да и остановится, и начнет наставлять, как что надо соблюдать закон нашего милостивого Спаса, и слушать Его святых угодников. – Все посты мы соблюдали и в церковь по воскресным дням ходили, не отговариваясь работой, аль недосугом. – «Для того Господь и дал нам шесть дней», учил нас дедушка. Не любил он ни посиделок, ни хороводов, да нам и в голову не приходило уходить из дому: и мирно, и тихо, и хорошо было в нашей избушке. Не раз ходил к деду и наш отец духовный, и таково ладно, бывало, вместе гуторят».

И другие условия отроческих лет Дарьюшки благоприятствовали развитию в ней религиозной настроенности и любви к человечеству. Самые обстоятельства жизни побудили ее с ранних лет жить не для себя, а для других. Дед был стар, за ним нужен был уход, а кроме того, на руках у Дарьюшки были малолетние брат и сестра. И еще не окрепшая физически, девочка-подросток безропотно и с любовью берет на свои юные плечи все тяготы домашнего крестьянского обихода. Она успокаивает дедушку-старика, ухаживает за ним, бережет и лелеет его, она – работница и хозяйка в доме, а для брата и сестры она – настоящая мать. Так протекли ее юные годы в постоянных трудах и заботах о других и для других, и среди всего этого она не имеет времени подумать о себе, не ищет никаких радостей и утех, игр и забав, которые так свойственны юношескому возрасту, а только трудится и молится, и всю свою жизнь, все свои силы, все время отдает на служение другим, – и все это так просто и естественно, так охотно и с такою любовью, что все это не за тяжесть ей было, а за приятный долг, в исполнении которого, соединенном с самоотвержением, девушка и не подозревала никакого подвига.

Так текли девические годы Дарьюшки. Были и у нее свои утехи и утешения, но совсем не такие, каких обычно ищут девушки ее лет. Верстах в 12 от их села находился Горицкий женский монастырь, монахини которого были любимы окрестными крестьянами за свое благочестие и добрые дела. В свободное время, а это было весьма редко, у Дарьюшки одна только и была радость и прогулка – путешествие в Горицкий монастырь. В большие праздники она всегда ходила туда на богомолье. Там умилялась она сладостью стройного церковного пения, наслаждалась долгою и благолепием богослужения, любила побеседовать с монахинями, которые и сами вскоре привыкли к ней и привязались за ее добрую, кроткую, смиренную и незлобивую душу. От них Дарьюшка получала помощь и словом, и делом, и утешение в тяжелые минуты жизни.

Так, постепенно, складывался нравственный облик доброй, кроткой, самоотверженной Дарьюшки. Частные перемены в ее

жизни за это время нам неизвестны. Известно лишь, что, чем дальше, тем больше тягот приходилось брать ей на свои плечи, и она, ничуть не отягощаясь тем в душе, охотно несла этот житейский крест с своим обычным кротким смирением и милым незлобием. Брат и сестра Дарьюшки стали подрастать, вместе с тем, умножились заботы о них и думы об их будущем. Да и дед их старел, а, вместе с тем, и материальное благосостояние их, и хозяйство расстраивалось и падало всей своей тяжестью на ту же Дарьюшку. Но Дарьюшка впоследствии мало передавала близким ей лицам обо всем этом, без сомнения, по своей скромности и смирению. Однако, ей действительно было слишком тяжело, подчас почти невыносимо. Но ее кроткая и смиренная покорность воле Божией дала ей силы перенести и эти непосильные тяготы жизни. Вскоре потом ее дед умер. Она сумела одна вести хозяйство, содержать брата и сестру и, наконец, первого женить, а вторую выдать замуж.

Оставшись, таким образом, совершенно одинокой, Дарьюшка почувствовала, наконец, тягости своей безрадостной жизни. Одна, круглая, одинокая сирота!.. И вот, с этого-то времени и начинается ее подвижническое странничество, в котором она опять обрела свое спокойствие и счастье. Месяца по три, по четыре странствовала Дарьюшка таким образом, потом возвращалась в свою мирную хижину и опять становилась неутомимой работницей, заботливо сторожившей всякий случай, где могла кому помочь на счет своего покоя и труда. В каждом ее слове, во всей ее жизни было столько любви ко всякой твари Божией, что сердце ее было преисполнено глубокого чувства жалости, любви, *болезности*, если можно так выразиться, не только к «человекам Божиим» (так она называла всех: и мужчин, и женщин, и детей), но и к животным, и растениям, и к морю, и к насекомым, – везде, во всем она любила дорогое для нее творение Божие. С ней отрадно было поговорить, во всяком горе знавшие ее обращались к ней, у нее искали сочувствий и утешений. Особенно она любила своих «родимых», как она называла нищих и убогих, сирот и вдов. Но этого Дарьюшке было мало. Любящее сердце ее не позволяло ей долго быть одинокой, и

вот, когда уже и брат, и сестра ее умерли, она берет к себе дочь последней – свою любимую племянницу Настюшу, с истинно материнскою любовью заботится о ней, прививает к ней свои добрые душевные качества: кротость, благочестие и смирение. Нередко брала она Настю и в богомолья; впоследствии Настя, достигнув 16 лет, вступила в Горицкий монастырь.

Так долгое время скромно текла жизнь смиренной Дарьюшки, которая, по своему смирению, любила называть себя «худым человеком», «дураком», «сумасшедшим» и т. д. За это время, как она говорила, «носил ее Господь по всем святым местам матушки земли». Уходила ли она или возвращалась из богомолья, первая ее мысль была – святая Горицкая обитель. Особенное влияние имели на Дарьюшку из сестер монастыря матери: Феофания и Варсонофия.

Так, под влиянием Горицкой обители и постоянных странствований по богомольям, складывался и развивался нравственный облик Дарьюшки, ее теплая любовь к Богу и чистая, непоколебимая вера. «Нет Тебя, Господи, краше; нет Тебя добрее», – было ее любимой поговоркой, и с каким умилением она это говорила! Видно было, что вся ее бесхитростная, смиренная душа всеми помыслами и чувствами неслась к Богу. И во всех затруднительных случаях она обращалась к помощи Божией и свв. угодников. В ней не было и тени каких-либо сомнений; душа ее была преисполнена всегда живейшей надежды на Бога, благодарности к Богу, всецелой преданности Его святой воле.

Из своих странствований по богомольям чаще всего Дарьюшка любила вспоминать о Киеве и Соловецком монастыре, куда она ходила более двадцати раз. На возвратном пути из одного такого путешествия в Соловки Дарьюшка натолкнулась на разбойников. Но разбойники не обидели рабу Божию; потом они раскаялись и сами предали себя в руки правосудия.

Во время отсутствия Дарьюшки на богомолье в Киев, высшее начальство, в 1845 году, вытребовало в Петербург инокиню Феофанию, с некоторыми избранными сестрами, в том числе, и Варсонофией, для устройства в Петербурге нового

женского монастыря (Воскресенского). Весть об этом как громом поразила Дарьюшку. Недолго думая, она сама отправилась в Петербург к своим «монашинам-утешницам» и так торопилась, что даже позабыла захватить с собою теплую одежку. Это было зимой 1846 года. Дарьюшке было уже за 70 лет, но свежая и бодрая, дошла она до своих благодетельниц, и с той поры не возвращалась в деревню. Вот бесподобный по своей художественной простоте и глубоко поучительный рассказ самой Дарьюшки об этом событии.

«И побежал он (т. е. Дарьюшка) по дороге в Питер, бежал-бежал, а вот, и широкая волна, по которой, человеки гуторили, ходит огненная труба (т.е. пароход), пока льдинище не затянет воду.

Уж больно холодно стало, а теплой одежки не захватил с собой дурак, вестимо, колды скоро бежишь, так и тепло. Ну, так и добежал он до берегу, смотрит, – стоит какое-то чудище, а из него дымище так и валит, а искры так блестят, и стучит, и шумит и свистит.

Господи Иисусе Христе! Это что такое?

А это и есть огненная труба, что без лошадок скоро ездит, словно птица летит, поучают добрые люди. Ну, слава Тебе, Господи! что научил человеков уму-разуму; живая тварь-то не мучится, а железо да дерево трудятся на пользу Божиих людей. Вот, и убогого человека отвезет огненная труба в Питер к матушкам!»

Добрые люди ее довезли бесплатно, напоили, накормили дорогою и обогрели.

«Так и дошел он, убогий человек, до Питера», а потом Дарьюшка нашла и дорогих матушек.

Так прибыла и поселилась в Петербурге Дарьюшка. Но и здесь не прекратилось ее странничество по местным богомольям, и здесь не окончились ее подвиги ради Бога и ближних. Особенно душа ее болела и изнывала по ее любимым утешницам-монахиням во главе с матушкой Феофанией, на которую было возложено Государем Императором Николаем Павловичем трудное и ответственное дело устройства нового монастыря. И простая Дарьюшка, несмотря на все свое

простодушные и наивность в жизни, своим чутким, любящим сердцем поняла это тяжелое положение новой обители и всю душу свою отдала, чтобы утешить свою любимую матушку Феофанию, и помочь ей в ее горе и затруднениях.

Положение нового монастыря было действительно незавидное. Под него было отведено много места за Московской заставой, но материальной помощи к построению монастыря не было. Положение игуменьи Феофании казалось безвыходным, так что никогда не унывающая Дарьюшка смутилась за свою «генеральшу»².

Но с благословением Божиим, да с помощью людей Божиих выстроили сперва-наперво деревянную церковь на кладбище, да башню. В этой башенке и поселилась Дарьюшка по приказанию и благословению игуменнии, чтобы собирать доброхотные жертвования мимоходящих богомольцев на благоустройство создающейся обители.

«Освятили башню, рассказывала Дарьюшка, украсили святыми образами, кружечку выставили, тарелочку поставили, а мне дураку велели сидеть в башне».

«Пошлет Господь дателя, а ты поблагодари за всякое даяние да в кружечку положи... Наше дело молиться и трудиться, а там Господь все устроит», – говорила Дарьюшке игуменния.

Преданная, любящая Дарьюшка не прекословила и одиноко поселилась в отдаленной от других строений башне. Иногда на смену ей приходили другие старицы, которые, в числе четырех, жили в небольших келейках на кладбище; они же ей и пищу приносили. (Остальные жили временно совсем в ином месте, на Васильевском острове). Непритязательная, скромная Дарьюшка молилась и трудилась, и подаяния собирала, не жалуясь на свое одиночество, выносить которое ей, однако, очень было тяжело. «Летом-то ништо, вспоминала она об этом периоде своей жизни, – а зимой уж больно жутко приходилось: ни птица тебе не прокричит, ни собака не залает, а людей и днем куда мало! Разве проведут когда светлолобых (солдат) мимо, иль мужички с возами проедут, а то странничка Господь пронесет. Только для быков тут была торная дорожка; вишь, гнали их

издалека до быкова места. Иной бедняга так тебе умается, что ажно хромать станет: уж таково же жалко станет бедного быка, и заплачет убогий человек Спасу милостиву: «Господи! да донеси ж ты бедного быка до быкова места».

Так любвеобильна была душа Дарьюшки, жалевшей каждую тварь Божью, болевшей за нее душой и молившейся за нее Богу. Не менее трогательно было отношение Дарьюшки к разбойникам, которых не мало тогда шаталось в этом безлюдном месте. «Иной раз, ночью, – рассказывала Дарьюшка, – темь такая, безлюдность, а вдруг и станут кричать: «помогите! грабят! режут!» Страшно таково станет; выбежит он (т.е. Дарьюшка) на крыльцо, сам дрожит, а моченьки нет терпеть, и станет он кричать, что есть силы: «Господи! помоги Ты бедным людям, вразуми Ты жалостных разбойников!.. Батюшки родимые! помилуйте! не режьте! не губите своих душенек!» А иной раз как выскочат мужики, глаза-то у них так и горят, словно уголья в темноте! да так закричат: «молчи, дура старуха! ступай в свою башню, да и сиди там с своею Царицей Небесной, благодари Ее, что тебя-то не трогают и до казны церковной не касаются. Молчи лучше, а то долго ль до греха»... – «Да не губите себя, кормильцы вы жалостные, не берите греха на душу! Жаль мне вас больно, пожалейте и вы людей Божиих». – «Говорят тебе, ступай в башню, а то и тебе плохо будет».

«Так-то, заключила свой рассказ Дарьюшка, – первый год уж больно он маялся; а там все тише да тише становилось, пока святая обитель устраивалась, а совсем как засадила игуменья монастырь, так совсем стало ничего не слышать».

Подаяния собирались скудно и мало, но иногда попадались Дарьюшке и богатые жертвователи. Однажды посетил ее обер-прокурор Св. Синода, которому Дарьюшка и высказала горе новой обители. После этой беседы со старой Дарьюшкой он побывал у игуменьи Феофании и рассказал ей о своей беседе с Дарьюшкой. А вскоре после того государь приказал выдавать по 25 тысяч рублей в год, пока выстроят келлии с церковью и больницей, а там явились и другие щедрые жертвователи. Так, игуменья Феофания с своими сподвижницами, среди которых далеко не последнее место занимала смиренная Дарьюшка,

выстроила Воскресенский женский монастырь, «все трудами да слезами, молитвою да любовью к каждой душе человеческой», по выражению Дарьюшки.

Не для одних лишь своих утешниц-монахинь, не для одной лишь св. обители жила Дарьюшка и в Петербурге. И здесь она каждую свободную минуту тратила, как прежде, на богомолья. Достигнув престарелого возраста, она обладала необыкновенной быстротой ног и любила ходить, одолевая мороз, зной и усталость. Молодому человеку нелегко было поспеть за ней. Она так никогда и не говорила о себе, что «сходила» куда-нибудь, а всегда «сбегала». Обыкновенно, в Петербурге она любила бегать с Васильевского острова от Благовещенской церкви к обедне к Скорбящей (на углу Шпалерной улицы и Воскресенского проспекта) или в Казанский собор. Чтобы доставить ей это удовольствие, игуменья иногда посылала ее с поручениями: зайти с письмом к кому-нибудь из добрых знакомых, очень дороживших посещениями этой простой, любящей старушки. И замечательно, что куда бы ни послали Дарьюшку, она первоначально шла прямо в Казанский собор, здесь стояла обедню, беседовала с нищими и отсюда бежала к Скорбящей, где опять молилась все время, покуда служились молебны, а потом уже идет по поручению или куда ей надобно. Весьма нередко богатые и знатные люди приезжали к матушке игуменье с просьбой отпустить Дарьюшку погостить у них, особенно, если у кого кто болен, или какое горе. Все любили эту добрую, простую, скромную старушку, с которой и помолиться, и погоревать было отраднее. Часто проходящие с удивлением останавливались и смотрели, как, бывало, в богатых санях сидит в прекрасной шубе важный барин и заботливо поддерживает рядом с ним сидящую сгорбленную старушку в черном коленкорovém шугайчике, или какая-нибудь богато разодетая барыня бережно усаживает эту старушку в свою тысячную карету, прежде чем сесть самой. Да, это была простая, бедная старушка, но ведь она всюду приносила утешение. Да, это была и по наружности маленькая, бедненькая, сгорбленная старушка, с бледным, худеньким лицом в морщинах, впрочем, всегда опрятная, можно сказать,

изящная в своей бедной одежде, но сколько любви, ума, света было в ее голубых глазах, сколько мысли на ее широком лбе, сколько отрады в ее кротком и приветливом, неспешном разговоре. Всех она горячо любила своим бесхитростным, незлобивым сердцем, всем готова была оказать услугу, помощь и утешение, и, по своей смиренной скромности, едва ли даже и сознавала, как она дорога и необходима каждому.

Вообще же, Дарьюшка особенно любила своих «родимых», как она называла нищих и убогих, вдов и сирот. Много добра она им делала, и крепко любили ее за то «человеки Божии».

Такова была всеобнимающая любовь Дарьюшки. Не менее поразительна ее вера, безусловная, отрицающая даже возможность неверия и соединенная со святой простотой, свойственной только детям и ангелам. И любила же она Господа Бога, в Которого верила и на Которого надеялась своим чистым сердцем беспредельно. Особенно знаменательна и трогательна бывала ее молитва, обращаемая к Господу: *«нет Тебя, Господи, краше, нет Тебя добрее!»*

Сила и простота веры Дарьюшки были так велики, что во всяком затруднении, каково бы оно ни было и чего бы ни касалось, она с верой, исполненной смиренного дерзновения, обращалась к неземной помощи и по своей вере получала желаемое, и всякий выход из затруднения объясняла всегда божественной помощью, ничего не приписывая в этом случае себе. Примеры этого мы уже видели выше в ее бесхитростных рассказах. Заблудилась, было, зимой она в лесу и чуть не погибла, когда носила уважаемому пустыннику калачики. Она с дерзновением тогда попросила «батюшку Николу угодника» вывести ее на тропинку, и кустики, по ее словам, тотчас же раздвинулись. Вслед за тем, у нее тотчас же является изумительная по своей сердечной простоте и непосредственности благодарность: «спасибо тебе, Никола, угодник Божий». Ее беспредельная вера ни на минуту не позволяла ей усомниться в божественной помощи. По ее представлению, угодники Божии всегда подле нас, всегда готовы оказать нам помощь, заступление, услугу. «Авось, Бог милостив, Николу чудотворца пошлет», – рассуждает она в

другом своем затруднении. Встреча Дарьюшки с разбойниками, путешествие ее в Петербург к матушкам, не говорит ли все это о беспредельной, бесхитростной вере русской странницы, вере, проникавшей все ее существо?

Не менее поразительно было смирение Дарьюшки. Когда она называла себя «дураком», «худым человеком», «сумасшедшим», а она иначе себя и не называла, то она, видно было, сама себя такую именно и считает, и иначе на себя смотреть не может. Вот один из примеров ее кроткого, бесхитростного смирения. Однажды та же «хорошая матушка» взяла ее к обедне на архиерейское подворье к любимому всеми преосвященному. Дарьюшка, всю дорогу сидя в карете, радовалась, что увидит «хорошую службу». Но, когда, после обедни, пошли в комнаты к преосвященному, то она так оробела, что не уступала никаким убеждениям и ни за что не хотела идти в гостиную, даже рассердилась чуть не до слез, когда ее стали принуждать. Пришлось идти без нее; приняв благословение от любимого архипастыря, сообщили ему о Дарьюшке и ее отказе. Архипастырь, с свойственным ему благодушием, поспешил оставить гостей и выйти в переднюю к бедной Дарьюшке.

– Отчего же ты не хочешь идти ко мне, старушка? Ступай-ка сюда.

– Да колды, батюшка, худому человеку ходить, где набольшие сидят? Как бы не выгнали.

– А вот увидишь как. Ступай за мной. – Привел ее в гостиную преосвященный и посадил подле себя на кресло.

Сидит Дарьюшка и не шевельнется, и голову понурила.

– А что, старушка, – спрашивает ее преосвященный, – была ты в храме Божиим?

– Как же, батюшка, была.

– И Господь принял тебя, и не приказал прогнать?

– Колды уж тут выгонять? Нет Его добрее! Только бы шли к Нему, а Он рад всех принимать.

– Ну вот, видишь ли, старушка Божья, – заметил тогда преосвященный, – если Господь рад видеть тебя в Своем

храме, то как же мне выгонять тебя из своих хором? Ведь я такой же человек, как и ты, и от Того же Бога получаю милости.

Лицо Дарьюшки просветлело; она подняла голову и весело сказала:

– Ой, какой же ты разумный, батюшка, даром, что набольший!

Когда Воскресенский монастырь был уже отстроен совсем, каждой инокине дали по келлии, «по светлому и приятному уголку», выражаясь словами Дарьюшки. Только Дарьюшка не имела особого уголка своего, а переходила от одной сестры к другой, и все с радостью привечали добрую старушку. Но сама она стала уже тяготиться своей скитальческой жизнью и отсутствием покойного своего уголка. Сказывались уже престарелые годы и подвиги всей ее многотрудной жизни. Заметив желание Дарьюшки иметь свой уголок, игуменья Феофания воспользовалась этим, чтобы убедить старушку принять постриг.

«И таковы-то добрые до меня матушки, говорила Дарьюшка, все-то, что ни на есть приготовили: на окошечке-то белая занавесочка и беленькая постелька с подушечкой в уголку, и столик, а на столике курганчик (самовар) и чашечки, чайку и сахарку не забыли, а в правом углу киота с иконой, и лампадка перед нею теплится, все как ни на есть монаху приготовили. Спаси их, Господи, не забудь их, как они не забывали меня, бедную сиротину! Вот так и стал он в своей келлии жить, Бога благодарить да в путь собираться, когда Господу угодно будет по душеньку послать».

Так окончилась скитальческая жизнь Дарьюшки, и она с именем старицы Исидоры заняла уже свой определенный покойный уголок, которого никогда еще не имела в жизни, в своей излюбленной Воскресенской обители, подле милых своих матушек.

Приблизительно спустя месяца четыре после иноческого пострига Дарьюшки, когда ей было около 80 лет от роду, в 1854 году 1 июля в 12-м часу, тотчас после принятия св. Христовых Таин, прохворав только одни сутки, Дарьюшка скончалась от холеры.

Когда стало ясно, что наступают последние минуты старицы Исидоры, все еще более известной под прежним именем Дарьюшки, весь монастырь поспешил проститься с любящей и любимой всеми старушкой. Слова любви, смирения и простоты не иссякали в ее устах и сердце до последнего вздоха. Пришла проститься и ее любимая игуменья, которую с любовью и благоговением Дарьюшка просила благословить в дальний путь. Никто из присутствовавших не мог удержаться от слез.

Между тем, Дарьюшка торопила, чтобы ее причастили поскорее. Когда ее духовный отец и друг стал произносить молитву ко св. причащению, Дарьюшка повторяла святые слова громким, никогда до тех пор неслыханным голосом, служившим выражением ее прекрасной души, полной простой веры и нескончаемой любви, лицо, взор, голос просветлели неземным вдохновением, предвкушением небесного блаженства. Невольный трепет благоговения овладел присутствовавшими. Дарьюшка же шептала с чувством: *«нет Тебя, Господи, краше, нет Тебя добрее»*. Все плакали у изголовья умирающей.

Вслед же за этим, Дарьюшка тихо предала дух свой Богу, Которого она так возлюбила от самой юности своей. Отпевали Дарьюшку с великими почестями. Ее «благословенная» игуменья, матушка Феофания, и «старица-утешница», мать Варсонофия, ничего не жалели при ее жизни, чтобы утешить ее, «аки малого младенца», и с такой же бесконечной любовью проводили на место вечного упокоения. Каждому хотелось хотя немного понести на себе гроб сердечно оплакиваемой старушки и прощались с ней с искренними рыданиями. В тот же день много нищих, которых Дарьюшка так жалостливо любила при жизни, было угощено поминальной трапезой и деньгами в память новопреставленной старицы Исидоры.

И теперь можно видеть неподалеку от новой кладбищенской церкви Воскресенского монастыря, среди могил других инокинь, деревянный крест с надписью: «Матери Исидоре от ее друга».

Упокой, Господи, душу рабы Твоей, странницы Дарии, в инокинях Исидоры³!

Архимандрит Лаврентий, настоятель Иверского Новгородского монастыря

(Память 2 июля).

Село Кузьминское, Орловской губернии, Кромского уезда было родиной о. архимандрита Лаврентия, в мире Дмитрия Иоанновича Макарова. Здесь в 1808 году родился он в семье бедных родителей. Отец его Иоанн был причетником при храме села Кузьминского, мать его Феодосия была доброй сотрудницей своему мужу. Кроме сына Дмитрия имели они много детей и, угнетаемые нуждой при большом семействе своем, проводили жизнь свою в трудах и лишениях. Иоанн, исполняя причетническую должность при сельском храме, не чуждался и земледельческих работ, служивших главным источником пропитания для него и его семьи. Сам, ходя за сохой, приучал к ней и своих детей-малолеток, которые ему в этом помогали по своим силам, погоняя лошадь в сохе. Феодосия была рачительная хозяйка и всячески старалась о благоустройстве своего дома; была женщина глубоко религиозная, постница и молитвенница, и, несмотря на положение мирской замужней и многосемейной женщины, обладала многими, редкими в мире, добродетелями. Родившись в бедной семье, с ранней юности испытал все тяготы крайней бедности, Дмитрий Иоаннович приобрел опытное знание лишений житейских и мог вполне от души сочувствовать впоследствии всякому бедному в его нуждах. Тут взяла начало та великая добродетель нищелюбия, которая отличала его на всех путях его жизни. Еще мальчиком, имея прекрасный голос, помогал Дмитрий своему отцу в пении церковном на клиросе и, как смысленный от природы, скоро изучил церковную грамоту под руководством родителя, в досужие часы от службы и хозяйства занимавшегося обучением детей, как своих, так и сторонних – крестьянских. В этом обучении Дмитрий потом был деятельным помощником своему отцу, в чем проявлял особую способность и терпение. Приготовленный дома родителем, Дмитрий был определен им в Орловское духовное училище.

Отрок Димитрий прилежно учился в Орле и радовал родителей своих своим прилежанием и успехами. Как отличный по способностям ученик, поступил он в Орловскую духовную семинарию. Окончив отлично курс в Орловской семинарии, Димитрий Макаров, отличавшийся блестящими способностями и благонравием, в сентябре 1831 года переведен был в Киевскую духовную академию; поступив в нее после преобразования, изучал в ней богословие, философию, церковную и всеобщую словесность, церковную и гражданскую историю, и языки: еврейский, греческий и французский. Был всегда исправным в занятиях, дружелюбным в товариществе и отличался особенно кротостью, сострадательностью и любовью ко всем. За его любовь, готовую немощи ближних носить до самоотвержения, еще на академической скамье товарищи прозвали его «отцом», и это прозвание сохранилось за ним навсегда. Так, заболел ли кто из товарищей в академии, – Макаров первый являлся посетить больного, облегчить, чем можно, его страдания, рассеять беседой своею больничную его скуку, и, если больной был опасен, то участие к нему Димитрия Иоанновича усугублялось, – он самоотверженно служил таковым, не щадя ни своего здоровья, ни своего покоя.

Димитрий Иоаннович отличался еще глубоким смирением, которое, по мере возраста его и успехов учебных, не только не умалялось, но еще более увеличивалось. Смирение его было искреннее и безыскусственное. Раз, Димитрий Иоаннович был старшим дежурным по классу; в это время случился беспорядок в другом отделении, ему неподведомом. Ректор академии, архимандрит Иннокентий (Борисов), впоследствии архиепископ Херсонский, не разобрав дела, сделал ему строгий выговор. Макаров молча выслушал с потупленным взором незаслуженный выговор и затем, смиренно поклонившись отцу ректору, попросил у него извинения.

Седьмой выпуск Киевской духовной академии, к которому принадлежал студент Макаров, отличался даровитыми личностями, занимавшими впоследствии видные места в Русской Церкви. Между студентами, окончившими курс в этой академии в 1835 году мы видим: Климента Муретова,

впоследствии Дмитрия, архиепископа Херсонского, Алексея Ильинского, впоследствии Евсевия, архиепископа Тверского, Павла Бортовича, впоследствии архимандрита Афанасия, Дмитрия Макарова, впоследствии архимандрита Лаврентия, Василия Курковского, впоследствии профессора академии, Петра Попова, впоследствии Парфения, архиепископа Иркутского, Платона Троицкого, впоследствии Петра, епископа Аккерманского. Дмитрий Иоаннович, считавшийся по списку четвертым, был одним из даровитейших студентов этого курса. 17 октября 1835 года студент Макаров был утвержден комиссией духовных училищ в степени магистра богословия и словесных наук, и определен бакалавром Киевской духовной академии по церковной истории. Студентам 9 курса Киевской духовной академии довелось слушать его лекции и быть первыми ценителями его профессорских способностей.

Ректор академии архимандрит Иннокентий часто посещал лекции профессоров и всегда одобрял лекции Дмитрия Иоанновича.

27 мая 1838 года бакалавр Макаров определен был помощником инспектора академии. По этой должности он каждодневно присутствовал в столовой при обеде и ужине студентов, также при чтении ими утренних и вечерних молитв. Любвеобильное отношение к ближним особенно сказалось в Макарове при этой должности: он был не столько начальником, сколько отцом студентов, и за то пользовался любовью и уважением.

В то время на святительской кафедре Киевской митрополии находился муж богоугодный, митрополит Филарет (Амфитеатров), принимавший всегда живое участие в делах Киевской духовной академии. От его пастырского взора не утаилась благая деятельность преподавателя Макарова, и его смиренная личность полюбилась святителю. В 1840 году, по его ходатайству, изъявлено Макарову одобрение Святейшего Синода за ревностное прохождение службы по академии. В 1841 году, м. Филарет, во внимание к небогатому состоянию Дмитрия Иоанновича, уделявшего из своих средств еще на содержание своих бедных и престарелых родителей,

исходатайствовал ему денежную награду в 130 рублей серебром. 10-го ноября того же 1841 года, по представлению правления Киевской духовной академии, за «отличное преподавание порученного ему предмета» бакалавр Макаров возведен в звание экстраординарного профессора исторических наук. 31 декабря того же года, после ревизии Киевской духовной академии преподано профессору Макарову благословение Святейшего Синода «за усердную деятельность и трудолюбие в исполнении своих обязанностей, и за особое споспешествование благопроцветанию Киевской духовной академии». Дмитрий Иоаннович во все время службы своей в Киевской академии, жил в ней чисто по-монашески, не любил участвовать в веселых обществах сотоварищей-профессоров, удалялся развлечений мирских, редко даже когда выходил из стен академии в город, разве по неотложному какому делу.

Смиренный и безответный, Дмитрий Иоаннович не только ревностно исполнял обязанности службы своей, но еще и помимо ее много работал безвозмездно для ректора академии архимандрита Иннокентия Борисова, который давал ему литературные занятия (составление отчетов о духовно-литературных сочинениях), что иногда очень его затрудняло и отнимало у него свободное время, нужное для покоя. Преосвященный Иннокентий, впрочем, вполне ценил труды Дмитрия Иоанновича и впоследствии всегда благосклонно и милостиво к нему относился, называя его добрым своим сотрудником.

Проводя жизнь целомудренную и уединенную, выглядывая по нраву своему совсем монахом, Дмитрий Иоаннович, тем не менее, не спешил дать обет монашества. Этому причиной было то же его глубокое смирение и высокое благоговение к монашеству. Нередко ректор академии, преосв. Иннокентий, предлагал ему принять монашество, как более всего свойственное наклонностям его души. Всякий раз Дмитрий Иоаннович отговаривался своим недостойнством и негодностью к этому святому званию. Сам митрополит Филарет при свиданиях не раз заговаривал с ним о монашестве, старался склонить скромного профессора променять сюртук на рясу, но

Димитрий Иоаннович все медлил, все отказывался своею неготовностью. А что готов он был духовно, хорошо знал об этом владыка через старца-подвижника Киево-Печерской лавры, иеросхимонаха Парфения, своего духовника, который издавна был также духовником и Димитрия Иоанновича.

Наконец, в начале 1843 года подал он прошение в совет академии о дозволении ему принять на себя сан монашеский. Дозволение, конечно, последовало 22-го мая 1843 г. Распоряжение было сделано. Сам первосвященитель Киевский митрополит Филарет пожелал своеручно постричь профессора Макарова в иночество. В том же 1843 году 10 августа, на ближних пещерах Киево-Печерской лавры, в пещерной церкви преп. Антония, что подле его многоцелебного гроба, митр. Филарет постриг Димитрия Иоанновича в мантию и наименовал его Лаврентием, в честь празднуемого в тот день св. мученика и архидиакона Лаврентия. Духовник Киево-Печерской лавры иеросхимонах Парфений при постриге был приемным отцом ему от св. Евангелия, и ему молитвенно поручил владыка новопостриженного инок. С тех пор 10 августа было особенно святочным для о. Лаврентия днем, который он до конца дней своих всегда чтит молитвенно, благодаря всеблагого Господа, что сподобил его в этот день взять на себя иго Его благое и легкое по благодати. 14 августа того же 1843 года, на праздник преп. Феодосия Печерского, митр. Филарет служил в великой соборной церкви Успения Богоматери в Киево-Печерской лавре и рукоположил о. Лаврентия в иеродиакона, а 15 августа того же года, на праздник Успения Богоматери, в той же великой соборной лаврской церкви рукоположил его в иеромонаха. Таким образом, в течение одной недели, бывший профессор Макаров стал и иноком, и священником. При таковых мудрых наставниках, каковыми были митрополит Филарет и иеросхимонах Парфений, не оставлявшие его своим руководством, нет сомнения, явил он в себе достойного исполнителя всех правил и законоположений как монашества, так и священства. – До мая 1844 года, продолжая училищную службу свою в академии, о. Лаврентий не оставлял и подвигов священноиноческих.

Митрополит Киевский Филарет, знавший о. Лаврентия, хорошо видел, что училищная служба в академии – не то поприще духовное, на которое предназначен он свыше. Он пожелал сделать его наместником Киево-Печерской лавры, своим ближайшим помощником в управлении ею. 31-го мая 1844 года последовал указ Святейшего Синода, коим иеромонах Лаврентий был определен наместником Киево-Печерской лавры, с возведением его в сан архимандрита, с степенью 1-го класса, и с увольнением от должности профессора академии. 10 июня 1844 года о. Лаврентий возведен митрополитом Филаретом в сан архимандрита и переселился из академии в Киево-Печерскую лавру, столь близкую его душе.

Труды Киево-Печерской лавры, хотя и другого рода, чем в академии, были, однако, нелегки для о. Лаврентия.

Любил о. Лаврентий продолжительные и чинные богослужения Лавры и неустойчивым бывал при этом, несмотря на всегдашнюю, вообще, слабость своего здоровья. Предстоятельствуя по званию наместника Лавры во всех праздничных богослужениях, он редко пропускал какое всенощное бдение, чтобы не служить в великой соборной лаврской церкви Успения Богоматери. Также и литургии в праздничные и воскресные дни там служил сам, не только летом, но и зимой, когда это сопряжено с немалой опасностью для здоровья, так как собор Лавры холодный и не отапливается зимой. В Лавре есть теплые церкви, где служба церковная тоже совершается зимой, для удобства старших и, вообще, немощных братий; но о. Лаврентий, по уважению своему к великой соборной лаврской церкви, прославленной столькими чудесами, предпочитал служить в ней по праздникам и вообще считал хождение в нее к службам за особое благодатное утешение себе. И благодать Божия видимо хранила его; при всей слабости здоровья, он служил без вреда и зимой. В среды еженедельно бывает в Киево-Печерской лавре соборное чтение акафиста Успению Богоматери, пред чудотворною иконою Успения, дивно дарованною Богоматерью здателям этой церкви в видении в Царьграде. Акафист этот совершается пред

литургией и отличается своею торжественностью и умиленностью своего напева, древнеболгарского. О. Лаврентий очень любил его и всегда старался сам читать этот акафист, причем, нередко так увлекался чтением, шедшим у него от сердца, пламеневшего любовью к Богородице, что не замечал, как слезы текли у него из глаз и увлажняли его лицо.

Особенно благорасположен был о. Лаврентий к тем лицам из числа иноков Лавры, в которых примечал подвижничество. С прозорливостью, подчас замечательной, проникал он во внутренний строй жизни таковых лиц и старался поставлять их в такие положения, на которых они могли бы возрасти и преуспевать духовно. Так, в нестаром еще летами лаврском иеромонахе Алипии, выходец Оптиной пустыни, полагавшем там иноческое начало под руководством старца-подвижника иеромонаха Леонида, в схиме Льва, о. Лаврентий усмотрел доброго подвижника и, совершенно неожиданно для него, начал предлагать ему принятие схимы и послушание братского духовника в Лавре.

Из святопочивших лаврских старцев-подвижников его дней можно еще указать на бывшего экклисиарха Лавры архимандрита Мелетия Антимона и иеромонаха Иннокентия, которые верно шли путем преподобных Печерских и оставили по себе благую память в Лавре своим святым подвижничеством, мудростью духовною, усердием к богослужению и подвигам молитвенным. Тогдашний священноархимандрит Киево-Печерской лавры Филарет, митрополит Киевский, сам великий подвижник, любил подвижников и покровительствовал им. При нем в Лавре процветал великий благодатный старец иеросхимонах Парфений, этот дивный образец совершенства духовного в XIX веке. И вот, всецело проникнутый духом и учением таких двух светил подвижничества духовного, о. Лаврентий всячески старался, при управлении Лаврой, действовать во всем согласно с их духом, желаниями и указаниями, что и внесло во дни его наместничества подвижничество направление в среду лаврского иночества. Это была великая заслуга для Лавры о. Лаврентия, и святые основатели Лавры преп. Антоний и Феодосий оценили ее по

достоянию, являя ему особое свое небесное благоволение. Так, однажды произошло некоторое смущение среди старшей братии Лавры, дошедшее и до владыки-митрополита. О. Лаврентий очень скорбел по этому случаю. В скорбном настроении духа пошел он к утрени в великую лаврскую соборную церковь и, стоя там на своем месте в алтаре, во время чтения полунощницы, горестно размышлял о том событии, которое было причиной его скорби, мысленно обвиняя себя в излишней мягкости и доброте к братии, что не умеет начальствовать строго. При этом, он подумал, что своею мягкостью и добротой не только вредит братии, но и оскорбляет преподобных Антония и Феодосия, и впервые решил, что лучше будет ему просить у митрополита увольнения от наместничества в Лавре. Решил, но сейчас же и подумал: а что, если это решение негодно Богу и Его угодникам, преподобным Антонию и Феодосию. Недоумевал он, как верно поступить ему, верно исполнить волю Божию и святых. В этом раздумье как бы задремал он и видит пред собой в свете небесном преподобного Феодосия, который, благословляя его именовсловно, кротко сказал: «Бог благословит удалиться тебе от наместничества на другое послушание; мы не скорбим на тебя за это: ты верно исполнил заповеди Христовы в твоём начальстве у нас, миловал ближних и нищих, за что и Господь тебя помилует, и мы тебя не забудем молитвенно». Очнувшись, о. Лаврентий никого не видел пред собой, но в душе своей почувствовал мир и покой. После вышеупомянутого смущения в среде старшей лаврской братии, произошла денежная растрата у казначея лаврского, к которой о. Лаврентий, хотя и был вполне беспричастен, однако ответственность за эту растрату пала и на него, и сам владыка-митрополит сделал ему выговор за невнимание по должности. Выговор митрополита был справедлив, что сознавал и о. Лаврентий, и скорбел сильно. Не раз собирался он просить у митрополита уволить его от должности наместника, но все никак не осмеливался. От сильной скорби, разных неприятностей и недовольства собой, у него сделалась мучительная лихорадка, доводившая его нередко до совершенного изнеможения. Эта лихорадка с тех пор стала

неизменной спутницей всей его жизни и до самой смерти не переставала посещать его, особенно при скорбных и тревожных для него событиях жизни. Митрополит Филарет, с обычной прозорливостью своей, давно видел, что тягости наместнической должности не по силам немощному о. Лаврентию, и что он смущается на ней разными непосильными ему искушениями; поэтому сам предложил ему променять должность наместника Лавры на место более спокойное и уединенное, – предложил ему быть настоятелем древнего Киево-Выдубицкого монастыря.

Любвеобильный владыка-митрополит озаботился, так как Выдубицкий монастырь 2-го класса, сохранить в нем за о. Лаврентием степень архимандрита 1-го класса, и, с согласия его, исходатайствовал у Святейшего Синода назначение его на должность настоятеля Выдубицкого монастыря с степенью лично первого класса, и, таким образом, устроил его близ себя и Лавры, в которой он мог всегда часто бывать, служить с ним по-прежнему, и вообще не чувствовать особого лишения в разлуке с близкой сердцу его лаврской святыней. О. Лаврентий не знал, как благодарить Бога и милостивого владыку-митрополита – своего благодетеля за такое великое ему благодеяние. Он видел в этом перемещении ясно волю Божию и небесное предстательство о нем Богоматери и преподобных Антония и Феодосия, и как бы исполнение тех слов последнего, которые сподобился он услышать от него в видении. Митрополит Филарет, впрочем, всегда жалел, что о. Лаврентий не мог долее быть наместником в Лавре, и впоследствии говорил о нем так: «жаль мне, что о. Лаврентий слишком добр и снисходителен для Лавры оказался, и за свое наместничество в ней, можно сказать, расплатился своим здоровьем, все на себе одном перенося, почему пришлось мне его пожалеть и водворить на более покойном месте; но должен сказать, что, по своему подвижническому житию и направлению, очень полезен был он в Лавре, хотя и неискусный был администратор. Он более на схимника походил по нраву, бывши наместником, но в этом не его вина». Перемещение о. Лаврентия в Киево-Выдубицкий монастырь состоялось в 1852 году. Прожив в Лавре

в качестве ее наместника целых восемь лет, сроднившись с нею по душе, не без грусти расстался он с ее стенами, и единственным утешением ему при этом была близость Выдубицкого монастыря от Лавры и возможность бывать в ней часто.

Два года судил Господь о. Лаврентию пожить уединенно в Выдубицком монастыре, и эти два года считал он лучшим временем своей жизни. Во все воскресные и праздничные дни обычно ездил он в Лавру для сослужения с митрополитом Филаретом, нередко и в непраздничные дни посещал его по его зову, ибо любил его богомудрый святитель и подолгу беседовал с ним в свободное от занятий время. Дома, в Выдубицком монастыре, жизнь о. Лаврентия шла тихим, неизменным порядком: утро было у него занято молитвой и присутствием в храме Божием при богослужении, которое неопустительно он посещал; иногда ранним утром, после утрени, любил он погулять по монастырскому саду, между могил, где, напевая вполголоса свою любимую Трисвятую песнь, углублялся в думы о загробной участи человека и этим размышлением приготавливался к благоговейному слушанию ранней Божественной литургии; затем кушал чай, занимался делами монастыря, принимал посетителей, и время незаметно уходило у него до обеда. Скромно пообедав, с обычной умеренностью своей в пище, о. Лаврентий ложился на часок отдохнуть, затем шел к вечерне, после которой опять отправлялся прогуливаться по садам и окрестностям монастыря; иногда ездил на мельницу монастырскую, в поле, в лес, но чаще всего любил сидеть в беседке, устроенной над обрывом горы к Днепру, откуда открывается очаровательный вид на быстрые воды этого русского Иордана и на все обширное Заднепровье. Здоровье о. Лаврентия, под влиянием чистого и здорового воздуха, в Выдубицком монастыре несколько поправилось: нервы его укрепились, и нервная лихорадка не так часто стала его посещать, как это бывало в Лавре. Состояние души его тоже стало ясно обнаруживать зрелость духовную.

26 апреля 1854 года указом Святейшего Синода архимандрит Лаврентий был назначен настоятелем Иверского

Валдайского первоклассного монастыря Новгородской губернии. Назначение это было неожиданно для о. Лаврентия и поразило его немалой скорбью.

22 июня 1854 года совершил о. Лаврентий последнюю литургию в Киево-Печерской лавре, на ближних пещерах, в пещерной церкви преп. Антония, там, где он был некогда пострижен в иночество. С обильными слезами прощался он здесь с святынями Лавры, с преподобным старцем иеросхимонахом Парфением, доживавшим тогда при этих пещерах последние свои дни, с пещерной братией, в которой было столько близких ему по духу лиц. После литургии членами Киевской духовной академии был устроен о. Лаврентию прощальный обед, который почтили своим присутствием митрополит Киевский Филарет и многие именитые духовные и светские лица Киева и Лавры. Провожать своего бывшего наместника-отца подвиглась почти вся Лавра.

Продолжительное путешествие, соединенное с сильной скорбью душевной от разлуки с Киевом, с академией, с Лаврой, с Выдубицким монастырем, с грустными впечатлениями посещения родины, могил родителей, свиданий с родными, весьма вредно отозвались на здоровье о. Лаврентия по прибытии его в Иверский монастырь. С 17 августа целый месяц жестоко мучила его нервная лихорадка, иногда по целым суткам не давая ему покоя. Неизвестно, чем бы кончился для него этот тяжкий недуг, если бы Бог не послал ему на помощь опытного врача, жившего в городе Валдае, хорошего практика, преклонных уже лет. Врач, хотя не сразу, но верно постиг его болезнь, удачно и скоро его вылечил. С тех пор завязалась между врачом и о. Лаврентием самая задушевная и искренняя о Христе приязнь, которая много помогла о. Лаврентию примириться с новым местом служения.

Но, к прискорбью о. Лаврентия, этот новый его друг и собеседник недолго прожил при нем: в том же году 22 декабря он скончался от холеры и был с любовью и многими слезами погребен о. Лаврентием в Иверском монастыре. Потеря его легла новой тяжестью на его наболевшую душу и прибавила ему скорбь к скорби. Только деятельные труды по

благоустройству внутреннему и внешнему вверенной ему обители Иверской несколько еще развлекали о. Лаврентия в это невеселое для него время. С обычной ревностью своей принялся он за дело благоустройства своей обители, которую нашел он в положении далеко не блестящем.

Возложив всецело на Богоматерь, свою всегдашнюю неизменную Покровительницу, имени Которой посвящен и Иверский монастырь, он не унывал, хотя и не видел средств в обители все это исполнить. Чинное и благоговейное богослужение о. Лаврентия, его кроткое и милостивое со всеми обхождение, чуждое всякой гордости, его богомудрая христианская беседа, вскоре приобрели ему многих знакомых, друзей, почитателей и духовных детей, которые по первому его слову готовы были исполнить его благие желания и даже предупреждали их своим исполнением. По его стараниям Киево-Печерский лаврский напев в его обители введен был в некоторые дни, когда бывало много богомольцев. Для братии, иноков и послушников был он чадолюбивым отцом; внимательно вникал в положение каждого из них, умел делать их откровенными с собою не столько строгостью, сколько любовью, исправлял их неисправности и пороки, исправных любил поощрять, неисправных миловал, как немощных членов своей общей семьи, и никогда не осуждал их строго; входил в келейные нужды каждого; братий с подвижническим настроением умел руководить к преуспеянию духовному; прозорливо проникал иногда одним взглядом в душевные тайники людей при нем живших, давал им послушания, соответствующие их способностям, которые предузнавал всегда с редкой проницательностью. Иной послушник начнет отказываться от какого-либо послушания, порученного ему, уверяя, что оно ему не по силам. О. Лаврентий, бывало, кротко улыбнется и скажет ему: «потерпи еще, брат, немного эту тяготу, потерпи для Матери Божией, и Она тебе поможет». Действительно, так и выходило: тот же послушник свикался потом со своим послушанием, делался в нем опытен и полезен для обители. Редко кого удалял из своей обители о. Лаврентий: с самыми строптивыми и порочными умел обходиться с такой

лаской и добротой, что они видимо исправлялись и улучшались под его отеческим надзором. Для посетителей Иверской обители, как знатных, так и простолюдинов, у о. Лаврентия всегда был радушный прием, и как сам рожденный и воспитанный в сельской среде, умел он вести разговоры с крестьянами: они питали к нему искреннюю любовь и уважение, звали его не иначе, как «своим батюшкой» и во всякой беде, скорби или нужде прямо к нему прибегали: кто за советом, кто за утешением, кто за помощью нравственной или материальной, и добрый о. Лаврентий никогда никому не отказывал в этом, давал и давал без счета, уповая на милость Божию и на обетование, что рука дающего не оскудевает, что и сбывалось над ним всегда. Он никогда ни у кого ничего не просил, никогда не подыскивал богатых благотворителей для своей обители, всех равно ласково и нелицеприятно принимал, угощал, утешал, назидал, чем мог, и во всех своих нуждах на Бога и Пресвятую Богородицу всю свою надежду возлагал молитвенно, и по молитве его, все нужное для него являлось невидимо: находились и благотворители, и жертвователи, которые исполняли все благие его предначинания и желания касательно благолепия и благоустройства Иверского монастыря, его храмов, зданий, утвари, ризницы, одним словом – всего того, в чем чувствовалась надобность.

В Иверском монастыре он сделал весьма много для его внутреннего и внешнего благосостояния. В 1858 году сделана им серебряная рака высокой, художественной работы академика Верховцева, для святых мощей святого праведного Иакова, Боровичского чудотворца, стоимостью в 5,850 р.; затем на чудотворную икону Иверской Богоматери сделана золотая риза с драгоценными камнями, высокой, художественной работы того же академика, стоимостью в 15,600 р.; исходатайствованы в 1861 году у казны острова на Валдайском озере с огромным лесом, которые составляют красу обители и прочное обеспечение для нее во всех хозяйственных ее потребках; вычищен и позолочен иконостас в соборном храме монастыря; куплено для него новое изящное, посеребренное паникадило, стоимостью в 1,000 р.; установлены с Высочайшего

разрешения крестные ходы с чудотворной Иверской иконой, которую стали носить из Иверского монастыря в гг. Демянск и Боровичи, и теперь она ежегодно с 21 мая совершает шествие свое по этим городам и сопредельным с ними селам, что доставляет духовное утешение их жителям и немалую пользу вещественную для Иверского монастыря. Много утвари и ризницы ценной приобретено при нем для обители; все храмы ее обновились благолепием как внутренним, так и внешним; много зданий жилых в ней исправлено, обновлено, вновь сооружено; самое число братий в Иверском монастыре почти удвоилось во дни настоятельства о. Лаврентия, что дало ему возможность улучшить пение в обители, сделать службу Божию в ней благолепной, порядок примерный, так что посетители из Петербурга и Москвы, бывавшие прежде в Иверском монастыре и потом посещавшие его при о. Лаврентии, не узнавали его и бывали поражаемы тем порядком и благочинием, с каким совершалось в нем богослужение. Улучшено хозяйство Иверского монастыря во всех отношениях, ибо о. Лаврентий, как сам сельский уроженец, был не чужд многих хозяйственных знаний и в обители своей прилагал их к делу с умением и пользой. Вообще, добрый труженик много сделал для Иверского монастыря во дни своего настоятельства в нем.

О. Лаврентий, пока служило его здоровье, не чуждался и общества, бывал у многих в Валдае, «своем городе», как он его звал по близкому соседству его с Иверским монастырем, также и у окрестных помещиков. Посещения эти были обычно вызываемы какими-либо особенными жизненными обстоятельствами посещаемых.

Нищелюбивый всегда, он устроил в Иверском монастыре странноприимницу, где принимал и успокаивал странных и нищих во множестве. При нем обитель Иверская кормила тысячи народу и не оскудевала в средствах, напротив – богатели и благоукрашались. При о. Лаврентии была она «полною чашею».

Таким образом совершая свой путь жизненный, о. Лаврентий восходил от силы в силу, достигал видимо совершенства духовного, которое сказывалось в нем особенно

восторженностью молитвенной при богослужении: он еще во плоти как бы воспарял на небо чистой душой. Пока он был в силах, то служил во все праздничные и воскресные дни «соборне» со старшей братией своей обители. Любил он чинное соборное служение и говорил, что напоминает оно ему всегда ту божественную тайную вечерю, за которой впервые была совершена святая евхаристия Спасителем нашим и Господом в соборе избранных Его учеников. С особым умилением и слезами читал он также всегда акафист Богоматери пред чудотворной Иверской Ее иконой.

До конца дней своих о. Лаврентий всегда глубоко уважал иеросхимонаха Парфения, восторженно отзывался о его святой, подвижнической жизни, в беседах с посетителями нередко приводил мысли и слова этого старца, чем-либо замечательные в духовном отношении, основываясь на них, как на истине несомненной, приобретенной долговременным опытом мудрого и духовного подвижника. Особенно любил о. Лаврентий и высоко почитал преосв. Филарета, митрополита Московского, называя его столпом православия, украшением св. Церкви и ревновавшим добродетелям.

Снисходительность архимандрита Лаврентия к согрешающим братьям была трогательная. Так, однажды был у него в гостях один хороший его знакомый. После обеда вышел с ним погулять о. Лаврентий по монастырю, в то время, как вся братия отдыхала послеобеденным сном. И вот, около святых ворот видят они послушника из крестьян, трудолюбивого и усердного, но бывавшего по временам в нетрезвости и теперь лежавшего без чувств. Глубоко вздохнул о. Лаврентий и набожно перекрестился; потом, осмотревшись вокруг и видя, что никого нет и никто их не видит, говорит своему гостю: «пойдем, подыдем его и доведем до келлии. Если никто не встретит нас, значит Царица Небесная простила его, впадшего в искушение». И вот, любвеобильный старец, при помощи гостя своего, подымает опьяневшего брата, сохранно доводит его до его келлии, укладывает его там, и, так как никто не встретился им на пути, решает, что Матерь Божия прощает ему эту вину, почему и не возмущается ею, а как любвеобильный отец лишь

желает и молится, чтобы вперед с братом этого не случилось. Всегда при своем настоятельстве поступал он подобным образом, обличая более любовью, чем строгостью, и полагаясь не столько на себя, сколько на Богоматерь, имени Которой посвящена св. обитель. Тот же гость, близкий к о. Лаврентию человек, сохранил в воспоминании своем о нем еще другой, такого рода, трогательный случай. В 1871 году погорели две деревни, соседние к Иверскому монастырю. Погорельцы наполнили монастырь и, зная милосердие о. Лаврентия, осаждали порог его келлии с просьбами о помощи. О. Лаврентий разделил им все, что тогда имел у себя под рукой из денег; но вот, через день приходит еще семья, которая по болезни не приходила с прочими. О. Лаврентий знал всех, и оказалось действительно, что этим не было дано и что они нуждаются, а дать, между тем, было уже нечего. Взгрустнулось любвеобильному старцу. Он обласкал пришедших, просил их погостить в обители день-другой, помолиться Царице Небесной, обнадеживая их, что Владычица наша Богородица не откажет им в требуемой помощи. На другой день, гостивший в селе Едрове у зятя своего В.В. Епишкина, приехавший из Петербурга И.П. Лесников, утром говорит ему: (прокатимся в Ивер, что-то пришла охота». Несмотря на самую ненастную погоду, поехали, а расстояние 24 версты. Только что приехали в Иверский монастырь, о. архимандрит Лаврентий спешно, с необыкновенной радостью выходит к ним навстречу и прямо ведет их к собору, говоря: «помолимся Царице Небесной; Она, всеблагая, послала мне гостей нежданных в такой ливень». Тотчас, сам, с одним келейником своим, отслужил им молебен, причем слезы из глаз его лились неудержимо, а затем, земно поклонившись иконе Иверской Богоматери, дачу за молебен тут же вручил погорельцам, а, рассказав случай с этими несчастными, тем расположил и тех помочь этим погоревшим семьям, причем щедрая помощь И.П. Лесникова до того обрадовала доброго старца, что, во все время их пребывания у него, он не мог удержаться от радостных слез, плакал и благодарил Царицу Небесную за это утешение велие, которое Она ему по молитве его даровала. – Вообще, чувства о.

архимандрита Лаврентия к Пресвятой Богородице имели самый трогательный детски-святой оттенок.

В праздник Иверской Богоматери обычно сходятся в Иверский монастырь многие поклонники из окрестных мест; всех их, и знатных, и простолюдинов, принимал с радостной любовью добрый настоятель св. Богородичной обители, кормил, упокоевал, утешал, как мог, считая священной обязанностью своей наблюдать, чтобы все Богоматерние гости были у него на празднике сыты и довольны. «Это наш долг пред Царицей Небесной», говорил всегда при этом своей братии о. Лаврентий, убеждая их соревновать ему в святом гостеприимстве.

Крепкий духом, о. Лаврентий с течением времени и умножением лет своей жизни начинал видимо ослабевать телом. Нервная лихорадка, осложнявшаяся страданием печени, опять начала его по временам угнетать, и желудок его стал плохо действовать, так что самая умеренная, легкая пища, и та была ему не под силу.

Из числа родных своих он более всего любил меньшего брата своего Федора Ивановича, служившего на Кавказе и дослужившегося там до чина майора. Ведя с ним постоянную переписку, о. Лаврентий не раз высказывал свое желание, «хоть под конец жизни пожить им вместе, или, по крайней мере, вблизи друг от друга». Господь исполнил это его желание. Прослужив на Кавказе с лишком 25 лет, в течение которых он всецело руководился и поддерживался материально и нравственно любившим его братом архимандритом Лаврентием, Федор Иванович вышел, наконец, в отставку и переселился в близкий к Иверскому монастырю уездный город Валдай, который всего в 9 верстах от обители, а в летнее время, через озеро, и того ближе. О. Лаврентий ни в чем не стеснял воли брата, не звал его к себе обитель, не убеждал поступить в монахи, хотя брат его был холостой, вел жизнь благочестивую и походил скромностью своею на монаха. Когда Федор Иванович, переселившись в Валдай, выбрал себе по мысли подругу жизни и пожелал жениться, о. Лаврентий ему нимало не прекословил, с любовью отеческой благословил его вступить в брак и походатайствовал доставить ему место

почтмейстера в г. Валдае. Почтмейстером служил тот потом с честностью и точностью примерными. Часто по вечерам посещал он своего немощного и слабеющего брата о. Лаврентия и служил ему истинным утешением на закате его жизни. Но не судил Господь Федору Ивановичу пережить о. Лаврентия. Не старшему, немощному брату-подвижнику, а младшему, здоровому брату-воину пришлось ранее умереть, и о. Лаврентию выпало на долю новое горе – закрыть глаза любимому брату и предать земле его бренное тело. Кончина Федора Ивановича сильно потрясла его, тем более, что была для него совершенно неожиданна. Погребая его, он с ним похоронил все родственные привязанности свои. Еще более хилым и беспомощным старцем стал выглядеть после этой потери о. Лаврентий, и знавшие его прежде в Киеве, не узнавали в нем того прежнего осанистого архимандрита, каким он там был, в его теперешнем хилом и истощенном недугами теле, с кротким старческим обликом лица. По мере сил своих трудился, однако, богоугодный старец на пользу обители своей и других окрестных обителей, вверенных его благочинническому надзору. Состоя благочинным монастырей своего округа, пользуясь расположением, доверием и любовью своего архипастыря – митрополита Новгородского и Петербургского Исидора, о. Лаврентий не раз вызываем был им в Петербург, и всякий раз опасался при этом, как бы не лишиться ему возможности окончить дни свои в Иверском монастыре. Особенно страшился он назначения епископского, на которое не раз указывала народная молва, и он всякий раз усиливал свои молитвы к Богу и Богоматери, чтобы сподобили его в уединении окончить свою жизнь. После открытия святых мощей святителя и чудотворца Тихона Задонского в 1861 году, на месте родины его, в селе Короцком, Валдайского уезда, в честь и память святителя Тихона, положено основание женской общежительной общины, которая строилась на добротные пожертвования усердствующих к святителю Тихону и впоследствии сделалась благоустроенным женским монастырем. При начале устройства общины этой, для приема пожертвований и ведения дела этого устройства, был устроен особый комитет, председателем

которого был назначен о. Лаврентий и деятельно потрудился для благоустройства юной обители.

10 октября 1871 года Короцкая община была открыта, и освящены ее храмы; жизнь иноческая пошла в ней стройным порядком, и комитет был закрыт. О Лаврентий избавился от многих, тяготивших его, формальностей и переписок, личное же участие свое в делах Короцкой обители, благотворительное для ее обитательниц, не переставал оказывать ей до конца своей жизни.

О. архимандрит Лаврентий, в течение служебного поприща своего, неоднократно был удостоиваем Высочайших наград: так, еще в звании наместника Киево-Печерской лавры был в 1847 году Высочайше награжден орденом св. Анны 2 степени, и в 1851 году получил тот же орден с короной; при назначении его настоятелем Иверского монастыря, Высочайше пожалован ему в 1854 году орден св. Владимира 3 степени; и в 1868 году золотой наперсный крест, украшенный драгоценными камнями.

Между тем, здоровье о. Лаврентия все более и более расстраивалось, – нервная лихорадка окончательно им завладела, и силы его стали так слабы, что старец начал сознавать, что не может уже по-прежнему трудиться на пользу управляемой им св. обители, не может даже священнодействовать в ней, почему и стал он просить митрополита Исидора уволить его от настоятельства в Иверском монастыре и позволить ему дожить там на покое, в уединении келейном до конца своей многоболезненной жизни. Владыка-митрополит уговорил его несколько помедлить уходом на покой, тщательнее полечиться и, если лечение принесет ему пользу, то еще послужить на пользу св. Церкви. С обычным послушанием о. Лаврентий исполнил желание владыки, остался еще на некоторое время в должности настоятеля Иверского монастыря, стал прилежнее лечиться, но лекарства, видимо, перестали уже действовать на его ослабевший организм, не приносили ему облегчения, напротив, все хуже и хуже стал он себя чувствовать с каждым днем. Это понудило его снова просить митрополита Исидора уволить его от занимаемой

должности на покой. Митрополит Исидор, искренно любивший и уважавший доброго старца, видя крайнее уже изнеможение его телесное, когда уже не мог он даже посещать храма Божия, наконец, согласился его уволить.

28 декабря 1873 года архимандрит Лаврентий был уволен на покой от настоятельства в Иверском монастыре, с предоставлением ему пожизненно занимать настоятельские в нем покои, и с назначением ему пенсии по 300 руб. в год, келейника и полного содержания от Иверского монастыря. О. архимандрит Вениамин, назначенный настоятелем Иверского монастыря, получил благословение от митрополита Исидора всячески покоить болезненного старца. Поместившись в Иверском монастыре в наместнических келлиях, о. Вениамин старался всячески покоить о. Лаврентия и угождать ему во всем, отдавая ему дань любви и уважения всегда, и в этом подавая собою пример всей братии Иверского монастыря.

О. Лаврентий, конечно, был полный бессребреник и никогда денег не копил, как во дни служения своего в Киево-Печерской лавре и Выдубицком монастыре, так и в Иверском монастыре. За служения свои вне стен монастыря он никогда ничего не брал и не любил даже, когда за это предлагали ему денежное вознаграждение; кружечные доходы свои тоже всецело истрачивал на вспомоществование бедным своим родным и на милостыню бедным. Удалившись на покой, он сам обнищал, но все-таки не переставал благотворить, без счета и меры; поэтому, несмотря на получаемую пенсию, очень нередко оставался без копейки денег.

В последний год земной жизни о. Лаврентия посетил его давний знакомец Киевский, духовник Киево-Печерской лавры иеросхимонах Антоний, и это свидание было утешительно для обоих старцев. О. Лаврентий был уже тогда так слаб, что не вставал с одра, но лицо его, по словам о. Антония, светилось каким-то необыкновенным, мирным и благодатным оттенком, который невольно поразил о. Антония. Еле приподнявшись с одра, о. Лаврентий с любовью заключил его в свои объятия, поцеловал и долго со слезами смотрел на него, точно не веря, кого пред собой видит. Много говорили старцы меж собой, но

суть разговора их осталась тайной, которую о. Антоний впоследствии никому не поведал и, только вспоминая об о. Лаврентии, всегда говорил: «это был святой человек, мы, по грехам нашим, лишились этого праведника в Лавре». Пробыв в Иверском монастыре, у болезненного одра уважаемого старца несколько дней, о. Антоний простился с ним навеки, ибо видел хорошо, что он доживает уже последние дни. Сознавал это и о. Лаврентий и, прощаясь с о. Антонием, просил его, а чрез него и других старцев Киево-Печерской лавры, когда узнают о его кончине, молиться о упокоении его души. С наступлением 1876 года болезненное состояние о. Лаврентия усилилось. Во все течение болезни своей о. Лаврентий, когда уже не мог посещать храм Божий, каждый воскресный и праздничный день приступал к св. Причащению у себя в келлии, куда приносили ему св. Тайны от ранней литургии, и где вечером накануне совершалось для него всенощное бдение. Все остальное время свое в эти дни проводил он почти в постоянной молитве. Созывал к себе духовных своих детей, благословлял их, прощался с ними и преподавал им нужные духовные наставления прерывающимся от слабости голосом, собирая для этого все свои силы. О. архимандрит Вениамин в эти дни был при нем почти неотлучно: старец благословил его с отеческой любовью и благодарил за все его заботы о нем. Всегдашний почитатель Пресвятой Матери Божией, дожил, наконец, до дня празднования явления чудотворной Ее иконы Ахтырской, изображением которой мать благословила его, еще мальчика, при поступлении в Орловское духовное училище, и которая с тех пор была всегдашней его спутницей везде, служила ему всегдашним утешением духовным и теперь осеняла его болезненный одр. Устремляя на эту св. икону Царицы Небесной свой потухающий взор, о. Лаврентий в самый день праздника, 2 июля 1876 года, предал Господу свою праведную душу, скончался тихо и мирно, без всяких предсмертных страданий, точно почил сном от трудов и подвигов земных. Усердствующие к его памяти, не замедлили украсить его могилу с искренней любовью: В.В. Епишкин устроил на ней мраморную плиту с надписью о днях: рождения, пострижения в иночество и кончины старца. Присная духовная

дочь его, боголюбивая вдова, В.В. Теглева, много благотворившая старцу в последнее время жизни его на покое, лечившая его на свои средства и снабжавшая его всем потребным, и по смерти поусердствовала устроить над могилой его, в западной стороне соборного притвора, икону св. мученика архидиакона Лаврентия в рост, в мраморной изящной раме, в которую вставлена и та небольшая икона Ахтырской Богоматери, – благословение матернее почившему, которая сопутствовала покойному старцу везде, и здесь теперь осеняет посмертный его покой. Пред этими иконами устроена В. В. Теглевой и неугасимая лампада⁴.

Старец Александр Кинешемский

(Память 3 июля).

В начале 19-го столетия близ г. Кинешмы, Костромской епархии, подвизался старец Александр. Жил он в сосновой роще в полуверсте от Кинешмы, близ речки Кинешемки, на краю крутого обрыва к речке. Им самим в этом чудном местечке устроен был на городской земле в роще деревянный домик, в котором он и жил. Домик сохранился и до сих пор, ветхий от времени, окружен садом, вокруг которого живая изгородь. Вид из домика прекрасный – на город и реку Волгу. И теперь по временам в этом домике живут старички, ищущие уединения; домик тщательно охраняется не сторожами, а народом, уважением его к месту подвигов старца. Время рождения старца Александра неизвестно в точности, трудно установить и год, и число смерти его. Но могилка его сохранилась, и ее с несомненностью указывают близ церкви Успения Божией Матери в заречной части города на крутом, правом берегу реки Волги. Народная стоустая молва о подвигах и благочестивой жизни старца Александра в продолжение нескольких десятилетий распространялась среди окрестных селений все далее и далее. Стали искать могилку, старожилы указывали ее, и вот, народ стал ходить туда, брал с могилки песочку, землицы, стал брать водицы из близтекущего ключика, обращался к местному священнику с просьбою отслужить панихиду-литою. Многие стали записывать в свои поминанья старца Александра, клали деньги на могилку, собирали на украшение могилки. Священник, служащий при церкви Успения более 25 лет, не мог не видеть увеличивающееся с годами чествование памяти старца Александра, наплыв посетителей его могилки, и занялся ею: обделал ее, окружил железной решеткой, поставил над плитою надгробный крест и вообще, привел могилку во вполне благопристойный вид, расчистил и ключик близ нее. Посетителей могилки стало еще больше. Стали посещать и церковь Успения Божией Матери с целью помолиться за раба Божия старца Александра и заказывали заупокойные литургии,

панихиды и литии. Но вот, нашлись и враги доброму делу. Случилась холера. Недоброжелатели, враги Церкви, придерживающиеся толстовства, неверующие люди донесли начальству, что в Кинешме, близ церкви Успения, на берегу Волги есть могилка какого-то утопленника, при ней ключик, с которого многие пьют воду и заболевают будто бы холерой. Обвиняли в доносе и местного священника, как помогающего якобы каким-то суевериям и распространяющего слухи, что будто в этой могиле похоронен старец святой жизни, именем Александр, и служащего на этой могиле панихиды и литии в целях корыстных. Было секретное дознание, которым подтвердилась вся низкая ложь извета, и с тех пор могилка старца Александра стала привлекать к себе все более и более народных молитв.

Схимонах Феодор

(Память 3 июля).

Феодор служил сначала в Преображенском полку. Но сердце его сгорало желанием послужить Царю Небесному в иноческом чине. Однажды, увидев Государя, он в простоте сердца высказал ему свое искреннее желание быть Соловецким монахом. Государь, выслушав его просьбу, не сказал ни слова и продолжал путь. Через два дня адъютант вручил Феодору от Государя 25 рублей на дорогу в Соловецкий монастырь и велел явиться в полковую канцелярию за получением увольнения от службы. Можно представить, какую радость исполнилось сердце его при таком неожиданном исходе дела! С полным рвением спешил Феодор к Соловецкому острову, где с любовью был принят и вскоре удостоен пострижения с именем Филиппа. Но жизнь монастырская, в многолюдном обществе, не вполне отвечала его пламенным стремлениям. Поэтому Филипп, испросив благословение начальства, поселился в пустыне, где предался со всей строгостью подвигу отшельничества. Пост и ночные бдения были его постоянными занятиями; хлеб, приготовляемый им, состоял из смеси толченой брусники с мукою. Сначала Филипп жил на Заяцком острове, при церкви св. апостола Андрея Первозванного, в месте диком и угрюмом, потом перешел на Анзерский остров, в пустыню Преподобного Елеазара. Много, особенно в Заяцкой пустыне, он претерпел нападений от нечистых духов. В одну темную ночь, когда он стоял на молитве, вдруг сильные частые удары посыпались в окно. Встревожившись такой нечаянностью, пустынник вышел с молитвою из келлии, думая встретить кого-либо из приставших к берегу, но никого не находил. Неоднократно он слышал, как со скрипом отворялась запертая дверь, и кто-то входил в сени, поднимался по лестнице на вышку, ходил там, стучал и возвращался вниз. Сначала пустынник обращал внимания на такие случаи; но, познав бесовскую прелесть, впоследствии без смущения продолжал молитвенное занятие. Однажды в Анзерской пустыни, во время ночной молитвы, он так же

услышал стук наверху своей келлии и, вышедши за дверь, увидел там незнакомого человека, который на вопрос его: «кто ты и что делаешь?», отвечал: «я монастырский работник и тешу топором». «Да тут ли место?» сказал ему пустынник: «Христос с тобой», и с этими словами видение исчезло. Достигши глубокой старости, Феодор вышел из пустыни в Анзерский скит, где и почил с миром⁵.

Оптинский старец, скитоначальник, иеросхимонах о. Анатолий

(Память 3 июля).

В первой четверти прошлого века в селе Боболи, Калужской губернии, жил диакон о. Моисей Кольев, с супругой Анной Сергеевной. Анна Сергеевна была дочерью священника из села Мокрого, где Моисей Петрович был сначала псаломщиком. Родители матушки дьяконицы были люди благочестивые, такими же были и родители Моисея Петровича. Неудивительно поэтому, что о. Моисей и его супруга были люди благоговейные. С малолетства, приученные к храму Божьему, они любили Божий дом. Благочестиво настроенные, они жили скромно и по тому времени с достатком. Только достаток этот они получали лишь через постоянный и упорный труд. Они сами обрабатывали землю. Посещая храм, а у них в селе он был трехпрестольный: в честь святителя Николая и св. великомучеников Георгия Победоносца и Никиты, в воскресные и праздничные дни, они остальное время посвящали сельскому хозяйству. Были они, в то же время, кротки и милостивы к бедным и странникам, бедняк не уходил от дома их без милостыни. Они любили монахов и очень желали, чтобы из их детей были иночествующие. И Господь судил исполниться их доброму желанию. У них было большое семейство: пять дочерей: Мария, Евдокия, Анна, Александра, Татьяна, и сын Алексей. Дети были тоже благочестивы. Дочь Евдокия не пожелала идти замуж и оставалась в девицах, проводя жизнь благочестивую, пекла просфоры и помогала матери и родным в хозяйстве, находя отраду и утешение в молитве в храме, и дома; она скончалась сорока лет. Другая же дочь, Анна, была инокиней. Но во всей полноте их святые думы сбылись на сыне их, которого Господь явил великим в наше время отцом иночествующих.

Этот сын и был тем избранником благодати Божией, которого поминают с любовью и благоговением многие и многие, как иночествующие, так и миряне, и который был

старцем Оптинским, другом и сподвижником великого Оптинского старца о. Амвросия и его преемником по старчеству, и, вместе с тем, наставником и руководителем инокинь основанной старцем о. Амвросием Шамординой пустыни. Это был о. Анатолий, иеросхимонах.

Старец о. Анатолий родился 6 марта 1824 года и в святом крещении был назван Алексием в честь св. Алексия, человека Божия. Он был старшим из детей у своих благочестивых родителей. С самых первых дней и во все дни детства своего мальчик Алексей был под особенным наблюдением матери. Его отец, кроме исполнения обязанностей своей службы и хозяйства вообще, еще занимался садиком и пчелками; этим занятиям он и отдавал свои досуги. За дитятей поэтому больше смотрела мать, которая и любила его очень, и с первых дней, как стал он понимать, внушала ему святые и добрые чувства веры, надежды и любви, и преданности Божией воле. Мать не раз говаривала деткам, что она ничего так не желает детям в их жизни, как только того, чтобы они были истинными христианами. Мальчик рос тихим и кротким, и больше других был любим своими родителями, и сам их любил, особенно же мать.

Когда мальчику исполнилось пять лет, отец, помолившись Богу, приступил сам учить сына грамоте. Мальчик был смышлен и даровит, и скоро постиг азбуку, после которой стали его учить чтению часослова и псалтири. Мальчик любил ходить в Божий храм и чинно стоял подле матери; отец хотел было, чтобы мальчик читал на клиросе, но не пришлось этого сделать: мальчик имел очень тихий и слабый голос. Дома же книга была постоянным спутником мальчику. Будучи любознательным и веселым, мальчик отличался еще и добротой к другим. Дадут ли ему гостинцев или игрушек – он скоро все раздаст то сестрам, то другим знакомым детям. Но, вообще-то, он дружить с мальчиками не любил и больше любил быть дома с сестрами. Конечно, и в нем проявлялись некоторые недобрые предрасположения, как и во всяком дитяти, но любящие родители, зорко следя за ним, вовремя принимали все меры предосторожности, где нужно – действуя словом, а где и наказанием. Впоследствии, старец не раз вспоминал детство,

равно, и сестры его, и сохранились некоторые рассказы о том. Однажды маленький мальчик забрался на колокольню и не мог сойти, стал плакать. Мать, услышав, свела его вниз и сделала ему выговор. В другой раз, в лесу, на свою любимую и его любимшую бабушку он замахнулся веткой. Старушка урезонила его вопросом: за что ты меня бьешь, Лешенька? Он ответил, что за то, что не дает возить по комнатам стулья, зацепив один за другой, что любил делать, но чего ему бабушка не позволяла. Но, когда мальчик, раз, когда ему было уже шесть-семь лет, забрался с другими мальчиками рвать горох у священника, и тот, заметив шалунов, пожаловался отцу Алексея, отец строго наказал его; и мальчик, чувствительно наказанный, прибежал делить свое горе с любимыми-сестрами, показывая красные уши и плача. И после этого случая еще реже стал ходить с детьми крестьянскими. Так, порою слово, порою и разумное наказание, что огонь хворост, уничтожали те навыки и предрасположения, коими мы, дети Адама, так богаты с ранней поры золотого младенчества, и кои, развившись, принесли бы свои горькие плоды; и родительская бдительность, таким образом, готовила из дитяти сосуд для Божьей благодати.

В свое время мальчик был отвезен в Боровское духовное училище, где и окончил курс через четыре года и был переведен в семинарию в Калугу. Под сенью обители преподобного Пафнутия, у его мощей, началась трудовая жизнь для духовного юноши. Учился он старательно, только первое время жаловался на слабую память. Потом перешел в семинарию, в г. Калугу, где и окончил курс третьим учеником. За время своего ученья юноша переходил из класса в класс всегда успешно, только раз оставался на повторительный курс по болезни. Когда ему было 14 лет, он заболел горячкою и был взят домой. В самую острую минуту недуга он был очень плох, в забытьи запел: «со святыми упокой». Нежной матери тяжело было слышать эти слова. Когда он пришел в себя, мать стала его спрашивать: почему так он пел и помнит ли это? Юноша отвечал, что помнит и так пел потому, что видел во сне. Мать, боясь, что он скоро умрет, стала было уже с ним прощаться и просила прощения, что иногда его секла – на что тот отвечал: что же, что секла, не худому, а

доброму меня учила! Так, уже тогда было в нем сознание того, как полезны бывают в детстве наказания родительские, чего ныне мало можно встретить не только среди детей и молодежи, но даже и среди родителей, так безрассудно увлеченных ложными идеями гуманности не в меру. Когда родители видели тяжелое болезненное состояние сына, то, как верующие люди, они поспешили пригласить священника, и больной был напутствован Святыми Тайнами. Но после этого ему вскоре стало лучше и лучше, и он скоро выздоровел, причем остался для полного выздоровления дома уже до осени и, таким образом, пропустил год.

Как в училище, так и в семинарии Алексей учился хорошо и был любим начальством и наставниками, но держался их далеко. Товарищами первое время был очень обижаем. Жил он на квартирах и квартирными хозяевами очень любим он бывал всегда. Это особенно ясно сказалось раз, когда он заболел корью. Те лица, у которых он жил, сами его лечили и ухаживали за ним, не извещая и родителей. Только, когда он стал уже поправляться, известили родителей, которые, особенно мать, по временам его навещали. У них был в Туле дядя, который очень любил юношу Алексея Моисеевича и всегда высылал ему все нужное: книги, одежду, разные мелочи, вообще все, в чем только может нуждаться трудолюбивый и скромный питомец семинарии. Здоровьем юноша особенно крепким не отличался никогда, в семинарии часто страдал бессонницей. В такие минуты, особенно весною, он садился на окно, думал об уроках; болела голова; и смотрел на тихую луну, и уже тогда не раз его мысль уносилась к тихим иноческим обителям. Весною он в свободные часы часто уходил за Калугу, на гору Вырку, там подолгу сживал один в думках своих. Правда, иногда он ходил туда и с товарищами. Но, когда те утешались подчас нескромно, будущий подвижник, где-либо в сторонке, лежа на траве, любовался облаками. Иногда, в порыве восторга от красот природы, не утерпит и скажет кому-либо из товарищей: посмотрите, как это облако, что несется прямо на нас, похоже на медведя, но получит в ответ: ну, ты лежи, философствуй, а нам некогда, и опять погрузится в свои одинокие думы.

Однажды он поддался было влиянию товарищей: стал в Петров пост есть молоко, но тяжело заболел; чуткая совесть подсказала, что эта болезнь – наказание за нарушение поста, и он сразу же перестал это делать, уже всегда потом строго соблюдая посты.

Были и у него среди товарищей друзья, но очень мало. Не любил он и по гостям ходить. На Рождество, Пасху, масленицу и лето Алексей Моисеевич приезжал домой, где его задолго уже начинали ждать, и был в это время отрадою и утешением для родной семьи. Почтительный и любящий сын, он был дружен с сестрами. Любя чтение, он, в то же время, делился своими познаниями и с сестрами, а одну даже выучил читать на память тропарь «Христос воскрес» – по-гречески. Порывы к монашеству были порою так сильны в юноше, что однажды, он уже совсем собрался тайно уйти в Брянские леса – к пустынникам, и отошел от Калуги за несколько верст; но поднялась сильная гроза, и пошел обильный дождь, и он вернулся обратно, видя в этих проявлениях грозных сил природы обнаружение Божьего не соизволения на свой путь. Но вот, он кончил курс семинарии третьим учеником, причем в семинарии ему была дана другая фамилия – Зерцалова, и пред ним открывалось широкое поле жизни, столь привлекательное для молодых душ, еще не изведавших грозных бурь и тайных опасностей, и скорбей, которыми так богато это поле. Но тот, кто уже давно-давно любил природу – эту великую книгу Божьей Премудрости, кто любовался подолгу звездным небом и, наводящей тихую грусть на впечатлительную душу, луною, уже не очаровывался красотами грешного мира людского. Его влекла к себе другая область, область вечной жизни, невечернего света; духовное небо с духовными звездами жизни святой влекло его к себе. Святое желание благочестивых родителей, желавших, чтобы сын их стал иноком, стало и его личным горячим желанием, и это желание сбылось: оно было Богу угодным.

Когда был окончен курс семинарии, то будущему подвижнику предлагали несколько священнических мест, но он уклонялся от этих предложений. Некоторое время он пожил

дома, причем, с матерью, любившей ходить к святым местам, и с сестрой Анной ходил на богомолье к преподобному Сергию, и заходили в Хотьков. В Хотькове им очень понравилось, и молодой человек уговорил свою сестру поступить в эту обитель. Молодая, 18-летняя девушка послушалась брата, мать радостно ее благословила, и она осталась, но нелегко было ей привыкнуть к жизни иноческой. По некотором времени она думала было выйти из обители; собралась, чтобы уйти вечером, но уснула, увидела сон, что за воротами монастыря тьма ужасная, а в монастыре светло и радостно, проснулась и осталась. Впоследствии, о. Анатолий, высоко ценивший такое послушание сестры и всю жизнь заботившийся о ней, перевел ее в Шамордино, где она, через пять лет по смерти брата-наставника, в схиме, с именем Августы, и скончалась. Так сильно и благотворно было влияние брата на сестер. Сам же он еще не сразу поступил обитель, а несколько времени служил в Казенной Палате. Получая жалованье, он делился с родными, был по-прежнему скромен и строг в жизни, всеми любимый и уважаемый. Красивый собою, аккуратный в одежде, ровный характером, он был утешением для родных, когда приезжал к ним. Мать также часто его навещала и всегда слышала много похвал сыну. Общественных увеселений он избегал, и, если бывал в гостях, то с большим выбором, и там вносил доброе веяние. Однажды он был в гостях у товарища, где в квартире творилось неладное: летали вещи и т. п., чему очевидцем был и гость, который посоветовал отслужить молебен в избавление этих явлений. Его послушались, и эти случаи прекратились. То была пора, когда носились уже разные новые идеи, и близилась пора преобразований. Слово: «прогресс» не сходило с языка людей интеллигентных, но будущий инок не увлекался этим движением: видел он все отрицательные стороны прогресса, этого стального чудовища, и боялся его. Его душа была занята другим миром, вступить в который он жаждал, но, как основательный человек, не решался сразу.

Еще несколько лет он служил в Казенной Палате и все думал о монашестве. Часто и усердно ходил он молиться Богу в храмы, и мать, когда утром приезжала, всегда его не заставляла:

он уходил к ранней обедне. Любил ходить в собор, становился, чтобы лучше слушать, впереди, но, когда приходили новые богомольцы, он отодвигался, отодвигался и, наконец, всегда оказывался у дверей, все давая место другим. Ища вразумления в молитве, он ждал и более ясного указания воли Божьей, что и случилось. И случилось, как и всегда, незаметно, естественно: как Илии Господь явился не в грозе и буре, а в тихом веянии ветерка, так и здесь воля Божия о поступлении его в обитель приблизилась в обычных обстоятельствах его жизни. Он заболел, и еще два товарища-чиновника. Доктор нашел чахотку. Тогда больной наш дал обещание, что, если выздоровеет, уже не станет более откладывать поступления в обитель. Товарищи его скоро оба умерли, а будущий Оптинский старец поправился. По выздоровлении, он отказался от службы, поехал домой, сходил с матерью на богомолье. Пришел в Оптину и там решил оставить навсегда мир. Родители радостно его благословили на подвиг, столь уже близкий сердцу их и желанный.

Оптина пустынь находится, как вождь русского иночества, под особенным водительством Божьего Промысла. Неисповедимы пути Господа. В дни трех великих старцев: Леонида, Макария и Амвросия с их учениками и сподвижниками обитель была оберегаема от чрезвычайного напора мира; отвлекаем этот напор и внимание масс был через прославление Ахтырской иконы Царицы Небесной и памяти преп. Тихона – через тех же Оптинцев. Через устройство же Шамордина, между прочим, был отвлечен избыток средств материальных. Но зато дивно укреплял Господь силы обители, привлекая сюда достойных быть сосудами Его благодати. И, когда великий Макарий уже склонялся к вечеру жизни своей, Господь, по молитвам святого Иоанна Крестителя – покровителя скита – этой великой колыбели старчества, привел и того, которого избрал быть сначала помощником, а потом и преемником великому старцу о. Амвросию.

Молодой человек, образованный, благонравный, кроткий и старательный был принят с любовью о. архимандритом Моисеем.

В Оптиной в число братства был определен молодой студент семинарии Алексей Моисеевич Зерцалов 20 июня 1857 г. и скоро стал иноком Анатолием. Он был пострижен 17 ноября 1862 года с именем св. Анатолия, патр. Цареградского (память которому 3 июля). В иеродиакона был рукоположен 5 июня 1866 г., а в сан иеромонаха 7 сентября 1870 года, 13 февраля 1874 года был назначен скитоначальником и братским духовником. За награждением 28 июля 1876 года набедренником, затем еще был награжден наперсным крестом 20 апреля 1880 года. 14 апреля 1893 года был назначен к посвящению в сан игумена, но не был посвящен за недугами и скончался 25 января, в 4 часа 25 минут утра 1894 года.

Таковы главнейшие события иноческой жизни о. Анатолия. С полной преданностью в Божью волю вступил он в великую русскую обитель, достойную преемницу и продолжательницу старческих заветов великого старца о. Паисия Величковского и его приснопамятного ученика о. Феодора, и его сподвижника Леонида – первоначальника Оптинского старчества, и всей душой отдался под старческое водительство о. Макария. Старец о. Макарий полюбил нового пришельца из суетного мира и опытным духовным взором провидел в нем будущую ревность о спасении, а потому, с особенной любовью стал руководить новоначальным иноком. Когда мать приехала провести о. Анатолия, старец о. Макарий с любовью принял эту благоговейную жену, и глубоко утешилась она такими словами наставника иноков: «благословенна ты, добрая женщина, на какой хороший путь отпустила ты сына». Старец сам обучал о. Анатолия молитве Иисусовой, и он уходил далеко в лес, где и молился в уединении. Так как у старца было очень много дела, то он благословил о. Анатолию, кроме него, по своим духовным запросам обращаться еще к о. Амвросию, и о. Анатолий был одним из самых первых учеников о. Амвросия, преемника Макария. Так, неисповедимыми путями приведены были в самое тесное общение эти два инока, столь много потом вместе потрудившиеся для Шамординой пустыни. Когда старец о. Макарий обсуждал то, к кому бы его направить, то, давая о. Амвросию первого ученика, чтобы сохранить от самомнения

будущего своего преемника-старца, объяснил такой выбор тем, что он лишь «пошустрее». А до этого времени, когда о. Макарий на время уезжал из обители по делу, о. Анатолий за духовными советами обращался временно к о. игумену Антонию, брату о. Моисея. Такое двойное руководство инока скоро обратило на себя внимание других братий. Некоторые видели в этом неладное и стали укорять о. Анатолия, высказывая, что, вероятно, сам он настоял на этом. Так, это доброе дело, состоявшееся не по настоянию о. Анатолия, а лишь по его сердечному желанию, откровенно высказанному старцу, столь богатое по плодам, не обошлось без скорби. О. Анатолий очень смутился, когда услышал об этом говоре братий, и поведал свое горе старцу о. Макарию. Старец скоро положил конец его смущению и самому говору братий. Он сказал, что такая двойственность была бы нехороша, если бы была самочинна и, если бы один старец говорил одно, а другой другое. Между тем, они оба говорят одно и выходит, что руководство двоих, но одно и то же по сущности.

Но, оказывая особенную любовь и заботливость к о. Анатолию, о. Макарий суровой тропой иноческого подвига вел о. Анатолия, и тому немало пришлось перенести скорбей и тягостей пустынного жития. Во всякой доле есть свои скорби, есть они и в иноческой жизни; и мудрый наставник не отнимал этих скорбей от усердного ученика; напротив, он обогащал его ими. Делалось же это с благою целью: чтобы создать в нем доброе иноческое устройство и закалить его на будущее время. В монастыре о. Анатолию пришлось в первые годы очень скорбно. Скит особенно строг по уставу жизни иноческой. К этому суровому строю самой жизни прибавилась другая тягота. Первым послушанием его была кухня, где ему, после непривычных трудов тяжелых, и спать-то приходилось мало, да и то, прямо на дровах. Его часто затем переводили из келлии в келлию. Он был очень аккуратный и любивший чистоту. Куда его назначат жить, он, как только перейдет, вымоет, вычистит свою келлию, начнет жить, ходить на ежедневное откровение помыслов, читать аскетические книги, а это было всегдашним делом новоначальным инокам от старца, о. Анатолия и

переводят опять в другую келлию. Чуть там устроится, опять в новую; опять чистка, опять мытье, опять и уход. Он же, ничего не возражая, брал свои пожитки: иконочки, войлок, бумагу и чернила, и шел, куда велят. Потом он жил в башне. Сначала он жил с иноком о. Макарием (Струковым), а потом с другим 40-летним иноком, который не признавал старчества.

От непривычки мало спать и от неудобных помещений, от непривычных трудов, у о. Анатолия стала очень болеть голова. Иногда целыми днями лежал он с больной головой, и некому было подать ему воды; часто оставался и без пищи, когда на трапезу ходить не мог. А внизу в башне было место, где кололи дрова. Стук от колотья дров еще более отягощал положение больного. Он просился из этой келлии, но в исполнении просьбы ему отказали. Когда он своим горем поделился с о. Амвросием, тот посоветовал ему приходить к службе утренней неопустительно, но, послушав немного молитв, уходить. Этой льготой больной и пользовался некоторое время. Однако недолго. Его собрат по келлии как-то заметил отсутствующего, пришел в келлию, нашел спящим, растолкал и выгнал в церковь. Так и этой льготой, снисхождения ради недуга, не пришлось ему попользоваться. А когда опаздывал прийти на трапезу, то рад бывал, если у кого-либо поблизости оказывался кусочек черного хлеба, которым и утолял голод, потому что у нестяжательного ревнителя подвижнической жизни ничего в келлии не было. Ходил он в старой одежде. Однажды его навестил двоюродный брат священник с молодой женой-франтихой. К ним о. Анатолий и вышел за скит таким, как ходил на послушания: в ветхой одежде, с засученными рукавами и в переднике. Это очень поразило гостей, и они навсегда запомнили это посещение... Впоследствии, старец в беседах с инокинями часто вспоминал это время и, когда некоторые жаловались на тягость жизни в монастыре, говаривал: что вам, а мы вот жили в башне, придешь с послушания, а подниматься высоко, и так-то уставши, а тут еще надо воды принести, вымыть все, двери были низкие и часто приходилось ушибаться!..

Нередко о. Анатолий приходил к о. Амвросию; тот занят, и его не принимает, и уходить не велит. Урок терпения выдерживал инок, но часто за то возвращался к себе уже за полночь; а не успеет лечь, как уже будят к утренней службе. После черных послушаний ему дали было послушание опросное, но недолго он был тут. Регент-престец осердился на о. Анатолия, что тот порою, как знаток пения, делал ему деловые указания, и пожаловался на него о. настоятелю. О. Анатолия и послали на кузницу. Тяжело было ему на этом послушании; скамеечка была маленькая: узка и коротка, а о. Анатолий был высокого роста. Ляжет, закроет голову свиткой, ногам холодно; ноги накроет, голове холодно. Когда же он пел на клиросе, его, как высокого, чтобы не закрывал нот, выгонял регент за клирос, велел оттуда смотреть и петь, и он слушался. Путем этих, мелких, по-видимому, но крайне тяжелых огорчений вырабатывался в нем дух смирения и терпения, кротости и твердости духа. Однажды приехал в Оптину преосвященный Игнатий (Брянчанинов), пожелал видеть и беседовать с тем из иноков, кто бы опытно проходил святоотеческое учение о молитве Иисусовой. Ему указали на о. Анатолия. Епископ долго беседовал с иноком. Беседа инока очень ему понравилась. Прощаясь с о. Анатолием, преосвященный не мог не выразить своего уважения и удивления к иноку, и говорил, что рад был встретить такого инока, образованного и опытного в духовных предметах, знакомого и с светскими науками. Возвращаясь от него, а пошел к нему только после двукратного приглашения и то, по приказанию старцев, о. Анатолий, радостный, встретился с о. Макарием, который шел к скиту, окруженный инокинями и другими лицами. Старец спросил о. Анатолия: ну, что тебе сказал преосвященный? О. Анатолий в простоте все передал ему. Тогда о. Макарий стал его при всех бить палкой и говорил: ах ты, негодяй, вообразил что о себе, что он такой хороший! Ведь преосвященный аристократ, на комплиментах вырос, он из любезности и сказал тебе так, а ты и уши развесил, думая, что это правда! Со стыдом пошел потом к себе инок. А старец Макарий, как только о. Анатолий отошел от него, сказал бывшим с ним: ведь, как, вот, не пробрать? Он монах

внимательный, умный, образованный, и вот, уважаемый такими людьми. Долго ли загордиться. В это время он был уже иеродиаконом.

О. Анатолий, по поступлении, любил пить чай, но более трех чашек пить ему не позволялось, тогда он купил чашку поболее. Когда же о том сказал старцу Макарию, тот велел принести чашку ему показать. О. Анатолий показал, о. Макарий и велел пить таких чашек только по две. Когда о. Анатолий был еще послушником, ему, как и всякому, отведено было свое постоянное место в трапезе. Старший на их блюде раз ушел; о. Анатолий, любивший пищу соленую и до того времени часто евший не по своему вкусу, очень обрадовался и по своему вкусу насолил блюдо. Его собратья этим оказались недовольными; стали укорять, говоря: а еще к старцам ходит, а всех оставил без пищи?! С той поры о. Анатолий, когда и стал старшим в столе, никогда уже не солил блюд по своему вкусу, а сообразовался с желаниями других. Все эти трудности терпеливо переносил инок и всемерно старался исполнять все наставления старцев. Согласно их наставлениям, он не только не ходил по чужим келлиям, но и к себе никого не принимал. Когда один новый скитский обитатель, из военных, как-то очень расположившись к о. Анатолию, хотел побывать у него в келлии, приносил ему варенья, уговаривал, тот, однако, никак не согласился нарушить старческую заповедь и не пустил его к себе.

Истовый посетитель храма Божия, молитвенник, прекрасный чтец и певец, о. Анатолий точно и терпеливо исполнял все свои обязанности. Под мудрым старческим окормлением о.о. Макария и Амвросия, он, путем бдительного и неустанного делания духовного, назидаясь чтением слова Божия и аскетических писаний, быстро преуспевал в духовном своем развитии, и уже тогда можно было видеть его будущее нравственное величие. В то время жил в скиту игумен Антоний (другой, не брат о. Моисея) который, раз, ему и сказал: трудись, брат, хороший будешь начальник, только блюди смирение. Наружность о. Анатолия была степенно-величавая. И уже тогда некоторые, когда он был еще иеродиаконом, принимали его за

иеромонаха. А одна женщина, встретив его, стала каяться в своих грехах. Едва он ушел, а словам его, что он иеродиакон, она не поверила. Когда ему приходилось служить, то он служил в храме благоговейно и весь предавался молитве; когда же в Страстную седмицу читывал евангелие, то читал с глубоким умилением и слезами.

Когда скончался старец о. Макарий, в этой тяжелой утрате большим утешением для о. Анатолия было то, что у него остался другой наставник, о. Амвросий, с которым еще более сблизил их эта дорогая утрата. Впоследствии, он не раз советовал молиться за о. Макария, говоря, что эта молитва будет полезна для самого молящегося. Блаженно почивший старец за эту молитву, как выражение любви к нему, испросит Божьи милости молящемуся.

Старец же о. Амвросий, когда увидел, что путем терпения прискорбностей, чтением аскетических книг и примерным исполнением всех своих иноческих обязанностей о. Анатолий уже стал достигать меры высокого духовного устроения и созрел, чтобы быть наставником другим, постепенно стал вводить его в старческие труды, делая его своим сотрудником, подобно тому, как, в свое время, так же вел его и о. Макарий. Еще когда о. Анатолий был иеродиаконом, о. Амвросий посылал его утешать скорбных и печальных. О. Анатолий ходил на гостиницу и там беседовал с жаждавшими слова утешения. Старца о. Макария о. Анатолий всегда глубоко чтит и свято хранил его память. Почивший старец о. Макарий иногда называл о. Анатолия высочайшим, с одной стороны, обращая как бы внимание на его высокий рост, с другой же, указывая на высоту его духовного устроения. В виду-то этого устроения о. Амвросий скоро и выпросил о. Анатолия себе сначала в помощники, потом в благочинные, наконец, в скитона начальники. Благочинным о. Анатолий был назначен вскоре после посвящения в иеромонаха. В помощники себе о. Анатолия о. Амвросий выпросил у преосвященного архиепископа Григория в один из его приездов в Оптину, а назначение скитона начальником состоялось после смерти о. Илариона; по желанию о. Амвросия его представил к утверждению в этой должности о.

архимандрит. Старец о. Анатолий все эти назначения принимал из послушания своему старцу и нес их смиренно и трудолюбиво. Сам он впоследствии рассказывал, что по его назначении благочинным об этом многие и не знали долгое время. Однажды он шел и увидал, что братия делают что-то неладное. О. Анатолий сделал выговор, ему же в ответ вопрос: а вам какое дело? И очень смутились, когда кто-то подошедший сказал им, что это благочинный. Те стали просить прощения и, чтобы не говорил архимандриту. О. Анатолий о. архимандриту не сказал, да и вообще он, прежде, чем доложить начальнику что-либо из проступков братий, спрашивал совета у о. Амвросия; вообще, он не любил ни выставляться, и не требовал себе почета. И очень долгое время, будучи иеромонахом, продолжал получать долю чайную иеродиакона. К старцу же о. Амвросию и после того, как был сделан скитона начальником, продолжал относиться с прежним почтением, и, в частности, как и прочие, когда бывал у старца, становился на колени. Однажды о. Амвросий побеседовал с ним, стоявшим на коленях, позвал туда же одну особу и, показывая на о. Анатолия, сказал: рекомендую: мой начальник, преподав этим поучительный урок смирения.

По должности духовника и скитона начальника о. Анатолий был великим и самоотверженным тружеником и в этих должностях был поистине достойным преемником своих присноблаженных предшественников. Ничто не ускользало от его взора, и он ревностно заботился как о духовном преуспевании братии, так и покоил их, устраивая лучше их жизнь с ее несложными и строгими порядками скитской жизни вообще.

О. Анатолий, в то же время, исполняя свои обязанности и всемерно заботясь о братии, при каждом удобном случае наставлял каждого нести свое послушание, причем выяснял и то, как это, часто, по-видимому, черное и тяжелое послушание, между тем, служит благу других. Когда он однажды заметил, что хлеб в посту был испечен в скиту худо, строго осудил небрежного пекаря и выяснил ему, как много огорчения эта его небрежность доставляет истомленной постом и службами

братии, и тем исправил нерадивого. Но сам он при каждой возможности пользовался каждой минутой, в то же время, чтобы побыть одному в молитве и чтении где-либо вдали, в лесу, или поздним вечером или ранним утром.

Когда всходит после шумного дня тихая луна на вечерний небосклон, часто взор, утомленный суетою денной смены впечатлений, с любовью останавливается на ярких звездочках, что так приветливо мерцают в бездонной глубине небес, и нередко останавливается вниманием на таких звездочках, которые всегда в одно и то же время бывают видимы на одном и том же месте мерцающими рядом, близко одна от другой.

Таковыми двумя близкими и сопутствующими одна другой звездочками были для многих и многих искателей горнего мира наши два старца-друга: о. Амвросий и его пламенный почитатель и ученик о. Анатолий. Вместе несли они бремя духовного руководства иноков, вместе и потрудились над устройением Шамординой пустыни. И как о. Анатолий ни бегал мира, как ни уединялся он от женского общества, ему всю жизнь свою пришлось провести и умереть на людях, и много потрудиться для женского монашества. И его труды по благоустройению внутренней жизни в новооснованной обители Шамординой не только глубоко интересны вообще, но и поучительны еще на будущее время для многих и многих как иноков, так и самих инокинь.

Как только стала устраиваться обитель⁶ эта, опытный в духовной жизни и одаренный многими благодатными дарами великий старец Амвросий много вложил в это дело своей любви и забот. Но, как прикованный к болезненному одру, он не мог сам туда часто ездить и сам всем непосредственно руководить. Это-то дело ближайшего руководства юной обителью он и возложил на о. Анатолия, а тот был ему самым верным и преданным сотрудником. И его труды охватывали все стороны жизни обители и ее насельниц.

Сподвижницами старцу Амвросию и незабвенными первоначальницами этой обители были: мать Амвросия, мать София и мать Евфросиния. Последняя схоронила обоих старцев и почилла после них. А первые две почилли еще при

жизни обоих старцев. Последняя матушка-игумения Евфросиния и была постоянной сподвижницей о. Анатолия и по смерти о. Амвросия. О. Анатолий был человеком прямого характера, такого же характера была и мать София, и оба они глубоко уважали друг друга. Мать София об о. Анатолии всегда отзывалась с глубоким почтением. Она не раз говаривала, что хороший монах ничем не отличается в приемах обращения от самого благовоспитанного аристократа. Но разница между ними есть, и большая: аристократ держит себя с тактом из приличия, а примерный монах – из убеждения и любви к ближним. И как на образец для подражания указывала в этом случае на о. Анатолия. Когда мать София сделалась настоятельницей, она говаривала о. Анатолию: батюшка! мне заботы о хозяйстве, а вам вверяется попечение о душах. Мать София была очень расположена к о. Анатолию и всегда радовалась его приездам, а сестрам, иногда горевавшим почему-либо в эти дни, в утешение говорила: разве можно скорбеть? сегодня приедет батюшка о. Анатолий. Если он бывал в Шамордине и к ней приходили сестры за благословением на звон к службе или трапезе, то она уже отсылала к нему. Батюшку о. Амвросия она называла великим, а о. Анатолия большим, и еще нашим апостолом. Оба они: и о. Анатолий, и мать София, удивительно сходились в взглядах и действовали единодушно. Батюшка о. Амвросий был как бы главою, а они единодушными учениками, во всем покорными старцу и согласными между собою. Когда великий старец к невыразимой радости сестер поднимался с своего болезненного ложа и приезжал в Шамордино, он с верными сподвижниками, окруженный сестрами, часто ходил погулять в лесок, на один зеленый холмик. Во время этих прогулок они вели назидательные беседы, иногда сестры пели что-либо из церковных песнопений. И эти прогулки были для всех тем незабвенным утешением, какое скрашивало трудную жизнь первых насельниц обители, жизнь, проводимую в тяжелых трудах и работах. Среди сестер сохранилась память об одной из таких прогулок с великим старцем и его сподвижниками, и тот разговор, какой они вели. Мать София сказала, между прочим, обращаясь к старцам: а что бы нам сказала мать Сарра, которая

тридцать лет не выходила из пещеры, чтоб посмотреть на природу? На это о. Анатолий высказался так: всякий спасается своим путем, я более сочувствую тем святым, которые любили природу, как то: преп. Сергей, Савва Звенигородский, преп. Антоний и Феодосий; они выбирали самые красивые места для своих обителей потому, что природа возвышает человека к Богу. О. Амвросий про о. Анатолия говаривал, что ему дан особый дар утешать молодых. К о. Амвросию инокини обращались как к старцу, а к о. Анатолию как к отцу, который входил всегда во все нужды и редко кому при встрече не задавал вопроса: а у тебя все есть? О. Амвросий не раз говаривал Шамординским насельницам: я редко вас беру к себе (на беседу) потому, что я за вас спокоен: вы с о. Анатолием. О. Анатолий любил и благоговел пред о. Амвросием, который любил его как сына или брата. Слово о. Амвросия было для о. Анатолия законом. Когда же к о. Амвросию обращались с просьбами по делам скита, то он всегда отсылал их к своему начальнику, как называл о. Анатолия. О. Анатолий своих духовных детей по всем важным делам за советом направлял к о. Амвросию, но о. Амвросий при таких случаях всегда спрашивал: а что сказал о. Анатолий? И когда узнавал, что тот не советовал так делать, как просили, и сам не давал своего благословения.

Когда мать София заболела и была в Оптиной, сестры приходили ее навестить и делились своими горестями и опасениями, как бы не умерла матушка. О. Анатолий входил в их настроение и высказывался так: правда, она нам еще очень нужна. Такое доверие, какое имеют к ней, трудно приобрести. Я иногда скажу кому-либо, сделать так, а мне и говорят: я еще матушку спрошу, как она благословит. И когда он говорил это, видно было, что говорил с радостью и утешением. Но, видя ее изнеможение и близость смерти, в успокоение сестер указывал на то, что, если Господь ее возьмет, то, значит, она созрела для вечности, ибо Господь, когда человек созреет для блаженной доли, не медлит ни минуты взять его к себе, как бы он ни был нужен здесь. И в пример указывал на св. Василия Великого, которого Господь, несмотря на нужду для Церкви, взял очень молодым, всего 44 лет.

Как и о. Амвросий, о. Анатолий по смерти матушки Софии верил в ее загробное дерзновение пред Богом и иногда сестрам в тяжелые минуты жизни советовал сходить и помолиться на ее могилке. Одна сестра, раз, в посту, будучи звонаркой, проспала время звона к обеду. Игуменья побранила и обещала наказать после говений. Испуганная сестра пошла к о. Анатолию делить свое горе. Тот велел ей помолиться молитвой Иисусовой, прочитав 12 раз «Отче наш» и сходить на могилку к матери Софии. Сестра так и сделала, и, когда, по окончании говения, пришла к игумении за получением епитимии, та ее кротко простила.

Мать Амвросия глубоко чтит о. Анатолия, сама спряла шерсть, из которой был выткан мухояр для рясы о. Анатолию. Когда о. Анатолий по поручению о. Амвросия стал ездить в Шамордино и там служил в доме всеобщие, мать Амвросия всегда, как только он приезжал, посылала к нему сестер за благословением и советами. Пред смертью мать Амвросия испытывала тяжелую тоску, и в это время приезды к ней о. Анатолия и его беседы очень утешали благочестивую старицу.

О. архимандрит Исаакий и о. Анатолий совершали и закладку Шамординского храма. Главную святыню обители и храма составляет древняя и чтимая икона Казанской Божией Матери. Пред нею молился всегда старец о. Амвросий, также и о. Анатолий благоговел пред этой иконой. И нередко, когда сестры бывали больны, пред этой иконой служили молебны, и больные получали облегчение от недуга. А одна сестра была очень больна воспалением мозгов, но принесли к ней эту икону, отслужили молебен, она уснула и скоро поправилась. Пред этой-то иконой всегда оба старца, когда и приезжали в Шамордино, и уезжали, молились, и ею благословляли инокинь. Пламенный почитатель Божией Матери, вдохновенный делатель молитвы Иисусовой, о. Анатолий любил великие Господние и Богородичные праздники и богослужение этих дней. Как в скиту, так и в Шамордино он любил в эти дни чем-либо утешить братию и сестер. Он очень любил, чтобы к службам в эти дни украшалась церковь. Также он любил, чтобы в праздники сестры чаще причащались. Из праздничных песнопений он особенно

любил пасхальные. Свои именины, 3 июля, он, по большей части, проводил на скитской даче, куда приезжал ранним утром с одним из наиболее близких скитских иноков и служил там молебен своему ангелу и св. Филиппу Московскому. В скиту и Шамордино в этот день делалось для иночествующих угощение. На масленице в скиту пекли блины, чего не было в монастыре. В скит приходило поболее братьев и по распоряжению старца их угощали блинами, что очень утешало его доброе сердце. Когда в Шамордино была устроена церковь, то о. Анатолий сам учил сестер уставу богослужения и привез книгу Типикон. Когда была устроена трапеза, то в первый раз о. Анатолий сам пришел туда, освятил пищу и, когда все сели, сам начал чтение за трапезою, а потом и передал чтитце. Когда начато было чтение псалтири, то он опять сам начал чтение это и, когда приезжал и первое время останавливался в ризничей, то иногда и среди ночи выходил посмотреть, читается ли псалтирь. Когда же храм был уже освящен, то он две недели жил и служил, приучал сестер к порядкам службы и учил их петь. Каждый день он присутствовал при каждой службе и сам же учил сестер совершать пятисотницу⁷ и сам, стоя на правом клиросе, наблюдал за ее совершением. Чтения за службами и на трапезе он требовал ясного, точного и неспешного. Он учил также чтить царские дни, как большие праздники, и внушал сестрам мысль о необходимости ежедневной молитвы за Государя. Когда он учил одну сестру чтению псалтири, и та жаловалась, что трудно это ей, старец утешал ее, говоря, что трудно дается, то полезно будет, а что легко, то легко и забывается. А 12 псалмов он велел читать ежедневно и еще чаще псалом, с словами: Готово сердце мое, Боже... При этом давал такие наставления: «читай непрестанно молитву Иисусову, и никто тебе мешать не станет. Даже, когда и много людей будет, ты не станешь замечать. Не ходи по келлиям, не заводи разговоров без нужды. В церкви стой, как ангел, не разговаривай и не оглядывайся: церковь есть земное небо. Идя из церкви, читай: «Богородице Дево, радуйся» и ни с кем не заговаривай, а то будешь подобна сосуду, который был полон, да дорогой расплескался. Когда говеешь, тогда особенно прилежно читай молитву Иисусову. Когда идешь

приобщаться, то в эту обедню особенно смотри за собой, ни с кем не говори и никуда не обращай своих помыслов. Иди приобщаться с покойною душой, призывая молитвы своего духовного отца. Когда в церкви в тесноте идешь прикладываться к Евангелию или образу, то берегись, как бы не толкнуть кого-либо. Этим смутишь ту душу. Ты идешь просить милости у Бога, как же будешь просить Его милости, в Его же храме оскорбивши своего ближнего?! Когда придешь к человеку, чтобы чего-либо у него попросить, и станешь вертеться и смеяться, он не поймет тебя и обидится. Тем более нужно приходить с благоговением к Господу. О молитве он говорил так: надо так молиться Богу, чтобы между душой молящегося и Богом ничего не было и никого. Только Бог и душа. Чтобы молящийся не чувствовал ни неба, ни земли и ничего кроме Бога, а то молитва будет несовершенная. Когда молишься под впечатлением хорошего пения или чтения, эта молитва еще не есть истинная молитва. Вот истинная молитва: пророк Илия положил голову на колени молясь и в несколько минут умолил Господа изменить гнев Свой на милость.

Сам пламенный молитвенник-делатель молитвы Иисусовой, о. Анатолий всегда внушал сестрам творить чаще молитву Иисусову. Он всем и часто напоминал о необходимости постоянной Иисусовой молитвы и при этом соблюдать чистоту сердца. При этом, он рассказывал, что он слышал от старцев Макария и Амвросия. Когда о. Лев был на Валааме, от него молитве Иисусовой научился некий благоговейный инок, о. Евфимий. Совершение молитвы Иисусовой очень утешало дух его, и когда о. Лев ушел с Валаама, о. Евфимий очень грустил, что не с кем поговорить об этой молитве, потому что братия не следовала советам старца. Но вот, он как-то встретился с маленькой девушкой пастушкой и научил ее молитве Иисусовой так, что она стала великой молитвенницей. Когда старцы о. Макарий и Амвросий узнали о ней, то призвали ее к себе и просили научить их так молиться, как ее научил о. Евфимий. О. Амвросий не раз называл о. Анатолия великим старцем и делателем молитвы Иисусовой.

Когда одна сестра, слушая наставления о. Анатолия о молитве Иисусовой, недоумевала: как при этой молитве – не забывается ли Царица Небесная, а Ей она привыкла молиться? На это о. Анатолий высказал, что, кто молится Спасителю молитвой Иисусовой, тот не забывает и Матери Божией. Имя самое Спасителя напоминает о Родившей Его Пречистой Деве, равно и Она, присно с Сыном Своим пребывающая, слышит всех тех, кто Его призывает. Иногда же старец советовал молитву эту творить с прибавлением слов: Богородицей, т.е.: *«Господи, Иисусе Христе, Сыне Божий, Богородицею помилуй мя грешную или грешного»*, смотря по тому, кто читает.

Когда одна инокиня сказала, что у нее плохи глаза, читать не могу, он ответил: читай молитву Иисусову, и спасешься. В другой раз, уже во время предсмертной болезни, он, беседуя о молитве Иисусовой, указал, что есть и другие краткие молитвы, но из них лучшая эта, она самая главная из них и верный путь ко спасению. В пояснение своих слов он нередко приводил и примеры из житий святых и из прологов. И во время своей предсмертной болезни не раз его внимание останавливалось на молитве Иисусовой, и о ней он давал наставления, после которых в изнеможении его глава бессильно опускалась на грудь, и слабеющие уста шептали ту же молитву Иисусову.

Обучая сестер молитве Иисусовой, он занимался с ними как с маленькими детьми, и в этом отношении очень поучителен следующий простой, но трогательный рассказ одной из собеседниц-учениц великих наших старцев. Она говорит:

«Мне было 12 лет, когда у меня явилось желание жить в монастыре, и я убежала от родителей. Они меня нашли, хотели взять, но я никак не хотела возвращаться, и они оставили меня погостить. Через 6 месяцев моя мать, не имея средств платить за меня в монастыре за квартиру, а больше всего боясь с таких лет оставить меня в монастыре, приехала взять меня; но я хотела жить в монастыре, и тогда мать вместе со мною решилась поехать за решением к б. о. Амвросию. Когда мы приехали в Оптину и пришли в скит, слышим б. о. Амвросий куда-то едет, в самом деле, он скоро вышел к воротам, вид его точно Ангел Божий, и поехал на дачу. Все разбрелись, кто куда,

моя мать занялась разговором с какой-то монахиней, а мне не сиделось на месте, и, видя, что монахини пошли в другую дверь по другую сторону ворот, я спросила: матушка, куда они идут, кто там живет? Она говорит: батюшка о. Анатолий, начальник скита. Я спросила: а зачем туда идут? она отвечала: спросить, кому что нужно. И я решилась пойти туда, поглядеть, почему-то это имя запало в мою душу. Я вошла в хибарку, там была одна монашенка, батюшка с кем-то занимался, я спросила: можно мне видеть о. Анатолия? В это время та, которая была у батюшки, вышла, а мне велели войти. Когда я увидела батюшку, то очень испугалась, даже закричала: такого высокого роста людей мне не приходилось видеть в моей жизни. Батюшка был в белом подряснике и такой светлый, точно угодник Божий. Батюшка спросил меня: чья ты, девочка? Я говорю: мне в монастырь хочется, а мать меня не пускает. Батюшка говорит: где она, мать? Мать моя, видя, что меня долго нет, пришла сюда за мной. Батюшка спросил: чья это девочка? мать говорит: моя, батюшка! Батюшка говорит: почему же ты ее в монастырь не пускаешь, она хочет в монастырь. Мать моя заплакала, говоря: мала еще она, не могу ее отпустить. Батюшка так строго ей сказал: я возьму ее в монастырь и беру ее на свои руки. Тогда мать сказала: вручаю ее Царице Небесной и вам, батюшка!

И вот, с 12 лет до 40 жила, росла и питалась духовно от великих старцев б. о. Амвросия и б. о. Анатолия. Всегда я, грешная, пользовалась их милостью, и как дитя они берегли меня. Мне кажется, отец или мать не могут так беречь и жалеть своих детей, как, бывало, старцы заботятся о нас. Батюшка о. Анатолий, бывало, просто так со всеми говорит, из Добротолубия, я, бывало, хотя со вниманием слушаю, но вначале не понимаю. Батюшка начнет толковать, как надо учиться жить, как любить Бога, как молиться, – читать Иисусову молитву...

Когда батюшка, бывало, начнет говорить о молитве, станет такой светлый, лицо прояснится. Много он говорил, только я по молодости лет ничего не запоминала. Бывало, скажет: «я буду тебе давать гостинцы, только читай Иисусову молитву

непрестанно». Насыплет целый карман пряников и других гостинцев, и велит молиться за царя, дал молитву за царя, чтобы я читала утром и вечером. Батюшка не благословлял, когда бываешь в Оптиной, часто ходить в церковь, говоря: «молись дома».

Также не благословлял садиться в церкви первую кафизму (в начале воскресной всенощной) и говорил: «о. игумен Антоний строго заповедовал стоять, у него были ноги больные, в ранах, но он никогда не садился». Еще приказывал не выходить из церкви во время кафизм, говоря: волки бегают, могут тебя утащить. Если нужно пойти, то раньше, или после, но не в кафизмы.

Однажды батюшка говорил: когда я поступил в монастырь, увижу у какого монаха рубль и думаю: какой он богатый. Я спросила, на что же вам были нужны деньги? Батюшка отвечал: «бараночки хотелось; а теперь есть и деньги, и бараночки, но не хочется». Батюшка был очень добр и милостив, все прощал, только строго взыскивал, когда в церкви разговариваешь.

Еще батюшка говорил: когда в церкви беспокоят дурные помыслы, то ущипни себя побольнее, чтобы помнить, где стоишь. Однажды я сказала батюшке, что очень боюсь, что со мною будут искушения, батюшка сказал мне: живи, не осуждай, гляди на всех в хорошую сторону, не заирай за людьми, и Бог покроет тебя. А еще скажу, кто читает молитву Иисусову, у того не бывает искушений. Бывало, начнет батюшка учить, как можно привыкнуть читать молитву Иисусову: «кто читает ее, то Бог вселяется в сердце. Тут Отец и Сын, и Дух Святой, и Святые Ангелы, а святые и не отходят».

Иногда батюшка по два часа объяснял нам, как проходить молитву Иисусову. Он был такой молитвенник. Б. о. Амвросий однажды сказал: «о. Анатолию такая дана молитва и благодать, что единому от тысячи дается, – т.е. умносердечная молитва». Только батюшка все скрывал, нельзя было понять, что он такой великий человек. Немногие и понимали это. Невозможно описать его доброту и любовь к ближним, он душу готов был положить за других; много он терпел от людей, но никогда не

боялся, что про него скажут дурное, а радовался, когда слышал что невыгодное, говоря: «видел бы Бог правду».

Я спрашивала, что читать, когда не хожу к утрени? Батюшка благословлял 3000 молитв Иисусовых, а, если ко всенощной не хожу, то 100 раз Богородице Дево, радуйся.

Однажды говорю: «батюшка, дорогой вы наш»! Батюшка отвечал: за меня и в прежнее время давали хорошую цену: «Алеша, стоишь два гроша».

Я по поступлении в монастырь заболела. Мне было 15 лет, доктора нашли у меня порок сердца и горловую чахотку, и сказали, что я скоро умру, но мне не хотелось умирать; батюшка сказал мне: «читай, как можешь, и сидя, и лежа молитву Иисусову, и все пройдет». Так я и сделала, и за святыми его молитвами выздоровела. И с тех пор прошло 23 года, и я живу, и послушание несу по силам, и по келлии делаю все для себя, хотя и не имею большого здоровья, но прежде не могла и по келлии ходить.

Часто утешая меня в какой-нибудь скорби, батюшка говорил: «потерпи М. будет хорошо, будет у тебя своя келлия». Его слова сбылись, келлия у меня есть, только нет уже на свете дорогого батюшки.

Требуя совершения богослужения строго-уставного, делая для Шамордина подчас и выписки из уставов Оптинских, старец, в то же время, не одобрял действий тех, кто, будучи до изнеможения истомлен послушанием, все-таки, старался все правило свое исполнить. Видя в этом зачатки нехорошие, он говаривал: если не можешь ходить в церковь, не ходи, только не ропщи. Жившим на дачах монастырских на послушаниях он советовал: «на даче живите, хоть спите, да не ропщите, да тайно не ешьте. А то заведется у человека как змея: сколько ни будет есть, все сыт не будет. Ведь вы не по своей охоте живете на даче. Живите и спасены будете. Больным сестрам, скорбевшим, что не могут бывать за богослужением, старец в утешение говаривал, что им зачтется и прежняя молитва, а теперь довольно одной домашней молитвы, только надо следить внимательно за сердцем: не по лености ли более, чем по болезни остаешься дома.

Смотря на жизнь иноческую, как наиболее приспособленную для всецелого служения Господу, старец при каждом случае выяснял сестрам высокое значение этой жизни и ее частностей. На общежитие он смотрел как на прекрасную школу для выработки смирения и терпения. Он говаривал в объяснение мысли, что общежитие умерщвляет страсти, так: «в норе и змея сидит тихо, а тронь ее, она и зашипит. Так и в общине. Возьми разных камней, положи в мешок и долго тряси, они станут круглыми – так и в общине. В потолке гвозди темные. На полу светлые – потому, что по ним ходят, и они становятся блестящими. Так и монах, очищенный скорбями, бывает светел. Мы видим согрешающих, но не видим кающихся. Дева, говорит старец, посвятившая себя Богу, должна всячески удаляться не только худых дел, но и мыслей, ее душа должна блистать чистотою, и она должна предстать непорочной Жениху-Христу. А для этого нужно больше всего беречь глаза. Где ни бываешь, всюду держи глаза вниз, вспоминая свои грехи и смотря в землю, в которую должна будешь отойти. Идя по монастырю, не размахивай руками, не гляди в окна, не ходи без дела по келлиям, сиди дома, и будешь спокойна». Старец высоко ценил келлию и говаривал: «сиди в келлии, старайся больше всего держаться ее. Через это монах может избежать многих искушений. Если камень лежит на дороге, все по нему ездят и ходят, а если где-либо в сторонке, лежит на лужайке и мхом обрастет: никто его не тронет. Так и монах. Если будет в келлии, то станет преуспевать в духовной жизни и молитве Иисусовой, а если он ходит по келлиям, то потеряет душевный мир и будет никуда не годным». Когда первых сестер назначили к одеянию в иноческие одежды, старец особенно много поучал их жизни иноческой. Он очень неохотно отпускал сестер домой и говаривал иногда: у нас была девочка, она поехала на родину, уж как ее не пускал, не послушалась, да и не вернулась, очень жаль ее.

Высоко ставя иночество, он еще более высоко ставил старческое окормление, (т.е. воспитание старцем инокини в жизни иноческой). Про себя он говаривал, что дня не мог пробыть без того, чтобы не видеть старца и не открывать своих

помыслов. Он очень любил ревностных в этом деле иночествующих, советовал чаще и чище каяться во всем, выяснял цену покаяния. Слова и утешения его имели такую силу, что многие сестры оставались в монастыре только благодаря силе старческого влияния на них старца. Он советовал постоянно приносить сердечное покаяние Господу, а от о. духовного ничего не скрывать. Пользу откровения помыслов он, в частности, определял в том, что это откровение помыслов развивает сознание и болезнование о своей греховности, отчего и развивается столь нужное для дела спасения смирение. Когда советов старца не исполняли или делали наоборот, не имели мира душевного и получали вред, а не пользу. Одна сестра, вопреки совету старца, съездила на богомолье в Задонск, и ни минуты не имела радости и покоя, а когда потом испросила у старца прощение, почувствовала мир и только тогда нашла утешение в воспоминаниях о поездке. Особенное внимание старец обращал на нравственно неокрепших и с ними более всего беседовал. Когда, однажды, сестра стала огорчаться на него, что он более их занимается с одной сестрой, то он сказал: потому тебя менее беру, что тебя гони, так не спихнешь, а она того и гляди, что убежит из монастыря, что через три года и сделалось, к искреннему огорчению обители. Другая сестра была предназначена им к пострижению в мантию, но почему-то отказывалась, старец огорчился и, когда она на его вопрос о том: что приехала в мантию постригаться, сделанный троекратно, отвечала: нет, но думаю, что эти слова ваши так не пройдут, ответил: нет, пройдут. И действительно, он скоро умер, а эта сестра так и осталась им непостриженной в мантию, о чем потом много раз горевала. Старец еще говаривал, что для лучшего откровения помыслов очень много помогает молитва Иисусова, которая, утвердившись навыком, потом сама собою идет в мысль и сердце. Молодое дерево легко выдернуть, а старое не так-то; так и всякий грех, и привычка, говорил он. Относительно пути подвижничества старец говорил сестрам: держись середины, вперед не забегай и назад не отставай. Занятым послушаниями он особенно советовал прилежать молитве Иисусовой, взамен

правил. Одна сестра, между прочим, рассказывала о старческом руководстве ею о. Анатолием так:

«Я поступила в монастырь 33 лет и, еще живя в мире, почти постоянно была больною; поступивши в монастырь, я совсем не была здоровою и часто изнемогала под своим крестом постоянных болезней; тогда приходила к батюшке о. Анатолию, и он поддерживал мои душевные силы.

Одно время я была очень больна, батюшка пришел ко мне, я сказала ему: батюшка, я не спасусь, у меня бывают разные помыслы. Батюшка мне отвечал: что в море плывет, всего не переловить, так и помыслы, приходят и проходят, только ты ими не увлекайся, а гони их от себя вон, они на тебя нападают потому, что рано приняла постриг. Потом я ему говорила: батюшка, благословите мне каяться в прежних грехах. Он сказал: «если ты в прежних грехах будешь каяться, то они вменяются в грех, потому что ты приняла постриг, а раньше каялась в них, и они прощены». Я сказала: я послушания никакого не несу: благословите мне взять на себя подвиг жить одной, чтобы поститься, молиться и спать на голых досках.

Он сказал: «сколько тебе ни сидеть в углу, поневоле ты вздумаешь о своих подвигах; ты знаешь, лукавый не ест, не пьет и не спит, а все в бездне живет, потому что у него нет смирения. Это враг искушает. Какие тебе подвиги? С тебя довольно и болезни. Терпи, что Господь тебе дал. А ты покоряйся воле Божией, вот тебе и подвиг, читай Иисусову молитву, подвиги есть листья, а Иисусова молитва есть корень и плод всего. Смиряться, во всем себя укоряй, с благодарением неси болезни и скорби, – это превыше поста, и подвигов, и всех послушаний». Однажды я ему сказала: батюшка, со мною искушение – мне не хочется у вас исповедоваться. Он кротко мне ответил: «исповедайся несколько раз у б. о. Амвросия». Когда батюшка уехал в тот же день, то по прошествии трех дней, мне стало так легко, и мои искушения все пропали, как бы их и не было. Я с нетерпением ждала батюшку покаяться в своих грехах. Вскоре он приехал, я очень была рада, исповедовалась, прощения просила; он меня простил и утешал, давал душевные назидания и укреплял меня.

Будя духовные запросы, духовную настроенность, воспитывая чуткость совести, старец приучал сестер и к телесным трудам. Все послушания он объяснял, как виды служения Господу и учил терпеливому несению неизбежно-связанных с честным исполнением всякого дела прискорбностей. Первое время в Шамордине сестер было около двадцати с небольшим, все молодые, работы было много, скорбностей не мало, к тому же закрадывалось опасение: устроится ли тут монастырь. Сестры сами обрабатывали землю, все работы справляли сами и нередко унывали. О. Анатолий, приезжая, поддерживал в них бодрость духа и нередко воодушевлял их своим примером. Однажды сестры разбивали навоз и плакали, утомленные непривычной работой. О. Анатолий приехал, взял вилы и сам стал раскидывать: уныния как не бывало. Иногда он труженицам привозил то пряников мятных, то баранок оптинских: так старец-подвижник утешал юных искательниц горнего мира. Всех он благословит, когда приедет на работы, утешит, и неудивительно, что сестры, когда узнавали, что он едет, с радостью бежали навстречу дорогому старцу. Когда же сестры, живя в лесу на даче, скучали и боялись страхований: им казалось, что кто-то ходит около дома, ревет, старец отслужил молебен и советовал читать чаще молитву Иисусову; сестры последовали его совету и успокоились.

Когда сестры жаловались на старшую или не ладили между собою, старец участливо входил в их горе, разбирал, примирял и наставлял, как вперед делать, чтобы избегать неладов. Одна сестра тяготилась в разное время разными послушаниями и жаловалась о. Анатолию. Он утешал, убеждая терпеть, причем однажды, когда она спросила: когда меня выведут с послушания, сказал: «когда исправишься». Другой сестре, по поступлении в обитель бравшей у него благословение на покупку евангелия и псалтири, дав это благословение, сказал: главное – неленостно неси послушание, оно тебе пусть будет паче молитвы и поста... Скорбевшей на даче, он говорил: терпи, все пройдет, а как после хорошо будет. Ты не скорби, а терпи и

смиряться, и спасет тебя Господь. В скорби и печали советовал прибегать к памятованию о Боге и этим увеселять душу.

Отказывавшимся от тяжелых послушаний он говаривал, что нужно и лучше потерпеть, потому что по времени все устроится к лучшему. Одна сестра тяготилась послушанием и печаловалась ему, старец сказал только: потерпи малость. Прошло немного времени, она заболела, а, когда оправилась, ей дали новое послушание, и она освободилась от тяжелого. Та же сестра раз в скорби пришла к о. Анатолию и в горести высказалась, ах, зачем я пошла в монастырь? На это он сказал ей: «если бы в миру знали, как трудно жить в монастыре, то, хотя бы их палкой били, не пошли бы в монастырь, лучше бы босые ходили, да в миру; а, если бы знали, какая награда монашествующим на небе, все бы бросили и ушли бы в монастырь». Он очень не любил, когда кто в скорби желал себе смерти, и обличал, а одну припугнул, когда та так говорила, «а хочешь, я помолюсь, и ты умрешь»? Та, конечно, нет, нет, и стала просить прощения: увидала, как мало она подготовлена к смерти, которой так легкомысленно просила себе. Прекрасный знаток «Добротолубия», он часто давал в скорби читать слово Иоанна Карпафского. «Все искушения пройдут», говаривал часто старец, только нужно потерпеть, тогда и получишь отраду, если не здесь, то непременно в будущем. Живите, говорил он, друг друга не оскорбляйте, друг друга тяготы носите, несите послушание, и спасены будете. Ведь мы пришли ради Господа, оставили отца и мать, так и надо все терпеть». Одной сестре за службой, при пении: «Твоя песнословцы, Богородице» ..., пришла мысль, что только певчие получают награду, и она огорчилась, что не певчая. С этими думами она направилась к старцу. Тот встретил ее, троекратно спросив: «ты поешь?» и, получив отрицательный ответ, сказал, указывая на сердце: «вот то-то и дело, что тут-то не поется», причем указал на сердце, давая тем понять, что всему цена внутреннее настроение души во время прохождения послушаний, а не их характер. Уча терпению, он говорил еще так: «возьми камень, бей его, хвали. Ой будет молчать – так и ты будь в оскорблениях». Утешая скорбящих на послушаниях, отец Анатолий иногда рассказывал

что-либо из житий святых подходящее, иногда вспоминал виденное. Одной сестре, которая тяготилась послушанием в саду, он рассказал, что один подвижник, бегая славы в своей обители, ушел в другую и там, как простой, принужден был рыться в саду, он желал узнать: угодно ли Богу такое его дело и увидал сон, что он умер и происходил суд; на нем, когда уже нечего было положить в заслугу ему и в ослабление веса грехов, ангелы бросили тогда лопату, и она перетянула чашку весов с грехами. Другой сестре, тяготившейся, что ее зовут на всякие послушания, старец только сказал: «зовут, значит нужна». Третьей сказал, когда тяготилась подбирать картофель, что и он этим делом любил некогда заниматься. И все три утешились, и с новыми силами принялись каждая за свое дело. Он учил не предаваться отчаянию, а для этого всегда держать себя в чувстве готовности к скорбям. В пояснение же того, как негоден Господу ропот, старец рассказывал следующее: «В Белевском монастыре жила схимонахиня –сестра м. Павлины, имела много в жизни скорбей, вела жизнь примерную и по времени скончалась. Через несколько времени, после усиленной молитвы любившей ее монахини и желавшей знать ее загробную долю, эта монахиня увидала ее во сне. Почившая сидела в прекрасной комнате, в необыкновенном свете, но при этом была не весела. На вопрос о том: почему она не весела, отвечала: хорошо, но несравненно было бы лучше, если бы я видела лице Божие, а этого мне нельзя. Я не несла скорби без ропота, а, чтобы видеть лице Божие – нужно пронести крест скорбей без ропота, когда жезл скорбей проходит в самое сердце».

Порицая человекоугодие, старец труды других ценил и всячески поощрял усердных, нередко приговаривая: «а я никак этого так хорошо сделать не мог бы». Когда же ждали, что наследники матери Амвросии увезут все ее вещи, и особенно иконы, сестры скорбели, но о. Анатолий с благословения о. Амвросия приезжал к ним, брали Казанскую, служили молебны, он утешал сестер, и наследники ничего не взяли, что было дорого сестрам. Так же о. Анатолий спешил утешить своим присутствием, словом и содействием сестер, когда сгорели

дачные постройки, и пришлось сестрам бедствовать временно. Нередко старцу приходилось ездить в Шамордино в дурную погоду, весной, в разливы реки, не раз он подвергался опасности утонуть, ломались экипажи, не раз его уговаривали оставить эти труды, старец, был верен своему наставнику и его завету, служить Шамордину, и мысли он не мог допустить, чтобы оставить сестер без исповеди, говения или, вообще, утешения беседою и наставлениями. Он говорил: «никогда не оставлю Шамордина и своих духовных детей. Старец дал мне послушание, и я не могу отказаться».

Старец заботился, чтобы быт сестер был получше, но слабостей не допускал. В первое время в Шамордине был общий чай, и он никак не позволял сестрам иметь по келлиям самовары, равно не позволял, чтобы кто-либо и что-либо варил по келлиям. В смирении он полагал все и не раз говаривал, что спасение не от места, а от устройства.

При Шамордине скоро устроился детский приют, и детей этих старец очень любил, как и вообще он очень любил деток. Ходя гулять иногда с детьми, он бросал конфеты в траву и смотрел, как дети искали эти гостинцы. В приют он посылал еще иногда яблоки, и особенно много забот он приложил, когда в приюте, в его бытность в Шамордине, случился ночью пожар. Старец с Казанской иконой пришел к огню и, когда другие тушили, он пламенной молитвой содействовал прекращению бедствия. Дети иногда писали ему забытые на исповеди грехи, и он отвечал, а раз, за грехи наложил общую епитимию, послав им письмо. Он был дружен еще с известным подвижником Тихоновским настоятелем о. Моисеем, с которым, тоже случившимся в то время в Шамордине, он и обносил Казанскую икону во время пожара. Объясняя одной сестре причину своих особенных забот о детях и молодых, старец говорил: «ты пришла в монастырь в совершенных летах, и тебе не требуется таких утешений, как юным. Молодое деревцо нужно окапывать и поливать, иначе оно засохнет. Так и душа юная, отстранившись от родных и не видя утешения ниоткуда, может прийти в уныние. Когда молодое дерево поливают, и оно примется, и

будет расти, тогда уже не требует ухода, и его оставляют без такой заботливости, как было ранее».

Не было мелочи, не было ничего, где бы не касалась любящая рука старца в обители, везде он вносил мир и успокоение, примиренность с своей долей, усердие и ревность о спасении. Некогда он, с благословения о. Амвросия отказался от предлагавшегося ему настоятельства, и всю жизнь посвятил родной обители и старцу с основанной им обителью. Всегда сердечный и внимательный к родным, он и к ним относился не более любяще, как и к прочим: все ему уже были родные, его сердце горело любовью Христовой. Когда он служил литургию, после внимательного и тщательного приготовления, и во время херувимской стоял с воздетыми горé руками, этот преклонный старец, поистине, казался уже неземным обитателем для чтущей его братии.

Как серп подсекает колос, так и решимость отдаться под полное старческое водительство о. Макария и Амвросия в корне подсекла в о. Анатолии все, из чего могли бы развиваться греховные привычки и навыки обыкновенного грешного человека. Все немощное и слабое, как вянет подкошенная трава под лучами палящего солнца, увяло в нем под действием поста, послушания и строгой жизни вообще, а огонь молитвы, столь пламеневший в почившем, возгрел его дух и, очистив, укрепил, и о. Анатолий на склоне дней своих имел те же дары духовного совета, прозрения в тайники души человеческой и знания будущего, чем были так богаты его наставники великие старцы Макарий и Амвросий. Он предугадывал о смерти близких его духовных детей, их болезни и невзгоды, и осторожно предупреждал тех, к кому приближалось испытание. Воспоминания его духовных детей полны описанием подобных событий. Упомянем о некоторых.

Одной инокине и одному иноку еще задолго он предрекал на ожидавшие их настоятельства; одной девушке приоткрыл скорую смерть, а инокине болезнь ног, предупреждал о готовящихся испытаниях и отрешении от постигших скорбей. В самой его наружности отражалась его духовная высота и высокое настроение молитвенное. Даже в мелочах было видно

поразительное его смирение; ревность духа и скромность его чужда как человекоугодничества, так и видимого сурового подвижничества.

Батюшка имел характер необыкновенно добрый, был очень милостив; наша матушка игуменья говорила о нем: это не отец, а нежная мать своим детям. Один посетитель так отозвался о батюшке: это необыкновенно умный, необыкновенно добрый и вполне русский человек.

Он терпеть не мог лицемерия и лести, любил прямоту и откровенность, и сам был очень прямой. Б. о. Амвросий говорил о нем словами Евангелия: *«это израильтянин, в немже лъсти нєсть»*.

Он был очень доверчив и сам, относясь ко всем просто, никогда не подозревал в ком-нибудь лжи или обмана. Часто, выслушав рассказ кого-нибудь о своих скорбях, он очень принимал это к сердцу и скорбел об этом человеке. Иногда кто-нибудь скажет ему: батюшка, да правду ли они вам говорили? Батюшка отвечал: да зачем же они будут меня обманывать? Сострадателен он был в высшей степени; когда он знает о чьем-нибудь горе, он долго волнуется, пока сделается нервная боль головы, оттого, по замечанию врачей у него произошла болезнь сердца, от которой и другие болезни. Иногда, прочитав в газетах о каком-нибудь грустном событии в другом каком-нибудь государстве, долго он, бывало, говорит и жалеет. Памятно нам, как он скорбел о гибели парохода «Русалка». В обращении своем, простотой он очень напоминал б. о. Льва, которому он, верно, и подражал. Иногда он выйдет к ожидающим его в хибарке, весело, шутливо начнет что-нибудь рассказывать; в его рассказах всегда бывал какой-нибудь назидательный смысл, иногда он станет говорить о каких-нибудь человеческих пороках. Близкие его, видя, что иногда его понимают не таким, каков он есть, скорбели и говорили: батюшка, вот вы говорили, некоторым это, может быть, не понравится, и они примут это на свой счет. Он отвечал: мне это все равно, что про меня скажут: правда выше всего; у св. Макария Египет. сказано, что он 12 лет просил у Бога даровать ему простоту; а я 17 лет просил и не могу ради людских мнений поступаться ею. Батюшка не любил,

когда за всякую мелочь ему приносят усердные благодарности, но и не любил видеть в человеке бесчувствия и неблагодарности, когда человек ничего не ценит.

Он имел ко всем людям самую искреннюю любовь, особенно к своим духовным детям. В ком он видел особенную к себе привязанность и преданность, к тем и сам был более расположен и не отказывался от своего расположения к этим людям, и защищал их.

Иногда ему говорили: батюшка! что вы ее покрываете, про нее говорят то и то, и это правда. Он отвечал: пусть говорят, что хотят, а я знаю ее душу. Когда ему кто-нибудь наносил какое-нибудь горе или неприятность, и он видел, что человек это сделал по неопытности, или не рассудивши и искренно в этом раскаивается, он прощал и никогда более не вспоминал этого поступка. Но, кто под видом расположения к нему, воспользовавшись его доверчивостью и искренностью, причинял ему неприятность и, узнавши, что о. Анатолий это знает, просил у него прощения, батюшка прощал, но уже не возвращал своего доверия. И правда, после бывали случаи, которые доказывали, что этот человек имел только наружное расположение к нему. Когда он знал что-нибудь дурное о ком-нибудь из своих духовных детей, он никогда не делал выговора, но ждал, что человек сам раскается, так как он любил искреннее признание и никогда не придавал значения каждой мелочи; своим обращением он давал понять, что он недоволен; и, если этот человек, видя, что батюшка стал не такой, как прежде, спрашивал, что такое и тут только начинал признаваться, тут батюшка начинал говорить и, имея очень горячий характер, высказывал иногда очень строго все, что он давно знал, но не делал замечания. Но, как только человек смирялся, просил прощения и раскаивался, о. Анатолий тотчас прощал и после старался утешить. Бывало, выйдет он на общее благословение, что-нибудь говорит; кто стоит ближе, конечно, слышит лучше, а если придется стоять сзади, станет, бывало, грустно, что, вот, тебя и не видит. Батюшка точно почувствует и подойдет, спрашивая: где ты была? или взглянет так ласково и отечески, что радостно станет на душе. Бывало, придешь в хибарку, тут

сидят несколько человек, все тихо. Вот в коридоре слышится тихий скрип обуви и шаги батюшки, открывается дверь, и он является на пороге в белом балахончике, подпоясанный ремнем и ласково говорит: кто тут есть? Благословляя, он скажет что-нибудь, или только взглянет, и станет весело и отрадно.

Пища его в Оптиной была первый и все почти годы, до последних двух лет, на трапезе, куда он ходил вместе с братией. Кушал он очень мало. В последние годы, когда он не ходил в трапезу, кусочек соленой рыбы с хреном, или паюсной икры, затем уха и гречневая каша с квасом и зеленым луком, – вот весь и обед, который на очаге готовил его келейник, так же и ужин. Чай он кушал два раза в день, с чаем не употреблял ни хлеба, ни варенья. Иногда скажем: батюшка! благословите подать чаю? он скажет: уж этот чай, чай, лучше нет милой водицы. Воду он любил больше всех напитков. Пил и кофе, но очень редко.

Когда о. Анатолий бывал в Шамордине, тогда из Шамордина ему приносили кушанья более разнообразные, но он всему предпочитал тертую редьку с квасом, и, когда ее не бывало за обедом, он, бывало, скажет: все хорошо, но скучно без милой редечки. И вспоминал, как он очень любил селедку, а о. Амвросий благословил ему вместо селедки есть тертую редьку. Сестры, бывало, спросят: батюшка, зачем вы все кушаете редьку? Он отвечал: вы, бестолковые, ничего не понимаете, наша жизнь горькая: нужно и есть горькое. Великим постом он привозил с собою сухарей из скитского черного хлеба, приказывал наложить на тарелку, налить квасом и кушал. Задолго до В. поста говорил: вот, скоро придет хорошая жизнь, натрем редьки, намочим сухарей...

Батюшка был милостив даже к птицам, зимой у него всегда стояла под окном клетка с конопляными семянками; только он не любил жадных, завистливых воробьев, и была сделана проволока: когда воробей прилетал, нужно было, дернув за проволоку, испугать его и заставить улететь. Батюшка очень любил цветы, в вазах всегда стояли букеты, всегда с собою в

Шамордино он привозил цветов, в Оптиной многим посетителям давали цветы.

21 год служил старец своим чадам-насельницам юной обители, и неудивительно, что все привыкли к нему, как к родному отцу. Он же, верный сподвижник великого старца-основателя обители, весь был предан святому делу водительства душ ко спасению и на это дело положил все свои силы.

10 октября 1891 года скончался старец о. Амвросий, и эта тяжелая утрата, оплаканная старцем о. Анатолием вместе с двумя обителями: Оптинской и Шамординской, тяжело отразилась на здоровье о. Анатолия. Некрепкий от природы здоровьем, надорванным, к тому же, подвигами, тридцать лет страдавший сильными головными болями, о. Анатолий после смерти о. Амвросия стал быстро слабеть. Задумчивый и грустный, он тяжело чувствовал свое духовное сиротство и сам быстро приближался к закату жизни своей. К этому прибавилась еще скорбь: ему местным преосвященным, нерасположенным к о. Амвросию и всему его делу, временно было запрещено ездить в Шамордино, хотя скоро это запрещение и было снято, но оно оставило на здоровье старца тяжелый, глубокий след. В конце 1892 года он ездил в С.-Петербург и Кронштадт повидаться с о. Иоанном, которого он давно чтил, и посоветоваться с врачами. Вместе с о. Иоанном о. Анатолий служил в память о. Амвросия, 10 октября, и утешился беседой с ним. Врачи же нашли у него слабость сердца и отек легких. Согласно их советам, он начал было лечиться, но это лечение, требовавшее прогулок, скоро прекратилось: ноги старца стали пухнуть, обувь не стала входить, не мог он и ходить. Началась с осени 1893 года его предсмертная болезнь. Три месяца сидел он в кресле дни и ночи, и пред тем проболел всю осень. 7 сентября и 10 октября силы еще возвращались к нему настолько, что он мог еще отслужить в эти дни памяти его незабвенных наставников, но вообще, он быстро таял. Когда силы стали падать, он еще раз посетил Шамордино, горячо помолился пред Казанской иконой и на могилке м. Софии, все осмотрел, всех благословил, всех утешил своим приветом и

лаской: то были для Шамординских насельниц последние отблески гаснущей, столь яркой и дорогой, звезды благочестия.

Предсмертная болезнь старца была тяжела, особенно тяжела была порою являвшаяся сильная икота. Но он кротко и смиренно переносил недуг. 15 декабря 1893 года он тайно принял схиму, о чем знал только его духовник о. Геронтий да несколько близких лиц. Неоднократно исповедовался старец, а Святых Таин Тела и Крови Христовых приобщался до последнего дня. К нему были в это время приносимы святые чудотворные иконы Ахтырско-Козельская, Казанская-Оптинская, и Шамординская, и Калужская. Пред ними в молитве старец находил успокоение. Утешался он, когда в дни недуга ему читали св. Евангелие, особенно 14 и 15 главы Евангелия Иоанна. Св. ап. Иоанна, Григория Богослова, Архистратига Михаила и св. великомуч. Варвару старец особенно чтит в жизни, их он призывал особенно часто и в дни недуга. До последних дней, когда только мог, он не переставал утешать и наставлять своих духовных чад, а среди них были и миряне, и иночествующие из других обителей. Этим последних старец всегда принимал скоро, и когда Шамординские говаривали ему о том, он отвечал, что они-то и подождать могут: близко живем, а те – сколько трудов перенесли, чтобы добраться, да и часто ли в жизни они могут прийти? Из древних подвижников в это время он чаще всего вспоминал об Антонии и Пахомии Великих. С благоговением вспоминал Оптинских старцев: Льва, Макария, Амвросия и о.о. настоятелей: Моисея и Антония, а также мать Софию, и многих других, и еще, особенно, архиепископа Григория. В дни недуга ему служили, чередуясь непрерывно, с благословения преосвященного, сестры Шамординские. Только за неделю до смерти старец был в состоянии с кресла перейти на кровать. Во время болезни он был еще утешен телеграммами о. Иоанна Кронштадтского и вел. князя Константина Константиновича. За полтора месяца до смерти он благословил Шамордино иконою Знамения Божией Матери – Пречистой он вручал в своих молитвах юную обитель.

Всех он благословил, со всеми простился и, во время чтения отходной, в 4 часа 25 минут утра, 25 января, 1894 года,

тихо почил, на 71 году своей жизни.

Глубокая скорбь охватила сердца преданных ему иноков и инокинь, и лишь сознание, что старец наследовал долю праведных, да молитвы облегчали перенесение тяжелой утраты, столь близкой к другой великой утрате: смерти о. Амвросия. Многие из сестер видали после этого старца во сне, то в священных облачениях, то утешающим, то исповедующим, то врачующим, и после этих снов чувствовали утешение, отраду, а некоторые и облегчение от недугов своих. Старец погребен недалеко от своих наставников, и часто там возносится молитва об упокоении душ всех этих лучших друзей человечества. Так угас седьмой великий в многочисленном сонме Оптиных подвижников светильник могучей веры и беспредельной любви к людям страждущим и скорбящим под бременем греховной нашей жизни. Он покоится среди своих наставников. Справа, в Казанской церкви почивают о. Моисей, о. Антоний и о. Исаакий, а впереди его, несколько слева, о. Лев, о. Макарий и о. Амвросий.

На небосклоне вечером, когда взойдет луна, и все: и земля, и воды, и леса, и поля, все точно покроется тишиною, ярко блещут на небесах звездочки и тонут в бездонной глубине. И среди них особенно ярко светят семь больших звезд, которые зовутся большой медведицей... На эти небеса и на эти звездочки так часто любил смотреть наш почивший старец. Взглянем и мы: сколько людей, плывущих по морям, руководились и руководятся в своих путях этими звездочками... А от звездочек приникнем опять к земле, к нашей многострадальной родине. Сколько в ней было святых и великих в своем смирении сынов? сколько подвижников, всю жизнь отдавших на служение Господу и своим ближним? И среди них наши семь великих сынов Оптиной пустыни – не являются ли они подобными этим семи великим звездочкам, не может ли и нам их жизнь, как те звезды для путников по глубоким морям, послужить путеводной звездой к горнему миру, среди всех треволнений такого опасного и бурного моря, как море житейское?!...

Священник Андрей

(Память 4 июля).

Священник села Крупичполя, Борзенского уезда, Андрей Слоницкий переместился сюда из другого села, единственно, для поддержания матери и родных, живших здесь.

Он устроил жизнь сестер и брата, несмотря на то, что в кругу семьи терпел много неприятностей. В 1846 г. возвращаясь из Борзны, где говорил проповедь, не нашел он у себя ни кола, ни двора: пожар истребил все его имущество; при этом жертвою пламени был восьмилетний сын его, сонным забытый матерью, едва успевшей спастись с другими детьми. Два года жил он с семьей в чужой тесной хате, где постигла его новая потеря, смерть другого сына. Терпеливый, как Иов, говорил он тоскующей жене: «не плачь: на все воля Божия! Бог дал нам состояние, Он же и взял; если нужно, Он же и подаст. Сеющий слезами, пожинает будет с радостью, если не здесь, то там». Спустя два года после пожара, он оканчивал дом, но перед тем новые тяжкие скорби поразили его: трехлетний сын умер от холеры, а потом умерла жена его. Пораженный столькими потерями, о. Андрей заболел горячкой и не в новый дом свой перешел, а в другую жизнь. Он был священник и добрый, и умный. Раз, один из товарищей спросил его: «отчего злословие чернит, по большей части, людей честных?» О. Андрей отвечал: «а отчего червяк точит только вкусный плод?»⁸

Схимонахи Адам и Андрей

(Память 4 июля).

Схимонах Адам был истинное чудо простоты и незлобия, каким Господь обетовал Небесное Царство. Никогда не видали его гневающимся и ни за кем он не замечал погрешностей и пороков. Его занятие было рыболовное, а в келлии – вязание сетей. Когда оказывался недостаток рыбы для братии, то Адам горевал и скорбел, и как бы в наказание лишал себя пищи. Никак не оставлял церковных служб, и в церкви никогда не садился. Не зная читать и писать, он питал ум и сердце молитвой Иисусовой, любил слушать жизнеописания святых и старался, по возможности, подражать им. Адам скончался в 1859 г., 86 лет. Во время новоначалия он имел своим наставником родного своего дядю – схимонаха Андрея, строгого подвижника. Последние минуты жизни сатана окружил одр этого Андрея своим полчищем, дыша злобою и неистовством, чтобы смутить и поколебать подвижника в уповании на милость Божию. «О, как их окаянных много набралось сюда», восклицал старец, видя келлию наполненной темными посетителями, но, в то же время, сподобился горней помощи и заступления, и духи злобы исчезли. «А, побежали, испугались Царицы Небесной», проговорил он с радостью. После этого, дрожащим голосом он себе пропел надгробную песнь: «Со святыми упокой... надгробное рыдание», и с победной песнью «аллилуйа» испустил дыхание⁹.

Иеросхимонах Иоанн, первоначальник Саровской пустыни

(Память 4 июля).

Основатель Саровской обители первоначальник Исаакий, в схиме переименованный Иоанном, по происхождению своему был звания церковно-служительского; уроженец села Красного, Арзамасского уезда, Нижегородской губернии.

С 19-ти лет, возлюбив монашеское житие, и из любви к Богу оставив мир, он водворился в Введенской обители в Арзамасе, где в 1689 году и пострижен в монашество. Добродетельная в смирении жизнь его, всецело посвященная на служение Богу, вскоре обратила на него внимание начальства. В 1692 году, при патр. Адриане, рукоположен он преосвященным Евфимием, митрополитом Сарским и Подонским, в сан иеромонаха, а впоследствии избран и в строители монастыря. Но Промысл Божий руководил старца на иные спасительные подвиги. Душа его стремилась к пустынному безмолвию. По некотором времени управления обителью, вследствие любви к безмолвию, старец удалился в непроходимый дремучий бор, в Саров, к монаху Илариону. Тут прежде жили отшельники: Феодосий, Герасим и Иларион. Каждый, отдельно от других, хранил молитвенное уединение. Хотя отшельники не остались до конца дней своих в избранном ими жилище и в 1689 году отошли в иные места, однако все согласно прорекли о будущей славе этого места. Иоанн принял благословение Илариона и безвыходно поселился в его келлии, в глубоком уединении, среди дремучих лесов. Различными способами враг рода человеческого нападал на инок, непрестанно усиливался наводить страхования ночные и томления духовные, которым тот подвергался в своей тяжелой борьбе. Иногда являлось Иоанну целое полчище бесов, с криком хотевших изгнать его из пустыни, иногда наносили ему разными соблазнительными внушениями крайнее смущение, злокозненно склоняли его оставить пустыню; представлялось, например, ему, что его мать и ближние родственники со слезами приступали к нему, умоляя

оставить неудобноисполнимое желание и возвратиться на жительство в обитель, где они могли бы пользоваться его беседою. Враг рода человеческого, когда таким образом не успевал смутить и поколебать отшельника, воздвигал внутреннюю бурю в сердце его. Вольный страдалец чувствовал мрачную тоску и убийственное уныние, поражавшее душу и тело каким-то мертвенным оцепенением, так что и самая молитва не скоро могла разогнать тоску сию. Бывали такие минуты, что келлия пустынная казалось ему смрадной темницей, и даже чувственный смрад наполнял ее внезапно так, что отшельник иногда принужден был выходить из нее на свежий воздух, и когда возвращался в нее, то всякое рукоделие и чтение делалось совсем невозможным от глубокого уныния. Однажды по действию духа искусителя, так сильно было волнение духа юного отшельника, что вся его пустынная келлия, казалось, как бы колебалась вокруг него, сам он весь от головы до ног будто окружен был пламенем огня и почувствовал жестокую в себе болезнь. Однако Иоанн против страха привидений в одиночестве прибегал к строгому посту и теплой молитве, и тем победил совершенно всякие искушения. Дух нечистый со всеми кознями далеко бежал от Иоанна, постоянно вооруженного молитвою и постом.

Хотя благочестивый отшельник сей сокрыл себя в пустыне, но не мог сокрыть своих добродетелей. Семь лет он провел в глубоком уединении. По слуху о нем и его святой жизни стали и к нему приходить желающие с ним пустынножить. Так собралось несколько человек. Они пожелали иметь и церковь. И нужда им в том была настоящая. Тогда вышел указ, коим повелено было всех, живших в лесах, где монастырей и церквей не имелось, забирать как раскольников. Узнав, что земля между речками Саровом и Сатисом (где ныне монастырь) принадлежит князю Кугушеву, Иоанн отправился к нему с челобитной, и князь уступил эту землю под монастырь. Получив крепостной акт на землю и составив устав общежития, Иоанн представил их преосвященному Стефану, митрополиту Рязанскому и Муромскому. В просьбе от себя и от братии первоначальник испрашивал благословение на общежитие по составленным

правилам и дозволение построить церковь и соградить монастырь, и получил от владыки просимое. Приступая к построению церкви и монастыря, строитель иеросхимонах Иоанн встретил было сильные препятствия со стороны жителей ближайших селений, возникшие по зависти. Крестьяне издавна имели свободный въезд в леса и пользовались звериной ловлей и бортями пчелиными, и боялись этого лишиться с устройством обители. Но и в этом случае благоразумное, кроткое увещание старца усмирило их. Вместо того, чтобы препятствовать, крестьяне стали помогать ему своими трудами в строении. Таким образом, многими трудами и попечением старца иеросхимонаха Иоанна посреди глухой дебри, в самой чаще бора, построена первая деревянная церковь, освященная 16 июня 1706 года в честь Божией Матери, во славу иконы Ее Живоносного Источника. Основался монастырь общежительный. Как скоро разнеслась по окрестностям весть о построении обители, отовсюду собралось несколько тысяч людей, которые принесли с собою всю необходимую утварь для храма, даже колокола и саму пищу для столь многолюдного собрания. А у пустынножителей не было ни утвари для церкви, ни пищи для пришельцев.

В 1711 году окончены первоначальником Иоанном с братией подземные, в полугоре, пещеры, они доведены до половины монастыря под землею. Начаты были еще в 1692 году отшельниками Феодосием и Герасимом. По разным местам устроены в них земляные келлии, в коих прежде жили монашествующие; посреди келлий сделана церковь во имя преподобных отец Антония и Феодосия и всех Киево-Печерских чудотворцев, которая освящена в том же 1711 году, по усердному желанию и при пособии двух царственных благодетельниц к сей обители: благоверных царевен и великих княжон Марии и Феодосии Алексеевн.

Собрав братство в единомыслии, Иоанн предназначил братии многотрудные подвиги. Потом обратил свое внимание и на пришельцев. Он установил, чтобы приходящих и приезжающих богомольцев всякого звания довольствовать общей трапезой, не взирая на число их.

Заботился также старец Иоанн и о том, чтобы дать обители своей средства к существованию на будущие времена. Любовью приобрел он обители от соседних помещиков леса и сенные покосы. Некоторые из благочестивых людей давали и вклады в монастырь, жертвовали вещами и землями, каковые земли и угодья потом были Высочайше утверждены за обителью.

Неутомимый старец Иоанн под конец своей жизни, чувствуя изнеможение сил, избрал в настоятели благочестивого своего сподвижника иеромонаха Дорофея. Сам пожелал провести остаток дней в безмолвной молитве. 13 марта 1716 года он был облечен в схиму. Старец думал только о мирной кончине, но Промысл Божий судил о нем иначе. Шестидесятилетнему старцу предстояло перенести последнее искушение, лишившее его любимой пустыни. В последние годы царствования Анны Иоанновны пришел в пустынь Саровскую один из придворных служителей в послушники и принес с собою, без всякого умысла, в числе своих бумаг, копию с манифеста Петра Великого о престолонаследии, по которому должна была законно наследовать его дочь, – впоследствии императрица, – Елисавета Петровна. Неосторожный послушник промолвился о том некоторым из братьев и, в числе их, старцу Ефрему, одному из сподвижников строителя Иоанна. Оба они присоветовали новому пришельцу не держать у себя столь опасной грамоты, но послушник, по своей преданности к будущей императрице, не хотел истребить акта и упросил простодушных старцев позволить ему укрыть грамоту сию где-либо в церкви с великой тайной. Однако тайна не укрылась от одного из недоброжелателей строителя. Тот сделал донос. Иоанн был вытребован в С.-Петербург, где и скончался в темнице 4 июля 1737 года, и погребен при церкви Преображения Господня, что в Колтовской.

Жития его было шестьдесят семь лет. В Саровской пустыни братия поныне совершают память о нем 4 июля и отправляют соборную панихиду о упокоении души его в небесном царствии¹⁰.

Андрей, русский исповедник в Каире

(Память 4 июля).

Монастырь великомученика Георгия в Старом Каире (Эски-Масыр), хотя и редко бывает посещаем путешественниками и даже местными христианами-арабами (разве только по случаю похорон, так как там находится единственное православное кладбище с церковью в честь Успения Божией Матери): однако эта древность все-таки заслуживает внимания со стороны любознательного археолога-христианина, как по своей древности, так и по своей святыне, чудотворной иконе св. великомученика Георгия.

Подле церкви этого монастыря в боковой комнате устроена маленькая часовня, где поставлена древняя икона великомученика Георгия, имени которого посвящен и самый монастырь. Как христиане, так нередко и мусульмане, в этот монастырь к заветной святыне приводят своих больных, одержимых умопомешательством и падучей болезнью. Страждущих своих привязывают они цепью к мраморной колонне пред часовенкой и, после молебна великомученику, оставляют их там на несколько дней. Узники изредка приходят в сознание и поправляются без всяких лекарств. В том же монастыре помещается и патриаршая богадельня, в которой Александрийский владыка дает убежище 12-ти бедным беспомощным старцам и старицам из местных православных. Этот малый, убогий монастырек, устроенный на стенах древней крепостной башни, памятен тем, что в нем скромно, ни для кого незаметно, подвизался бедный наш соотечественник Андрей, под именем блаженного (мархум, евлогименос). Это был редкий образец христианского смирения и непоколебимой твердости в вере. Смиранный раб Божий, изможденный варварскими пытками, он никому не поведал о прошедших своих страданиях: знал о них только Господь, за святое имя Которого он страдал, да бедный священник, нашедший себе приют в Георгиевской богадельне, духовный отец покойного Андрея, которому он сообщил некоторые эпизоды из страдальческой

своей жизни. Таково было смирение Андрея! Уже после блаженной его кончины, когда повесть о его исповедничестве сделалась некоторым известною, оценили исповедника Христова и подвижника, и вот что удалось узнать от старца-священника о приснопамятном соотечественнике нашем Андрее.

Андрей москов (русский) жил лет 12 в Георгиевском монастыре, в качестве призреваемого, умер в 50-х годах XIX в. и погребен на Старокаирском православном кладбище. Священник знал покойного года четыре. Неизвестно, где в России была родина Андрея. Может быть он и говорил об этом духовному своему отцу, но последний не помнил имени ни губернии, ни города, ни деревни. Судя по тому, где и как Андрей продан был в рабство, можно полагать, что он родился на кавказской линии, в какой-нибудь казачьей станице, следовательно, происходит из казачьего сословия. Да кажется иначе и быть не могло. Кто не знает, как тревожна была жизнь кавказских казачьих наших станиц, особенно лет восемьдесят тому назад? Казаки наши постоянно были в схватках с хитрыми, воинственными черкесами. Им надлежало всякую минуту быть готовыми к отражению вороватых врагов, которые часто, выбрав время, нападали на станицу врасплох, и в таких случаях оставляли за собою пепел, слезы и трупы. После каждого набега черкесов казаки не досчитывались многих своих детей и даже взрослых. Вероятно, и Андрей, еще юный, неопытный, захвачен был при подобных набегах, и уведен в горы, а потом продан на кучерму (судно) турецкого рыбопромышленника. На кучерме привезли его в Стамбул на рынок, и продали за большую цену одному египетскому эфенди.

Несчастный Андрей, не понимавший ни языка, ни намерений своего господина, положился во всем на волю Божию. Слышал он еще в родной станице о тяжком рабстве пленников в горах у черкесов, и думая, что не лучшая участь ждет его у турок, покорился своей судьбе, но никак не представлял, что от него потребуют чего-либо большого. «Буду я, думал он, работать бусурману, и в своей неволе искать утешений у одного Господа; а с православною верою, в которой

я рожден, вскормлен и вырос, никто не разлучит меня; да кому и нужно заботиться – христианин ли я или жид? лишь бы всегда был исправен в своей должности».

Но не так думал фанатик-эфенди. В белом рабе (что редкость) он желал иметь и знак своей роскоши, и образец истого мусульманина, а со временем, может быть, и знатного человека, если подарит его правителю и стране. Подобные примеры в Турции нередки. В старину не мало было пашей и даже великих визирей из рабов, и, преимущественно, кавказского происхождения. Эти рабы, если были христиане, волей-неволей принимали исламизм, и сначала верой-правдой служили своему господину, потом, если господин был правителем какого-либо пашалыка, получали какую-нибудь неважную должность в его штате, затем роднились с семейством своего эфенди, и, наконец, пользуясь силой богатого и влиятельного сатрапа, выходили в люди, и иногда достигали высших степеней в государственной службе. Рабы у своих эфендиев-сановников часто занимали и важные должности, так что пред ними нередко преклонялись другие низшие сановники, домогаясь через них милостей у высших. По расчетам ли на подобные выгоды в будущем за усердную службу, или по малолетству, или, наконец, из страха, все почти невольники – христиане – абиссинцы и кавказцы, весьма ценные на базарах Стамбула и Каира, как только поступали в семейство покупателя-мусульманина, скоро сами делались мусульманами, и притом, большей частью, истыми фанатиками. Войско янычар, ядром коих были омусульманенные мальчики-христиане, служит убедительнейшим тому доказательством.

Та же участь ожидала и русского невольника Андрея, по крайней мере, так, вероятно, предполагал купивший его египтянин. Нисколько не подозревая в невольнике Андрее каких-либо религиозных убеждений и особенной стойкости в этом отношении, он ввел его в дом как предмет своей роскоши, с надеждой эту мебель облагородить мусульманством, и вот, начинается история убеждений, приказаний, понуждений и, наконец, пыток. Андрей был уже не отрок, понимал святость своей веры, в которой был воспитан; ему трудно было

расстаться со своими убеждениями. Только православную веру считал он истинной, а на турок, как прежде, так особенно теперь, в новом своем положении, видя разные их мерзости, смотрел как на нечистых. К тому же, и незнание языка чужой страны немало способствовало невольнику хранить свое сокровище неприкосновенным и спасало его от нравственной гибели.

Обладатель Андрея в самом начале был к нему ласков, не обнаруживал своего намерения сделать его магометанином. Поэтому, покорный своей доле, Андрей, освоившись несколько с собственным положением и с привычками господина, терпеливо нес бремя своего рабства и благословлял Промысл, назначивший ему служить, хотя и неверному, однако все-таки сносному, не жестокому господину, который, по крайней мере, не беспокоил, не затрагивал святых его верований. Единственное горе у него было – о благословенной родине, от которой вражья сила навсегда оторвала его. Так проходили месяцы за месяцами. Турок испытывал своего раба и заметил в нем не одну крепость тела, но и умственные силы, и нравственно-добрые качества: скромность, беспрекословное послушание, редкую честность и трудолюбие. С этого времени стал он считать Андрея настоящим для себя кладом-сокровищем, и начал относительно его строить свои планы. Эфенди был человек семейный, имел взрослых дочерей, которых необходимо было пристроить, и вот, теперь остановил он свое внимание на новоприобретенном рабе. Раб этот был не какой-либо тупоумный негр из глубины Африки, а белый и, притом, по происхождению русский – такая редкость, какую не могли похвалиться и оттоманские сераскиры. Андрей в глазах своего господина имел все достоинства, недоставало только знания местного языка, и – что всего важнее – мусульманства. От этого он чуждался образа жизни своих господ, о чем-то постоянно тосковал, делал все машинально, без увлечения, и никто не замечал на его лице улыбки с тех пор, как он появился в новом для него обществе, а напротив, в некоторых его приемах заметно было что-то похожее на презрение. Эфенди подозревал причину таких явлений: раб его оставался

христианином, а может ли христианин уважать обычаи мусульманские, тем более сродниться с ними? и потому решился, во что бы ни стало, омусульманить Андрея; придумано уже было для него и имя Абдаллы, т.е. раба Божия. Фанатик приступил к совращению своего слуги в ислам исподволь, и начал с того, что стал звать его Абдаллой.

Андрей тотчас понял, к чему дело клонится, и в сердце своем положил непоколебимую решимость хранить святую веру отцов своих, хотя бы это стоило ему жизни. Поэтому, когда призывали Абдаллу, – он не отвечал, как бы не понимая, кого зовут, и приходил только на зов, выражаемый христианским именем *Андрей*. Эфенди увидел, что не так-то легко переработать религиозные убеждения русского, – что это не черный суданский негр без всякой религии, из которого ласками, или угрозами, можно сделать все, и потому принялся за методу коварных обольщений, стал многое обещать Андрею, заверял со временем отпустить его на волю уже не как раба, а как родного члена семейства, сулил и почести за послушание. В деле совращения помогала ему и вся семья, члены которой всячески ласкали своего раба, не обременяли его лишними трудами и утешали радостями будущей брачной жизни, даже намекали о невесте из среды семейства, если он оставит свою веру в Иисуса и сделается мухаммеданином. Беспомощный Андрей видел все эти козни, возмущался делаемыми ему предложениями (он уже понимал по-арабски), не восхищался обещаниями, которые в глазах его были одним обманом, – чувствовал, что за увлечением последовало бы тяжкое разочарование, и между тем, потерянного уже не было бы возможности возвратить, и в сердце его осталось бы одно отчаяние, ничто не утешило бы его. Как добрый христианин, он смотрел на все, как на соблазн, на козни, расставленные для его гибели дьяволом. Не имея ни опоры, ни доброго друга, он находил утешение лишь в тайной молитве, в беседе с Богом – Покровителем угнетенных, улучая для того свободные минуты ночью, или, когда никто не наблюдал за ним. Однажды, выведенный из терпения предложениями своего эфенди, он прямо объявил, что совершенно покоряется воле Божией,

подчиняется выпавшему на его долю жребии рабствовать на чужбине, и будет исполнять рабские свои обязанности свято, насколько хватит сил; а, что касается до отступничества от веры христианской, то советовал своему владыке и не думать об убеждении его, и уверял, что он скорее расстанется с жизнью, чем изменит своему Господу – Искупителю.

Такой твердый отпор, какого и не предполагал эфенди, избалованный безусловным послушанием рабов и подчиненных, совершенно изменил приемы фанатика; из господина кроткого он превратился в тирана-мучителя. Непокоримый Андрей скоро начал замечать и чувствовать недовольство своего властителя. Вместо кротких приказаний, слышалась уже дерзкая брань, ласка заменилась грубостью, посыпались толчки, проклятие христианской веры, имя Андрей заменено словом *неверная собака*. Как ни был он расторопен и трудолюбив, ничем не мог угодить своим господам; другие черные рабы, бывшие у него в некоторой зависимости, начали постоянно оскорблять его. Труды христианина утроились, – он изнемогал, не имел покоя ни днем, ни ночью; мало того: ему назначена была работа самая черная; вместо сносной приличной одежды, он должен был одеваться в смрадные лохмотья, а о пище и говорить нечего, – труженик голодал, и только после усиленных трудов ему, будто собаке, бросали кусок черствого хлеба. Несчастный мученик знал, за что страдает он, слышал угрозы, что это только начало его истязаний, если не покорится требованиям своего господина – знал все это и, с твердой надеждой на помощь Божию, готовился ко всему.

Видя, что ни унижение, ни изнурительные труды, ни лишения не действуют на неподатливого раба, а напротив, еще более укрепляют его в христианстве, турок обратился к мерам другого рода. Удары плетью из воловьих жил сыпались на несчастного ежедневно, без всякой причины; часто не получал он куска хлеба по целым дням; в жаркие дни лишали его даже воды, и только тайно ночью удавалось ему утолить свою жажду. Все наблюдали за ним, все теснили его – от господина до последнего раба. Но он терпел и оставался непоколебимым; на

него не действовали и льстивые убеждения стариков – (маальмин), мусульманских учителей. Так страдал несчастный невольник около года и своим непобедимым терпением победил настойчивость тирана. Турок потерял надежду достигнуть своей цели. Разочарованный теперь, начал он жалеть уже не о душевной гибели своего раба, а о затраченных на него деньгах, и готов был продать его за сходную цену, лишь бы избавиться от такого человека, который своей примерной нравственностью, дивным терпением, кротостью и благочестием посрамил и его убеждения, и его надежды, и, наконец, его деспотизм.

Униженный и оскорбленный своим рабом, после одной бесполезной над ним пытки, жестокий деспот сидел за кальяном в кофейне и высказал свое горе одному из своих приятелей – истому мусульманину.

«Послал мне, говорит, Аллах испытание в поганом христианине – рабе моем, москове. Я думал осчастливить этого недостойного гяура и сделать угодное пророку обращением неверного на путь правоверия и вот, бьюсь с ним почти целый год, а он все более и более упорствует. Чего ни делал я с ним, и ласкал, и одевал как детище, и кормил со своего стола, и обещал принять в свое семейство как родного, – ничто не действовало. Принимался я за крутые меры, от которых иной сдался бы дня через два, а раб мой еще более упорствовал; бил его курбачами до изнеможения, морил голодом по целым неделям, кажется, всякой бродячей собаке было легче, нежели этому несчастному, а он все выносил молча, страдал, как бы в чужом теле, и, что всего досаднее, нимало не роптал, – его бьют, а он молится своему Иисусу, не просит себе пощады, и говорит одно: эфенди! я готов работать тебе до смерти, сколько станет моих сил, только не принуждай меня к перемене святой моей веры; напрасно будешь ты беспокоить себя, – я не приму мухаммеданства и останусь в тех убеждениях, которые наследовал от моих родителей; их молитвы помогают мне. Что же касается до трудолюбия, честности и смирения, так это человек золотой, с ним я никогда не расстался бы. Теперь мне самому иногда делается совестно, невыносимо смотреть на

несчастливого; мне все кажется, что он посмеивается над моими усилиями, да и соседи тоже подшучивают надо мною, а приятель мой мулла в глаза назвал меня дураком, который не сумел сладить с презренным рабом. После сего мне ничего не остается, как сбыть с рук хоть за что-нибудь этого ненавистного христианина».

«Видно, ты человек слабого характера, не умеешь взяться за святое дело, во славу Божию. Если хочешь, продай мне твоего раба, и увидишь, как я сделаю из него самого ревностного мусульманина. Это уже мое дело, Аллах-керим! согласен ли?»..

Эфенди скоро сошелся с ним в цене, и несчастный Андрей в тот же день переведен был в другой дом, к новому господину, на большую прежней муку.

Вступая в новый дом, он предчувствовал, что теперь только начинается для него истинное мучение, что перенесенное им до сего времени было, по пословице – цветки, а ягоды еще впереди. Впрочем, он совершенно предался Промыслу Божию и тайно молил Господа укрепить его силы на новые подвиги во славу святого Его имени, и, если угодно Ему, сопричислить его к лику святых мучеников, доля которых предстояла теперь беззащитному. Все упование мое на Тя возлагаю, Мати Божия, молился он, сохрани мя под кровом Твоим! И действительно, для него не было другой защиты, кроме покрова невидимой Предстательницы пред Господом за гонимых.

Представленный пред очи нового зверонравного своего владельца, раб не встретил ни ласки, ни доброго слова, как от самого господина, так и от его домочадцев. Все смотрели на него как-то злобно, с затаенной ненавистью.

Новый эфенди тотчас же заявил, чего он требует от своего раба.

«Послушай, неверная собака, приветствовал он Андрея, я купил тебя не для того, чтобы ты учил меня, нет, – я буду учить тебя и не позволю тебе сквернить мой дом и моих домочадцев противной твоей верой. Я сделаю из тебя истого мусульманина, и тогда сам же ты будешь благословлять меня, узнаешь истинную веру, почтишь и пророка Божия Мухаммеда, – это не

Назарянин ваш. Если же будешь упорствовать, как упорствовал у твоего прежнего благородного эфенди, то тебе угрожает жестокая, мучительная смерть, я не пожалею затраченных на тебя денег. Таков решительный мой приговор... Посмотрим, кто избавит тебя? Ты мой раб и должен беспрекословно исполнять все мои требования, каковы бы они ни были. Теперь иди и подумай, дело тебе дадут сего же дня!

«Эфендим, отвечал несчастный Андрей, тело мое принадлежит тебе, а душа Богу. Богу угодно, чтобы я окончил свою жизнь в тяжком рабстве, – покоряюсь святой Его воле и буду работать тебе, сколько смогу, одного только прошу у тебя: не насилуй моей совести, оставь мне мое единственное утешение – мою христианскую веру: ты можешь замучить меня, или, лучше, мое тело, душа же моя все-таки будет принадлежать одному Богу, Который за временные мои страдания наградит меня в жизни будущей, в этом я убежден, и уповаю, что Господь не оставит Своею милостью и помощью несчастного раба Своего».

Простая, но твердая речь Андрея убедила нового его господина, что трудно будет ему сладить с таким непоколебимым христианином, и что тут ласки, обольщения и убеждения не принесут ничего, кроме стыда и нравственного поражения со стороны столь мужественного христианина. Фанатик тогда же решился действовать энергически, ибо не привык к противоречиям.

Покорному Андрею назначены были самые тяжкие и черные работы. У господина был дом с большим садом в Булуке, и вот, этот-то сад с утомительной поливкой его поручен был труженику. Андрей работал за троих, не знал покоя ни днем, ни ночью, и, при всем том, не успевал выполнять свою обязанность, – она была не по силам его. За такую неисправность злобный тиран сыпал на несчастного удары щедрою рукою.

От недостатка рабочих рук, сад стал заметно упадать, для ухода за ним необходимы были, по крайней мере, три сильных работника, как и было прежде: можно ли же было управиться с ним одному, нравственно и физически истомленному,

несчастному Андрею? между тем, его обвиняли в лени и упорстве. Страдалец переведен был в дом своего господина и скоро понял, что лучше было бы ему трудиться в саду до изнеможения, и в один жаркий день окончить свой труженический подвиг от истощения под каким-либо деревом. Там мучили его за мнимую неисправность, а здесь он заметил совершенно другое, – понял, что его казнят не за непосильные труды, а хотят во что бы то ни стало сломить твердые христианские его убеждения и волей-неволей заставить полюбить исланизм – ненавистную ему веру мухаммеданскую. С переменой веры Андрею теперь обещали всякую всячину, все житейские выгоды и мусульманские потехи, каких он был свидетелем; но и одна мысль оставить свою веру и вести жизнь скотскую так ужасала его, что у него волосы становились дыбом. Он понимал, что святая христианская вера, – единственное утешение его в рабстве, – относительно образа жизни, говорит совершенно противное. Ее голос при частой молитве постоянно напоминал ему: теперь тебе будет хорошо, но что ожидает тебя за гробом? *уже погубит душу свою Мене ради*, говорит Господь, *той спасет ю*; нет, думал страдалец, возьму крест мой, и пойду, куда укажет Спаситель. Без Его воли влас главы моей не упадет. Чего же мне бояться? Да будет во всем воля Божия!

Андрей приготовился ко всему, что придумывали ему бездушные тираны. Эфенди снова предложил ему или сделаться мусульманином, или подвергнуться таким истязаниям, каких он и вообразить не может. Христианин кротко заметил, что он не подал ни малейшей причины к истязаниям, ибо работал ему честно и сверх своих сил; если же господин жаждет крови его, то он готов терпеть, и просит одного, не требовать от него отступничества, ибо оно не принесет ему пользы, а только отымет у него верного раба.

Раздраженный турок в ту же минуту созвал зверообразных черных своих рабов и приказал им познакомить сотоварища на первый раз с сотней ударов палками по пятам. Негры в одно мгновение сбили Андрея с ног, притянули ноги его петлями к дубине; и двое из них держали дубину за концы на аршин от

земли, а два других начали бить несчастного палками по пятам. Андрей сначала кричал, потом стонал, и, наконец, замолк – потерял сознание; но ни разу не вырвалось у него слово о пощаде или обещание исполнить безбожное желание господина. Когда злодей увидел, что раб его полумертв, и что кровь струится потоком из-под ногтей, приказал окончить истязания и бросить полумертвого в подвал. Там Андрей пришел в себя, но встать на ноги уже не мог. Нестерпимая жажда мучила страдальца, и он со стоном просил воды. Один из рабов, вероятно, испытывавший на себе самом подобную жестокость эфенди, сжалился над несчастным – напоил его водою и дал ему кусок хлеба. Но Андрею было не до хлеба, – его терзали раны, кусали насекомые, окружали мыши, на запах хлеба, вышедшие из своих нор и дерзко грызшие хлеб, который вскоре и исчез. Наступила мучительная ночь. Насекомые и пресмыкающиеся всех видов выползли из щелей сырого подвала и начали ползать по живому труп. Андрей страдал и молился Господу послать ему смерть, как великую милость.

Нет! страдальца ожидали еще тягчайшие страдания, каким подвергались только первенствующие христиане, мученики во времена Неронов и Диоклетианов. Думая, что подобная пытка подействовала на неподатливого раба, тиран приказал перенести его в более удобное помещение и начал лечить его раны. Андрей переносил все с истинно христианским терпением, благословлял Бога за посланное ему испытание и благодарил своих сотоварищей по рабству, если кто-либо из них, вопреки приказанию изувера-господина, заявлял несчастному свое сочувствие словом или какой-нибудь услугой.

При помощи простых домашних средств, которыми пользовали его, или, вернее, при помощи Божией, страдалец встал и принялся за работу. Казалось бы, первая жестокая и бесполезная попытка омусульманить раба должна была вразумить тирана и оставить непоколебимого в вере христианина в покое; но, к несчастью, прежний Андреев господин посетил эфенди и, узнав о миссионерской его неудаче, посмеялся, в свою очередь, над твердой его волей и благородной ревностью. Этим самолюбие варвара было крайне

оскорблено, и он тогда же, лишь только расстался со своим приятелем, потребовал к себе раба и спросил его: намерен ли он принять исланизм? Отрицательный ответ привел свирепого тирана в ярость. Черные рабы, как ни были хладнокровны, смутились от выдумки своего господина, и, однако ж, должны были исполнять его волю. Злодей приказал привязать Андрея к столбу и забивать камышовые спицы за ногти страдальца. Андрей стонал, рвался, умолял о пощаде, но ничего не обещал. Даже домашние упрашивали злодея прекратить зверские истязания. Но стоны, наконец, замолкли, и Андрей повис на своей привязи, как мертвый.

Гнев злодея остыл; он как бы смягчился и оставил христианина обдумывать свое положение. Но Андрей, чем более страдал за святую свою веру, тем более укреплялся в ней; героизм его возрастал с каждой пыткой: исповедник был глух ко всяким убеждениям, для которых призываемы были по очереди все знаменитые фанатики, месальмины мусульманские. Одни из них убеждали угрозами и бранью, – пред такими он молчал; другие старались поколебать его твердость ласками и обещанием всех благ земных и райских; с такими он вступал иногда в рассуждения, и простым своим словом, исполненным правды и истины, нравственными своими началами часто заставлял их умолкнуть. Оказывалось, что ласковые проповедники наносили ему больше вреда, чем грубые изуверы, потому что по уходе их благочестивому и твердому невольнику всегда почти приходилось вытерпеть какую-либо новую бесчеловечную пытку. Что же это, как не Промысл Божий, – не Сам Господь, невидимо укреплял силы страдальца, что после таких мучений оставался он цел и невредим?

Бедный невольник в такой среде жил и так мало знал о делах вне дома его мучителя, что ничего не мог предпринять для облегчения своей участи. Хотя он и понимал, что был русский, но так далеко заброшен из отечества, что до сего времени ему не удавалось даже слышать ни одного родного слова. Мог ли он думать, что и в Египте есть какие-нибудь представители русского царства, которые, может быть, и

защитили бы его, если бы знали о несчастной его доле. Другим же властям – мусульманским, Андрей не смел жаловаться, помня, что он раб – хуже животного, всецело принадлежащий злодею, богатому мамелюку. Впрочем, к кому бы он и пошел искать защиты в то страшное время, когда Египет представлял собою образец небывалого деспотизма, когда и эфендии губили друг друга без пощады, и, в свою очередь, падали безгласно сами под ятаганами какого-нибудь ловкого албанца-деспота Али-Паши?

Андрей не страшился мук, не терял бодрости и твердости в исповедании святой христианской веры, он боялся лишь того, что мучения его будут продолжаться до бесконечности, и особенно трепетал при мысли, что над ним употребят насилие, подвергнут обычной мусульманской операции, после чего он волей-неволей должен будет принадлежать к обществу мухеммедан, хотя бы и не изменял своих убеждений; ему перестали бы верить, что он еще христианин. Вот чего страшился исповедник, и молил Господа послать ему скорее христианскую кончину и сподобить его венца мученического. Господь услышал молитву страждущего раба Своего и послал ему не кончину, а конец его страданиям, из коих он вышел, как истинный воин Христов, непобедимый исповедник, с тяжкими язвами на всем теле, которые и носил до самой блаженной своей кончины.

Время наступило. Однажды эфенди возвратился откуда-то в самом ужасном расположении духа. Все рабы трепетали и старались даже предугадывать желания своего господина, чтобы вовремя исполнить их и тем предотвратить зверские его выходки. Несмотря на это, никто не мог угодить ему, и всем доставалось за мнимую леность и нерасторопность. Заметив, что рабы его все на лицо, кроме болящего Андрея, тиран велел привести его к себе и, как бы не замечая, что он едва держится на ногах, бледный, изможденный, приступил к нему и грубо стал укорять его в лености и непослушании. Андрей был спокоен, невозмутим: он молчал, слушал рыкания и проклятия фанатика, и тайно молил Господа послать ему терпение в предстоящих истязаниях, коим всегда предшествовали яростные вспышки

злодея. Спокойствие и молчание невольника еще более озлобили деспота.

– Доколе ты, презренный раб, будешь мучить меня своим упорством в твоей гнусной вере и смеяться над нашей правой, святой? Нет, я не позволю тебе насмеяться над нами, над нашим великим пророком Мухаммедом – другом Божиим! Вот посмотрим, что загорит ты, когда я прикажу из бараньей твоей головы выпарить упорство, а с ним, и все твое христианство; увидим, поможет ли тебе твой Бог – Иса Нафани (Иисус Назарянин)? Знай, неверный, что теперь твой спаситель Мухаммед-пророк, а не Иисус. Одно только твое слово ля-иля-махмед-расуль-алла, – и ты спасен, ты сын наш; а иначе погибнешь с скверным своим телом и с поганою твоею душой, погибнешь как собака. Говори же...

Непоколебимый Андрей не слушал ни проклятий, ни безумных оскорблений святой христианской его веры. Он как бы окаменел и только молился в душе: Боже, милостив буди мне грешному! Верую, Господи, помози моему неверию! ...

Мучитель приказывает рабам накалить танжере (медный котелок) и поскорее принести его. В ожидании страшной пытки, тишина не нарушалась. Свиный мамелюк молча курил трубку, пуская клубы табачного дыму, и пыхтел от злости на то, что так долго не несут страшного орудия пытки. Наконец, дымящееся от жару танжере было принесено пред мучителя; он плюнул на него, и нечистая влага, зашипев, исчезла. Пока он делал наблюдения, не фальшивят ли слуги, пока требовал решительного ответа от несчастного невольника, – танжере потеряло некоторую долю своего жара. Не получив никакого ответа, эфенди как тигр бросается на свою беззащитную жертву, вырывает из рук раба щипцы, хватает ими горячее танжере и мгновенно надевает оное, будто шапку, на голову несчастного Андрея. Андрей покачнулся и со стоном упал на пол как мертвый; танжере с дымом и шипением отлетело в сторону, комната наполнилась смрадом. Злодей остолбенел и тупо смотрел на невинную свою жертву-мученика христианина. Как ни недолго лежало на голове страдальца накаленное танжере, однако волосы несчастного, темя, нос, уши, щеки и шея, – все

было опалено страшным образом. Андрей едва дышал и не издавал ни одного звука. Тиран, думая, что несчастный скоро умрет, толкнул его ногою и велел вынести вон.

Рабы оцепенели от ужаса. Теперь-то поняли они, до чего может доходить зверство их правоверного благочестивого ревнителя ислама. Каждый думал, что и с ним господин может поступить таким же образом. Опомнившись, они бережно вынесли Андрея, как бездыханный труп, и положили в углу своей комнаты на циновку. Теперь оказалось, что все эти рабы – положим, люди грубые и жестокие, как все почти негры, в нравственном отношении стояли несравненно выше зверонравного своего господина. Незаслуженная казнь несчастного их собрата пробудила в них неубитое еще чувство человеколюбия. Они тайно от эфенди начали лечить Андрея домашними средствами и тихомолком распространять по соседству молву о зверских поступках их господина-мучителя. Так прошло несколько времени. Полусожженный Андрей, сверх всякого чаяния и благодаря услугам своих братьев, мало-помалу стал поправляться и уже вставать с своей рогожки. Но с ним произошла заметная перемена: он стал мало говорить или отвечал часто невпопад, сделался задумчив, уныл и только по ночам молился вслух, воображая, что никто не слышит его, потому что, вследствие жестокой пытки, сам плохо слышал. Так ужасно изувечил несчастного невольника злодей-эфенди!

В числе посторонних, посещавших дом турка, узнал о горькой доле Андрея один армянин, который нередко бывал у эфенди в качестве местного знакомого сарафа (банкира), и видел там Андрея. Сараф был человек добрый, в нем, при всем пристрастии к меркантильности, не было еще заглушено чувство христианской любви к ближнему и сострадания к угнетенному. Он от одного из слуг мамелюка разузнал всю историю гонений на Андрея за веру Христову, и, сильно пораженный такими геройскими подвигами, какие описываются только в древних мартирологиях, решился спасти этого непоколебимого подвижника. Однажды сараф приходит к турку по какому-то делу и, переговорив с ним о своем деле, заводит потом речь о белом русском невольнике, почему давно не видно

его, – не продан ли уже он? Эфенди хладнокровно рассказывает, как он столько времени борется с непокорным своим рабом, как этот негодный раб, после легкой острстки, прикинулся теперь больным, ничего не делает, и в заключение прибавляет, что рад бы избавиться от него, да не знает, каким образом.

«Извини меня за откровенность, благородный эфенди, сказал добрый сараф, я слышал от верных людей, что твой раб не прикинулся больным, а действительно болен от последней пытки, какой ты сгоряча подверг его. Он теперь ни к чему неспособен, благодаря отеческим твоим заботам о его исправлении, он ничего не может делать, скоро умрет, и ты останешься в накладе. Притом знай, по всему городу ходит молва, что ты убил белого своего невольника, и все осуждают тебя за жестокость. А, если слух об этом дойдет еще до консулов, то смотри, как бы не прогневался на тебя и паша – ведь консулы-то не дадут в обиду христианина: пусть он и раб твой – они могут совсем отнять его у тебя».

Мамелюк призадумался.

«Если ты, эфендим, не желаешь, через смерть твоего раба или через отнятие его у тебя, лишиться затраченных на него денег, то я выведу тебя из беды. Тебе ничего не остается больше, как немедленно перепродать его кому-нибудь. Но кто из ваших купит его, ни к чему негодного? и даром не возьмут; следовательно, и дорожить им тебе не приходится. Если хочешь избавиться от беды – продай его мне, а там уже мое дело; ты не будешь ни в потере, ни в ответе – только помни, что я выручаю тебя, собственно, ради знакомства и дружбы, потому что не имею нужды в твоём рабе, а желаю лишь оказать тебе услугу.

Лицо эфенди прояснилось; он быстро сообразил, что это действительно дружеская услуга, не понимал только того, что заставляет сарафа быть столь великодушным. Впрочем, на великодушие и он хотел отвечать притворным великодушием; тогда как в душе своей он готов был изувеченного своего раба отдать даром, ему предлагают еще выкуп.

Не обнаруживая особенного удовольствия от слов армянина, эфенди предлагает ему взять к себе раба-москова и

заплатить за него столько, во сколько сам оценит его.

Договор скоро составился. Сребролюбивый турок, получив больше ожидаемой им цены, был в восторге и начал рассыпаться пред сарафом в обычных восточных комплиментах – забыл и различие религий, называл его и другом, и братом.

Сараф, напротив, был спокоен и спешил закончить доброе христианское свое дело.

Истерзанный Андрей, ничего не знавший об этой сделке, изумился, когда увидел себя в доме знакомого ему сарафа. Теперь он понял свое положение и воодушевился твердой надеждой, что уже не будут мучить его за имя христианина, и от радости залился слезами. В благодарность за свое избавление он решился служить новому господину до последних сил, тем более, что в семействе сарафа приняли его ласково, с участием. Но сараф думал иначе: он из своих пиастров, заплаченных за Андрея, не хотел извлекать какой-либо пользы, притом, Андрей был уже и неспособен. Избавитель его, исполнив христианский свой долг, желал поскорее закончить святое свое дело совершенным освобождением несчастного и устройением его будущности. Сараф отправляется к греческому патриарху, рассказывает ему о горькой доле его единове́рца – Андрея, и о том, как Бог помог ему вырвать этого мученика из рук палача-турка, и заявляет, что, покупая бедного москова, он не имел в виду извлекать из него какую-либо материальную пользу, а предполагал поручить его попечению владыки, который, вероятно, не откажется от святого христианского дела – или пристроить несчастного единове́рца в патриархии, или отправить на родину в Россию.

Тронутый до глубины души рассказом доброго сарафа, владыка искренно благодарил его, сожалел, что прежде не знал о несчастном единове́рце и не принял никаких мер к облегчению горькой страдальческой его участи, и в заключение просил представить его к себе в патриархию. На другой день изможденный Андрей представлен был владыке, который принял его, как истинного подвижника за веру Христову, и обещал, по совершенном выздоровлении, отправить его через

александрийское консульство в Россию. Последнее обещание не обрадовало, однако ж, Андрея, как предполагал патриарх.

— Владыка святой! — сказал Андрей, мне уже поздно возвращаться в отечество. Теперь я неспособен к тяжелым работам, не могу приобрести себе хлеба трудом, ты сам видишь, владыка святой, на кого я похож. Мне не доехать до родины, вероятно придется распротиться с жизнью на каком-либо корабле, а не в родной России. Да и что найду я на родине? Там нет уже у меня родных: отец мой давно убит черкесами, старушка-мать, вероятно, умерла с горя и тоски, когда я пропал без вести. Поэтому мне, бесприютному и изувеченному, остается только просить ваше святейшество — благословить меня окончить страдальческую и, вероятно, недолгую свою жизнь где-либо здесь, вблизи храма Божия, молиться в нем Господу о спасении своей души и о здравии моих благодетелей-избавителей. Доколе еще есть кое-какие силы, я употреблю их на послушание, чтобы не есть мне вашего хлеба даром. Мне немного нужно, я раб ваш и навсегда останусь верным рабом за ваши благодеяния.

Патриарх согласился и поместил страдальца в богадельню при монастыре св. Георгия в старом Каире, не налагая на него никаких обязанностей. С невыразимой радостью пошел Андрей в старый Каир, и спокойно поселился в своем тихом убежище. Ему отпускалась только грубая одежда и скромная пища, но он был доволен и искренно благодарил своих благодетелей. Теперь-то вздохнул он свободно, теперь-то понял, что, вставая по утру, мог надеяться, что никто не будет ни бить, ни тиранить его, и что столь же безопасно может он ложиться спать и спокойно ожидать солнечного восхода. Теперь вокруг него были люди добрые, все христиане православные, а не звери свирепые, которые из-за ничтожных капризов, или, скорее, от нечего делать, издевались над ним самым бесчеловечным образом и непременно убили бы его, если бы Господь не послал доброго ангела-хранителя в лице благочестивого сарафа. Набожный и кроткий, он всецело предался служению Богу и своими подвигами скоро стал в ряду великих пустынников.

Андрей испросил себе благословение патриарха прислуживать в убогом храме св. Георгия, чистить старокаирский монастырь и наблюдать за порядком внутренней часовни, где находится чудотворная икона Великомученика, к которой прибегают за исцелением страждущие падучей болезнью. Молчаливый боголюбец с утра до вечера трудился либо в церкви, наблюдая в храме Божиим должную чистоту, либо в темных коридорах старой монастырской башни, ходя с кузовом на плечах и метлою, чтобы собирать сор и относить его за монастырскую стену.

Труженик не пропускал ни одной службы; его постоянно видели во время богослужения или тихо молящимся, или благоговейно прислуживающим в алтаре и в храме. Запущенные небрежностью прежних прислужников церковь и монастырь скоро очистились от лишнего хлама, сора и пыли. Болящие, привязываемые на цепь при иконе св. Георгия, перестали бояться приставника, и беспрекословно шли к святыне, зная, что им будет прислуживать добрый и кроткий Андрей-москов. Между тем, набожный труженик Андрей, вероятно, вследствие перенесенных им истязаний, день ото дня слабел и становился задумчивее, и, наконец, сделался совершенным меланхоликом. Редко с кем говорил он, и то отрывочно, постоянно трудился, чистил, обметал даже и там, где не требовалось его услуг, и при этом непрестанно, хотя тихо произносил по-гречески краткую молитву: *Господи помилуй*; а когда молился по-русски, то произносил те молитвы, которые выучил в детстве. С головой, поврежденной от раскаленного котла, по-гречески он не мог уже выучиться, и, если приходилось говорить с кем, то объяснялся довольно правильно только на местном языке арабском. Зная редкую его кротость, доброту, неутомимое трудолюбие и заботливость об опрятности дома Божия и монастыря, все называли его *блаженным*, и никто не обижал его ни словом, ни делом, считая великим грехом беспокоить смиренного исповедника, явные язвы на теле которого постоянно свидетельствовали о великих его подвигах за веру Христову. Блаженного Андрея знали все православные греки и арабы, и при случае, награждали его

своими паричками; но Андрей все отдавал нищим, хотя и сам был почти нищий. Патриарх, равно как и приближенные его, при посещениях монастыря, всегда ласкали Андрея, что очень утешало труженика и тем более привязывало к убогому его убежищу.

Так прожил в Каире блаженный исповедник около двенадцати лет, вполне довольный своим положением, хотя на деле положение бедного москова было очень незавидно. Он утешался только тем, что, по собственному его выражению, служил Богу да св. Георгию. Изнуренный прежними страданиями, трудом и постом, раб Божий начал прихварывать и, наконец, слег совершенно. Никто не заботился о болящем, да он и не требовал ухода за собою. Единственное его желание было скорее расстаться с миром, в котором он в полном смысле был странником и пришельцем; ничто не привязывало его к земле, ничто не утешало, а о родине перестал он и думать, как бы ее на земле и не существовало, и поэтому готовился к смерти с радостью. Чувствуя приближение своей кончины, Андрей в последний раз призвал своего духовника, призреваемого в той же богадельне бедного священника, исповедался, приобщился Св. Христовых Таин и почил кончиной праведника. Мирная, блаженная кончина исповедника произвела замечательное влияние на призреваемых: теперь только оценили они этого праведного подвижника, как следовало, и скорбели, что при жизни не воздавали ему должного, считая его юродивым. Тихо, без всяких церемоний, отпели покойного странника в кладбищенской церкви Панагии и погребли в общей кладбищенской ограде, среди могил прежде отшедших православных отцов и братьев. Ни дерева, ни плиты, ни даже простого камня нет на убогой его могиле. Андрей жил для одного Бога: к чему же знать его могилу людям, хотя бы то были его соотчичи?

Мир праху твоему, верный раб Божий, Андрей приснопамятный! Твои страдания за веру христианскую, за веру отцов оценит един Господь и прославит тебя во царствии Своем! Может быть, в странах мусульманских много было и других подобных страдальцев – наших же соотечественников за

веру Христову; но кто знает о горькой их участи кроме Господа¹¹.

Подвижники Гефсиманского скита Троице-Сергиевой лавры Тихон и Даниил

(Память 6 июля).

Братский духовник скитских пещер о. Тихон за необыкновенно доброе отношение к братии снискал со стороны ее всеобщую любовь к себе. Его кротость, сострадание, чистая любовь к каждому, приходившему к нему на исповедь или для духовной беседы, были так глубоки, что нередко, утешая других, он сам плакал. Несмотря на высоту своей жизни, будучи глубоким старцем, убеленный сединами, о. Тихон каждую неделю, с посохом в руках, бредет, бывало, пустынной лесной дорогой к своему старцу о. Феодоту. Замечательно, старец и ученик умерли через день один после другого (ум. 1873 г.). Об о. Тихоне покойный о. игумен Даниил рассказывал следующее: Рабочие, копая рвы для стен нового монастырского храма, вырыли гроб о. Тихона. Когда гроб был обкопан кругом, и задняя доска его отвалилась, то все увидели, что тело старца совершенно не подверглось тлению. Оно как будто бы было только недавно погребено. Братия осторожно вынули тело из прежнего гроба, положили в новый и похоронили его внутри храма, в приделе во имя Антония и Феодосия Печерских. Тело о. Тихона пребыло в земле со дня смерти целых 15 лет.

О. Даниил, будучи строгим подвижником и отшельником, жил одиноко в лесу, недалеко от скита, в небольшой келлии. В жизни отличался необыкновенным воздержанием. При употреблении пищи, он, обыкновенно, мерил ее ложками и никогда не позволял себе съесть больше раз навсегда положенного у него числа ложек¹².

Отроковица Елисавета

(Память 9 июля).

Господь сказал: блажени чистии сердцем. И это не раз было являемо в жизни благочестивых людей, особенно детей. Об одной такой чистой сердцем девушке, сподобившейся зреть еще в теле горний мир, мы и расскажем.

В апреле месяце 1894 г. у проживающего в г. Баку механика (коммерческого флота) Е.И. Рашкина заболела воспалением легких 16-летняя дочь Елисавета. Лечившие ее доктора, предложили родителям больной выехать с нею куда-нибудь в деревню, в надежде, что перемена климата, здоровый, свежий воздух благотворно повлияет на ее выздоровление. Сама больная тоже весьма желала уехать из пыльного, жаркого города и очень рада была, когда она в июне месяце выехала в свое родное село Матышево, в Саратовскую губернию, вместе со своими братьями и сестрами, с матерью и бабушкой (по матери).

Для спокойствия больной, в дороге приняты были все меры и, кроме того, мать ее Н.Ф. Рашкина и бабушка условились между собою не говорить ей ни о чем, что могло бы произвести на больную неприятное впечатление.

Но в первую же ночь, в дороге, Н.Ф. Рашкина видела сон, который так тревожно подействовал на нее, что она, рассказавши его своей матери, не утерпела, чтобы не передать и дочери, не обращая внимания на то, какое влияние он мог оказать на больную.

Сон действительно замечательный, по соотношению своему к последовавшему событию.

Видела она, что идет где-то темной ночью по слабо освещенной с обеих сторон дороге и вдруг услышала пение и музыку, дивно гармоническую; подобного пения и музыки она в жизни никогда не слыхала. Остановившись, она стала осматриваться кругом, чтобы узнать, где поют, откуда несутся дивные звуки, но сколько ни присматривалась – ничего в темноте не видала. В это время раздался сзади ее чей-то

голос: «посмотри на небеса, и увидишь». – Она взглянула и увидела небеса открытыми, как будто раздвоившимися, а по обеим сторонам проходило множество детей, разных лет и возрастов; все они были одеты однообразно в прекрасную, блестящую одежду и все пели, но что именно, не могла понять, вместе с пением слышна была и музыка. Увидавши это, она подумала: неужели и на небе есть так же живые люди, чему теперь многие не верят? На эту мысль тот же неизвестный голос отвечал: «нужно верить». Продолжая смотреть на небо, она опять подумала: может быть, там, в числе тех детей, находятся и мои дети: Вячеслав и Лиза? – Неизвестный голос опять отвечал на ее мысль: *и они здесь*.

Тут она проснулась и, размышляя о сне, не могла себе объяснить: почему она упомянула вместе с сыном Вячеславом и дочь Лизу? Вячеслав умер уже 4 года назад, а Лиза была живая и ехала вместе с ней на родину.

Больная Елисавета спокойно выслушала от матери рассказ о виденном ею сне и только сказала: этот сон – к смерти, должно быть, кто-нибудь из наших *близких* родных вскоре умрет.

По приезде в село Матышево болезнь отроковицы Елисаветы нисколько не облегчалась, но все более усиливалась. Предчувствие неминуемого смертельного исхода болезни, видимо, угнетало дух больной и тем ускоряло приближение рокового часа. Между тем, она желала жить, а не умирать. Это желание – естественное, и поэтому она почти постоянно молилась, чтобы Господь облегчил ее страдания и поднял с одра болезни. Своих маленьких братьев и сестер тоже заставляла молиться; о том же просила свою мать.

– Мамаша, что вы не молитесь Богу о моем выздоровлении? прошу вас, молитесь.

– Лиза, я молюсь и желала бы постоянно молиться, да дети мне не дают; ты сама видишь, только что хочу молиться, они пристают ко мне, отвлекают от молитвы.

– Нет, мама, это от того, что у вас мало веры; если бы у вас была вера, тогда никто бы не мог мешать вам в молитве.

Чем дальше, тем больше больная слабела; она стала по временам терять сознание; на выздоровление не было

надежды. Однажды утром она сказала матери, что видела святителя Николая чудотворца и просила его об исцелении болезни. «Я часто его вижу», – добавила больная.

Н.Ф. Рашкина не поверила ее словам, а приписала ее видения бреду, болезненному воображению.

Не видя никакой пользы для больной ни от медицины, ни от перемены климата, родные ее решили прибегнуть к единственному последнему средству – к Божией помощи.

В 15 верстах от с. Матышева, при с. Карайшеве находится женский монастырь, который посещает много народа, в особенности, в десятую пятницу по Пасхе, для поклонения явленной иконе св. Параскевы Пятницы. Туда хотели повезти больную, отслужить молебен о ее выздоровлении. Она тоже желала того.

На другой или на третий день после того, как решена была поездка, утром больная сказала матери:

– Мамаша, я опять видела святителя Николая. Он не велел мне ехать в монастырь, потому что в дороге мне будет хуже. Еще сказал, что в нашем селе скоро будет пожар; но, чтобы я не пугалась, у нас ничего не сгорит.

На другой день, действительно, случился неподалеку от них пожар. Когда болящая Елисавета узнала об этом, то сказала матери:

– Теперь, мама, ты будешь верить мне, что я не в бреду вижу святителя Николая. Он мне предсказал, что скоро будет пожар, так и случилось.

После этого стали верить отроковице Елисавете, что ей действительно является св. Николай, и поездка в монастырь была оставлена.

Вскоре после сего больная опять имела видение, о котором так рассказала своей матери:

– Когда я увидела св. Николая, стала опять просить его молиться о мне Богу и исцелить меня. Св. Николай сказал мне: я просил о тебе Бога и Его Пречистую Матерь; теперь проси сама. Сказавши это, он ввел меня в очень большую, богато убранную комнату; посередине ее сидел в кресле Христос Спаситель, а рядом с Ним Божия Матерь. Св. Николай стал

пред Ними на колени и мне велел стать. Я стала и начала молиться и просить Бога помиловать меня и исцелить болезнь. Спаситель сказал мне: «для чего тебе нужна жизнь? ты в мире никогда не спасешься; ты будешь танцевать, а это большой грех». Я опять начала молиться об исцелении и обещалась никогда не танцевать; просила позволить танцевать только один раз – на своей свадьбе, если буду выходить замуж. Спаситель сказал: «через две недели ты избавишься от болезни и будешь спасена».

С постепенным упадком физических сил, в продолжение ее болезни, угасал и взор ее; но после рассказанного видения лицо больной стало светлее; на нем не было не только никаких признаков, предвещавших приближающуюся кончину, борьбу жизни со смертью, но светлый взор, спокойное выражение лица и румянец вселили в родных надежду на перелом болезни, на исход ее к лучшему. Такую же надежду высказал и священник, приглашенный, по желанию больной, для исповеди и причащения ее Св. Тайнами (за три дня до кончины).

На другой день после принятия Св. Тайн, когда она лежала неподвижно, с открытыми глазами, около нее сидела мать ее и бабушка. Больная, не обращаясь ни к кому из них, начала говорить: «вот, я вижу – сидят Апостолы» ... начинает считать. «Двенадцать; значит это – Тайная вечеря». Начала читать молитву: *Верую, Господи, и исповедую*, и проч. Потом она кого-то спросила: «а мне можно туда войти»? Потом, как будто на полученный ответ, сказала: «я приду послезавтра». Это было 7 июля в четверг, а «послезавтра», т.е. 9 числа, в субботу утром, она скончалась. Ровно через две недели после рассказанного ею видения Христа Спасителя, она действительно избавилась от болезни: тихо отошла в тот мир, где нет ни болезни, ни печали, ни воздыхания.

До самой кончины отроковица Елисавета была в полном сознании и памяти. Минут за 10 до смерти она сказала: «я умираю».

Услышавши эти слова, мать ее, бабушка и друг. родственники с рыданиями окружили умиравшую.

Обведя глазами плачущих родных, она подняла правую руку и, погрозив пальцем, сказала: «нельзя».

Это было ее последнее слово. Что оно значило и к кому относилось, – осталось тайной.

Может быть, ей неприятно было видеть проливаемые родными о ней слезы, в ту именно минуту, когда она спокойно и безболезненно оставляла сей мир, *во зле лежащий*, полный скорбей и греха, была на грани иного мира и предвидела уже зарю новой, светлой и бесконечной жизни, где *празднующих глас непрестанный*, отчасти открытый ее матери в замечательном сновидении.

Предсмертные видения усопшей отроковицы Елисаветы не допускают сомнения в том, что она не лишена небесных благ, уготованных чистым, незлобивым душам. В этом убеждает еще следующий необыкновенный случай.

За сутки до кончины, утром, она сказала бабушке:

– Бабушка, завтра тебе нужно идти на похороны.

– На какие похороны, Лиза, кого хоронить?

– Михаила Андреевича. Он, если не сегодня, то завтра умрет.

– Что ты, Лиза, говоришь? Я Михаила Андреевича вчера видела, разговаривала с ним; он здоров.

– Вчера был здоров, а завтра умрет.

Матери своей тогда же сказала, что скоро умрет знакомая ей женщина, которая давно уже больна и не перенесет своей болезни.

Предсказания эти в точности исполнились.

В с. Матышеве жил знакомый Рашкиным Михаил Андреевич Рожнов. Он был совершенно здоров, но вечером, в день предсказания, с ним вдруг сделался удар, а на другой день он скончался.

Через несколько дней после смерти дочери своей Елисаветы, Н.Ф. Рашкина получила письмо из Баку, извещавшее ее о смерти знакомой ей замужней женщины А.И. Суховой, скончавшейся после продолжительной болезни 9 июля, вечером, т.е. в один день с Елисаветой.

Усопшая отроковица Елисавета имела кроткий нрав, незлобивый характер, не любила заниматься играми и развлечениями, свойственными детям ее пола и возраста; свободное время проводила более в чтении книг, если не духовных, то учебных, исторических; романов и т.п. сочинений не любила читать; церковные богослужения посещала неопустительно, за редкими исключениями. Вообще, в семействе своем она более отличалась от других религиозным настроением. Перед выездом из Баку в с. Матышево она просила свою мать взять на дорогу освященных просфор и святой воды, которые она благоговейно вкушала каждый день во время пути.

Особенно похвальной чертой ее характера было – сострадание к бедным и немощным, кротость и неосуждение: сама никого не осуждала, да и других от того удерживала, в особенности, братьев своих и сестер. Если, бывало, услышит кого-нибудь из них осуждающим или насмехающимся над другими, она тотчас останавливала, что осуждение и насмешки – великий грех, за который Бог строго взыщет¹³.

Схиигумен Иларий.

(Память 9 июля).

Игумен Иларий происходил из торгового сословия и родился в городе Мологе, Ярославской губернии, в 1796 году. На 20-м году своей жизни он поступил в Белобережскую пустынь, Орловской губернии. Ища все большего и большего подвижничества, он побывал и в Коневском, и в Валаамском, Соловецком и Свирском монастырях. В последнем монастыре в 1828 году он получил сан иеромонаха и вскоре перешел в Оптиную пустынь. В Оптиной о. Иларий был учеником знаменитого старца о. Леониды. В 1834 году о. Иларий был назначен на должность настоятеля Николо-Угрешского монастыря, которым и управлял 18 лет, привел его в цветущее состояние как в духовном, так и в материальном отношении. Последнее время своей жизни о. Иларий провел в Гефсиманском скиту, где особенно был дружен со старцем Феодотом, так же бывшим насельником Оптиной пустыни. За несколько лет до смерти о. Иларий принял схиму с именем Илии. В строго монашеском порядке текла жизнь о. Илария. Двери его келлии всегда были затворенными. Свободное от молитвы время он проводил за чтением святоотеческих книг, причем всегда старался читать по-славянски. Благодаря хорошей памяти, он немало знал рассказов, сведений и назидательных слов подвижников монашества. Никогда не пропускал богослужения церковного, но в братскую трапезу, во время настоятельства, по будням не ходил, а приготавливал постную пищу у себя дома, иногда сам, а иногда позволял делать это и келейнику, особенной же кухни не имел. Печи в своей келлии топил почти всегда сам; келейник приносил дрова, а клал их в печь о. Иларий сам, и все это он делал с молитвой. Если в это время в его келлии присутствовал кто-либо из монашествующих, то он говорил: «благослови, отче!», а если кто из послушников, то: «благослови, брате!» Без молитвы же никакое дело у него не делалось. Никакою работой не пренебрегал о. Иларий. Обветшавшее белье и платье чинил

всегда сам. Случалось, что в монастыре расстраивалось дело печения просфор, тогда о. Иларий, как, бывший в Свирском монастыре просфорником, сам пек просфоры и научал других. Так, в строго иноческих правилах и смирении текла жизнь о. Илария. Умер он 9 июля 1863 года.

Иеродиакон Мельхиседек

(Память 9 июля).

О. Мельхиседек, во святом крещении Максим, родился в 1715 году в городе Сумах, Харьковской губ. Отец его был 1-й гильдии купец. Когда Максиму исполнилось 25 лет, то отец его вознамерился женить его, единственного сына своего, и он был обручен с одной девицей. В то время Бог послал к нему богоугодной жизни старца, который наставлениями своими благотворно повлиял на его душу и в довершение всего приказал ему оставить мир, идти в монастырь и посвятить себя на служение Богу. Все это, сказанное старцем, Максим принял, как от посланника Божия, и с того времени почувствовал в сердце своем сильное влечение к иноческой жизни и к уединению.

В один день Максим со слезами умиления долго молился Господу и Пречистой Его Матери; окончив свою молитву, он пошел к отцу, поклонился ему в ноги и просил у него родительского благословения сходить в Киев на поклонение угодникам Божиим. Родитель отпустил его с тем, чтобы он поскорее возвратился домой. Максим отправился в путь. В Киеве он часто посещал св. пещеры, с пламенной молитвой и слезами припадал к св. мощам угодников Божиих, умоляя их наставить на путь спасительный. Пять лет провел он в Киево-Печерской лавре, находясь на разных послушаниях, а потом, по благословию настоятеля Лавры, отправился он на свою родину. Здесь узнает он, что отец его убит. Тогда Максим отправился к городскому обществу и просил выдать увольнительное свидетельство на поступление в монашество. Общество выдало ему свидетельство, с которым и отправился он в Софрониеву пустынь, где был принят начальством.

О пребывании Максима в этой пустыни мало известно; известно только, что он исполнял клиросное послушание и проходил общие монастырские послушания. Проживая в этой пустыни, он продолжительное время терпел различные притеснения от братии, которая отказывала ему даже в пище.

Всемилосердый же Бог в утешение страдальцу послал дикуую утку, которая каждую весну летала к нему, клала яйца близ его келлии и выводила птенцов, а на зиму улетала в теплые края. В последнее же время пребывания Максима в этой пустыни, братия начала его еще более притеснять, и, наконец, ему велено было удалиться из обители. В последний день пребывания Максима в обители, произошел следующий случай: утка, как бы предчувствуя разлуку с ее питателем, неутешно начала кричать, перелетая с одного места на другое, и вдруг с птенцами своими взвилась над соборным храмом, долго летала вокруг него и, наконец, с значительной высоты ударилась о купол этого храма; ее же примеру последовали и птенцы ее, и все вместе ушиблись до смерти.

По выбытии из Софрониевой пустыни, Максим в течение пяти лет страннически обходил многие обители: пожив некоторое время в одной, он переходил в другую. Наконец, он достиг Белобережской пустыни.

В день праздника Максим стоял в здешнем храме. Наметив благочиние в церковном служении и слушая благолепное пение иноков, он восхищался духом, радуясь, что Господь указал ему здесь место для спасения души. Со смирением припал он к стопам настоятеля, умоляя принять его в число братий. Настоятель принял его с миром и отеческой любовью.

Первоначально Максим, будучи простым послушником, был несколько лет поваром, потом трапезником. После этих трудных обязанностей его определили на правый клирос. Здесь Максим оказался искусным в пении и знатоком устава и всего церковного порядка службы. Его постригли в рясофор с именем Михаила и тут же поздравили с новым послушанием – уставщика. Усердие к этому послушанию и монашеским подвигам обратило на него внимание настоятеля и старцев. В самом непродолжительном времени Михаил, с дозволения Св. Синода, был пострижен в мантию и наречен Мельхиседеком, затем по ходатайству о. настоятеля, преосвященный Досифей, епископ Орловский и Севский, посвятил монаха Мельхиседека в сан иеродиакона. По принятии сана он еще более усилил свои подвиги.

В 1800 году начальство над Белобережской обителью принял на себя иеромонах Василий Кишкин, старец духовной жизни, подвизавшийся немалое время на Афонской горе. Старец Василий, поступив на должность начальника, скоро сблизился с о. Мельхиседеком, и во все время пребывания своего начальником, они соединены были между собою союзом особенного духовного дружелюбия. Нередко призывал он о. Мельхиседека в свою келлию или, увидев его, проходящего мимо келлии, стучал в окно, чтобы он шел к нему и приглашал его служить с ним.

Однажды о. строитель назначил его для совместного с ним служения. О. Мельхиседек сказал посланному: «служить нельзя, о. строитель гневается на меня». Сказав это, он пошел к строителю в келлию, упал ему в ноги и просил прощения. О. строитель, в свою очередь, тоже упал ему в ноги и просил себе прощения, а после спросил: в чем ты, старец, просишь у меня прощения? – «Да как же, батюшка, отвечал простодушный старец, – когда я шел мимо вашей келлии, а вы и не постучали в окно; уж не прогневал ли я вас чем? Я боюсь гнева». О. строитель, зная чистосердечие старца, улыбнулся, обнял его с любовью, извиняясь, что не заметил его, проходившего мимо келлии, и при этом назвал его мужем незлобия.

Строитель о. Василий, пробыв настоятелем Белобережской пустыни 4 года, отказался добровольно от этого звания и перешел в Площанскую пустынь.

В 1810 году о. Мельхиседеку со времени пребывания его в Белобережской обители исполнилось 50 лет, а от рождения его 95 лет. Неизвестно почему, о. Мельхиседек, столько подвизавшийся в Белобережской обители, в течение 50 лет, подпадает наконец гонению, так что принужден оставить обитель и искать пристанища в пустынных лесах. Но, как бы то ни было, незлобивый старец уступает место гневу. Положившись во всем на Промысл Божий, взяв посох и суму, о. Мельхиседек отправился в Бельские дремучие леса Смоленской губ., которые в то время доставляли удобные места для уединений отшельников. Здесь Промысл Божий указал ему одного благодетельного помещика, который на

просьбу старца о позволении поселиться в его лесной даче, не только согласился, но и много содействовал ему в устройении келлии. Избрав в глуши дремучего леса небольшой холмик, он помолился на нем Господу Богу, прося благословения на избранное место, построил себе небольшую келлию и поселился в ней. На месте сем о. Мельхиседек начал проводить свою жизнь в трудах, чтении, посте и молитве, в крайней нищете и нужде. Один из обитателей пустыни, отшельник, пришел к о. Мельхиседеку с целью утешить его в скорби, полагая, что он скорбит за изгнание из обители. Но смиренный старец на все его утешения смиренно отвечал: «я скорблю о том, что отлучили меня от себя, как недостойного быть в их обществе, потому что, пребывая в оном обществе 50 лет, я никак не мог достигнуть чистоты их жизни». Отшельник ушел от старца, воспользовавшись его назидательной беседой и примерным смирением.

Слава о подвижнической жизни старца проносилась из одного места в другое; к дверям его келлии начали стекаться многие. Проведя здесь три года в одиночестве, о. Мельхиседек усердно молился Богу, чтобы Он послал ему единомысленного брата для сожителства с ним. Бог услышал его молитву. В недалеком расстоянии от него жил в подземной хижине пустынный Исаия, проводивший богоугодное и постническое житие. По вражьему наущению, он не стал вкушать пищи, думая этим угодить Богу и впал в прелесть. О таком искушении о. Мельхиседеку было во сне откровение Божие. По пробуждении от сна, он, сотворив обычное свое правило, отправился в лес. Проходив более полусуток, он, наконец, при помощи Божией нашел эту хижину, сотворил молитву и начал стучаться в дверь. Не скоро пустынный отворил ему. Войдя в хижину, старец приветствовал его и облобызал. Затем они уселись. О. Мельхиседек мысленно просил Бога вдохновить его даром слова к уврачеванию впавшего в искушение брата. По некотором молчании старец Божий начал вопрошать пустытника: давно ли он здесь живет? какого правила придерживается в жизни? как и чем питается и пр. Такой умной и ласковой беседой старец совершенно оживил унылый дух

пустынника. Затем он попросил у него чего-либо вкусить. Исаия предложил ему несколько сухарей и чашу воды, а сам стал от него поодаль. Старец Мельхиседек просил его разделить с ним трапезу. Исаия, боясь нарушить свой пост, отказался. Старец вторично просил его, хотя за святое послушание, вкусить с ним пищи. Тогда пустынник отведал пищи в самом малом количестве. За такое послушание он отогнал от себя беса, наложившего на него пост неистовый. Пустынник, уразумев самообольщение, усердно благодарил старца и просил принять его к себе в сожительство, обещаясь служить ему до конца своей жизни. Просьба его была принята.

В недалеком расстоянии от келлии о. Мельхиседека спасался другой пустынник – Андрей, тоже постник, долгое время одержимый хулительными и блудными помыслами. Он испек себе хлеба из муки и пепла. Когда же он вкусил этой смеси, то утроба его затворилась, и сам он сделался недвижим. В то время было о. Мельхиседеку откровение через икону Смоленской Божией Матери Одигитрии, при следующих обстоятельствах. По окончании вечернего правила, старец задремал; в это время видит он во сне Пресвятую Богородицу. «Что спишь, старче, – рекла Она ему, – восстани и иди к пустыннику Андрею, он впал в прелесть и находится в опасном положении». Пробудившись от сна, старец никого не увидел, а только келлия его исполнена была особенного благоухания. Разбудив Исаию, он благословил его на молитву, а сам поспешил к Андрею, местопребывание которого было ему известно. На рассвете пришедши к его келлии, он с молитвою постучался в дверь. Андрей едва мог ответить «аминь» и, подползши, отворил дверь. О. Мельхиседек, войдя в келлию, помолился и приветствовал пустынника, и дал болящему Андрею из лампы от иконы Смоленской Божией Матери елея принять внутрь, и тут же Мать Божия даровала ему совершенное здравие. Пустынник, видя чудо, сильно возрадовался об избавлении своем и со слезами принес благодарение Пречистой Владычице Богородице и старцу Мельхиседеку. С этого времени Андрей сделался учеником о.

Мельхиседека и нередко посещал его, открывая ему свои дела и помыслы.

Недолго суждено было о. Мельхиседеку утешаться тихим и безмолвным житием в пустынных Бельских лесах. Почитаемый и прославляемый всеми, он принял намерение удалиться с этого места. Однажды, стоя на молитве, он долго со слезами просил Господа и Его Пречистую Матерь указать ему новое пустынное место для упражнения в беспрепятственном богомыслии. В следующую за сим ночь Матерь Божия явилась о. Мельхиседеку в сонном видении и сказала: «иди в пределы Калужской губернии и там обрящешь себе место к пребыванию». С радостью пробудился старец и о видении объявил Исаии, и вместе с ним начал собираться в путь. Сбрав свои книги и иконы, они помолились Господу Богу и Пречистой Его Матери об указании им пути и отправились на восток. Через несколько дней Небесная Путеводительница привела тружеников Своих в Калужскую губернию, в Мосальский уезд, село Шуи. Здесь усмотрели они обширную дачу с густым лесом и вековыми деревьями, принадлежащую помещику Петру Петровичу Суходольскому. Проходив несколько дней среди лесов и дебрей, старцы, наконец, по внушению Божию, остановились у холма. Здесь обрели они то, чего желали. Холм был окружен густым лесом, освежаем небольшим источником воды, при ненарушимой тишине. Призвав на избранное место благословение Божие, они пошли к владельцу Суходольскому в село Жерелево, с целью испросить у него позволение построить в его лесу келлию. Боголюбивый помещик, увидев маститых старцев, весьма обрадовался, что Бог послал ему рабов Божиих. После продолжительной беседы со старцами, г. Суходольский распорядился на указанном месте построить две келлии: одну о. Мельхиседеку, а другую, подальше, о. Исаии.

На этом красиво расположенном холме в совершенном безмолвии старец Мельхиседек провел немало времени. Здесь он терпел скорби и труды, боролся с различными страстями и с помощью Божией отражал демонов.

По истечении 12-летнего мирного пребывания в сей пустыни, о. Мельхиседек лишился ученика своего Исаии; он отошел в вечность и был погребен близ его келлии священником села Шуев, Мосальского уезда. О. Мельхиседек горько оплакал потерю духовного друга своего о. Исаии, которого любил.

После смерти Исаии о. Мельхиседек, скучая одиночеством, начал помышлять об отыскании себе другого ученика и сожителя. Во время молитвенного правила старец усердно просил Бога, чтобы Он послал ему человека добродетельного и духовного союзника. По окончании молитвы он вспомнил о давно известном ему боголюбивом человеке, крестьянине Смоленской губернии, Ельницкого уезда деревни Хотеевки, – Михаиле, бывшем от него на расстоянии одного дня ходьбы. О. Мельхиседек принял эту мысль за указание свыше и отправился к нему. Когда Михаил увидел в доме своем возлюбленного старца, о. Мельхиседека, то припал к его ногам и, лобызая у него руки и ноги, просил благословения и молитвы о ниспослании благодати Божией на него и на весь дом его. По совершении совместной молитвы, они провели всю ночь в духовной беседе. Наконец, старец объявил Михаилу волю Божию – идти в пустынь и посвятить себя на служение Богу. Боголюбивый Михаил, в знак покорности, поклонился старцу в ноги и обещался в непродолжительном времени прийти к нему в пустынь. На третий день, рано утром, Михаил оставил жену, дом и детей покровительству Божию и, не взяв с собой ничего, пошел в село Уарово для слушания божественной литургии, а оттуда прямо направил стопы свои к о. Мельхиседеку в пустынь. Еще на далеком расстоянии от пустыни старец встретил своего будущего ученика и, преподав ему благословение Божие, взял его за руку и повел в свою келлию, весьма обрадованный. С того времени, пожелавший иноческой жизни, Михаил служил старцу Мельхиседеку 12 лет. Когда умножилось число посетителей, о. Мельхиседек начал этим сильно тяготиться и, не желая славы от человеков, принял намерение оставить это место обитания своего. В одно время, пребывая в молитвенном подвиге, он просил Господа и Его Пречистую Матерь указать ему новое место упокоения его

старости, а затем послал ученика своего с письмом в Брянский уезд, с. Дятьково, к боголюбивому господину Ивану Акимовичу Мальцеву. Письмо написано самим старцем на бересте.

По прочтении сего письма, Мальцев поцеловал его и сказал подателю: «я очень рад и поставлю себе за счастье, что старец Мельхиседек пожелал поселиться в моем лесу для прославления имени Божия». В непродолжительном времени келлии были совершенно отделаны, и о. Мельхиседек с учеником своим Михаилом перешли туда в 1837 году.

Келлия, в которой спасался старец, находилась в дремучем лесу на большом холме, называемом «колодези», в 15 верстах от песочного завода, вблизи протекала небольшая речка. Вокруг келлии разведен был небольшой огород, а, спустя некоторое время, заведен был и пчельник. Но и Брянские леса не могли совершенно утаить в себе богоугодного жития старца Мельхиседека. И.А. Мальцев питал глубокое уважение к старцу Мельхиседеку, любил и почитал его, и дорожил его беседами. Посылал ему восковые свечи, деревянное масло для возжжения лампад, книги – писания св. отец. В доказательство особенного к нему расположения, он в 1838 году сам приехал к нему в пустынь. Старец Мельхиседек, облекшись в мантию, с жезлом в руке встретил гостя вне келлии, и оба они поклонились друг другу до земли. Затем вошли в келлию, а после молитвы присели, и отсюда началась у них духовная беседа. На вопрос Мальцева: как сохранить нравственность людей ему подчиненных, старец ответил: «будь милостив и сострадателен; алчущего накорми, неимущему помоги; Господь нам терпит, и ты прощай. Сохрани мир душевный между собою и семейством своим. Господь сказал: «в мире место Мое». Эти наставления заметно подействовали на Мальцева, так что он во многих отношениях изменил себя к лучшему и сделался еще снисходительнее к своим крестьянам. Во время посещения старца, Мальцев, заметив его в плохом одеянии, приказал по приезде своем домой сшить из лучшего сукна подрясник и отослать ему. О. Мельхиседек, по получении, примерив на себе подрясник, и, осмотрев его, сказал: «пустынножителю неприлична такая блестящая одежда», и отдал его страннику.

Однажды к о. Мельхиседеку явился ангел сатанин и вещал ему так: «к тебе едет один из великих вельмож на совет; выйди из келлии и встречай его». Сказав сие, он сделался невидимым. Старец, хорошо зная тонкие козни врага своего, на этот раз все время не выходил из келлии и стоял на молитве. Действительно, в скором времени приехал посетитель, долго беседовал со старцем о нуждах своих и уехал. Враг же, не удовлетворив своего желания искусить старца самообольщением, употребил другого рода хитрость. Однажды о. Мельхиседек занимался на огороде возделыванием гряд. Вдруг предстали пред ним два монаха; один из них называл себя Антонием, а другой Феодосием Киево-Печерским. Ублажая его труды и подвиги, они открыли ему скорую его кончину и обещались прийти для сопровождения его на небо. Старец отвечал им: «не угадали вы моей кончины; лжете вы; моя кончина будет еще не скоро. Сам Бог мне открыл об этом». Услышав это, бесы исчезли. Открывая своему ученику это явление, о. Мельхиседек сказал: мы должны во всяком случае верить мысли свои другу и согласовать их с Евангельской истиной. Подумай я только о себе, что будто, достигнув духовных видений, я теперь свят, – тогда уже и считай себя в горестном самообольщении.

О. Мельхиседек имел необычайную власть над зверями; один лесной медведь склонял голову свою пред старцем, когда он возлагал на шею его красное ожерелье. Приятно было посмотреть на этого Михайлу (так называл медведя старец), большого роста, ветхого, седого и в красном ожерелье, стоящего у крыльца старческой келлии и терпеливо выжидающего себе пищи. Этот медведь к о. Мельхиседеку привык приходить во время его трапезы и редко ошибался во времени, но каждый раз приход его совпадал с обычным часом употребления пищи. Ожидал подачи медведь всегда у крыльца так долго и до тех пор, пока пустынник не выносил ему остатков пищи от своего стола. Поев, медведь уходил вполне утешенный.

Один из благодетелей о. Мельхиседека пожелал посетить его. В летнее время отправился он к нему в пустынь. Часа за

два до его прибытия старец призывает своего ученика и говорит ему: «иди скорее навстречу: к нам едет наш благодетель», и при этом прибавил: «как бы не потревожил его медведь». Ученик пошел. Отойдя недалекое расстояние от келлии, он заметил медведя, нападавшего на благодетеля его. Увидев знакомое лицо, медведь как бы устыдился, оставил свою жертву и скрылся в лес. Испуганный же благодетель, прибыв к о. Мельхиседеку, упал ему в ноги и со слезами сказал: «батюшка, теперь я вижу и верую, что Господь пребывает с вами; когда угрожала опасность моей жизни, я непрестанно взывал: «Господи, за молитвами старца о. Мельхиседека спаси меня! и Бог сохранил меня от лютого зверя». О. Мельхиседек, выслушав все сие со вниманием, сказал ему: «по вере твоей буди тебе; Господь милостив, и вас за милость милостью не оставит». Затем приказал ему приложиться к образу Смоленской Божией Матери. Эта икона находилась в келлии старца, и от нее было много чудес. Замечательно то, что упомянутый медведь, за несколько дней до кончины старца, прекратил свои посещения и неизвестно куда скрылся.

За три года до своей кончины, готовясь к переходу в вечность, о. Мельхиседек просил сделать себе гроб; его выдолбили из цельного дуба, и старец скрыл его в потаенном месте. Здесь старец часто молился.

За две недели до кончины у старца появилось расслабление желудка, и вследствие истощения сил он слег на одр, и уже больше не вставал. 9 июля 1840 года маститый старец почил сном праведника, быв напутствован Св. Тайнами священником села Мокрого о. Василием, которым и совершено было погребение. Старец Мельхиседек прожил в земной жизни 125 лет. Тело его предано земле в Брянских лесах, близ его келлии.

Потеря духовного отца глубокой скорбью поразила любвеобильное сердце ученика его Михаила. Во всю свою жизнь он с искренним участием молился об упокоении досточтимого своего отца. Часто, приходя к могиле его, он, преклонив колена у праха, возносил горячие молитвы о нем ко Господу и установил в день преставления старца, 9 июля,

каждый год творить его память. Для сего приглашал священников с причтом с Песочного завода и хор певчих. Православных собиралось из окрестных сел до трехсот человек. С вечера служили бдение, утром часы, потом совершали соборную панихиду о упокоении раба Божия иеродиакона Мельхиседека. В этот день предлагалась всем общая трапеза. Спустя некоторое время, над могилой старца была устроена обширная часовня; в ней поставлены св. иконы, портрет старца, четки и ряска его. Многие благочестивые посетители в течение всего года приходят ко гробу старца, одеваются в его ряску, берут с могилы песок, а из колодца воду и с верою уносят с собою в дом. Имя о. Мельхиседека до сих пор ублажается не только по всей окрестности, но и во многих отдаленных местах.

Жизнь о. Мельхиседека описана со слов ученика его Михаила, в пострижении Митрофана, скончавшегося 1870 г. июля 19 дня и погребенного 24 июля близ старца.

Наружный вид старца за последнее время очевидцами описывался так: он был роста небольшого, но здорового и крепкого, хотя тонкого, телосложения. Лицо у него было сухощавое с клинообразной бородой. До самой смерти своей он сохранил зрение, очков вовсе не имел. Вырезал маленькие крестики на благословение посетителям. В разговорах был словесен¹⁴.

Мещовский иеромонах Илари́й

(Память 12 июля).h6

Об иеросхимонахе Мещовского Георгиевского монастыря Илари́и сохранились очень скудные сведения. Он родился в первой четверти 19-го столетия (1818–19 г.г.) и назывался Иваном Петровичем. Родители его были мещане г. Раненбурга Рязанской губернии. Он с детства уделял время на подготовку к прасольству. Юношей он состоял в цехе прасолов г. Раненбурга. Здоровье и силы в эти годы у него были цветущие. К 19–20 годам своей жизни он составил решение уйти из мира в монастырь.

На решение это очень повлияло такое обстоятельство. В один из праздничных дней до поздней обедни он вышел за город и стал поджидать крестьян, едущих на базар. Полагал купить у них повыгодней продукты, но, делая это, он являлся нарушителем постановления городского правления. В Раненбурге не открывалась торговля на базаре до звона к поздней обедне. Приторговал воз товару какого-то. Как раз в это время к ним подошел неизвестный господин в форменной фуражке и стал перебивать воз. Прасол Иван укорял перебивчика. Чиновник отпихнул Ивана; Иван ударил того по лицу. У чиновника показалась кровь. Иван бросился бежать. Обиженный догнал и отдал Ивана в полицию: Иван был посажен в тюрьму до окончательного решения дела. Родители Ивана очень опечалились. И сам он стал оплакивать свой грех в стенах тюрьмы. Любивший читать, он просил родных приносить ему книги в тюрьму. В числе книг было и св. Евангелие. Читая его, Иван особенно проникся чувством покаяния и пришел к мысли о поступлении в монастырь, если Господь устроит его освобождение из тюремного заключения. Между тем, чиновник тоже стал сожалеть о сделанном и при его содействии Иван при разборе дела был оправдан, и выпущен на свободу.

Освободившись из заключения, Иван на 20 году от роду сообщил родителям о своем намерении поступить в монастырь. Родители дали свое согласие и даже отправились с ним за

благословением к старцу Петропавловского монастыря в Раненбурге – Нафанаилу. О. Нафанаил одобрил намерение Ивана. Тем не менее, поступление в обитель за некоторыми семейными делами отложено было на некоторое время. За это время он занимался опять прежним прасольским делом. На деле оказалось, что отсрочка поступить в монастырь немало укрепила самое желание быть в монастыре. Проводя дни и ночи в разъездах по уезду по делам покупок, Иван Петрович порою оставался по дню и более без пищи. И в эти дни ему невольно вспоминались подвиги постников. Ему думалось, что эти подвиги не чрезмерное дело и для него, а посильное, вот, теперь за делом он не чувствует чего-либо особенного с собою без пищи. Стало-быть и для Бога это можно вытерпеть. По некотором времени Иван поступил в число братии Раненбургского Петропавловского монастыря и здесь находился под руководством старца о. Нафанаила, который в обители и в городе пользовался большим уважением, и был опытный в делах благочестия муж. Новый обитатель монастыря в течение 5-ти лет был на послушаниях переплетчика, пономаря и других. Подвиг поста и воздержания держал он ревностно. Чаю совсем не пил, ел по малу. Потом еще заведовал пчельней при монастыре.

По испытании, он был пострижен в монашество с именем Илария. Его высокая жизнь, в духе монашества, обратила на него внимание игумена обители. Игумен не раз предлагал ему представить к иеродиаконству, но инок Иларий отказывался, выражая желание трудиться для спасения души без священного сана, которого он не считал себя достойным. Однако и игумен не оставил своего намерения о посвящении Илария. Прибыв в Рязань по делам обители вместе с рясофорным монахом Иларием, игумен тайно от него сходил ко владыке Гавриилу и высказал ему свое желание иметь Илария иеродиаконом для обители и о нежелании его самого. Владыка приказал представить ему монаха. Иларий, явившись ко владыке, когда тот заговорил о посвящении, не смутился и ему высказать то же, что сказал настоятелю. Тогда владыка спросил: читал ли он, Иларий, какие-либо книги о монашеской жизни? Да, отвечал

Иларий. Владыка заметил: какая первая заповедь монаху? Послушание. Вот, прими и это назначение на иеродиаконство в послушание, – так закончил владыка разговор, и о. Иларий после этого уже не смел возражать, и был рукоположен во иеродиакона. Немного нес он службу иеродиакона, скоро был возведен и в сан иеромонаха.

Живя в монастыре Петропавловском, он переживал немалые искушения, но подробно о них не сообщал. Упомянул как то, только впоследствии, что от находивших искушений его избавлял о. Иларион Троекуровский. После рассказа моего об искушении, говорил Иларий, – старец Троекуровский положил свою руку на его, – и он после этого почувствовал себя в порядке и свободным от наваждения. (Сущность искушения он оставил невыясненной). Но дух злобы и после этого не оставил его вполне. Он нашел повод для искушения в его же послушании на благо обители. Когда он управлял пчельнею, пчеловодство при нем процветало. По надобности для пчеловодства о. Иларий подрезал все деревья на пчельнике. Братии старшей это не понравилось, и она стала наговаривать игумену на Илария и, наконец, дошла до совета – удалить его из обители. Когда о. Иларий узнал об этом, то, давая место гневу, сам пришел на помощь братии и подал прошение о переводе в какой-либо монастырь другой епархии. Сначала о. Иларий уходил на Валаам. С Валаама же перешел в Оптину пустынь, где полюбился о. Амвросию. По времени он высказал старцу просьбу – благословить его на жизнь на Афоне или на Валааме. О. Амвросий на это ответил: «иди в Мещовский монастырь, там твой Валаам и Афон, ты там нужен». Повинуясь наставлению батюшки о. Амвросия, о. иеромонах Иларий и прибыл в Мещовский монастырь. Он был охотно принят в Мещовском монастыре, занялся очередным служением в обители, стал заведовать пчельнею и был посылаем по сборам в уезд. Служба его на пчельне была очень плодотворна: количество колод достигло при нем до 500, после 40. Поездки его по сборам всегда венчались успехом. Он привозил сбор: деньгами, вещами, даже скотом лучших пород. В келейной жизни, в Мещовском монастыре, о. Иларий отличался большой

любовью к чтению духовно-нравственных книг, особенно любил читать св. Евангелие и отечники.

В Петропавловской пустыни о. Иларий некоторое время исправлял обязанности благочинного. Перейдя в сентябре 1870 г. в Мещовский Георгиевский монастырь, о. Иларий в 1881 году был назначен духовником и в этой должности находился до самой своей смерти. В Мещовском монастыре погребен блаженный Андрей, память которого читается благоговейно и привлекает немало богомольцев. Для этих последних о. Иларий и был незаменимым старцем – наставником. Порою, он сам служил и молебны у чтимого образа Божией Матери «Всех скорбящих Радости» и панихидки на могилке блаж. Андрея. Много добра приносил он людям и во время своих поездок.

В одну из поездок он навестил дом своего брата. У этого брата был сын женатый, имевший ребенка больного (сидяку), к тому же непочтительно относившийся к своему отцу. Отец его, родной брат о. Илария, болел недугом пьянства и от этого впал в большую бедность, сын отделился от него и не помогал ему. Когда о. Иларий позволил себе непочтительному племяннику указать, что не хорошо бросать отца, хотя бы и человека со слабостью, что это Богу не угодно, то племянник сказал: э, что не угодно, когда жил с отцом, то у меня был худой и бедный дом, а теперь моя хата полная чаша; – и не помог отцу. На это о. Иларий сказал: это что за диво – все это в один раз может прахом пойти. Еще не выехал о. Иларий из родных мест, как получил известие, что дом племянника сгорел дотла!.. Какой-то крестьянин, во время другой поездки по сборам о. Илария, искал у него утешения. У него одна или две лошадки – кормилицы пропали; злой человек увел их. Розыски не помогли, мужичок и просил его помощи, о. Иларий сказал ему: придут, придут сами. Через несколько времени после этого так и случилось: мужик вышел как-то на двор, видит: ворота отворены и в углу двора стоят и его лошади без сбруи.

В стенах Мещовской обители его уважали многие из братий и ходили к нему за советом. Когда он был благочинным в монастыре, то был строго правдив, что нерадивым из братий не нравилось. Иногда они пытались сделать ему и немалые

неприятности, но он переносил все это терпеливо. Горожане Мещовские почитали в нем мужа благочестивого и имели его как доброго советника в делах жизни и спасения.

Как глубоко чтили о. Иларию и насколько было благотворно его влияние, весьма картинно изображают два письма духовных детей старца, писанных на имя Мещовского игумена Иларию, которые мы поэтому и приведем здесь сполна.

Одно письмо – мирянина, другое – инокини, игумении. Эти письма живо рисуют, с какой простотой и доверием относились к о. Иларию и, в то же время, показывают: как духовно опытен был этот смиренный старец, как он проникал в будущее. Мирянин пишет так:

«Когда наша покойная мать познакомила нас с батюшкой, мы ему очень верили. По смерти своих родителей, я поехал получить у батюшки о. Иларию благословение жениться и начинать торговлю, спрашиваю батюшку, где мне брать невесту, на стороне или в своем городе? Батюшка сказал: «женись, бери в своем городе, на сторону не езди, торгуй, чем отец торговал, не обвешивай, не обмеривай и будешь жить, вот тебе мое благословение. Потом опять говорит: я знал одного бедного и благочестивого человека, который торговал честно и стал богат, а другого, богатого, который старался обмануть, обвесить и обмерить, в конце концов, стал бедней бедного». После благословения дорогого нашего батюшки я женился, но его благословию взял невесту в своем городе. Судьба моя была прекрасная, жена моя была со всеми достоинствами, пожил немного в Мосальске, т. е. в родном городе, мне казалось, что выгодней будет заниматься подрядами, я решил поехать в Либаву, что осуществил. Некоторое время мне очень шло удачно, так что я завел свои бараки, слесарню, шорню, одним словом, все, что требовалось для подрядчика; своих лошадей было много, одним словом, в неделю, бывало, из конторы принесешь 1000 руб.; так, каждую почти неделю приносил выручку в таковом количестве; однажды принес так много заработанных денег, что я своей семье и говорю: «вот и верь старцам, исполняй их благословение, торгуй – чем отец. Значит, я погордился батюшкиным благословением; за то, что я не

послушался батюшку, Господь меня видимо наказал: я не сошелся с капитаном, не подписал условия и вследствие этого мне отказали в работе; имевши столько заведения не сейчас, все распродал. Я купил себе имение, на мой взгляд очень хорошее, переехал в имение. Сразу рука Божия на меня легла; прежде всего обокрали меня, потом лошадь пала, которая стоила дорого, потом опять обокрали, даже все забрали: вилы, веревки и масло, пошли неудачи за неудачей, прежде в поле не родилось, а когда Бог пошлет, то погоды нет убрать то, что Господь послал, потом обрушилось на меня из всех горей горе: умерла у меня жена. Вот тут я и познал на себе гнев Божий, за послушание старцу Иларию. После погребения своей жены, я решился из Курляндии поехать в г. Мещовск на могилку к дорогому батюшке отцу Иларию; побывши на могилке батюшки о. Илария, я счел обязанностью попросить молитв у о. игумена Илария и просить благословения, и разрешения отслужить панихиду на могилке старца Илария, а на другой день заупокойную обедню. Хотя я еще имения своего и не продавал, но все же руку Божию вижу над собой; за молитвами батюшки старца Илария, как только продам имение, буду стараться исполнять благословение батюшки отца Илария. Переиспытал я в течение этого времени столь много, что я не только высказать или описать, даже вздумать не могу. Как тяжело и скорбно бывает тем, кто не исполняет благословение старцев; это я не про людей пишу, но сам не исполнил благословения св. старца, и даже и насмеялся. За то Господь меня и вразумил. Не думайте, чтобы я был безбожник, или атеист, или хулиган, я православный, всегда верил в Бога, и родители меня учили чтить Бога, одно, я не поверил словам старца, за то и наказан. Я пишу не потому, чтобы роптать на судьбу. Нет, я хочу показать, или же обнаружить святость и прозорливость старца Илария, не обвиняясь говорю: святой жизни этот старец. Я испытал на себе и на своей сестре, и на всем своем семействе».

Инокня же писала следующее об о. Иларии:

«Да! Батюшка прекрасно знали глубокоуважаемого и досточтимого нашего батюшку старца о. Илария, который

действительно меня благословил во вверенный мне монастырь. Это было угодно Промыслу Божию устроить на прославление св. имени его. В 1870 году поехала я проводить сестер своих до Оптина, родную Марию и двоюродную Зинаиду, которые жили в Севском монастыре. Проводивши их, я пошла в скит к старцу Амвросию попросить благословение поступить в монастырь, в какой он мне благословит. Батюшка отец Амвросий благословил меня идти в монастырь, потом и говорит: «тебе далеко ко мне ездить, вот я тебя поручу старцу Иларию, который живет в Мещовском мужском монастыре, поезжай к нему и скажи, что я тебя прислал, он тебя устроит»; восторгу моему нет конца, с большим стремлением я спешила в Оптину открыть свою душу батюшке отцу Амвросию, думала, что он меня с сестрами отправит в Севск, а Господь Свои пути назначил! Слушая батюшкино благословение, я никак не дождусь, пока я увижу батюшку о. Иларию; спешила всю ночь из Оптина, чтобы скорей, скорей окончить свое желание поступить в монастырь, куда или в какой о. Иларий благословит. Поутру после обедни я пошла к батюшке о. Иларию, говорю: что «меня о. Амвросий к вам прислал: я желаю в монастырь, и вы батюшка определите меня». Он посмотрел на меня и говорит: «хорошо, погодите немножко, я вас определяю». Я вообразила, что это немножко недельку или две, а мой дорогой батюшка продержал меня в миру ровно полный год. Скажи батюшка мне, чтобы я год пробыла в миру при том горячем настроении моей души, я не выдержала бы года, а уходом ушла в монастырь; я имела сильное рвение идти в монастырь: мне в миру так опротивело, что для меня минута в миру была невыносима. Вот, по своей прозорливости батюшка мне и сказал: «погодите немножко; ходите ко мне чаще»; дал мне книг духовных, сочинения Димитрия Ростовского. Его благословение и молитва сильно на меня подействовали. По окончании года батюшка сам приехал и спрашивает: как поживаете? Я говорю: слава Богу; батюшка говорит: «вот и знай, хорошо зажила, верно в монастырь не хочет, а я за тобой приехал; завтра приезжай, я тебя отправляю», восторгу нет конца. Здесь повстречалось новое препятствие. Тятенька и маменька, родители мои, неохотно

меня отправляют; отец даже бумаги не дает вследствие юных моих лет, опасаясь, выдержу ли я монастырские труды; благословляя меня в путь, тятенька мне говорит: «как год благополучно проживешь, тогда и бумагу тебе пришлю, так и батюшке скажи». Я была довольна, хотя получила родительское благословение, с миром отправилась к батюшке, приехала в Мещовский монастырь, первый шаг к батюшке. Старец, давши мне свое благословение, и спрашивает меня: куда и в какой монастырь поедешь: к сестре Марии, которая была в Севске, или к Анне – тоже моя родная сестра 2-я; она жила в Белеве, сам смотрит мне в глаза. Я и говорю: батюшка! я верю Богу и верю вам, куда вы меня определите, там и буду жить за ваши молитвы и благословение. Батюшка опять сказал: «если ты веришь Богу и мне, то я тебя отправлю в Комары, хотя я их и не знаю, но благословляю, завтра поезжай». Я говорю: батюшка! у меня денег всего 20 к. Он отвечает: тихое тихо и без денег ищут, поезжай; едет барышня, и ты с ней поезжай, игумен вам даст лошадь, вы с Богом поезжайте». Получивши от батюшки благословение, прихожу на гостиницу, где жила Евдокия Борисовна, девушка Бараньих Рог, я ей рассказываю свою радость, что батюшка мне и монастырь назначил, завтра едем с Любовью Алек. В это время сидела какая-то женщина и говорит: «Ах! как там трудно, там дрова пилят, в лес ходят, положительно, все сами сестры делают, даже у одной сестры глаза лопнули». Послушавши такового страха, я скорее к батюшке и начинаю рассказывать все слышанное. Он выслушал и говорит: «это не суть пилить дрова, когда они есть, напилил бы, да нечего будет пилить, и вы бы, называет меня по имени, напилили, да не с кем пилить будет, опять вам говорю, продолжает батюшка, вы сами напилили бы, да дров не будет; это не беда, что пилить»; я успокоилась. Потом опять были искушения, на которые я совершенно не обращала никакого внимания. Подана была нам монастырская лошадь, пошли мы к батюшке получать на путь благословение. Я говорю: батюшка! мне тятенька паспорта не дал, с чем я поеду; меня матушка не примет. Батюшка так пророчески сказал: хотя я ее не видал и не знаю, она вам и без паспорта рада будет. Мы поехали,

приезжаем в обитель, действительно, матушка нас приняла, обласкала, спросила у меня бумагу, я рассказала – как было. Матушка нам рада была и без бумаги моей. Барышня уехала назад на монастырской лошади, а я за молитвами батюшкиными осталась в монастыре, послушание мне дано топить четыре печки, и сама я должна готовить дрова для четырех печей; в этот год запас дров был совершенно истощен так, что негде было взять кроме леса, а печи топить нужно. Я уже не страшусь, что пилить, а лишь дали бы, что пилить; было сделано распоряжение, чтобы привезти дров, распоряжение приведено во исполнение, только нужно пилить, я очень рада, что есть дрова; иду к экономке просить – с кем пилить, она назначает сестру, прихожу в келлию назначенной сестры, ее взяли на послушание, я опять к экономке; на грех четыре сестры, назначенные сами пилить, все были отправлены на другие послушания, в этот момент я и вспомнила дорогого батюшку: «напилил бы, да дров не будет; сами бы напилили, да не с кем будет», я рада была пилить и в тягость не считала, да батюшкины слова исполнились, то дров не было, а то человека нет, с кем пилить. Писем батюшка не писал. Одна наша монахиня, его дочь духовная, имела искушение и скорбь, писала батюшке прислать на утешение письмо; он посылает ей книгу, подходящую к ее скорбям, и говорит, пусть читает. Много сестер по его благословию поступили в наш монастырь, по научению вражю вышли, года по два и по три походят, а все же опять придут в наш монастырь. Потом Мещовская девушка Мария Полетаева жила в нашей обители; когда она ездила к родным и была у батюшки, он сказал незадолго до своей смерти: скажи Янишной, что она будет игумения; это было в 1881 году, когда она мне передала, а в 1900 году меня назначили в игумении, вот только, что я и знаю про родного своего батюшку и его молитвами я и живу в обители».

В подвигах иноческой жизни вседушного служения ближним протекла вся жизнь старцами настало ему время перейти в вечность. В одну из поездок по сборам о. Иларию сильно простудился. Говорят, это было так. При нем не было вида-дозволения на сбор, и он был задержан под арестом на

несколько дней, пока не было доставлено, имевшееся у него, но хранившееся не при нем, разрешение на сбор. Арест о. Иларий переносил в холодной комнате, поздней осенью. Начавшаяся простуда перешла в водянку, от которой он и умер, имея от роду 70 лет. Бывшие при последних минутах жизни, удостоверили, что он был духовно приготовлен к смерти. Умер в 12 часов ночи 21 марта, 1889 г., безмятежно. Пред смертью он прошелся по келлии, сел около столика, наклонился, сказал: что-то тяжело дышится, и испустил дух. Похоронили его за алтарем новой церкви. На могиле его стоит памятник чугунный, и у образа на нем порою теплится лампадка.

День кончины его 21 марта и день именин 12 июля – чтутся в обители соборными панихидами.

Страница-украшительница храмов раба Божия Ксения

(Память 12 июля).

Благочестивая Ксения по происхождению была незнатного рода, отец ее был крестьянин Костромской губернии, Кологривского уезда, вотчины Г. Ф., Лаврентий Н. На семействе Лаврентия почивало особенно благоволение Божие. В начале своей супружеской жизни долго не имел детей, на что благочестивые супруги отнюдь не роптали, а только возносили усердные свои молитвы к Богу о даровании им детей на утешение в старости. Наконец, на 5 году супружества, молитва их была услышана, – и жена Лаврентия, набожная М., разрешилась от бремени дочерью Анной, а на 6 году вторично разрешилась от бремени Ксенией.

Младенчество Ксении пролетело незаметно, как для нее самой, так и для родителей, которые с 8-летнего возраста начали уже вкоренять в юное ее девическое сердце все правила благоугодной жизни; с этого времени начали они неопустительно водить ее в церковь на все воскресные и праздничные службы, а в случае болезни их, юную Ксению водили с собою набожные соседи. С 10 лет набожная мать Ксении приучала ее до половины дня не вкушать пищи, а когда оставалась одна с нею, всегда читала ей вслух какие-нибудь молитвы, через это очень скоро научила им и любимую дочь свою. В 15-летний возраст Ксении, набожная мать еще более прилагала попечения о своей дочери; никогда не позволяла ей одной входить в собрание молодых людей, даже не позволяла вступать в беседы с ее подругами, из которых иные, по ее замечанию, были неодобрительного поведения. На 18 году благочестивая Ксения, далеко опередившая своих подруг благочестивой жизнью, начала просить у матери позволения сходить в Соловецкий монастырь, для поклонения Соловецким чудотворцам Зосиме и Савватию, на что получила от нее полное согласие, и весною благополучно отправилась со своей сестрой в Соловки. По прибытии туда, благочестивая Ксения,

горя любовью к великим угодникам Соловецким, пламенно предалась молитве, чем обратила особенное на себя внимание многих благочестивых подвижников; выслушав от них некоторые назидательные наставления, прибыла благополучно в г. Устюг, Вологодской губернии, для поклонения Прокопию праведному, Устюжскому чудотворцу. Пробыв здесь незаметно целый месяц, Ксения и сестра ее, побуждаемые любовью к своим родителям, принуждены были возвратиться под кров их. Ксения горела такой любовью к новым и более трудным подвигам, что в душе совершенно отказывалась от брачной жизни, хотя предчувствовала грозившую ей бурю, готовую уже разразиться над ее главой. Действительно, по прибытии в родительский дом, благочестивая и целомудренная Ксения, давшая уже обет девства, после неоднократных, со стороны помещика, строгих приказаний, принуждена была с великой неохотой вступить в брак и притом, в такое семейство, над которым тяготела рука Божия, и в котором скоро разразилась над нею давно предчувствуемая ею буря. На первом же году своего замужества, оплакав преждевременную потерю своих родителей, пламенно ее любивших, благочестивая Ксения должна была бороться с исконным врагом рода человеческого, – в лице своего свекра, который беззаконным и многократно повторяемым домогательством довел ее, наконец, до того, что она принуждена была жаловаться помещику, который, вникнув в жалкое ее положение, перевел ее вместе с мужем в свою дворню. Вскоре после того, муж ее скончался, – и к ней, оставшейся 22-летней вдовой, воспылал страстью ее владелец. После попыток обольстить ее, угроз и истязаний, видя ее непреклонность, помещик продал ее соседу. Новый владелец, человек средних лет, лишившийся супруги своей, спустя 2 года после вступления с нею в брак, видя в Ксении цветущую молодость, сначала принял ее очень ласково и, надеясь найти в ней удовлетворение своей чувственности, предложил ей в управление весь дом свой, но, когда благочестивая Ксения с презрением и неустрашимой твердостью отвергла его ласки, тогда новый господин Ксении с сильнейшей яростью излил на нее свой гнев. Не ожидая себе ничего лучшего, Ксения, для

соблюдения себя в душевной и телесной чистоте, решила в уме своем скрыться от дальнейших преследований – побегом.

В начале своего побега Ксения долго укрывалась в убогой келлии сестры своей, жившей близ приходской церкви, никем не узнанная. После продолжительной и пламенной молитвы Ксении, Господь в сонном видении открыл ей тот путь, которым она должна была идти к Нему. Именно: в одну ночь видит она, будто молится в той самой церкви г. Устюга, Вологодской губернии, пред мощами Прокопия праведного, Устюжского чудотворца, в которой несколько лет тому назад молилась с сестрою своею, возвращаясь на родину после первого путешествия в Соловецкий монастырь, и потом будто тайно возвращается к сестре своей, – но не ни с чем, а с небольшой ношей на плечах и маленькими санками сзади, наполненными неизвестно чем; будто днем скрывается она в лесу, из опасения, чтоб не быть пойманной, потому что помещик, от которого она ушла тайно, делал о ней розыски, – а ночью продолжает путь свой, – и, по той же причине, чтоб не быть кем узнанной, старается и домой прийти ночью. Видит она также, будто в самую полночь приближается уже к селу, где жила сестра ее, и, проходя близ церкви, останавливается принести благодарение Господу Богу за благополучно совершенное ею путешествие, – но, увидев двери ее отверстыми и выходящего из них священника, приходит в великий страх и хочет немедленно скрыться, но вышедший из церкви священник, ободрив странницу и преподав ей свое благословение, тотчас поднимается на воздух, аршина на два от земли, и просит ее показать привезенные ею вещи, что благочестивая путешественница немедленно исполнила: развязала свой узел и к великому удивлению нашла в нем драгоценный серебряный сосуд с прибором, дорогое облачение для священника и диакона, и немедленно все эти драгоценные вещи вручила священнику, все еще стоявшему на воздухе, а он, приняв от нее все это с благодарностью, обратился к Ксении и сказал: вот, благочестивая Ксения, труды, которые Господь назначает тебе до самой смерти, и, сказав это, стал невидим, и видение ее кончилось.

Пробудившись от сна, Ксения рассказала свой сон священнику, у которого незадолго пред тем просила наставления об указании ей лучшего пути ко спасению, и который, по выслушании ее рассказа, посоветовал ей, с своей стороны, немедленно отправиться на место, указанное в сонном видении, именно: в город Устюг, Вологодской губернии, для совершения в нем своих подвигов.

Приняв благословение от священника и воздав благодарение Господу, Который чудесно сохранил ее невредимою среди мучений, благочестивая Ксения на 30 году жизни возложила на рамена свои, для укрощения плоти, тяжелые 20-ти фунтовые вериги и кротко выступила на поприще многолетних подвигов. С твердым упованием на Промысл Божий, она отправилась в указанное место в г. Устюг, для поклонения мощам угодника Божия – Прокопия праведного, и пешком совершила 200 верст.

По благополучном прибытии на место, пришлось ей приютиться в доме одной вдовой благочестивой купеческой жены, которая со времени смерти мужа посвятила жизнь свою на сбор добровольных пожертвований в пользу не очень богатого монастыря Устюжского. С полной преданностью в волю Божию, трудолюбивая от природы Ксения, с неутомимой ревностью принялась за назначенные ей благодетельницей ее домашние работы: днем помогала ей по хозяйству, а ночью, в зимнее время, набивала снегом погреба бедных жителей, летом же очищала отхожие места. Долго исправляла трудолюбивая и набожная Ксения в доме своей благодетельницы назначаемые ей работы, с любовью и без малейшего ропота на свой незавидный жребий. Наконец, добродушная хозяйка, видя неусыпные ее труды, предложила ей другого рода деятельность. Узнав о прошедшей благочестивой жизни Ксении, и о цели ее прибытия в Устюг, она предложила страннице разделить с нею собственный ее подвиг, – именно, сбор добровольных пожертвований в пользу бедных церквей.

В то самое время Ксения осведомилась о необыкновенной бедности той церкви, при которой она несколько времени скрывалась от преследований своих мучителей, и, горя великим

усердием о благолепии дома Божия, занялась сбором добровольных подаяний на серебряный сосуд с прибором, какого при означенной церкви не бывало со времени ее существования, и на богатое облачение для священника и диакона. В течение одной осени, собрав значительную сумму денег и закупив на нее необходимые к украшению означенной церкви вещи, трудолюбивая Ксения в декабре месяце того же года, в скудном одеянии, без всякой посторонней помощи предприняла трудное путешествие до своего прихода в Ветлужском уезде, на расстоянии 200 верст. Она несла на своих плечах значительной тяжести узел, и сверх того, везла за собою полные поклажи санки, терпя на пути и голод, и жестокий холод зимою; днем из опасения, чтоб не быть пойманной, скрывалась она в лесу, а ночью, как в безопасное для себя время, продолжала дальний свой путь. Подкрепляемая помощью Божией, в этом не совсем легком пути, трудолюбивая Ксения благополучно достигла уже цели своего путешествия, и около самой полуночи, проходя близ церкви, остановилась пред нею, чтобы принести благодарение Господу, за благополучное окончание путешествия, и, вместе, оставить привезенные вещи на церковной паперти, не давая никому о том знать. Но едва только успела она взойти на паперть, для приведения в исполнение своего намерения, как вдруг поражена была неожиданной здесь встречей с давно известным ей священником, который, по случаю долговременных мучений родами одной благочестивой женщины, приходил сюда для открытия царских врат. Узнав его, утомившаяся от усталости Ксения, с благоговением приняла от своего духовного отца благословение и тотчас отдала ему драгоценные свои вещи, причем, рассказала подробно о своих подвигах и цели своего прибытия. Утомленная Ксения для отдыха поспешила в дом сестры своей. Это приношение на 30 году ее жизни было первым. С этого времени неутомимая ревность ее о благолепии дома Божия возрастала в ней с каждым годом более и более.

Пробыв в доме сестры своей около года и приняв на себя имя Авдотьи, из опасения быть пойманной прежним своим господином, неутомимая Ксения, вместе с сестрою своею, во

все это время занималась в окрестных местах сбором добровольных даяний на украшение храмов; к концу года собрав довольно большое количество полотен и зернового хлеба, отправилась с этими материалами в город Устюг, где вырученную за них сумму, в количестве 300 руб. серебром, употребив на покупку церковных вещей, немедленно разослала их в известные ей бедные церкви Вологодской губернии.

В течение нескольких десятков лет, она с некоторыми верными сотрудницами ежегодно приходила на свою родину и здесь занималась сбором доброхотных подаяний, которые по истечении каждого года доходили круглым числом до 400 руб. сер. и более. Означенную ежегодную сумму точно таким же порядком употребляла она на покупку церковных вещей и отправляла их в разные, особенно бедные церкви, так что в течение 60 лет трудов ее подвигов, начиная с 30 и до 90 лет, приношениями от нее воспользовались целые десятки церквей, в губерниях: Вологодской, Костромской, Вятской и Архангельской. Число церквей, облагодетельствованных пожертвованиями Ксении, доходило до 100.

В свободное от своего занятия время, благочестивая Ксения посещала Соловецкий монастырь, где в продолжение жизни была 25 раз. Но, наконец, силы ее стали заметно упадать, и на 90 году она лишилась уже зрения, хотя и в это время не оставляла совершенно любимой ее деятельности и более чем 20-ти церквам бедных приходов раздавала разные приношения. Молва о трудов ее жизни и богатых жертвованиях распространилась очень далеко.

Сын прежнего владельца, узнав о примерной, благочестивой жизни Ксении, сам приехал к ней и со слезами просил у нее прощения в нанесенных ей отцом оскорблениях, получив же его, оставил ей на память богатый подарок.

Несмотря на дряхлость Ксении, на ее глухоту, слепоту, несмотря на то, что она в последние пять лет не могла без помощи других сходить с одра болезни, и, следовательно, требовала за собой немалого ухода, многие купцы г. Устюга, благочестивые помещики, маститые иереи и даже многие настоятели монастырей, желая выслушать от нее добрые

советы, предлагали ей свои услуги, помещение в своих домах и присмотр за нею до конца ее жизни. Но с тяжелого детства непривыкшая к роскоши, благочестивая Ксения сама избрала место для своего обитания – близ церкви Михаила Архангела, Костромской епархии, Ветлужского уезда, села Михайловцы, и полюбила означенную церковь за необыкновенную простоту души ее пастыря, священника о. А. И.

За несколько лет до смерти, обратив особенное внимание на бедность этого храма, благочестивая Ксения потрудились для него гораздо более, чем для других беднейших церквей.

Но, оставаясь в бездействии с 98 года своей жизни при означенной церкви, для которой так много потрудились, благочестивая Ксения не оставалась в забвении и здесь. Многие известнейшие личности, получавшие из ее рук богатые пожертвования, желали еще видеть ее. Особенно же великую о себе память оставила она в г. Устюге, Вологодской губернии, жители которого, зная ее как подвижницу, наперерыв спешили к ней со своей помощью и утешениями в последние годы ее болезни.

Вот, например, как писал ей один почтенный протоиерей: «Достопочтеннейшая Ксения Лаврентьевна!

Возлюбленная сестра о Господе. Благословляя тебя благословением пастырским, приношу тебе усердное почтение. Я ждал тебя в Устюг, но твои немощи, или, вернее, перст Божий удержал тебя там, где ты так много потрудились во славу и благолепие храма Божия, значит там ты встретишь и воскресшего Господа. Да возрадуется душа твоя при сретении Победителя ада и смерти! Исшедший из гроба, яко от чертога, да подаст тебе тот мир, которым оглашал Он возлюбленных учеников Своих, при Своем явлении! Господь близок к тебе, Он да будет твоя радость и веселие. Ныне Четыредесятница; конечно, ты подвизаешься во бдении и молитве, – да поможет тебе Господь! Впрочем, для тебя и весь год, и даже несколько годов составляют одну спасительную Четыредесятницу. Весело тебе переходить в будущую жизнь; да примут тебя Ангелы светлии и пресветлии! Да утешит тебя Господь успехами в делах благочестия и в украшении святыни Господней!! Свет и во

тьме светится, и твоя темнота разливает свет Божий в Устюге и в стране твоей! Да просветится свет твой пред человеки более и более. Твоя нищета обогатила бесчисленные храмы, твоя бедность производит обилие благ духовных, твоя слабость укрепляет многих, знающих тебя. Мужайся, и да крепится сердце твое! Многи скорби праведным и от всех их избавит я Господь! Буди! буди»! И эти выражения любви глубоко радовали сердце труженицы.

Наконец, изнуренная в течение 40 лет носимыми полупудовыми веригами, подвижница Ксения на 103 году своей жизни, пламенно желавшая соединиться и жить с Иисусом Христом, за четыре недели до смерти утешена была во сне явлением Господа, Который открыл ей близкую кончину. Когда все духовенство Ветлужского уезда отправилось на сборный пункт для встречи именитого гостя, преосвящ. Платона, епископа Костромского и Галического, и когда благочинному округа, которого Ксения уважала за его прекрасные душевные качества, ранее других, по его должности, нужно было прибыть навстречу гостя, тогда Ксения в утешение духовного своего отца в третий раз в году пришедшего к ней причастить ее Св. Таин, сказала твердым голосом: «поди ты, батюшка мой, поди, встречай своего гостя, а я без тебя не умру, только к 1 июля приезжай непременно, – поди со Христом». Действительно, проводив благополучно дорогого гостя и воротившись в свои дома Ветлужское духовенство удрученную летами Ксению застало еще в живых; но через неделю она мирно почила. Это было 12 июля 1861 года.

Через три дня приступлено было к погребению. Унылый звон, ее трудами приобретенного 70 пудового колокола, 14 июля 1861 года возвестил всему приходу о приближении тела умершей к украшенному ею храму. Тело ее несено было лицами, ей преданными, в сопровождении 3 священников, 2 диаконов, 4 причетников и многочисленного стечения народа. Пред входом в церковь совершены были две литии: одна перед алтарем, другая у западных дверей храма. По окончании литургии, было совершено и самое погребение¹⁵.

Начальник скита Святогорской пустыни иеросхимонах Логин¹⁶

(Память 14 июля).

Иеросхимонах Логин, в мире надворный советник Леонтий Павлович Грифцов, родился в июне 1798 года в г. Рязани, происходил из духовного звания и окончил курс в Рязанской духовной семинарии. Сын причетника, не избалован был он роскошью и богатством во дни своей юности, зато получил прочное воспитание духовное в доме отца, человека весьма благочестивого, при руководстве матери, о подвижничестве которой, строгом пощении до вечера в постные дни, многих поклонах ночных, частой молитве Иисусовой, даже среди дел хозяйства, любил он потом вспоминать до дней своей старости, – и этот пример матери, видимо, имел всегда благотворное на него влияние. Еще на семинарской скамье почувствовал юноша влечение к монашеству, мечтал о поступлении в обитель. Окончив курс в Рязанской духовной семинарии, поступил он на службу в Рязанскую Гражданскую Палату, сперва писцом, с очень скудным окладом жалованья, так что еле мог существовать и должен был носить самое бедное платье и сапоги по несколько лет, довольствоваться грубой простонародной пищей. Прилежание и смышленность юного труженика вскоре, однако, обратили на него внимание ближайшего его начальства, оно поощрило его денежной наградой, а потом предоставило ему место столоначальника, с более высшим окладом жалованья.

«Стал я уже привыкать и чаек попивать, вспоминая об этом времени говаривал старец, а до того, по скудости средств, и это невинное утешение было мне недоступно». Изучая законы и обладая хорошей памятью, Грифцов вскоре сделался довольно опытным юристом: к нему стали обращаться нуждавшиеся по делам своим в наставлении опытного в законах дельца, и это еще более улучшило его материальные средства, и возвысило его в глазах начальства. Он довольно быстро стал идти по степеням гражданской службы и получать чины, женился,

приобрел себе дом в г. Рязани и жил безбедно, но детей не имел. Назначенный потом прокурором в г. Уральск, переехал он туда с женой, дом же поручил родным своей жены. Служба в Уральске очень была для него блестяща: он пользовался значением и почетом в высшем кругу, жил открыто, любил бывать в гостях и у себя принимал гостей. Это особенно любила его супруга, женщина своенравная и капризная, которая не принесла ему семейного счастья. Это-то обстоятельство, то есть тяжелый нрав жены, и было первой причиной того, что стал он возвращаться к мечтам своей юности и сожалеть, что не пошел в монахи. Раздоры с женою, беспрестанная суeta в доме, гости и пиры стали ему надоедать: он стал тосковать о чем-то ему непонятном и неведомом, тосковать все сильнее и сильнее, наконец, заболел горячкой, близок был к смерти, и это еще более охладило его к миру.

Полюбил он чтение духовных книг, полюбил молитву, часто стал бывать в церкви при богослужениях, старался по возможности от избытков своих служить благолепию храмов Божиих и оделять нищих. Его избрали церковным старостой того прихода, где он жил, и он с любовью и усердием исполнял эту должность, много украсил приходскую церковь, устроил ценные ризы на местные иконы и приобрел удобный дом для ее причта. В это время узнал он, что у ростовщика-еврея находится в закладе ценная икона, большого размера, древней иконописи, Толгской Богоматери, в серебро-позолоченной ризе, заложенная одной вдовой-купчихой, не имевшей средств ее выкупить. Грифцов поспешил внести ростовщику требуемую им за икону сумму, взял икону к себе и пожертвовал ее в свой приходский храм, где она вскоре прославилась исцелениями и послужила к немалому улучшению того храма в материальном отношении. Не имелось службы в том храме особой, в честь явления иконы Толгской Богоматери, желая приобрести эту службу, ревностный ктитор его – Грифцов, отнесся с письменной просьбой о сем в Толгский Богородицкий монастырь Ярославской епархии, где находится подлинная Толгская чудотворная икона. Заведовавший обителью этой преосвященный Ириной исполнил его желание, прислал ему отдельную книгу службы Толгской

Богоматери, чем очень его утешил. Доброта пребывавшего в Толгской обители на покое, опытного в духовной жизни святителя, так расположила к нему Грифцова, что он решился откровенно написать ему исповедь всей своей жизни, поведать свои желания и стремления к иночеству, и просил его совета – как ему быть и поступить. Святитель письменно советовал ему до времени терпеть узы семейные, не нарушать союза, освященного святой Церковью, и обнадеживал его, что, если потерпит, то Господь, имиже Сам весть судьбами, освободит его от мира и приведет в тихую пристань монастыря. Святительское слово глубоко запало в душу благоговейного раба Божия: с великим терпением он сносил домашние скорби и ссоры с женою, которой очень не нравилась перемена в муже и благочестивое его настроение. Она все более и более на него вооружалась, преследовала его бранью и насмешками, так что иногда приходилось ему прямо уходить из своего дома. Был у него сослуживец, человек многосемейный, у которого воспринимал он от св. купели детей, и, состоя, таким образом, в духовном с ним родстве, очень был расположен ко всей его семье. Семейство это было благочестивое, особенно жена сослуживца его, женщина слабая и болезненная, была очень богомольна, так что Грифцов находил в доме этом всегда сочувствие и нередко уходил туда от гонений своей жены. Замечательно было ему, что эта особа, жена сослуживца его, всегда звала его не Леонтием Павловичем, а Леонидом Павловичем, и, когда муж ее поправлял, она упорно стояла на своем, и все Леонидом продолжала именовать Грифцова, который, в пострижении в иночество, впоследствии действительно наименован Леонидом. Между тем, отношения его с женою становились все хуже и хуже, до него стали доходить слухи о неверности ему жены, чему он сначала не верил, наконец, случилось ему испытать нечто подобное, что испытал преподобный Павел Послушливый, как о том повествует Четий-Минея в житии его под 4 октября. Грифцову тоже привелось воочию убедиться в том же, и он решился поступить так, как преподобный Павел поступил в этом отношении. Подав в отставку, возвратился он в Рязань, дом

отдал жене своей в обеспечение ее содержания, чтобы не беспокоила она его собой, а сам, собравшись, поехал в Киев поклониться преподобным Печерским и там испросить решение участи своей от духовно-опытного старца Киево-Печерской лавры иеросхимонаха Парфения. Прибыв в Киев и посетив старца Парфения, он услышал от него совет настоятельный: без всяких сомнений и колебаний ехать в Святогорскую пустынь и там подвизаться до конца своей жизни. Прожив в Киеве около двух недель, помолившись и поклонившись святыням Киевским, Грифцов направился в Святые Горы, прибыл туда в 1854 году 10 июля и был ласково принят настоятелем Святогорской пустыни архимандритом Арсением, который сначала назначил его в послушание помощника письмоводителю монастырскому. Как человек женатый, он не мог сразу поступить в число братии и должен был проживать в обители в качестве бельца-богомольца.

Имея при себе денежный запас и обеспеченный пенсией за прошлую свою гражданскую службу, Грифцов не хотел даром обременять собою небогатую тогда обитель.

Немолодой уже годами, привыкший к почету и преимуществам по службе, бывший прокурор, надворный советник чином, смирялся он неліцемерно и наравне с простыми послушниками проходил нелегкую для него стезю новоначалиа иноческого. Особенно трудно было ему снимать свою мирскую одежду и надеть подрясник грубой шерстяной ткани, с непривычки резавший ему шею и руки. Да и пища монастырская поначалу была ему неудобоварима и тяжка, пока не привык к посту и воздержанию иноческим. Архимандрит Арсений, оценив подвиг самоотвержения бывшего прокурора, полюбил его от души, видел в нем человека очень полезного по своим знаниям юридическим для нововозникшей обители, и начал отличать его своим доверием. В уважение его лет и доброго жития, облек он его в рясу и камилавку. Стали его звать в обители отцом Леонтием, хотя по документам и состоял он все по-прежнему надворным советником Леонтием Грифцовым, получал и пенсию свою, которую употреблял, большей частью, на нужды обители и ее братии. Он выписал для библиотеки

монастырской все святоотеческие творения, изданные журналами «Христианское Чтение» и «Творения свят. Отцов», и много других духовно-нравственных книг, полезных для руководства иноческого. Сам усердно прилежал чтению святоотеческих творений, и других братьев любил и умел к чтению этому приохотить. Направление подвижническое сказалось в нем с самого поступления его в обитель Святогорскую: постепенно приучал он себя к посту, к молитве, к ношению грубой власяницы на голом теле, к нестяжанию и довольству самым малым, к безропотному послушанию и нелицемерному смирению. Неутомимо трудился он для блага обители, не щадя сил своих и здоровья. Как опытный законник, взял он в свои умелые руки писмоводство Святогорской обители, руководил им, отстаивал ревностно интересы обители в судах и присутственных местах, куда являлся ее поверенным, и с стойкостью защищал ее от обид, нередко делал дальние поездки в столицы и другие города по делам обители, так близко принимая их к сердцу, словно это были его личные дела.

Отец архим. Арсений, под конец жизни своей устроая на святом месте, в нескольких верстах от обители Святогорской, пустынный скит с церковью во имя тезоименитого ему преподобного Арсения Великого, очень желал, чтобы в скиту этом утвердилось строгое подвижническое житие; зная же подвижническое направление Леонтия Грифцова, несмотря на то, что был он еще не монах, даже не указный послушник, назначил его начальником новоустроенного скита на святом месте. С великой ревностью взялся Грифцов за новое послушание, бывшее вполне ему по душе, ибо, множившаяся в обители братия и неизбежное при этом частое столкновение с людьми, начинали уже его тяготить; в скиту же, братия которого поначалу не превышала 12 человек, было вполне привольно и любо его пустыннолюбивой душе. С переселением в скит, не оставил он, однако, и прежнего своего послушания, и не выпустил из опытных рук своих делопроизводства обители, но трудился в этом почти до конца своей жизни, доколе только руки и глаза ему служили. Нужно было удивляться неутомимой деятельности этого человека, лет уже преклонных, который,

однако, везде поспевал с проворностью чисто юношеской. Очень нелегко бывает для тружеников скитских, по самом малом отдыхе после правила вечернего, опять вставать в 11 часов ночи к бдению, продолжающемуся обычно часа четыре, а иногда и более, тем не менее, чин сей, заимствованный из Глинской пустыни, строго всеми исполняется, начальник же скита – отец Леонтий, как обычно все звали Грифцова, первый всегда являлся на службы церковные, подавая сим благой пример и прочим скитянам. Кроме служб церковных, в скиту Святогорском, между службами, в церкви читается денно-нощно псалтирь, с поминовением живых и усопших благодетелей обители, на «славах» каждой кафизмы. Распределение часов чтения псалтырного между всеми обитателями скита, равно, и наблюдение за часовней у скитских ворот и синодиком в ней, – все это всецело принадлежало отцу Леонтию, который и сам, наравне с прочими, трудился в чтении псалтири в церкви; остальное же свободное время летней порой проводил в часовне, приветливым словом и ласковым обхождением очаровывая богомольцев, как простолудинов, так и образованных. Смерть отца архимандрита Арсения, последовавшая 12 октября 1859 года, глубоко поразила Грифцова: проживая в обители в качестве все еще бельца-богомольца, он опасался, что новый настоятель, пожалуй, погонит его из обители. Но Промыслу Божию угодно было поставить на место почившего отца Арсения преданного и многолюбимого им ученика его, игумена, впоследствии архимандрита Германа, в лице которого Леонтий Грифцов нашел себе истинного отца-утешителя и благодетеля. Келейная жизнь его в скиту представляла нищенскую обстановку: все предметы комфорта были тщательно изгнаны из его келлий, царила в них иноческая простота и нищета, доходящие даже до излишнего. Две тесные келейки занимал он в одном из корпусов скитских; одна, более тесная, служила ему спальней, где деревянная скамья с жестким изголовьем служила ложем старческому его телу, близ скамьи оставалось пространства свободного почти столько же, сколько занимала скамья; тут стоял в углу аналой перед св. иконами. Икон было у него

довольно, и все хорошей живописи, обличавшей утонченный вкус его. Иконы были расставлены по порядку седмичных служб Октоиха, которые очень любил старец, и, помимо богослужения церковного, часто их в келлии читывал. В центре стояли иконы Распятия Христова и Воскресения, по сторонам иконы Богоматери, собора св. Архангелов, св. Предтечи, св. 12 Апостолов и св. Николая, всех святых и всех преподобных, так же Тайной Вечери и Успения Богоматери; тут же у икон в рамках помещались разные молитвы и изречения святоотеческие, почему-либо памятные старцу. Угол с иконами был, можно сказать, его святая святых, где душа его находила себе пищу и поддержку в многотрудном и многоскорбном его послушании. Из этой келлии вела дверь прямо в его приемную, тоже довольно тесную, где стол, заваленный книгами и бумагами, убогое кресло и две складные табуретки домашнего изделия, составляли всю мебель. В одном углу стояла икона святителя Николая; в другом – простенькие стенные часы боем своего маятника нарушали покой этого далеко неприглядного жилья, где все обличало деловую деятельность его хозяина. Книги Свода Законов, канцелярские принадлежности, книги духовно-нравственные и богослужебные, – все было перемешано, лежало в беспорядке; по всему видно было, что деловому труженику не было свободного времени, чтобы наблюдать порядок в вещах своего жилья. Как гость был он в нем, чтобы отдохнуть после продолжительных служб церковных или поработать пером над нужной бумагой, каковые со всех мест обители к нему стекались. Убогий чайный прибор удовлетворял его потребность чаепития, и тут только остался еще след бывшего богатого человека и прокурора: любил он чай хороший и цветочный, и был в нем знаток. Трапезовал вместе с братией скитской в общей трапезе, довольствуясь пищей скитской и никогда не позволяя себе готовить что-либо особо.

Поначалу в скиту заведен был настоятелем и общий чай перед вечерней; пить его все скитяне сходились в трапезу, но это оказалось неудобным, вызывало ропот в скитской братии, почему и решено было общее чаепитие прекратить, а выдавать чай на руки каждому особо, как и в самой обители Святогорской

это делается. Но отец Леонтий не очень охотно согласился на это изменение первоначального порядка скитского, который давал ему возможность во время чаепития наблюдать над обществом скитников и назидать их чтением и беседами душеполезными. Пришлось уступить общему желанию. Без общего чая ему самому было более свободного времени отдохнуть, почитать, но он свою выгоду не привык высоко ценить, почему все казалось ему нововведение скитское потворством. Сосредоточенный в себе, с поникшей долу седовласой главой, часто сидел он, задумавшись, среди общества, точно витал где-то далеко, причем нередко слезы, без видимой причины, точились из его глаз. В обществе мирян глубоко уходил в себя старец: говорил более лишь о том, что нужно было сказать, и деловой его разговор был всегда недлинен и очень осторожен. Зато, в ком видел любовь к Богу, склонность к молитве и благочестию христианскому, к тому сердечно располагался, умел сказать ему слово на пользу души, преподать совет любви братней, и долго потом помнил подобных лиц.

Во время своих поездок в столицы по делам обители Святогорской, привелось Грифцову познакомиться в Москве с известным московским странноприимцем, Димитрием Николаевичем Бонческуло. Отец Леонтий впервые остановился в его странноприимнице совершенно случайно. Внешность Димитрия Николаевича с первого взгляда пленила его: в этом низеньком, смуглом и неказистом старичке увидел он такую красоту душевную, что прилепился к нему всей душой. Димитрий Николаевич тоже духом познал свойства посетителя, вполне ему незнакомого, прямо назвал его по имени, пригласил в свою келлию и много беседовал с ним о предметах духовных. Всю почти ночь провели они в этой беседе и только перед рассветом разошлись. Отец Леонтий с умилением всегда вспоминал об этом первом свидании своем с Бонческуло и о беседе его душеполезной. Дивный раб Божий был Дмитрий Николаевич, говаривал он при этом: прозорливый, весь в Боге преисполненный и великой любви по Бозе к ближним, от которых много терпел скорбей, особенно от разных странников и

странниц, находивших у него всегда даровой приют и пищу, и нередко плативших ему за это бранью и побоями.

Но кроме людей и духи тьмы не оставляли в покое подвижника Божия; они вели с ним жестокую брань, под видом чудовищ нападая на него при его ночной молитве, и однажды накидали ему через окно в келлию столько глыб льда и снега, что он покрыт был ими почти по шею, чуть не замерз и насилу мог освободиться к утру от этих глыб.

Известная история явления чудес от иконы Богоматери Споручницы грешных, столь славной ныне в Москве, принадлежавшей Бонческуло и впервые в доме его прославленной чудесами, была рассказана самим Бонческуло отцу Леонтию со всеми подробностями. Подружившись с Димитрием Николаевичем, отец Леонтий потом, когда бывал в Москве, всегда у него останавливался, глубоко его чтил и всегда отзывался о нем с великим уважением, как об истинном рабе Божиим и великом подвижнике среди мира. И Димитрий Николаевич явил на нем дар своего прозорливства: отец Леонтий все был еще неприукрашенным послушником в Святогорской пустыни; жена его была жива, в монастырь идти не хотела, а без этого, как известно, невозможно было ему при жизни ее приуказиться и принять монашество. Очень скорбел он об этом, скорбел иногда до уныния, и в один из приездов своих в Москву поведал скорбь свою Димитрию Николаевичу. Тот усмехнулся и сказал: «все пустое, отец, – и монахом, и иеромонахом, и иеросхимонахом будешь». – «Куда мне до иеросхимонашества и схимы, возразил ему Леонтий, хоть бы Бог сподобил монахом быть и в мантии в гроб лечь». Но Димитрий Николаевич повторил свои слова и уверял его, что не в мантии, а в схиме в гроб он ляжет¹⁷. Много, однако, скорбей до того времени досталось вытерпеть отцу Леонтию; под ношей их он подчас даже изнемогал, унывал, крепко задумывался, и вот, в подобное время настоятель архимандрит Герман старался его развлекать поездками и хлопотами по делам обители. Умел он также приспособляться к нравам и потребностям собеседника своего, и незаметно сказать ему именно то, что нужно и благопотребно было ему в духовном

отношении. Начитанный книг святоотеческих, сохранял он в памяти много из них изречений, и всегда удачно приводил их в своих беседах. Но это бывало только в сообществе лиц ему сочувствующих и единомудренных; с другими же, особенно же с лицами светскими, он бывал, по большей части, молчалив и неразговорчив, и, если говорил с ними, то о предметах недуховных; особенно же женского сообщества и бесед всячески избегал. Завидуя людям неженатым, он говорил, что высшим наказанием от Бога почитает жену злую, которая, делаясь орудием врага спасения человеческого, и себя губит, и мужа с собою влечет к гибели.

Господь, испытывая долгим временем искуса произволение раба Своего, наконец, свободил его от уз брачных: в 1870 году скончалась его жена; теперь он мог приуказаться и принять пострижение в иночество, чего давно жаждала его душа. Наконец, 18 февраля 1871 года указом Харьковской духовной консистории формально определен он в число послушников Святогорской пустыни, после почти двадцатилетнего в ней пребывания не только послушником, но и скитона начальником; в том же 1871 году 26 марта пострижен он настоятелем обители архимандритом Гермогеном в мантию и наречен Леонидом. Более ничего не желал он и не смел желать: край желания его исполнился, он был иноком и верил несомненно, по преданию святоотеческому, что грехи его мирские покрыты пред Господом вторичными обетами иночества, уже сознательно им данными. Но Господь, премудрыми судьбами Своими, предназначал его к высшему служению, пресвитерскому, как сосуд, достойный божественной благодати священства: 5 января 1873 года, отец Леонид рукоположен в г. Харькове в соборной, Покровского монастыря, церкви Нектарием, архиепископом Харьковским, во иеродиакона, и в том же 1873 году 15 августа, в соборном Успенском храме Святогорской пустыни, тем же высокопреосвященным рукоположен во иеромонаха.

Ревностно начал служить старец алтарю Господню, усугубил свои подвиги молитвенные; но, ветшая телом, ослабевающая силами, видимо клонился к западу жизненному: дрожание рук, слепота глаз, недолго дали ему возможность

служить алтарю Господню. Стало опасно ему сие служение, и потому, если служил, то, большей частью, соборне, когда другие, более бодрые священнослужители, ему сослужившие, помогали его немощи и оберегали его движение. Но все-таки служить и приобщаться св. Христовых Таин не переставал он почти до конца дней своих, и в этом находил себе утешение и подкрепление. Неумоимо служил он Святогорскому скиту, по-прежнему был его начальником и крепко держал бразды управления им, имея преданных себе помощников, им воспитанных духовно, которые облегчали ему это управление. Подчас осуждали старца, что сам вращается он в толпе в подобные дни: делал он это потому, что оберегал прочих скитников от непривычного для них сближения с толпою, всегда пагубно действующего на уединенных подвижников; притом же, он и духовно служил этой толпе, словом своим старческим, которым паче иных умел приближаться к народному пониманию. «Лучше пусть я потолкаюсь в народе, говаривал по этому поводу старец, а своих овечек скитских от соблазнов мира оберегу; мне, старому, они уже не так опасны; да опять же и глаз хозяйский при этой суете далеко не лишний».

Хозяином для скита был старец отличным, искусившись в этом еще в мире в качестве домовладельца со многими слугами. Старец зорко следил за чином поминовения. Бывало, имел он обычай тихонько прокрадываться в церковь скитскую и незаметно наблюдать, прочитывает ли чтец Псалтири на «славах» поминальные таблицы все сполна. Чуть заметит пропуск какой, не оставит без замечания и выговора чтецу. То же, бывало, делал он и на проскомидии при литургиях скитских, и, таким образом, старался дело поминовения вести путем неосужденным и богоугодным для скитников. Так же тщательно наблюдал он Устав скитский о непосещении скита мирянами в неположенное время: тут был он неумолим и без настоятельного благословения никого в скит не пускал, будь то даже особы знатные и чиновные. Выйдет к таковым за скитские ворота в часовню, поговорит, покажет им скит сквозь решетку ворот, расскажет скитское законоположение о непосещении скита мирянами, и так отпустит от себя посетителей. Сам старец

был бессребреник в отношении себя лично: с пострижением в иночество, лишившись пенсии своей, жил он в полной нищете, пользовался всем готовым от обители, то есть смиренной одеждой и обувью, скитской трапезой, и долей чая и сахара, равной с прочими иеромонахами обители; но только при этом, по уважению к нему настоятеля, помимо, впрочем, желания и без просьб старца, отпускался ему чай лучшего качества, в виду того, что был он его любитель и знаток. В одежде старец любил особенно нищету: подолгу носил ее и не любил ею щеголять. Бельем служила ему нередко грубая и острая власяница, носимая по голому телу. Старец говорил, что власяница эта очень ему полезна, излечила его от ревматизма, разбивает в теле кровь и служит ему предохранением от сквозного ветра. Про духовную пользу власяницы старец смирennemудренно умалчивал, хотя много мог бы сказать в этом отношении. С наступлением 1881 года силы старца ослабели до такой степени, что он еле ходил: не мог уже он по-прежнему, по первому зову настоятеля, идти через горы и лесные дебри из скита в обитель, не мог даже стоять в церкви, при богослужениях более сидел; одним глазом ничего уже не видел, да и другим плохо различал предметы, и еле мог владеть пером. Прежняя деловая деятельность старца поневоле прекратилась. Ветхий старец с упованием ждал зова Господня на переход в вечность. Наступил 1882 год. Отец архимандрит Герман, посетив его однажды, предложил ему принять святую схиму: старец с утешением принял это предложение. Пострижение схимническое было разрешено ему Иустином, епископом Харьковским, во внимание к доброй его жизни и многим трудам на пользу обители Святогорской. Оно совершилось 20 февраля 1882 года в Святогорском скиту. При постриге был при нем духовник братский той же обители иеромонах Паисий. В святой схиме старец наименован Логином, в честь святого Логина сотника, стоявшего у Креста Христа Спасителя и свидетеля Его воскресения. Таким образом, самым делом исполнилось над старцем Божиим прозорливое слово московского его друга Дмитрия Николаевича Бонческуло. Не в силах был уже новый схимник трудиться по-схимнически в

подвигах телесных, ибо тело его так уже обветшало, что отказывалось ему служить; его водили под руки в церковь, и здесь сидел он при службах церковных, которые не оставлял посещать до конца своих дней. Дар слез особенно обилен был в старце под конец его дней.

14 июля 1882 года тихо и безмятежно предал он дух свой в руки Божии, приобщившись незадолго до исхода своего св. Христовых Таин, – точно уснул он, на руках двух преданных ему иноков скитских.

15 июля тело предано земле за стеною горнего места скитской церкви¹⁸.

Глинский старец о. Феодот

(Память 16 июля).

Старец Феодот, в мире Феодосий Левченко, был уроженец Черниговской губернии, Глуховского уезда, селения Черторич. Он происходил из простых казаков и не был научен грамоте. Отец Феодосия, будучи сам честным и добрым христианином, воспитал и сына своего Феодосия в страхе Божиим и внушил ему еще с детства любовь к святой и добродетельной жизни. Однажды Феодосий был послан отцом на поле бороться вспаханную землю; во время этой работы в стороне от него поднялся большой ураган и понесся прямо на него; лошадь в испуге отскочила в сторону и быстро помчалась по полям; Феодосий подхвачен был ураганом на довольно значительную высоту, по его выражению, – выше колокольни, и сброшен на землю; но Господь, видимо, сохранил его от неминуемой смерти. «Когда я поднялся и стал на ноги, рассказывал старец Феодот, смотрю и вижу, что предо мною стоит страшный, черный человек громадного роста и, оскалив зубы, весь трясется. Я оградил себя крестным знамением, и он исчез». На вопрос слушателей: «не испугался ли ты того страшилища?», он отвечал, улыбаясь: «если бы и испугался, то я и трясся бы, а то, должно быть, он испугался, когда ему пришлось трястись».

По времени он поступил в Глинскую пустынь. Приблизительно поступление его в обитель можно отнести к 1803 г. Феодосий постоянно пребывал в трудах и молитвенных подвигах, терпеливо переносил обиды и даже побои, и отличался глубоким смирением.

Будучи назначен проходить послушание на кухне, он ревностно принялся за труды, исполняя все поручаемое ему: рубил дрова, носил воду, помои, очищал от грязи кухню, мыл посуду и вообще, производил самые тяжелые и грязные кухонные работы, с младенческой простотой выслушивая приказания заведующих кухней, и беспрекословно выполняя все работы. В продолжение всей своей многолетней монастырской жизни, даже когда он проходил послушание

старшего повара, он не имел отдельной келлии, где бы мог успокоить свое изможденное трудом и подвигами болезненное тело. Феодосий всегда жил на кухне, где не было никаких приспособлений к обычному человеческому жилищу; здесь был кирпичный пол, постоянно мокрый и покрытый грязью, такие же грязные подмости, на которые постоянно становились грязными ногами при поставлении котлов на чугунную плиту. Дым и удушливые испарения от кипящих котлов и проливающегося на раскаленную докрасна чугунную плиту масла наполняли кухню. Изнемогая от трудов, он несколько времени покоился на кирпичном полу или на куче углей, оттушенных поварами, а по окончании, когда все работавшие в кухне расходились по келлиям, он не сейчас же давал себе отдых, а сначала совершал свое правило, затем принимался чистить картофель для следующего дня, хотя обязанность чистить картофель возлагалась на всех трудящихся в кухне, которых было человек семь-восемь, и, наконец, на несколько часов ложился спать.

Но одними внешними, телесными трудами подвижническая жизнь послушника Феодосия не ограничивалась. Руководимый Божественной благодатью, примером и советами современных ему подвижников, он усердно подвизался в делании духовном. Молитва для всякого человека, тем более для инока, есть источник жизни, – без нее человек не может привлечь к себе благоволение Божие и иметь успех в своих трудах и духовных подвигах. Христиански мудрый простец Феодосий, не обучавшийся грамоте, тем не менее, молился усердно и горячо. Некоторые из молодых послушников, увлекаемые любопытством, захотели подслушать, как Феодосий, затворившись в кухне, совершает свое ночное молитвословие. Желание это возникло у них по той причине, что Феодосий, как мы сказали, был безграмотен. Кухня, где молился он, отделяется от трапезы стеной, в которой имеется окошко, затворенное тонкой деревянной дверкой (во время обеда дверка отворяется и через окошко подается пища из кухни в трапезу); близ этого окошка на стене находилась икона Спасителя, пред которой молился Феодосий. Послушники ночью

подошли к этому окошку и сквозь дверку начали вслушиваться; они слышали, как Феодосий полагал множество земных поклонов и, обращаясь то к Заступнице рода христианского Божией Матери, то к Иисусу Христу, взывал: «Пресвятая Богородица, спаси нас»! «Иисусе, Сыне Божий, помилуй мя»! Долго стояли слушающие и, не дождавшись окончания его молитвенного подвига, удалились. Можно сказать, что никогда от уст его (от ума и сердца) не отступала молитва к Господу Иисусу Христу и Пресвятой Богородице. Многие, имевшие случай молиться с Феодосием, когда он уже находился в глубокой старости в болезненном состоянии, рассказывают, что он так много и быстро полагал земные поклоны, что никто из молодых послушников, полных сил, не мог сравняться с ним в этом отношении. При этом нужно заметить, что старец Феодосий страдал от грыжи, полученной им от чрезмерных трудов. Простая деревяшка с колесной ободью служила ему вместо бандажа, облегчая его страдания.

Диавол же, желая ослабить в подвижнике ревность духа в предпринятых им подвигах и довести его до уныния, вначале стал действовать против него посредством людей, послушных воле его, нанося ему через них всевозможные обиды и оскорбления. В то время в Глинской пустыни, по причине неблагоустройства в монастырских порядках, на кухню назначались повара из людей мирских, называемых штатными. Из таковых многие бывали с испорченной нравственностью и своевольным характером. У этих-то людей Феодосий находился в подчинении; они, видя его простоту и добросердечие, вместо того, чтобы относиться к нему с любовью, обращались с ним очень грубо и презрительно, и часто подвергали его побоям, о чем он сам впоследствии рассказывал, и свидетелями чего были некоторые из братьев. «Доставалось, говаривал он, мне тогда и в зубы, и в спину, по щекам и голове, – всюду доставалось. Между прочим делом, Феодосия заставляли толочь мак в ступе. «Вот я, говорил он, столку его, позову повара посмотреть, готов ли? А он, посмотревши с недовольным видом, начнет придирается и кричать: нехорошо столоч, и с этими словами надаёт толчков, а часто случалось,

схватит во гневе толкач, да и начнет бить толкачом». Иеродиакон Иоанникий (впоследствии схиархимандрит Илиодор) рассказывал, что однажды он пригласил Феодосия к себе на чай, но тот долго не приходил; тогда я, говорит о. Иоанникий, вышел из келлии и стал искать его. Прихожу на так называемый экономический двор и что же я вижу? Эконом, бывший из закоренелых старинных солдат, сложивши вдвое веревку, гоняется за Феодосием и беспощадно бьет его. В ужасе я бросился к ним, преградил эконому дорогу, и Феодосий успел уйти. Догнав затем его, я спросил его, за что бил его эконом. «Да вот, я просил привезти на кухню дров, а он рассердился, да схватил веревку и начал бить, сколько есть силы». «А больно он бил тебя?» – спрашиваю его. «Нет», рассказывал Феодосий; рассказывает, а сам, как незлобивый младенец, восторженно заливается смехом, как будто он получил какую-нибудь великую для себя радость. При тогдашнем состоянии Глинской пустыни беззащитному Феодосию часто и в продолжение многих лет приходилось переносить оскорбления, презрение, уничижение и побои. Он кротко переносил все это, не гневаясь на своих обидчиков; из уст его не выходило ни укора, ни злословия. Он с совершенным уважением относился к своим оскорбителям, стараясь услуживать им, как только мог. Свою добродетель невозмутимого терпения он прикрывал от взоров человеческих подвигом юродства и при всех оскорблениях и побоях всегда казался веселым и всем довольным. Никто не видел его когда-либо скорбящим, гневающимся или когда-либо пререкающимся; он ко всем обращался с радостным лицом и с доверием незлобивого младенца. Это самоотвержение, это терпеливое перенесение скорбей привлекало к нему благоволение Божие и содействовало его нравственному усовершенствованию.

Будучи не в состоянии поколебать душевной твердыни подвижника наносимыми ему озлоблениями через людей, враг рода человеческого начал прямо приступать к нему и устрашать его, принимая образы различных чудовищ или хищных зверей. Феодосий также встречал сильные искушения от привидений и страхований; много претерпел борьбы в помыслах, когда враг являлся в виде благожелателя, представлял ему неудобства

жизни в монастыре и вызывал его в мир. Неустрашимый подвижник прогонял врага и разрушал его наветы молитвой и силой животворящего креста Господня. Особенно в начале подвижнической жизни враг часто беспокоил его. Кошек Феодосий не любил, всегда прогонял их из кухни, вероятно, не желая иметь пред глазами напоминания о виденных в этом виде пакостниках; он говорил, что враг в образе кошки много делал ему пакостей.

Раз, братия спрашивали его: видел ли он наяву бесов? – Он отвечал утвердительно. Спрашивают его, каковы они? – Они мерзкие, сказал он. Некоторые из братии Глинской пустыни просили рассказать им, какие усилия употребляет диавол, когда хочет воздействовать на человека? Удовлетворяя любопытству вопрошавших, он сказал им: «ох! если б вы увидели, с каким усилием враг увивается около искушаемого человека и старается быть как можно ближе к нему, то вы изумились бы. Когда человек идет, ступая по земле ногами, и еще не успеет принять ногу с места, на котором она стояла, а преследующий его диавол уже старается на его след поставить свою гнусную лапу, не сводя глаз с преследуемого им человека. Как хитрые птицы, как лукавые лисицы, окружают нас богомерзкие демоны и жадно похищают в душе нашей всякое доброе расположение и ослепляют наши духовные очи».

В последующее время видно было, что подвижник Феодосий за свои неутомимые подвиги и незлобивое терпение, по благодати Божией, достиг высоты бесстрастия и принял от Бога дарование не страшиться духов злобы, без страха взирал прозорливым духовным оком своим на коварные замыслы диавола, о которых он рассказывал окружающим его братиям и которые он старался разрушить.

Много старец потерпел и от злобы людей, и от нападений демонов, но остался непоколебим в своем стремлении к добродетельной жизни, и Господь возвеличил его. В нем видимо для всех проявился благодатный дар прозорливости, и он стал пользоваться и глубоким уважением, и благоговением братии, и всех, знавших его. В то время он был пострижен игуменом Филаретом в рясофор и в пострижении получил имя Феодота.

Имея постоянное пребывание на кухне, старец Феодот всегда трудился наравне с новоначальными, не уклоняясь от тяжелых работ. Вновь поступающие, которым назначалось проходить послушание на кухне, пробыв там кто полгода, кто год, два, не более трех, переводились на иные легчайшие послушания, а старец Феодот всегда оставался там, поэтому сотрудников у него по послушанию, в течение многолетней жизни, было много.

Настоятель Глинской пустыни игумен Филарет, муж высоких добродетелей и благодатных дарований, – с глубоким уважением и почтением относился к старцу Феодоту и приписывал великую силу его молитвенным ходатайствам пред Богом о своей обители. Он не раз говорил своей братии: «вот видите, братие, благоволение Божие к нашей обители, мы уже теперь пребываем без особенной нужды; Господь посылает нам все потребное, но это благоволение Божие к нам, смиренным, привлекает молитва старца Феодота».

Известный подвижник старец Макарий, исполнявший в то время должность благочинного, выйдя однажды во время утреннего богослужения из церкви, внезапно увидел над братской кухней столп света. Будучи сам просвещен духом Божиим и поняв, откуда такое явление, он поспешил тихо пройти в кухонный коридор и приблизился к кухонной двери (в последней была щель, образовавшаяся от трения старинной щеколды). Наклонясь к щели, старец Макарий начал всматриваться: и вот, он увидел старца Феодота, стоящего на коленях пред иконой Спасителя, с воздетыми вверх руками, и из уст его выходил пук пламенно-видного света, который, протягиваясь к иконе, разливался и освещал все то место стены, где стояла икона. Увидев это, старец Макарий был поражен чудным зрелищем и в страхе отступил назад. С чувством великого благоговения рассказывал он впоследствии виденное единомысленным собратьям.

По примеру старца Макария и другие благоговейные из братии Глинской пустыни удостоились видеть старца Феодота на молитве в различных чудесных состояниях. Некоторые видели его на молитве приподнятым от земли, другие видели

его во время молитвы освещенного неземным светом. Часто он молился за кухонной печкой, где на стене висел его большой деревянный крест с изображением распятого Спасителя. Когда старец Феодот молился пред сим крестом, то от креста исходило яркое сияние света. Так текла жизнь старца Феодота в трудах, искушениях, терпении и молитвах. Никто не мог предполагать, что ему в скором времени предстоит пережить, хотя непродолжительное, но неожиданное и тяжкое испытание. В 1845 году назначена была всенародная перепись (ревизия). В виду этого, во всех учреждениях, общественных и частных, и в монастырях началась усиленная деятельность по проверке паспортов своих насельников.

В то время и настоятель Глинской пустыни Евстратий (1841–1855 г.), заботясь об исправности своей канцелярии, поставлен был в необходимость обратить внимание на старца Феодота, который, хотя с незапамятного времени проживал в Глинской пустыни и считался старожилом между братией, но указом не был причислен к братству и не имел увольнительного свидетельства от своего общества. Он здесь проживал по записке, взятой им от сотского его родного селения еще в то время, когда он в первый раз отправлялся в монастырь, а с того времени протекли уже десятки лет. Но это еще небольшая беда, поправить ее не составило бы большого затруднения: место родины его было очень близко, можно было скоро выправить увольнение из общества, а затем причислить его указом к братии Глинской обители. Но главная опасность вытекала из того обстоятельства, что прежние представители Глинской пустыни до предшествовавшей ревизии не позаботились похлопотать о нем, чтобы причислить его указом к числу братии. По какой-то странной случайности это дело в то время не вызвало никакой тревоги и благополучно прошло. Сам Феодот Левченко, по своей простоте, не постарался обезопасить себя заявлением в родное общество о своем существовании. Общество, не имея о нем в продолжение многих лет никаких сведений, исключило его из числа живых. Таким образом, старец Феодот во время прежде бывшей ревизии записан был в списки умерших, следовательно, уже не числился в обществе и

не имел права требовать себе какой-либо увольнительный документ. Кроме того, так как с того времени протекли многие десятки лет, то его уже никто не мог знать в родном обществе. Положение старца Феодота было крайне опасное: он мог быть признан бродягой, и сослан на поселение. Игумен Евстратий, будучи сам малосведущ в административных делах, оказался в данном случае в большом затруднении. Скрывать в то время человека было небезопасно, но и выдать его на явную опасность было поступком оскорбительным для чувства всей Глинской братии. Однако настоятель, не находя другого исхода, хотя и с сердечной скорбью, решил выслать старца Феодора из обители. Легко понять, какую глубокую скорбь вызвало в душе благочестивого старца это решение.

Он безропотно покорился печальной необходимости, возложив все свое упование на Господа, *уже весть благочестивыя от напасти избавляти*. Получив свой документ (записку, выданную ему 50 лет тому назад сотским и каким-то образом уцелевшую), старец Феодот, помолившись в храме Божиим и поклонившись настоятелю и братии, оставил обитель и пошел, сам не зная, куда Господь направит стопы его. Со слезами провожавшая его братия посоветовали ему идти в Петропавловский монастырь, где в то время был настоятелем схиархимандрит Илиодор, тот самый, который прежде проходил послушание на кухне вместе со старцем Феодотом и, по предсказанию сего последнего, носил золотую шапку (митру); к нему-то он и пришел в тяжкую годину. О. Илиодор принял его с чувством истинно-любящего духовного брата. При первом свидании с прежним своим другом, а теперь настоятелем, старец Феодот обратился к нему с такими словами: «вот, я к тебе пришел» ... С доброй улыбкой настоятель изъявил желание принять его в свой монастырь и выразил свое уважение к нему. Но затем спросил его: «есть ли у него паспорт?» А вот, он здесь, ответил старец; причем подал настоятелю истертый клочок бумаги, на котором было написано следующее: «села Черторыч казак Феодосий Левченко увольняется во все места, куда захочет идти и где захочет жить, за ним делов никаких не имеется. Сотский Семен Кравченко». На записке обозначены

были год, месяц и число. Прочитав такой оригинальный документ, тот покачал головою и сказал старцу Феодоту: «Что мне, отче, с тобою теперь делать?» – Что хочешь делай, ответил старец, да только смотри, не потеряй моей бумаги, мне ее сотский выдал. – Вероятно, сознавая угрожавшую ему опасность, старец Феодот и этому клочку придавал значение. О. архимандрит на сей раз принял в нем живейшее участие. Оставив старца Феодота в своем монастыре, он усердно принялся искать в прежних манифестах подходящих пунктов, по которым можно было бы избавить невинного старца от ответственности. Скоро Господь помог усердствующему настоятелю: в одном из прежних манифестов была найдена статья, по которой старец Феодот имел право, после ревизии, возвратиться в свое родное общество. О. настоятель просил исправника (в то время городничего) похлопотать по делу старца Феодота. Исправник, уважая архимандрита, согласился принять на себя хлопоты по ведению этого дела. Дело пошло административным порядком. Скоро старец Феодот был приписан в свое общество, и вслед за тем было вытребовано увольнительное свидетельство и засвидетельствовано в Казенной Палате. Документ был представлен поспешно самим городничим, пожелавшим лично посмотреть того, за кого он столько хлопотал. Но, когда ему был представлен Феодот, и он увидел пред собою изможденного, дряхлого старика, то, обратясь к настоятелю, с некоторым удивлением сказал: «и вы, отец архимандрит, за этого полумертвого наделали нам столько хлопот!» ... На это о. архимандрит сказал: «поблагодари, отец Феодот, господина городничего и молись за него: он для тебя сделал много доброго». «Спасибо», сказал Феодот, низко кланяясь городничему. Так Господь защитил Своего раба от грозившей ему опасности. Архимандрит не решился приуказывать его в своем монастыре, по той причине, что скоро и сам намерен был уволиться от должности настоятеля, а отправил его в Глинскую пустынь, а потому написал игумену Евстратию, прося его о скорейшем причислении указом старца Феодота к числу своего монастырского братства. С великой радостью старец Феодот возвратился в Глинскую пустынь и стал

проходить прежнее, на время прерванное, послушание. 14 ноября 1845 г. состоялось его причисление в число указных послушников, а в следующем году он, по старости лет, зачислен был в заштат.

Братия Глинской пустыни относилась к старцу Феодоту с доверием и искренно уважала, и любила его. Особенно такие чувства проявились к нему в последние его годы. Многие из братии, желая получить от беседы с ним духовное утешение, приглашали старца к себе. Оказывая братолюбие, старец Феодот охотно хаживал к приглашавшим его. К некоторым он приходил в назначенные часы, причем, если ему приходилось прийти раньше, а звавший его еще спал, то он, не беспокоя его, ложился на земле и ожидал, пока пригласивший его не выйдет и не позовет в свою келлию. К другим же он приходил, когда ему заблагорассудится, а большей частью, после заутрени (утреня в Глинской пустыни начинается в полночь, а оканчивается в четыре часа) – время самое тяжелое, употребляемое братией на отдых. Но для старца Феодота, закалившего себя от юности в непрестанном духовном бодрствовании, различие времени как бы не существовало. Отличительной чертой старца в это время была младенческая чистота.

Старец Феодот, когда приходил к кому пить чай, то непременно приносил с собою рукавицу. Эта рукавица была сшита из толстого деревенского сукна и была так длинна, что закрывала руку до локтя. Он надевал ее на руку, когда накладывал дрова в раскаленную печь, или, когда мешал кипящие котлы с пищей. Вся она была испачкана сажей и золой, и пропитана кислотой. Вот эту-то рукавицу он употреблял, когда пил чай. Придя в келлию и положив обычные три поклона, старец Феодот не садился на стул, а снимал с себя засаленный подрясник, и, сложив его, бросал на пол, или расстилал его по земле и садился на нем, оставаясь сам в одной рубашке из толстого холста, которая была вся испачкана. Чай пил не из стакана или блюдечка, а, желающие угостить его, наливали ему чай в полоскательную чашку и ставили ее на стул. Старец Феодот, сидя на полу, на своем подряснике пред стулом и надевши рукавицу, чтобы, наклоня горячую полоскательницу,

не обварить руки, начинал пить чай. Так он пил постоянно чай, находясь ли в келлии у кого-либо из братии, или же у кого-либо из богомольцев на гостинице, которые, почитая старца как истинного раба Божия, приглашали его в номера для собеседования.

Не может быть сомнения, что в видимых странностях он проявлял образ юродства, которым прикрывал свои высокие добродетели. Возможно и другое объяснение. Старец Феодот, подвизаясь всю свою жизнь в глубоком смирении, подобно древним великим подвижникам, считал себя ниже всякой твари. Вообще, когда оказывали ему всякое внимание и предлагали ему первое место в доме, он всегда уклонялся от почестей и садился на земле ниже всех, не равняя себя даже с людьми, и считая себя недостойным. Точно так же во всю жизнь он не имел своей келлии не потому, что ему не хотели дать ее наравне с другими братьями, а потому что он сам не желал иметь ее, считая себя недостойным иметь жилище человеческое.

Старец Феодот иногда приходил к некоторым из братии во время глубокой ночи с целью предостеречь их от каких-либо увлечений, бывающих по навету вражью. В таких случаях, он приходил к брату под благовидным предлогом откусать чаю, чтобы, вероятно, своим неожиданным приходом не смутить его. Лишь только он открывал дверь, как прежде всего говорил: «вот я пришел к тебе чай пить». Здесь, за чаем, наедине, иногда приточно, а иногда прямо старец Феодот указывал на его сокровенные замыслы, возникшие в нем от внушения дьявола, и объяснял какие от того могут быть последствия. Обличенный брат, чувствуя, что тайны сердца его открыты пред прозорливостью старца, решался оставить свои намерения.

Старец Феодот нередко многим из братии предсказывал будущее. При жизни его в Глинской пустыни, был в числе братства молодой послушник Иаков Несторенко. Он с семи лет поступил в число монастырского братства и прожил до совершенного возраста. Отец этого послушника был человек благочестивый и состоятельный; ему очень хотелось, чтобы сын его, воспитанный в монастыре, поступил в монахи. Иаков был

старший из его сыновей, а посему имел полное право на льготу по воинской повинности. Но, если бы, в виду каких-либо случайностей, ему и пришлось идти в солдаты, то его отец, обладавший значительным состоянием, мог бы, по тогдашнему обычаю, поставить вместо него наемщика или купить для него квитанцию; следовательно, послушник Иаков имел полную возможность навсегда остаться в монастыре. «Человеку, говорит Премудрый, принадлежат предположения сердца, но от Господа ответ языка» (Притч.16:1). Старец Феодот, предвидя будущность сего молодого послушника, часто ему говорил: «а что, Иаков? Думаешь ли жить в монастыре и быть монахом?» – «Думаю, – отвечает тот». – «Ну, брат, – говорит Феодот, – готовься красную шапку носить». – Имея полную возможность, как выше сказано было, избавиться от воинской повинности, молодой послушник Иаков не придавал тогда значения словам старца, но они скоро оправдались на деле. Во время Крымской кампании послушник Иаков призван был к вынутию жребия. Время было горячее; о каких-либо льготах не могло быть и речи. Отец, вызывая из Глинской пустыни сына-послушника для вынута жребия, в то же время, на всякий случай подготавливал наемщика взамен его. Иаков отправился в путь. И вот, в Воронеже, где он остановился для отдыха, неожиданно получает от отца письмо, в котором тот уведомлял его, что родная их слобода Буторлиновка очень пострадала от страшного пожара, и что сами они лишились всего состояния, и что отец не обладает теперь никакими средствами, чтобы поставить за него наемщика или купить рекрутскую квитанцию. Итак, послушник Иаков, сверх всякого чаяния, по предсказанию старца Феодота, попал под красную шапку, т.е. отдан был в солдаты. Случай, подобный этому, был с другим послушником, который так же по своим правам не подлежал рекрутской повинности.

Некоторые из братии, из чувства глубокого уважения к старцу Феодоту, пожелали снять с него портрет, но зная, что он никогда не дает согласия на то, чтобы с него снят был портрет, согласились между собою употребить в этом деле хитрость и без его ведома привести в исполнение задуманное. Для этого

избрали время, когда старец Феодот возвращался из церкви от вечерни, попросили его зайти в больницу, мимо которой он проходил, как бы желая с ним побеседовать. Кстати, он был в парадной монашеской одежде. Живописец, находившийся в скрытом месте, приготовился сделать точный снимок со старца. Братия уговорили его сесть и завели с ним разговор, желая дать возможность живописцу в это время сделать свое дело. К удивлению всех, на этот раз старец Феодот, против своего обыкновения, оказался весьма непоседливым и беспокойным: он то снимал камилавку с головы, то опять надевал ее, то переходил с одного места на другое, то прохаживался, то опять садился, таким образом, он решительно не дал возможности живописцу выбрать какую-либо позу, чтобы написать с него портрет. Когда же старец удалился, то братии, посмотрев один на другого, сказали: «должно быть, нельзя обмануть того, кто ясно видит наше внутреннее состояние».

Близ Глинской пустыни протекает небольшая речка Обеста. Речка эта очень скудна рыбой, почему здесь никогда не производилась ловля рыбы на общую монастырскую потребность. Охотники удить рыбу также никогда не могли похвалиться успехами своей ловли, но старец Феодот иногда удивлял братию обилием пойманной рыбы в этой самой речке. Такую успешную ловлю рыбы старцем братия приписывали действию благодатной силы, обитавшей в нем. Для удостоверения в этом приведем один случай, переданный нам очевидцем.

Раз, случилось старцу Феодоту вместе с двумя из братии в келлии одного монаха пить чай. Между прочим, зашла речь о ловле рыбы. В конце беседы один из присутствовавших, обратясь к старцу Феодоту, сказал: «вот ты, отец Феодот, ловишь рыбу и братию наделяешь, а мне хотя бы раз когда-либо принес!» Старец ничего не ответил на это. Но, допив чай, он встал, поблагодарил хозяина и присутствовавших, надел свой засаленный подрясник и вышел из келлии, тихо говоря про себя: «ну, ты хочешь рыбы? Тебе нужна рыба? Ну!.. Я и тебе рыбы... Я и тебе рыбы!..» Забрав свои удочки, он направился к речке. Не успели оставшиеся в келлии окончить чай, как старец

Феодот уже возвратился из ловли, принес трех больших животрепещущих линей и положил их на пол пред тем, кто просил его достать рыбы, говоря: «ну, на и тебе рыбы!» С этими словами он удалился на свою кухню. Удивленная братия посмотрели один на другого, зная, что вентеля у старца Феодота не было, а поймать удочкой таких больших линей и в такой безрыбной речке, действительно, только и можно чудесным образом.

Блаженной памяти высокопреосвященный Илиодор, управлявший Курской епархией, во время своих посещений Глинской пустыни всегда приглашал старца Феодота для беседы. Несмотря на его простоту и на то, что он являлся к владыке в своей обычной испачканной и засаленной одежде, к тому же пропитанной борщевой кислотой и смрадным дымом, — несмотря на все это, добрый архипастырь чтил старца Феодота, как избранника Божия, бывал к нему особенно внимателен и просил его молиться за него. Старец Феодот платил сему святителю взаимной любовью, ловил для него рыбу и приносил ему в подарок. Владыка сам всегда выходил и принимал сей дар в собственные руки. Эта рыба готовилась к столу владыки.

Однажды архимандрит Илиодор во время всенощного бдения вышел по случаю из церкви и вдруг заметил в ночной темноте, что кто-то, идя поспешно в церковь, повалился на землю. Пождав немного и видя, что тот не поднимается с земли, он подошел поближе, желая осведомиться, кто бы это был и что с ним случилось? Всматриваясь внимательно, он узнал в лежащем старца Феодота, который уже крепко спал. Разбудив спящего, архимандрит Илиодор стал спрашивать его: не случилось ли с ним какой-либо болезни? Феодот дал отрицательный ответ и, наконец, объяснил, что, когда он шел в церковь, им овладела сильная дремота; споткнувшись, он повалился на землю и сейчас же уснул. «Может быть, такая сонливость есть следствие изнеможения и болезненной слабости, в таком случае, сказал архимандрит, можно идти в свое место и там уснуть». — «Я было хотел отдохнуть, отвечал старец Феодот, но лишь только задремал, как вдруг кто-то

толкнул меня. Проснувшись, и увидел, что предо мною стоял светлый, прекрасный юноша, который, смотря на меня, сказал повелительно: что же ты спишь во время Богослужения? Надо быть в церкви и бодрствовать», поднявшись, я пошел в церковь, но на пути в темноте споткнулся нечаянно, повалился на землю и не заметил, как уснул». Архимандрит Илиодор, рассказывая об этом случае, утверждал, что Ангел Божий возбуждал его (Феодота) на молитву.

Изнемогая под бременем лет, трудов и болезней, старец Феодот все еще продолжал трудиться на кухне; однако упадок сил, ясно указывавший на приближение окончания сей временной жизни его, побудил его просить настоятеля сложить с него должность главного повара, так, чтобы заботы о разного рода работах на кухне его совершенно не касались. Вероятно, он желал уже более сосредоточиться на созерцании духовного мира. Вследствие его просьбы, все дела в поварне и право делать распоряжения предоставлены были его помощнику, а старец Феодот сохранил за собою обязанность получать огонь от неугасимой лампы пред чудотворным образом Божией Матери, которым поджигаются дрова в печке на братской кухне, для варения пищи.

В 1859 г. в мае месяце старец Феодот почувствовал крайнее изнеможение, вследствие чего вынужден был расстаться с местом постоянных своих трудов и подвигов – кухней и был переселен на монастырскую пасеку. Здесь, в тесной келлии, лежа на соломе, оканчивал он свое многотрудное и многострадальное поприще. Любящие его из братьев, часто посещали болящего старца; по влечению сердца, всякому желалось еще взглянуть на того, кто был для всех истинным духовным утешением, и услышать от него последнее слово, или видеть его христианскую кончину.

7-го июля, во вторник, к болящему старцу пришли несколько человек братьев и, видя его весьма ослабевшим, начали переговариваться между собою и делать предположения о времени его кончины. Один из братьев, послушник Михаил обратился к старцу с таким вопросом: «отец Феодот! ты, кажется, уже скоро оставишь нас, как будто ты собираешься

умирать?» Нет! ответил больной, и после некоторого молчания начал что-то по пальцам высчитывать; окончив вычисление, он быстро поднял руки и начал считать дни по пальцам, говоря тихо: вторник, среда, четверг, пятница, суббота, воскресенье, понедельник, вторник, среда, вот, в четверг умру!.. Четверг, на который указывал больной старец, приходился в 16-й день июля. Так, за десять дней старец предсказал день своей кончины. В эти последние дни над болящим старцем совершенно было Св. Таинство Елеосвящения; несколько раз он удостоился благоговейно приобщиться Тела и Крови Господа нашего Иисуса Христа. По истечении же предуказанных дней, он был облечен во святой Ангельский образ, то есть в мантию, и наименован опять Феодосием.

16-го июля, в четверг, в присутствии нескольких человек младшей братии, старец Феодот лежал тихо и спокойно на полу, устремив потухающий взор свой на икону Спасителя. В четыре часа утра, когда наступил час разлучения души с телом, он с усилием поднял руку, оградил себя крестным знаменiem и с светлым лицом предал дух свой в руке Господа своего, – уснул, как невинный младенец.

В час кончины старца Феодота пономарь монах Досифей, после утрени затворяя церковь, неожиданно услышал какое-то чудное, приятное пение. Пораженный таким необычайным явлением, он стал вслушиваться. Пение это внезапно и громогласно раздалось в воздухе над пасекой, и затем, подымаясь постепенно в высоту, по его выражению, поверх леса, становилось все тише и тише, пока, наконец, совсем не затихло. Услаждаясь звуками неземного сладкопения, монах Досифей, по своей простоте, не вдавался в рассуждение о том, что это пение вовсе не похоже на земное, углубившись в те впечатления, какие при этом восприял его дух, он шел в свою келлию и услаждался теми звуками, которые еще раздавались в его ушах. Имея сердце, переполненное чувств удивления и радости, избыток которых рвался наружу, он говорил встречавшимся ему на пути братьям: «вот пение!.. Ну, уж пение! Никогда в жизни не слышал подобного пения!» – Да где же ты слышал-то такое пение? спрашивали Досифея. «Да вот там, на

пасеке, должно быть, сам игумен по старце Феодоте отходную отпевал, вот и все певцы там, и пение их аж поверх леса разливается», говорил он. На самом деле оказалось, что при кончине старца Феодота не происходило никакого пения: он скончался в четыре часа утра, а отходная отпевалась в восемь часов, следовательно, пение, слышанное монахом Досифеем, без сомнения, было пение не земных певцов, а сил небесных.

Монах Досифей, успевший уже многим рассказать о слышанном им необыкновенном пении, когда узнал, что при кончине старца Феодота не было ни пения, ни служения, то видимо был поражен этим. Когда кто из братии спрашивал его об этом случае, он хранил молчание и спешил затвориться в своей келлии.

Братия, удрученная глубокой скорбью, что лишилась сожительства такого угодника Божия, благоговейно опрятала его тело и с подобающими обрядами предала его погребению на монастырском кладбище, где и ныне показывается его обыкновенная земляная могила¹⁹.

Юродивый Иоанн

(Память 17 июля).

В селе Рождествине, Царскосельского уезда, С.-Петербургской епархии, погребен юродивый Иванушка. Он появился здесь с 1799 года. Мещанка Екатерина Иванова Русакова нашла его, и он жил у нее до смерти в 1836 году. Роста был среднего, лицо имел смуглое, волосы и брови черные, тело всегда грязное. Зимой ходил он в одной рубашке, без шапки, босой, закинувший руки за спину. Ел, что ему давали; спал на печке, хотя бы даже горячей, зимой и летом, милостыни не собирал; деньги, которые ему давали, опускал в часовенный ящик. Когда, по случаю болезни головы и ноги, продолжавшейся 6 недель, он не собирал денег, то в часовенном ящике было денег на 60 рублей менее. Опуская деньги в ящик, он говорил: «спасибо! ступай домой». И, опустив деньги, бежал по селу и кричал: «спасибо! Бог дал». Деньги он опускал во всякое время, даже в полночь. К церкви был усерден, но к службе ходил не всегда; крестился всем кулаком; сильно бил лбом в пол; если хвалил службу, то говорил: «спасибо поп! страх». Покойников провожал до могилы; к священнику был почтителен. Много предсказывал. Так, в 1831 году Сиворицкому священнику, Евтихию Семеновичу Литвину, предсказал смерть; одной крестьянке предсказал скоропостижную смерть ее мужа Евсигнея Шубина, жившего в Гатчине; князю Гагарину, командиру квартировавшего здесь кирасирского эскадрона, предсказал, в 1832 году, пожар гумна, в котором стояло несколько лошадей; в 1836 г., за год до смерти, предсказал пожар села Рождествина; во время польского мятежа, в 1831 году, провожая ехавшего через село Императора Николая, бросил вслед ему щебенку (битый камень) и кричал: «ах! спасибо, Бог даст», предсказывая этим прекращение мятежа; Екатерину Гусакову, свою хозяйку, Иванушка возвратил из раскола в православие. Уча почитать православные иконы, Иванушка, стащив ее с печи и поставив в передний угол пред иконой Знамения Божией Матери, говорил:

«бабка, молись Богу». «Бог в церкви. Бог даст». Одной Луговской помещице предсказал выздоровление больной дочери, за что дочь сшила ему рубашку; графу Растопчину, ехавшему, в 1831 или 1832 году, в Киев на богомолье с женой и 8-летней дочерью, не владевшей ногами, Иванушка предсказал выздоровление дочери. За это Растопчины подарили ему камилавку, белую, обшитую золотым гасом, привезенную из Киева, от Иоанна многострадального. В этой камилавке Иванушку похоронили. Пред смертью своей Иванушка 6 недель страдал болезнью ноги и головы, приключившейся ему от стекла, попавшего в ногу. Стекло вытащили и, когда его вытаскивали, он сказал пожалевшей его домохозяйке: «спасибо, бабка. Пора домой!» На погребение его собрался народ из Рождествина и из соседних деревень. Над могилой Иванушки впоследствии поставлен был «голубец» – вроде домика, с крестом наверху²⁰.

Преосвященный Гавриил, архиепископ Рязанский

(17-е июля день вступления на кафедру).

Преосвященный Гавриил родился 17 апреля 1785 года в бедном селе Городкович, Спасского уезда, Рязанской губернии. Отец его Иван Яковлевич Городков был в то время пономарем, а впоследствии в том же приходе состоял священником, при рождении сына они дали ему имя Георгий. Как Иван Яковлевич, так и жена его Евдокия Филипповна, отличались богобоязненностью, простотой и, особенно, кротостью нрава. При значительном семействе и в бедном приходе, они не могли не трудиться над обработкой своей земли, которая, главным образом, и доставляла им пропитание. В таких обстоятельствах своих родителей, отрок Георгий сроднился со всеми недостатками и нуждами, ознакомился с самыми тяжелыми трудами, помогая своему отцу в полевых и других работах, даже и впоследствии, когда приезжал из семинарии на отдых от умственных занятий. Образование его шло своим чередом, и успехи в науках были ценимы начальниками тем более, что с ними соединялось отличное поведение тихого и скромного Городкова.

Перед окончанием курса в семинарии Городков получил священническое место при Касимовском соборе и познакомился с тамошним протоиереем Поликарпом, который, полюбив его за кроткий нрав, предложил ему в супружество одну из своих дочерей. Обстоятельства, казалось, благоприятствовали этому делу, и между ними все уже было положено на слове, чему радовался и отец Городкова, бывший в то время священником. Но судьбы Божии устроили иначе. В 1809 г. при открытии первой по новому образованию С.-Петербургской духовной академии, вследствие требования комиссии духовных училищ, воспитанник семинарии Городков в числе других избран был к поступлению в состав студентов первого академического курса, и никакие усилия с его стороны, никакие попытки ходатайства некоторых лиц, близких к бывшему тогда Рязанскому

архиепископу Амвросию, не могли отменить этого назначения. В декабре месяце 1808 года Георгий Городков отправился в Петербург, дав слово нареченной невесте возвратиться ее женихом. Но Промысл Божий, готовивший в нем сосуд особенного служения, доказал и в этом случае, что человек может только предполагать: не прошло еще и половины шести лет первого академического курса, как невеста студента Городкова, по воле ее отца, была выдана за другого, и студент Городков с того времени почувствовал в себе иное расположение, особенно просветлявшееся и укреплявшееся разумным сознанием цели, к которой человек предназначен, и с детства усвоенным благочестивым настроением души.

В 1814 году, при ректоре академии архимандрите Филарете (впоследствии митрополите Московском) и при инспекторе ее архимандрите Филарете (впоследствии митрополите Киевском) студент Городков кончил курс академического учения, со степенью магистра богословия, и в том же году назначен профессором богословских наук в Рязанскую семинарию, которая в то время была преобразована и должна была войти в округ семинарий предполагавшейся к открытию в 1816 году Московской академии, по новому положению. Этот светский профессор богословских наук ничем не отличался в образе жизни от строгого аскета и, совершенно погрузившись в изучение предоставленного ему высокого предмета, вел жизнь совершенно уединенную, в мире отшельническую, и, среди всех развлечений, требуемых мирскими приличиями, сосредоточивался в самом себе. Верный внутреннему своему обету, затаенному еще в бытность в академии, Георгий Городков, в следующем 1815 году, принял звание инок, с именем Гавриила, и пострижен был в монашество, при архиепископе Феофилакте (что был после экзарх Грузии и митрополит) ректором Рязанской семинарии архимандритом Иеронимом, в Рязанском Спасском монастыре, где проходил послушание в сане иеродиакона, потом иеромонаха, а с 1 декабря того же 1815 года получил в управление Рязанский Троицкий монастырь, и поставлен настоятелем его уже в сане архимандрита, которого удостоен был 27 февраля 1816 года, в

начале же 1817 года принял должность инспектора Рязанской семинарии.

Но эти обязанности лежали на нем недолго. Комиссия духовных училищ, в которой тогда сосредоточивалось главное духовно-учебное управление, внимательно следила за ревностной и благоразумной деятельностью архимандрита Гавриила, и в следующем, 1817 году определила его ректором и богословских наук профессором Орловской семинарии, которая была назначена также к преобразованию и должна была войти в учебный округ Киевской академии. Вместе с этим, архимандриту Гавриилу надлежало управлять и Орловским Успенским монастырем, ныне обращенным в архиерейский дом. В короткое, с небольшим годичное, время управления его Орловской (бывшей тогда в Севске) семинарией, в первом по преобразовании ее курсе, приготовлены были им воспитанники богословского класса к высшему академическому образованию; и это были юноши, впоследствии сами сделавшиеся ректорами академий и потом архиереями. Из них первое место занимал студент Иван Алексеевич Борисов, знаменитый по уму, обширной учености и дару слова, впоследствии Иннокентий, архиепископ Херсонский и Таврический, и член Святейшего Синода. В 1819 году, ректор Орловской семинарии архимандрит Гавриил из Севска переведен на те же должности в Нижегородскую семинарию, опять с целью преобразовать ее; причем надлежало ему также управлять Макарьевым Желтоводским монастырем. Таким образом, в трех семинариях был он главным деятелем преобразования, требовавшего знания, обширной опытности и разборчивости в подобных реформах. Такие достоинства привлекли к нему доверенность окружного академического управления, которое возложило на него поручение обревизовать Вятскую семинарию. Внушая подчиненным ему наставникам чувства кротости и справедливости в их отношениях к воспитанникам, он пользовался любовью тех и других, и таким сближением их в себе самом быстро вел к преуспеянию в умственном и нравственном образовании.

В 1828 году архимандрит Гавриил окончил поприще учебной своей деятельности и вступил на новое, требовавшее от него трудов епархиальных. 20 мая 1828 г. он был хиротонисан во епископа Калужского и Боровского. Калужская паства в лице нового своего святителя с умилением встретила такую кротость и благоприветливость, какая редко замечаема была в его предшественниках. Он, как добрый служитель Христа, жил, действовал и управлял своей паствой вполне согласно с наставлением апостола Павла юному его ученику Тимофею: *«подобает быти епископу непорочну, трезвену, целомудру, благоговейну, чисту, страннолюбиву, учительну, кротку»*. Несмотря на цветущий 43-летний его возраст, все видели в нем правило веры, образ кротости, пример воздержания и прочих христианских добродетелей.

По истечении трех лет управления Калужской паствой, преосвященный Гавриил 26 августа 1831 года переведен был на кафедру епархии Могилевской и Полоцкой, куда требовался особенно мудрый пастырь, ибо предстояла великая борьба с униатством. И преосвященный Гавриил оказался здесь наилучшим деятелем. Положив в основу своей деятельности миролюбие: миролюбие в сношениях с должностными лицами, миролюбие в проповедях, в обхождении со всеми людьми и, в то же время, твердо и осторожно относясь к римскому духовенству, Владыка за 5 лет своего управления Могилевской епархией приобрел для православной Греко-Российской Церкви от католиков и униатов духовных лиц и мирян обоего пола 59785 душ! Такова была сила его влияния. Даже католики, и те воздавали ему глубокое уважение и преданность. Многие униаты обратились к православию из уважения к нему. Но что всего замечательнее – самые противники креста Христова – евреи, противляющиеся Сыну Божию, свободно подчинили себя благоуважением и преданностью служителю Его и архиерею». Это они ясно выразили в своем адресе, который поднесли Владыке при переходе его на Рязанскую кафедру. Вот этот адрес:

О, пастырь Гавриил! Твое светило составляло радость Израиля: но путь твой, благословенным Богом и царем, ныне

оскорбляет печальные сердца их! Увы! Ты, пастырь всех, как благодетельное солнце, изливал благотворения твои на всех, к тебе прибегающих: странный и беспомощный имел в тебе защиту, бедняк находил пропитание, вдовы и сироты, яко во дни Илиины, напитаны были из чванца муки и елея, в тебе неистощимыми, обиженный в правде не оставался в ходатайстве твоём беззащитным, но что величественнее всего, – твоё премудрое руководство бывшей в руке твоей паствы гремело уже в устах наших, – а жизнь твоя святая поражала мысли каждого! И потому, дражайший пастырь, мы, будучи утешены твоим священным духом и признавая тебя, яко кроткого Ангела, утешителя всех, недостойными устами, но в пламенности сердца всего нашего общества, приносим тебе похвальное сие: «О, Боже! Ты отнимаешь от нас свои черты, и оставляешь нас во мраке бездны; Ты нам внушил рыданье, но наши слезы прекрати; днесь тех же изливание слез прими, как запах от кадил; содей, чтобы архипастырь Гавриил продолжал одни лишь дни благие; проводи его прямым и веселым путем к стране желанного покоя, прямой стезею доведи его, и прочно счастье его устрой! Аминь.

Еще более глубокие чувства питало к преосвященному подведомственное ему духовенство, что и было выражено в различных адресах 1837 года, когда преосвящ. Гавриил был назначен архиепископом Рязанским.

Но с каким сетованием провожали преосвященного Гавриила могиляне, точно с такой же радостью ожидали и встретили родного своего, Богом указанного, архипастыря рязанцы. Где воссияла заря жизни преосвященного, там же, по видимому, готовилось успокоение преклонных лет его. В Рязани все приветствовало преосвященного светлой радостью и живым чувством, как бы при нечаянном возвращении дорогого родственника из дальней стороны; да и преосвященный, со своей стороны, был ласков, обходителен и благолюбезен со всеми знаемыми, как и за 20 лет назад. Но при всей радостной встрече со стороны Рязанской паствы отеческое сердце преосвященного опечалено было скорбью о недавно постигшем

г. Рязань несчастии. До прибытия его, в полночь *под 17-е число июля*, в центре города сделался пожар, который, при усилившемся ветре, истребил многие самые лучшие дома, каменные и деревянные, и лавки с товарами, тянувшиеся линией по большой Московской улице и около рыночной площади. Губительное действие огня продолжалось с великой силой до 6 часов утра, и убыток одному только торгующему сословию причинило на многие сотни тысяч рублей. Проезжая по площади к собору, архипастырь с скорбью в сердце видел еще дымящиеся развалины домов. Принимая у себя в доме, а некоторых и сам посещая, преосвященный укреплял дух их утешениями в надежде на милость Божию, и поучал путям Божественного Промышления о спасении человеческом.

«Подобные примеры посещения Божия», говорил он с ними в беседе: «бывают или за грехи наши, или для того, чтобы в испытываемых явились дела Божии, как и на слепорожденном, упоминаемом в Евангелии. В последнем случае, от вас зависит, любезные мои сограждане, чтоб в постигшем вас бедствии явилось преславное дело Божие. Имейте только веру Божию, моляще, просите, и даст Господь. Бывают скорби, попускаемые Промыслом Божиим, чтобы наша вера и упование на Бога были в нас действенны. Господь умеет удивить милостью Своею боящихся Его, имейте же веру Божию, держитесь крепко упования, и – потерянное возвратится с лихвою, а испепеленное воздвигнется еще в лучшем виде. Будьте только благочестны и богобоязненны, а у Господа Бога много средств, и у Него не изнеможет всяк глагол». Сими и подобными словами добрый пастырь наставлял погоревших граждан, и, вместе, утешал их любовью, тихостью и сердечным участием. И действительно, не прошло и пяти лет, как все восстановилось в обновленном, превосходном виде, раны совершенно зажили, и страшный, опустошительный пожар остался только в памяти, но не в печальных своих последствиях.

С возобновлением и новым устройством зданий на местах пожарища, быстро и почти в одно и то же время начались обновления и капитальные улучшения почти во всех храмах Божиих по г. Рязани. С этого времени начавшееся

благочестивое движение продолжалось во все время, пока преосвященный Гавриил управлял Рязанской паствой. Сие движение было видимо, равным образом, по городам уездным и по селам Рязанской области, так что постройка новых церквей, распространение их, улучшение и благоуукрашение, приобретение во многих городских церквях Рязани новых колоколов, от 100, до 500 пудов в каждом, – все это стоило таких капиталов, каких не было употреблено во все, в совокупности взятое, время предшествовавших ему рязанских архиереев (1817–1858), несмотря на то, что многократные неурожаи, даже голод, и военные действия, особенно в последние годы правления его, несравненно более тягостны были для народа, нежели при его предшественниках.

Начало сему благочестивому движению положил сам преосвященный Гавриил в кафедральном соборе, замечательном по его громадности и великолепию. Собор этот с наружной стороны почти никогда не был исправляем, а потому, от времени потерял прежнее благолепие, а соборная колокольня, возведенная только до двух ярусов, оставалась в таком недостроенном виде почти 50 лет, до прибытия преосвященного. Грустно смотрел он на это, но, возложив на Бога твердое упование, которому поучал, и в котором утверждал погоревших граждан, решился приступить к делу. В 1839 году он сделал воззвание ко всему Рязанскому духовенству о добровольном приношении, и о приглашении благочестивых прихожан и церковных старост к посильным пожертвованиям; в то же время, обратился он с письменными отношениями по сему предмету и к уездным предводителям дворянства, прося благочестивого их содействия к совершению своего предприятия, и независимо от того, частными письмами, искал помощи у именитых людей, живших вне Рязанской епархии, в любви коих и готовности на всякое благое дело был уверен. Словесные овцы вняли голосу доброго своего пастыря – вняли даже и те, которые не были от пастырского двора его. Пожертвованная сумма, по собственноручной записке преосвященного, восходила до 11 тысяч рублей сер., кроме 30 тысяч рублей, исходатайствованных им у Св. Синода,

собственно, для довершения колокольни. Таким образом, с Божией помощью, видимо благословлявшей ревностное усердие его к престольному всей епархии храму, в течение двух лет довершена колокольня и увенчана крестом с яблоком, вызолоченными через огонь, после чего колокола перемещены на третий ярус; стены собора и кругом его терраса покрыты масляной краской, а кровля на нем, как и на пяти главах, сделана из нового железа и покрыта медянкою на масле, главы же исправлены каменным построением, усеяны по голубому полю медными золочеными звездами и увенчаны таковыми же крестами с яблоками. Обновление это дало совершенно иной вид Рязанскому храму, которому и по архитектуре, и по громадности нет подобного между древними постройками, кроме кафедрального храма Астраханского.

Едва кончилась эта забота попечительного архипастыря, как подоспела другая, для отеческого сердца его еще более чувствительная. В 1840 году настала сильная, почти все лето продолжавшаяся засуха, и вследствие того, по всей Рязанской епархии, страшный голод, который тем сильнее чувствовался, что и предшествующий 1839 г. был неурожайный. На хлебородной полосе Рязанской губернии, по правой стороне реки Оки, более бедные крестьяне ели хлеб, изготовленный пополам с мякиной, а на другой – болотистой и лесистой – употребляли хлеб, смешанный пополам с древесной корой, листьями и болотными растительными кореньями. В Рязани, где и хлебные запасы в большем пред уездными городами количестве, и доставка их из других мест удобнее, по водяному сообщению, хлеб возвысился в цене до 4 р. 50 к., по тогдашнему курсу серебра – цена, которой не могли запомнить и старожилы! При этом общем бедствии, первое свое попечение преосвященный обратил на вдов и сирот, состоящих в ведомстве духовного попечительства, повелев, кроме единовременной выдачи суммы, потребной для пропитания каждого лица, удвоить получаемое ими пособие, добавок сей немедленно разослать через сотрудников и производить его впредь до особого распоряжения. Устранив, по возможности, голодную смерть от вдов и сирот, надобно было подумать и о

прочих, особенно многосемейных священно-церковнослужителях. Чтобы скорее помочь им, он предложением своим поручил консистории немедленно разослать благочинным указы, по силе которых они должны были истинно нуждающимся в насущном хлебе священно-церковнослужителям, соразмерно семейству каждого из них, выдать известное количество денег из церковной суммы, с возвращением их в течение трех благополучных годов. Сердоболие его столь же деятельно простиралось и на все народонаселение, особенно сельское. Местный, в то время, начальник губернии – Б. М. Прокопович-Антонский, из донесений чиновников знал о бедствии народа; но самая мрачная сторона этого бедствия была от него скрываемая: он не видел того хлеба, которым с мучительной тоской кое-как пробавлялись несчастные. Преосвященный, которому через благочинных все было известно подробнее и вернее, со слезами показал ему вышеописанный хлеб. Содрогнулся добрый, благочестивый и человеколюбивый губернатор! В частых личных сношениях, и без этого случая всегда искренних и дружественных, оба верховные провинциальные начальники единодушно и с христианской заботливостью обсуждали меры возможного и скорого вспомоществования бедным. Вследствие этого, начальник губернии, на первый раз распорядившись зависевшими от его власти средствами, поспешил ходатайством своим о помощи у министра внутренних дел, а преосвященный обратился с молением к одному именитому боярину, Н. Г. Р-ну, который всегда уважал и высоко чтит святую жизнь его. И вот, немного спустя, на реке Оке, близ Рязани, явилась барка, нагруженная кулями с хлебом, и открыта была на ней цена ржаной муки по 50 коп. сер. за пуд. Вскоре потом страшный голод, благодаря распоряжениям министерства и деятельности местных властей и во всей губернии перестал быть страшным.

Кроме сих действий человеколюбия и милости со стороны преосвященного, у него, при архиерейском доме, открыто было каждую неделю милостинное печеным хлебом и деньгами подавание. Откуда был этот хлеб, откуда эти деньги, ведает один

Бог. Судя по скудости его средств, надобно полагать, что в этом участвовали люди, хотевшие благодетельствовать святительскими руками, чтобы не ведала шуйца, что творит десница. Мзда их, как и верного раздаятеля, написана на небеси.

В 1841 году преосвященный Гавриил был вызван на один год для присутствования в Св. Синоде. Когда владыка, при отъезде в Петербург, посещал собор и др. церкви для поклонения св. иконам, жители Рязани всех сословий и возрастов стекались в необычайном множестве и так обступили архипастыря, что он, при переходе из Архангельского собора в Рождественский и из сего последнего в Успенский, едва мог двигаться от тесноты. Всякий желал получить благословение архипастыря, как залог милости к себе Божией. Архипастырь сей благочестивой жизнью, кротким и добродушным обхождением, привлек к себе сердца всех граждан, так что почти никто без особенного душевного волнения и невольных слез не мог с ним расставаться.

По прошествии года преосвященный Гавриил был оставлен при Синоде еще на год. Эту весть епархия приняла с глубоким сожалением, да и сам владыка тяготился новым урочным временем. Душа и сердце его постоянно были в Рязани. Иногда он как будто завидовал отправляющимся на родину рязанским жителям, и, провожая некоторых, при прощании с ними, обращался к стороне рязанской, издавля благословлял любимую свою паству и призывал на нее милости и щедроты небесные.

В 1848 году, Божиим попущением, во всей Рязанской епархии около трех месяцев свирепствовала холера. Сердобольный и попечительный архипастырь повелел, чтобы в кафедральном его городе, в определенный день, по всем церквам отправили всенощное бдение Всемиловитому Спасу и пели покаянный канон с акафистом, возбуждая всех и каждого к покаянию, а на утро, по совершении литургии, из кафедрального собора открыл крестный ход около всего города, в преднесении хоругвей и икон от всех градских церквей, совершая литии на повороте каждой улицы. Несмотря на

сильную засуху, когда, при многолюднейшем стечении народа, от пыли едва можно было узнать человека в лицо, несмотря на удушливый жар, иссушавший у каждого уста, и на томительную жажду, благопопечительный архипастырь, удрученный летами, изможденный строгим постом, едва поддерживаемый поочередно иподиаконами и диаконами, сам совершил это шествие, продолжавшееся более четырех часов, и на каждой литии, во время чтения молитвы, преклоняя колена и повергаясь лицом на землю, со слезами просил Милосердного Бога о помиловании города и всей его паствы. Для поддержания покаянного и молитвенного настроения в народе и, через то, для укрепления его духа упованием и преданностью воле Божией, архипастырь вслед затем повелел из каждой приходской церкви поочередно совершать шествие, с местными иконами и хоругвями в кафедральный собор, износить из него чудотворную икону Богоматери Феодотьевской, и в приходском храме с вечера отправлять всенощное бдение в честь Богоматери, с акафистовым пением пред той иконой, по чину неседального пения, совершаемого в субботу на 5-й неделе Великого поста, – а на другой день, после литургии, совершать крестный ход около кварталов прихода той церкви и возвращаться обратно в собор для постановления чудотворной иконы на ее место. Такое непрерывное молебное общественное богослужение по приходским церквям весьма многих расположило к говению и причащению Св. Таин, отчего видимо укрепился дух народа, и уже не так возмущался смертными явлениями холеры, которой губительное действие, между тем, со дня на день ослабевало заметно, а к исходу сентября месяца, по благодати Божией, и совсем прекратилось. – Благочестивый архипастырь и в этом случае предшествовал своей пастве и возбуждал всех к излиянию благодарения благодетелю Господу. Снесшись с гражданским начальством относительно оповещения жителей, он повелел, чтобы 2-го числа октября по всем церквям г. Рязани с вечера совершенно было всенощное бдение, а на утро, по совершении ранних литургий, все духовенство собралось в кафедральном соборе и, под председательством архипастыря своего, при

многочисленном стечении народа, принесло благодарение Господу с коленопреклонением. При этом случае благочестивый архипастырь беседовал к народу, как отец, и указывал причину гнева Божия во всенародной греховной рассеянности, превозмогающей и самое долготерпение Божие, торжественно пред лицом всех и от лица всех исповедал грехи и беззакония народа, словами пророка: Тебе, Господи, правда, – нам же стыждение лица (Дан.9:7)! Поблагодарив паству свою за послушание гласу его, что в дни скорби и смертоносной болезни она не ожесточила сердца гордой мыслью о себе, но, смиренно исповедав правду Божию, праведно наказующую, признала свои неправды пред Богом и смирилась под крепкую руку Его; архипастырь с кротостью и любовью заметил предстоящим, что для умиловления праведного гнева Божия недовольно одних слез и вздыханий, исторгнутых грозным бедствием, но требуется истинное и искреннее покаяние, т.е. перемена нечистого на чистое, перемена порочной жизни на добродетельную. «Если, – говорил святитель, с приметным понижением дрожащего голоса, – если спасенные десницею Божией от смерти, поминутно угрожавшей, мы предадим забвению недавно прекратившееся смертное посечение и наши обещания – жить добродетельней, то, что сотворит с нами Господь праведный и долготерпеливый за ожесточение наше – я недоумеваю... Пусть каждый сам произнесет приговор, вспомнивши притом об участи бесплодной смоковницы; а себе, за мои и ваши грехи, я буду ожидать суда без милости, наказания без помилования, гнева без конца...» и слова сии прекратились слезами и едва сдерживаемым рыданием. Наконец, заключив свое слово убеждением к благотворению и делам милосердия, особенно в дни приближающегося голода (от бывшей во все лето страшной засухи), архипастырь напоминал еще о священной милости духовной, т.е., чтобы, благодетельствуя живым, пасомые им не забывали благотворить и скончавшимся от смертоносной язвы братьям, моля Господа о упокоении их в небесном Его царствии, с приношением бескровной жертвы о душах их, и творя за них милостыню. «Опасно, – говорил архипастырь, – и

недобросовестно думать, что они грешнее вас были, и повиннее смерти; ибо Сам Бог из среды живых восхитил не нас, а их, по неиспытанным судьбам Своим. Вспомните, что сказал Господь о слепорожденном: ни сей согреши, ни родителя его, но да явятся дела Божия на нем. Так и в смерти братий наших Господу угодно указать нам не на грехи их, но показать дело Божие Свое, т.е. телесной и временной смертью их вразумить и предохранить нас от смерти душевной и вечной. Почему знать? может быть, мучительная, и, можно сказать, мученическая смерть их послужила к примирению с нами раздраженного Бога и к умилоствованию правосудия Его, оскорбленного нашими грехами; они – жертва за нас!»

Попечительный архипастырь не ограничился заботливостью об одном кафедральном своем городе, но простер ее на всю свою паству, действуя на умы и сердца всех пасомых через благочинных, которым циркулярно предписал, чтобы они, между прочими потребными наставлениями, преподавали страждущим вещественную помощь, обстоятельно доносили ему, ревностно ли священно-церковно-служители исполняют свои обязанности при открывшейся эпидемии, – и благочинные постоянно доносили ему, как о начале открытия эпидемии в их округах и ее действии, так и об усердном исполнении обязанностей со стороны священников, по долгу их звания, и о совершении общественных молений по примеру города кафедрального. Между тем, архипастырь, как истинный сердобольный отец, вел собственноручно келейную запись о смерти священно-церковно-служителей своей епархии по донесениям благочинных, и запись сия остановилась на 20-м числе октября, по коей число жертв эпидемии из лиц епархиального клира простиралось до 155 человек. В этой записи показывалось имя умершего, звание его, место нахождения на службе, лета и день кончины. Кроме отеческого с его стороны призрения оставшихся в сиротстве семейств и возможного вспомоществования им, почему знать, не была ли запись эта, вместе, и домашним помянником в келейных его молитвах пред Господом.

Преосвященный Гавриил давно помышлял об учреждении в кафедральном городе училища для девиц духовного звания.

При всем сознании необходимости и пользы сего учреждения, благая мысль сия оставалась без выполнения по недостатку средств. Грустное зрелище бесприютности круглых сирот, оставшихся после умерших от холеры, поразило чадолубивое сердце архипастыря и победило нерешительность его, происходившую из строгой осмотрительности и осторожности в подобных предприятиях. Следуя живому чувству сострадательности и исполняясь упованием на милость Божию, он решился с ограниченными средствами приступить к благому началу, хотя в самом малом размере. Исходатайствовав разрешение на открытие сего училища, преосвященный 30 апреля 1852 года учредил попечительный комитет об устройении одного из избранных им лиц под непосредственным своим надзором. И не посрамилось живое упование его на невидимую помощь Божию. Не прошло и года, как училище уже было открыто в собственном двухэтажном доме. И посещение училища было любимой прогулкой преосвященного, вплоть до отбытия своего на покой. Не было нарочитого праздника, в который бы он не прислал детям какого-нибудь подарка, а в праздники Пасхи и Рождества Христова к детским подаркам прилагал еще и деньги, всякий раз не менее 15 руб. «Они – сиротки, – говаривал он: – их некому приласкать, отца и матери нету. Кто из нас не помнит детского своего возраста? Дети любят ласковое с ними обхождение, ласковость смягчает сердца и загрубелые. За это и сиротки любили его от всей детской простой души, и только что он показывался, радостно передавали одна другой: «Отец наш идет!»

В то же время неусыпной деятельностью и пастырской ревностью преосвященного Гавриила готовилось церковное торжество – это освящение в Зарайске единоверческого храма, в честь нерукотворного образа Всемиловитого Спаса, каковое и совершилось 25 ноября 1856 года. Зарайские раскольники, уклонявшиеся от св. Церкви и православного священства, кротким убеждением и непосредственным вразумлением доброго архипастыря Гавриила, наконец, привлечены были к святому единению. По представлению его, Святейший Синод благословил в г.

Зарайске устроить благовидный храм, во вкусе древнего зодчества, так, чтобы он увенчан был пятью главами, и чтобы внутреннее устройство его приспособлено было к потребностям ревнителей старины. Поэтому иконостас со св. иконами поставлен был в новопостроенном храме тот самый, который до того находился в моленной часовне раскольников, а древняя священная утварь препровождена в дар от пресвященного Гавриила из архиерейской ризницы и крестовой церкви, как то: древний антиминс, освященный лета 7157 (1649), сребропозлащенные сосуды, устроенные лета 7161 (1653) Мисаилом, архиепископом Рязанским, потир, дискос, звезда, лжица, тарелка и ковш, на престольный сребропозлащенный крест, устроенный лета 7132 (1624), плащаница вышитая золотом и серебром (известная Московскому обществу любителей истории и древности), устроенная лета 7020 (1512), при благоверном царе Василии Ивановиче, замышлением Солодшинского архимандрита Досифея. Вещи сии, освященные древностью, возбуждая благоговейное внимание всех, особенно ревнителей старины, приступивших к единению с матерью Православной Церковью, переносили воображение их к временам патриаршества всероссийского. Все это, накануне освящения, перенесено с крестным ходом из соборного Зарайского храма, с находящейся в нем древнейшей исторической иконой святителя и чудотворца Николая Зарайского, принесенной в Зарайск в 1224 году из Корсуня; святыня сия встречена была в единоверческом храме, прибывшим из Москвы к освящению его, Рогожской благословенной церкви священником Симеоном вместе с новопоставленным из среды их к Зарайской благословенной церкви священником Иоанном. Крестный ход приветствован был тропарем св. Николаю, который пропет, по древнему напеву, хором из единоверцев. Во время всенощного бдения старинный напев и некоторые особенности в чтении псалмов и молитв, непротивные духу истинного православия и верности церковных преданий, православные слушали без смущения духа, и каждый, по степени своего усердия, выражал сердечные чувствования усердной молитвой.

На другой день освящение началось по древнему чиноположению молебным пением с водоосвящением среди храма, а по перенесении приготовленных к освящению престола вещей и богослужебных сосудов в алтарь, двери его были затворены, и из мирян никто не мог видеть, как происходило освящение. Впрочем, оно совершалось так же, как и освящение православных храмов, с той только разностью, что действия освящающих были несравненно продолжительнее, а пение псалмов повторялось до двух раз и более. При помазании престола св. миром, и, особенно, когда древний антиминс, освященный в дни патриаршества Иосифа за 207 лет до того времени, полагаем был на св. трапезе, при многократном пении псалма: *«се что добро, или что красно, но еже жити братии вкупе»*, некоторые из единоверцев не могли удержаться от радостных слез, видя освященный престол благодати, приемлющей всех заблудших. Эти слезы исторгались, быть может, и от воспоминания о прежнем самовольном их отчуждении от св. Церкви, после чего они так долго не внимали истине и не понимали высоких и поучительных слов царя пророка: *се что добро, или что красно, но еже жити братии вкупе, – жити в единении духа, в союзе мира и любви с св. Церковью и со всеми православными ее чадами.*

По освящении внутренних частей храма и по возжжении светильников пред св. престолом, совершен был ход вокруг церкви, в преднесении запрестольного креста и хоругвей с иконами и свечами. Но обхождение допущено было в направлении от западных дверей к северу, и от востока, по течению солнца, на юг и запад. Во время сего хода быть внутри храма никому не дозволялось; в нем оставались только два певца. Затворенные западные двери храма никто не должен был отверзать, кроме священнодействующего предстоятеля, который, по входе в храм, осенил всех предстоящих крестом и окропил освященной водой. Затем прочитана была благословенная грамота, данная единоверческой церкви от преосвященного Гавриила, архиепископа Рязанского, и начались, по чиноположению, часы и самая литургия.

Освящение храма с литургией продолжалось более пяти часов, но, несмотря на продолжительность священнодействий, никто преждевременно не вышел. Единоверцы и православные с равным благоговением слушали чтение и божественное пение, и порядок никем и ничем нарушен не был.

Так совершилось освящение Зарайской единоверческой церкви! Архипастырю Гавриилу суждено было присоединить к единоверию отпавших от св. православной Церкви; ибо те же самые духовные доблести святительства его, которые в Могилеве привлекли к нему тысячи униатов и даже католиков, при помощи благодати Божией, и здесь победили упорство и привели к чувству сознания истины Божией так долго находившихся вне Церкви заблудших овец ее.

Разнообразные труды по епархии, вне и внутри кафедрального города, не поглощали всего внимания преосвященного Гавриила. На сердце у него издавна лежала забота ближайшая, домашняя – это возобновление крестовой архиерейской церкви, а еще более – кафедрального собора. Работа по тому и другому предмету давно уже и производилась почти невидимо, ибо предполагалась отделка внутренняя. Крестовая церковь, во имя св. первомученика архидиакона Стефана, находится в среднем этаже каменного архиерейского корпуса, под самым архиерейским кабинетом, и устроена с давних пор покойным архиепископом Симоном, соучеником и потом сотоварищем на службе в Новгородской семинарии св. Тихона Задонского. Она помещалась на пространстве не более 15 квадратных аршин, с алтарем, и отделялась от парадной лестницы холодной залой, отделявшейся от церкви капитальной стеной с небольшой дверью. В этой зале, довольно неблаговидной, с северной ее стороны, во все протяжение стены помещались сложенные в поленницы дрова. Церковь была бедна и убранством, и утварью. С самого поступления на епархию, грустно смотрел на нее преосвященный – всегдашний любитель благолепия храмов Божиих, – тем грустнее, что средств к исправлению ее в виду никаких не имелось. Но любящим Бога все поспешествует в благое – за эту боголюбивость пасомые и его самого любили, и, облегчая

заботу его приношениями своими, предваряли даже невысказанные им затруднения; так что, в одно и то же время, средства лились рекою и на собор, и на крестовую, – и как там, так и здесь деятельно приготавлилось все нужное к возобновлению. Наконец, начались работы: в капитальной стене сделаны широкие арки, через что зала соединилась с крестовой Церковью, иконостас и иконы возобновлены, стены расписаны, утварь и ризница улучшены, и благолепие храма возвысилось помещением в нем икон очень хорошего древнего письма, украшенных серебряными окладами, а инде и с позолотой московской лучшей работы. Иконы и старое изломанное серебро преосвященный отыскал в значительном количестве, пересматривая кладовую архиерейского дома. Возобновленная, таким образом, крестовая стала совсем другой, сделалась и обширной и благоукрашенной; так что в ней теперь собирается к богослужению множество народа, особенно, в праздники.

Независимо от сего, в то же время, продолжалась работа и во внутренности кафедрального Успенского собора. Не было ни одного чертежа, ни одного рисунка, никакой работы, которой предварительно не осмотрел бы сам преосвященный.

Огромное и величественное это здание, превышающее третьей долей большой Успенской собор, начато постройкой в 1684 году, при митрополите Рязанском Павле Моравском, и окончено вчерне при митрополите Авраамии, около 1690 г., а в 1692 году, в ночи на 17 число апреля, разрушилось почти до основания; почему в следующем 1693 году, постройка сего храма начата вновь, по уменьшенному размеру, и в окончание приведена к 1700 году, при митрополите Рязанском Стефане Яворском.

Спустя 96 лет, по причине оказавшихся трещин в сводах и колоннах, оные поддерживающих, от высшего начальства велено было сломать храм, так как на исправление его, по смете, нужно было употребить до 80 тысяч рубл. ассигн. Но неусыпной деятельностью и ревностным старанием бывшего в то время епархиального начальника архиепископа Симона печальная необходимость эта устранена. Незабвенный для

рязанцев архипастырь сей к пособиям, испрошенным у Государя Императора Павла I, присоединил свои, по возможности, епархиальные средства, но большее пособие обрел в именитых Рязанских гражданах – Гаврииле Васильевиче Рюмине и Петре Алексеевиче Мальшине, которые и по сие время достойно почитаются в народной памяти. – Основание храма почти все кругом было постепенно разобрано и вновь подведено искусством каменных дел мастера итальянца Ивана Францовича Руско, под неослабным надзором самого преосвященного, которого, по болезненному его состоянию, возили на особо устроенной тележке к самому основанию, для осмотра работ. Вместе с тем, колонны укреплены железом, исправлены лестницы и терраса кругом всего собора, а внутри стены расписаны священными изображениями. Освящение храма сего, возобновленного в основании и украшенного внутри и извне, суждено было совершить 15 августа 1804 года преемнику святителя Симона, Рязанскому архиепископу Амвросию.

С того времени, в продолжение полустолетия, храм, крепкий стенами, обветшал по виду снаружи и внутри, особенно в иконостасе. После окончания постройкой соборной колокольни, первым делом – заботливости преосвященного Гавриила было обновление храма снаружи, именно: устройство в нем новой железной кровли, покрытие масляной краской стен его, кровли и пяти глав, с положением на них бронзовых золоченых звезд, и позлащение крестов с яблоками на главах. Все это исправлено на пожертвования паствы. Деятельность его не остановилась, однако же, на наружной поправке: исправление коснулось и всех внутренностей собора. Стены от сводов до помоста, а также и четыре громадные колонны были обсечены по отвесу, потом притерты кирпичом, зашпатлеваны грунтом на масле, и, по очистке под гладь пемзой, два раза покрыты масляной, на белилах, краской. Кроме украшений в сводах и карнизах, священные изображения по стенам написаны превосходной кистью, в размере, соответствующем огромности самых стен. Пол весь вымощен вновь каменными плитами и лещедью, а чугунные плиты употреблены на

вымощение всей соборной террасы, которая, так же, как и лестницы к ней, частью возобновлена, а частью вновь переделана с каменными тумбами, в коих утверждены железные перила около террасы и лестниц. Пред иконостасом, во все протяжении его в широту, устроено возвышение о двух ступенях, с утверждением литой, изящно ошлифованной под бронзовый вид, чугунной решетки с яблоками и другими позолоченными украшениями. Иконы всех четырех поясов возобновлены, а самый иконостас, имеющий в высоте и широте 32 аршина, весь вызолочен червонным золотом на полименте. Все внутреннее обновление собора в полном составе стоило до 30 000 руб. сер., большей частью пожертвованных; деньги расходовались, с утверждения преосвященного, особо учрежденным строительным комитетом, состоявшим из кафедральных – протоиерея, ключаря и старосты соборного, губернского архитектора и депутатов со стороны дворянства и купечества. К довершению благолепия, незадолго пред освящением прислано великолепное, превосходной работы, высеребряное медное паникадило (хорос), стоящее 2 000 руб. с.

Храмоосвящение совершено было со всей торжественностью. Депутация от всего торгового сословия губернского города поднесла архипастырю икону св. Архангела Гавриила, украшенную сребропозлащенной ризой и с надписью внизу: *для постановления в Рязанском кафедральном соборе, благодарное общество города Рязани купцов и мещан попечительному архипастырю своему, архиепископу Гавриилу, в вечную память признательности своей к трудам о возобновлении и благолепном украшении того собора. Лета от Р. Х. 1857, августа в 15 день.*

Прошло два месяца после духовного празднества и торжественного изъявления преданной благодарности, и Рязань оглашена была неслыханной дерзостью полубезумного монаха... 22 октября 1857 года.

Преосвященный совершал литургию в Рязанском Явленском девичьем монастыре, по случаю празднества в оном чудотворной Казанской иконе Богоматери. По совершении оной,

в сопровождении сослужащих и клира, прибыл он в покои настоятельницы, где были г. начальник губернии, вице-губернатор, полицеймейстер и другие чиновники. По приглашению игумении, преосвященный, для отдохновения, сел на софу и начал беседовать с посетителями; вскоре затем подошел неизвестный человек и, испросив благословение, неожиданно ударил его ладонью по щеке, не сказав ни слова. Человек тот в то же время взят полицией. Это был иеродиакон Александро-Невской лавры Варлаам, прибывший в Рязань и живший здесь у родного брата его, диакона Спасо-Ярской церкви.

Получив письмо преосвященного Гавриила от 23 дня, преосвященный митрополит Филарет отвечал ему с глубоким сочувствием. Он писал:

«Искренно скорблю о нанесенном вам оскорблении. Происшествие так странно, что одним вероятным изъяснением одного представляется безумие Варлаама.

Но, как бы то ни было, невольное ли это, или произвольное безумие, – вас могла обеспокоить нечаянность приключения; но с окончанием одного, беспокойство ваше должно прекратиться.

Но рассуждению древнего философа, от осла не должно тревожиться.

Вы, конечно, слышали, что покойного митрополита Новгородского Серафима, однажды, при выходе его в передние комнаты, для выезда в Св. Синод, неизвестный человек, как оказалось, раскольник, ударил по голове так, что наклонил его к стене. Владыка перенес удар и остался в покое. Безумец был задержан; не знаю, как с ним поступлено; но то верно, что на оскорбленном не осталось никакой тени.

Прощая оскорбителя, вы исполнили то, что согласно с заповедью, вашим званием и саном. Ничего лучше нельзя было сделать. Господь, да сохраняет мир души вашей и здоровье ваше. Прошу молитв ваших о моей немощи и, с искренним почтением и любовью о Господе, пребываю и пр.».

Нимало не медля, от 31 октября, с сердечным сочувствием отвечал ему и С.-Петербургский первосвятитель, митрополит Григорий. «Все, писал он, очень сожалеем о нанесенном вам

несчастью. Оно очень подобно тому, какому подвергся покойный митрополит Серафим. Впрочем, вашему высокопреосвященству нет причины беспокоиться. Иеродиакон, конечно, сожнет, что посеял. Он взят в Невскую лавру покойным митрополитом (Никанором) из Московского Новоспасского монастыря, во время прошедшей коронации. Здесь вскоре был замечен в умопомешательстве и несколько времени содержался в доме лишенных ума, но оттуда отпущен, как утративший рассудок. Потом несколько времени жил в Лавре в здравом уме и, наконец, отпущен для молитвы пред святыми мощами и чудотворными иконами».

«Душевно скорблю о случившемся с вами», писал преосвященный Иосиф, архиепископ Воронежский. «Молил и молю Господа, да даст вам христианское благодушие перенести оскорбление. Что делать? Наша природа немощна. Ветхому нашему человеку огорчения тягостны. Но смиренным Господь дает благодать переносить оные с благопокорливостью непостижимым путям Промысла Божия. Чем больше здесь потерпим, тем больше Господь вознаградит в небесном Своем царствии.

Действовавший похож, действительно, на помешавшегося в уме. А это должно служить к успокоению совести.

Невещественные заушения бывают гораздо тяжелее видимых. А кто избежит их в жизни?

Чистая совесть более всего должна успокаивать нас при встречающихся неприятностях. С полной преданностью к вам, прошу вас успокоиться. Простить виновному вам естественно. Но оскорбление сана священного должно подлежать наказанию».

Преосвященный Варлаам, тогда епископ Пензенский, потом архиепископ Тобольский, так выражал свое суждение о сем пришествии: «если в какой-либо степени верна молва, у нас носящаяся, о неслыханном событии у вас: то я крайне скорблю и соболезную о благом страстотерпце. Кто и какой дерзкий человек нашелся для такого дела? Явно, разве, помешанный и дышавший какой-либо злобой. Праведный суд достойно воздаст

дерзкому, а потерпевший от такого лица еще более возвысится на свещнике Христовой Церкви».

И многие другие иерархи выразили свое соболезнование преосвященному Гавриилу.

Лучшим же выражением кроткой и благочестивой души святителя Гавриила может служить собственная его исповедь чувств своих, в письме от 28 ноября 1857 г. к первосвятителю Московскому митрополиту Филарету. «Верую», говорит он, между прочим: «что такое искушение послано мне к моему вразумлению, да внемлю себе и молю Господа, попустившего оное, да поможет мне уразуметь в нем благую о мне волю Его, – обратить оное в мое благо и памятовать всегда отеческую заповедь: какое бы ни постигло тебя искушение, не жалуйся ни на кого, кроме себя, и говори: так случилось сие по грехам моим»!

По указу Святейшего Синода и по распоряжению преосвященного Московского митрополита Филарета, следователем по сему делу назначен был о. архимандрит Иаков, настоятель Московского Данилова монастыря. Прожив по сему случаю некоторое время в Рязани, и он, при исследовании дела, изумлен был кротостью и смирением старца Божия.

Но не одни духовные лица, и из светских очень многие письменно выражали скорбь души своей от горячей любви к преосвященному Гавриилу.

При произведенном следственной комиссией дознании, иеродиакон Варлаам в показаниях своих утвердил, что он действительно ударил архиепископа по щеке, и причин к сему поступку не имел, но, что у него минутами бывает особое расположение ссориться и драться; причем комиссией замечено было, что преступник, во время деланных допросов, часто некстати улыбался и даже хохотал, обнаруживая как бы злорадство. В противоположность сему, достойны замечания младенческая кротость и ангельское смирение преосвященного Гавриила. Лица духовные и высшие чиновники, бывшие очевидными свидетелями события, рассказывали, что, «когда Варлаам неожиданно нанес удар благословлявшему его

святителю, архипастырь, упав на софу в наклонном положении, тихо и кротко сказал ему только: что ты? Бог с тобою! – а мы до того были поражены неожиданной такой дерзостью, что не верили глазам своим, и на полминуты оставались без движения в каком-то оцепенении».

Иеродиакона Варлаама оставили в Рязанской градской больнице на излечение, а по выздоровлении Варлаам был отправлен в Суздальский Спасо-Евфимиев монастырь.

Преосвященный Гавриил с того времени стал несколько задумчив и как будто робок. Видно было по всему, что моральное потрясение сильно подействовало на его здоровье, при строжайшем воздержании и возрасте 73-летней старости, и без того весьма слабое. Иногда он проговаривал высшим духовным властям о своем намерении удалиться на покой, но, постоянно упрашиваемый послужить, оставался как бы в нерешимости. Наконец, он отправил в Св. Синод прошение об увольнении на покой.

Св. Синод, указом от 5 июня 1858 г., разрешил преосвященному испрашиваемое им увольнение и пребывание и в Ольговом монастыре с управлением его, назначив ему с Высочайшего соизволения пенсионный оклад по 2 000 руб. сер. в год. Быстро разнеслась весть сия по Рязани; да и владыка не замедлил привести в исполнение полученное им разрешение. Отбытие свое он назначил 8 числа того же месяца июня. Это было в воскресный день.

Величественное солнце, многие дни сряду задернутое густыми облаками, ливнем наводнявшими землю, возшло прекрасно. Казалось, что дневное светило, сорвав с себя мрачное покрывало и как бы излив потоки слез, явилось во всей лепоте своей, чтобы взглянуть прощальными лучами своими на духовное светило, так ярко сиявшее на тверди Церкви Бога вышнего, а теперь сходявшее под горизонт смиренной келлии. Рано утром, не в час урочный, раздался на соборной башне звучный голос колокола. Одинокие звуки его уныло дрожали в воздухе и разносились тоской над Рязанью (в прочих городских церквях отпета ранняя обедня). Жители всякого звания, возраста и пола, и в экипажах, и пешком, двинулись густой,

пестрой вереницей в соборную церковь в честь Успения Божией Матери, торопясь занять в ней более удобное место. И несколько минут под сводом колоссального храма собралось такое множество народа, что на помосте его не осталось даже пяди порожней. Православный люд слился в плотную, непроницаемую массу. Самые террасы, облегающий собор, были, как говорится, битком набиты. Но эта масса держала себя чинно и благообразно: какой-то дивный Ангел тишины парил над нею; какая-то глубокая, задушевная дума вязала уста молчанием. Взоры всех и каждого были обращены на северные двери храма.

И вот, на галерее, ведущей из архиерейских палат в кафедральный собор, вдоль которой по обе стороны стояли скромные питомцы духовной семинарии, хор певчих внезапно огласил слух пением священного гимна: *«Днесь благодать Святого Духа нас собора»*, и проч.

Шествие было медленное, степенное, соответствующее скорбному настроению духа. Лицо владыки, всегда светлое и спокойное, в это время осенено было тихой, но глубокой задумчивостью.

Началась литургия. Шестнадцать священнослужителей, большей частью, почетных по своим заслугам и украшенных сединами, предстояли, во время сего священного действия, пред престолом, на котором приносился в жертву Агнец Божий, вземлющий грехи мира.

Поразительно-трогательна была и та минута, когда святитель с крестом в шуйце, с светильниками в деснице, возведши очи и воздевши руки горé, призывал и умолял Господа призреть с небес, посетить и утвердить виноград, насажденный десницей Божией, а им столько лет возделанный, теперь же им оставляемый навсегда. Голос молящегося маститого старца дрожал от переполненной молитвенным чувством души; дивный, небесный жар сиял в светлых очах его; теплые слезы висели на ресницах; на бледных ланитах проступил легкий румянец – выражение сердца, горевшего пламенной молитвой к Богу о счастье и спасении любимой им паствы. Прекрасен был святитель Божий в сию минуту, как

прекрасен Ангел его, предстоящий пред Богом. Он был весь – молитва. Пение во время литургии было как-то уныло-торжественно; в нем слышен был и вопль души, которая о чем-то, тоскует, о чем-то жалеет, с чем не хотелось бы ей расстаться, и голос сердца, с безграничной покорностью и непоколебимым основанием вверяющего себя и все ему любезное мира вседержавному Промыслу, без воли Коего и волос с головы нашей не падает, и в сем отрадном уповании обретающего вожделенное утешение и невозмутимое успокоение свое.

После литургии совершено было благодарственное, Господу Богу, молебствие, провозглашено многолетие Государю Императору, всему царствующему Дому, св. правительствующему Синоду, архипастырю и всей богохранимой его пастве.

Осенив животворящим крестом предстоящих, святитель, сложив с себя облачение в алтаре, вышел оттуда в мантии и, приняв посох, стал на амвоне. Воцарилась невыразимо безмолвная тишина; казалось, дыхание окаменело: все превратились в слух и внимание к ожидаемому последнему слову архипастыря. Трогательную беседу свою архипастырь начал словами Псалмопевца: *«Помыслих дни первыя, и лета вечныя помянух, и поучахся (Пс.76:6)»*.

Раскрыв сначала побуждения, которые заставили его признать за благо для себя и для паствы возратить пастырский жезл Богу и посвятить остаток дней попечению о едином на потребу, потом, выразив признательность сперва священнослужителям, которые, «и словом, и делом, назидая и утверждая пасомых в вере и благочестии, споспешествовали тем ему, немощному, в исполнении обязанностей его, и, бодрствуя неусыпно на страже дома Божия, облегчали тем его заботы и попечения о нем», – а потом и всем прочим сословиям богохранимой его паствы за их усердие, с каким созидали, обновляли и украшали храмы Божии, особенно сей первопрестольный храм, своим достоянием, за их верность к Помазаннику Божию, мирные отношения к служителям Церкви, за их милосердие к сирым и бедным, даровавшее ему средство

учредить для призрения и воспитания их новое заведение, за постоянство к православной отеческой вере, архипастырь воскликнул: *«О, забвена буди десница моя, аще забуду тебе, Иерусалиме – возлюбленная паства моя рязанская. Ты, может быть, принесешь мне и в пришествие Иисуса Христа радость и венец похваления».*

Обращаясь к своему служению, архипастырь свидетельствовался Богом-Сердцеведцем о сердечном желании своем спасения душ паствы; но, проникнутый мыслью о великой важности и трудности пастырских обязанностей, он не дерзает похвалиться, что исполнил оные, как прилично пастырю добродетели, верному рабу Христову. «Могу ли сказать о себе», говорил он: «что я взыскал погибшее, обрел заблудшее, обязал сокрушенное и укрепил немощное? Может быть, напротив того, от моей невнимательности невинные подверглись осуждению и наказанию, может быть, страждущие искали во мне помощи и утешения, и отходили от меня безотрадными; может быть, другие желали видеть во мне милующего отца, и находили судию обличающего и наказующего.

«Сознавая все сие в совести моей и прощаясь с вами, молю вас всемирно, братие и чада мои о Господе, простить мне немощному, бывшему вашему пастырю, все мои согрешения и слабости, которыми или кого обидел, или оскорбил и преогорчил». С сими словами смиренный архипастырь зарыдал и поклонился пастве до земли, и паства, потрясенная до глубины сердца словом и смирением архипастыря, зарыдала, и мгновенно, по какому-то тайному движению, поверглась долу. Слезы лились потоками; даже дети плакали. – Так могущественно духовное сочувствие.

«Молю вас», продолжал он, едва выговаривая слова: «не только простить мне немощи мои, но и вспоминать о моем недостойнстве в молитвах ваших, и напутствовать меня вашей, о Христе, любовью и благословениями. А и я, в уединении моем, не престану приносить недостойные молитвы мои, чтобы среди вас процветало царствие Божие – правда, мир и радость о Дусе Святе – и призывать на любезную мне паству сию благословения небесные. Благодать Господа нашего

Иисуса Христа с вами и любовь моя со всеми вами о Христе Иисусе»! Тут архипастырь снова поклонился предстоящим. После сего преподнесена была архипастырю икона Успения Божией Матери, списанная с чудотворной иконы Киевской, которую передал он градскому голове, в благословение рязанскому градскому благочестивому обществу.

На прощальное слово владыки кафедральный протоиерей и инспектор семинарии, о. Ильдомский отвечал от лица всей паствы краткой, но сильной речью. По окончании речи, протоиерей Ильдомский поднес святителю от лица городского духовенства икону Спасителя в сребропозлащенной ризе, говоря: «Прими, благий архипастырь наш, икону Спасителя, и моли Его не оставить нас Своею милостию».

Сотворив земные поклоны пред святыней и приложившись к ней, архипастырь обратился к протоиерею Ильдомскому, и сказал: «Отец протоиерей! возьми жезл сей, который вручил мне Господь Бог, и передай моему преемнику»! Какое величие христианского смирения! Какая высота в самоумалении! Какая близость к Тому, Кто взирает токмо на кротких и смиренных сердцем! – Дело самоумаления совершилось!

Хор певчих тихо запел прощальную песнь св. Богоприимца: «Ныне отпускаеши раба Твоего, Владыко, по глаголу Твоему, с миром». Невозможно описать, с какими скорбными чувствами, с какими искренними благословениями плачущая и рыдающая паства отпускала любимого и уважаемого своего архипастыря! Простившись с духовенством во храме и помолившись св. иконам, архипастырь оставил любезную ему святыню.

При выходе из храма градский голова с именитыми гражданами поднес ему хлеб-соль. Внезапно все пришло в изумительное, неописанное движение: в поднебесье загудело море колокольного звона; на земле толпа народа, как горный поток, прорвавший оплот, с шумом устремилась за святителем с возвышенной террасы вниз по ступеням лестницы, на значительном протяжении. Один другого отгонял, один другого усиливался опередить, чтобы принять последнее благословение благоговейно чтимого святителя. Изнуренный от сильных сердечных потрясений, теснимый теснившимися толпами,

дошедши до так называемого Глебовского моста, владыка не мог далее идти и сел в карету. Карета двигалась медленно, за нею тянулись экипажи в несколько рядов. Площадь и улица залиты были народом. На тротуарах, у окон, на балконах, на кровлях домов – стояли и дети, и старцы, и богатые, и бедные, и простолюдины, и чиновники, – все почтительно кланялись архипастырю, осенявшему всех благословением своим. У Астраханской заставы экипаж остановился. Здесь ожидали святителя начальник губернии и градский голова. Простившись с ними и благословив всех, здесь стоявших, святитель, обратив прощальный взор на Рязань, выехал за заставу по Касимовской дороге – в тихую, любезную свою пустыньку Ольговскую, в два часа пополудни.

«Вот, уже и нет его, кроткого, мудрого, милосердного и боголюбивого архипастыря – отца нашего, оставил нас сиротами», говорили между собою печальные рязанцы, расходясь по домам своим.

Разлучился архипастырь с Рязанью, но жители ее, как и вся паства, духом не разлучались с ним, – любовь влекла их и в место тихого уединения его. Скромная обитель посещаемая была каждодневно гражданами рязанскими, а особенно, в воскресные и праздничные дни, во все почти 4-летнее пребывание его в Ольгове. Не говоря уже о соседних по жительству лицах дворянского сословия, многие из лиц духовного звания, особенно протоиереи и благочинные, приезжавшие в Рязань по делам своим, поставляли непременно долг нарочно побывать в Ольгове – посетить старца-архипастыря в смиренной его келлии и принять от него благословение. Всех принимал он радушно и с тою же, если не большей, любовью, принимал не как архиерей, а как собрат, как равный сослужитель, как друг. Многие, чтобы не беспокоить своим посещением маститого и болезненного старца Божия, сознавая себя слишком умаленными пред высоким саном его, но горя любовью к нему, довольствовались и тем, чтобы по окончании богослужения, при выходе из храма Божия, видеть только ангельское лицо его и принять от него благословение. Земными поклонами ему, горящими глазами, усугубленным лобзанием

благословляющей десницы его невольно выражалась вся преданная любовь, восторженная радость простых людей, радость о том, что его видели. Это так трогало чувствительное и благочестивое сердце архипастыря, что он едва сдерживал слезы, и на эти искренние знаки любви к нему отвечал дрожащим голосом и немногими словами: «Господь да благословит вас, Господь да упасет вас, чада моя возлюбленная!»

Были к нему и письменные послания от Рязанских жителей, выражавшие всю полноту преданных ему чувств.

Между прочими посетителями преосвященного Гавриила в Ольговской обители, был и преемник его, преосвященный архиепископ Смарагд. С любовью и глубочайшей благопочтительностью встретил его преосвященный Гавриил, и притом, кажется, в первый раз в своей жизни. Келейные преосвященного Гавриила рассказывали, что покойный встретил преосвященного архиепископа Смарагда среди своей залы в коленопреклоненном положении, и, конечно, смутил владыку, коего доброе и чувствительное сердце равняется его высокому уму и просвещению. Владыка поспешил своими объятиями поднять преклоненного старца. Если это справедливо, то умиленное зрелище сие достойно художественной кисти: здесь глубочайшее смирение одного иерарха не унизилось, и братская любовь другого не оскорбилась! Оба святителя с братскою любовью открыли друг другу объятия. Вскоре после того, отшельник-иерарх прибыл в Рязань отблагодарить преосвященного Смарагда за посещение, и потом, прямо от него возвратился в Ольговскую свою обитель.

В следующем 1859 году, в июле месяце, он, предварительно приглашенный, снова приезжал в Рязань на годичный экзамен любимых им сироток-девиц духовного звания. А в третий, и последний, раз видела его Рязань в августе следующего 1861 года. Как бы предчувствуя, что прежний кафедральный сей город посещает в последний раз, старец-иерарх был теперь не у одного Рязанского владыки, но от него отправился в подгородный Троицкий монастырь, где некогда сам настоятельствовал, и где на другой день, отслушав утреню

и литургию, простился с настоятелем, а потом по пути заехал к приходскому священнику Симеоновской церкви, с которым отправился к некоторым его прихожанам, к настоятельнице девичьего монастыря И. Е., – к людям особенно ему преданным, которые, быв предварены о посещении его, как бы предчувствовали последнее с ним свидание, и встречали его как ангела Божия, в безмолвии, со слезами и с коленопреклонением. Смущенный архипастырь, со слезами, едва мог выговорить: «что вы со мною делаете?» В соборе монастырского храма его ожидали уже все инокини и послушницы пред чудотворной Казанской иконой Богоматери, поставленной среди церкви на аналое, у которого предстоял священник в облачении. При вступлении его в храм, клирошанки запели тропарь: *Заступница усердная...* – старец-святитель троекратно поклонился до земли и, приложившись к иконе, благословил всех до единой. Потом, исшедши из церкви, просил иерея совершить литию на гробе игумении Елисаветы, прежде бывшей настоятельницы, старицы, боголюбивой боярыни М. С. С-ной и одного заслуженного чиновника Н. В. В-кого, сверстника своего по воспитанию, любимого им за благочестивую жизнь. В заключение осмотрев все приделы храма и новообделанный корпус монастырской больницы, преосвященный возвратился в келлию игумении, где клирошанки, так же, как бы предчувствуя последнее лицезрение его, пропели: «Ныне отпускаеши». По окончании сей песни, старец всех благословил и отправился в уединенную свою обитель.

Некоторые черты внутренней и внешней жизни сего святителя в уединении не ускользнули от внимания сожителемствовавших с ним. Первой заботой его было – приобретение колокола для обители, в которой самый большой едва ли имел 30 пудов, и первым знаком любви к нему жителей Рязанских, в его отсутствие, были усердные их приношения, на которые в том же году приобретен колокол весом около 120 пудов, тогда как преосвященный рассчитывал на приобретение только 60-ти пудового. Кроме того, любившие и посещавшие его лица стали приносить в дар обители разные ценные церковные

утвари, как жертву любви, как знаки постоянной преданности его особе; так что пустынная обитель, прежде изредка кое-кем посещаемая, теперь стала процветать, будто крин сельный, и нашла нужным устроить для посетителей другую гостиницу. Кроме немаловажных улучшений в этой обители, нельзя не упомянуть, что почетный потомственный гражданин Д. И. Х-в, по уважению и любви к преосвященному, заметив заботливое его желание устроить колокольню, тотчас предложил начальнику монастыря составить план и, по утверждению его начальством, выдал полную сумму на постройку. Закладка этой колокольни с молитвословием, к радости преосвященного, совершена еще при его жизни, и окончена постройкой вслед за его смертью. Личную же свою благотворительность обители преосвященный оказал тем, что для содержания себя не только ничего не заимствовал из ее доходов, но еще ежегодно выдавал от себя по 100 р. сер. на улучшение братской трапезы, и по стольку же в раздел братии, за служение ранних литургий по усопшим его родителям и сродникам, по которым в субботы иногда выходил служить панихиду.

Благотворительность его простиралась на всех. Мы уже сказали, что в капитал училища для девиц духовного звания внес он 1000 р. сер. Подобными вкладами облагодетельствованы – и Рязанская семинария (1000 р. сер.), и священно-церковно-служители кафедрального собора (660 р. сер.), и священно-церковно-служители церкви села Городкович (1600 р. сер.), и причт села Селезнева (600 р. сер.), а в церковь этого села пожертвованы им сребропозлащенные – потир с прибором, весу 3 фун. 70 зол., и осьмиконечный напрестольный крест, весу 73 зол. Многие бедные отставные чиновники приходили к нему из Рязани, и он, выслушивая их нужды, никогда не отказывал им в пособии, какое было прилично его сану и не низко для благородного бедняка. Толпа бедных крестьянок, хилых, бесприютных старух, вдов с детьми и малолетних сироток ближнего села Льгова, государственных крестьян окружала вход в келлию преосвященного, и келейный послушник в воскресные и праздничные дни оделял каждого 5-копеечной монетой, а в будни – 3-копеечной, для чего, при

выдаче пенсионного оклада, нарочно получаемы были из казначейства мелкие деньги. Провидение Божие так устроило, что в первые месяцы уединения, преосвященному вышла черда получать командирские деньги, по 500 р. на орден Св. Александра Невского, так что с пенсионом своим он получал в год всего 2500 р., что и послужило важным пособием не только к щедродательной благотворительности неимущим, но и к предположенному построению каменного храма на гробе родителей его, в селе Городковичах; ибо, по скромной жизни своей, он издерживал не более 500 р., собственно, на себя и жалованье своим келейным. Любимым его занятием было садоводство; сам он очищал деревья, прививал их, окапывал; прочищал дорожки и взрывал грядки, сколько дозволяли ему силы.

Преосвященный любил труды; сам, тайно по ночам, носил в свою келлию дрова, а днем, летней порой, нередко с ведром в руках спускался под гору и приносил к себе в келлию речную воду. Между тем, в часы досуга от молитвенных и телесных трудов, не оставлял он и умственных занятий. Кроме постоянной братской переписки со многими святителями и другими знатными особами, которые всегда везде любезно памятовали о нем, он пересмотрел и исправил 46 поучений и 4 речи, сказанные им в разное время и в разных местах, соединил их в один том, и в 1860 году напечатал в Москве.

При таких трудах, при такой строго-подвижнической и постной жизни, и при глубокой старости, болезнь в желудке и груди, которую преосвященный издавна чувствовал, видимо разрушала его. Предчувствуя близость своей кончины, он поручил начальнику монастыря заказать себе келлию близ опочивальни. Вскоре после того, назначив место погребения себя, приказал он рабочим разобрать пол церкви, вырыть могилу и выложить кирпичом для свода. Во время этой работы, преосвященный пришел осмотреть вырытое и почти приготовленное место своего покоеща и, долго постояв в задумчивости, сказал работникам: «Вы видели, православные, какую честь отдают архиерею даже и во храме Божием? И вот чем оканчивается (указав на могилу) всякая почестъ земная!

Помните, любезные мои, что за гробом, там (указав на небо), встречены будут с почестью одни только добрые дела наши, и уж никогда не будут зарыты в землю». Растроганный сим словом, старец отошел от них со слезами. – Равным образом, к погребению своему приготовил он и все принадлежности архиерейского облачения, из шелковой материи темно-коричневого цвета, также крест и евангелие, митру и панагию, в которых и был положен.

С осени 1861 года болезнь его усилилась до того, что он с трудом мог выходить на свежий воздух, а с начала 1862 года и совсем повергла его на одр. В то же время, в этой обители тяжелой болезнью страдал и другой, подобный ему, старец, духовник его, некогда соученик по семинарии – игумен Серапион, недавно принявший схиму. С трудом, при помощи келейных, посетив болящего, чтобы проститься с ним, святитель смиренно принял от него благословение, как духовный его сын, и, отходя от него, сказал ему такие замечательные слова: «ни тебе воды, ни мне овса»! Последствие разъяснило сказанное: игумен скончался на 1-й неделе Великого поста, не видев полой воды, а преосвященный в Великую субботу (17 апреля), не видев первой зелени полей.

В день ангела своего, 26 марта, отправив келейного своего в Рязань, приказал он ему просить к себе, может быть, на последнее прощание Троицкого монастыря архимандрита о. А. и одного из душеприказчиков своих – священника С. Р., сказав, что он примет их в постели, а прочим посетителям, если какие-нибудь будут, всем, вообще, велел отказывать, по причине крайнего изнеможения. От часу более и более слабея, в неделю Ваий исповедался и причастился Св. Таин, и вслед за тем принял елеосвящение, а в Великий Четверток еще принял таинство евхаристии, на одре, с возложением на себя одной епитрахили. С сего времени келейные, по очереди, непрерывно читали у одра его, пред иконой, то акафист Иисусу Сладчайшему, то канон на исход души, то поклонение страстям Господним, сочиненное св. Димитрием, митрополитом Ростовским. С полночи Великой Субботы голос преосвященного совершенно упал, дыхание было тихое и почти не приметное, –

одно только движение руки его, простиравшейся к сосуду с мелким льдом, для утоления внутреннего жара, свидетельствовало о жизни его. Наконец, после благовеста к заутрене, преосвященный, поманиванием руки призывая к себе келейного, несколько раз шепотом спрашивал, скоро ли начнут петь погребение Спасителю? И при пении еще первой статьи второго стиха: *Животе, како умираеши*, – незаметно, тихо отошел в вечность, – мирно почил, как объятый внезапным глубоким сном, 17-го апреля 1862 г.

В тот же день Великой Субботы, далеко до полудня, быстро разнеслась весть о смерти святителя по Рязани, и на проскомидии храмы Божии впервые огласились устами иереев: *«о блаженном упокоении помяни, Господи, во царствии Твоем новопреставленного архиепископа Гавриила»!*

По распоряжению преосвященного архиепископа Смарагда погребение назначено было в пятницу Светлой недели. Накануне сего дня, к вечеру, несмотря на трудность пути во время только начинающегося весеннего времени, весьма многие прибыли из Рязани в Ольгов, и, так как в двух монастырских гостиницах не доставало помещения, должны были ночевать, большей частью, в соседнем ближайшем селении Льгове. На другой день, в пятницу Светлой недели, в 9 часов утра прибыл из Рязани преосвященный Смарагд прямо в монастырский древнейший храм Успения Богоматери, где стоял гроб усопшего святителя. По облачении усопшего, началась панихида; затем гроб, осеняемый рипидами, в преднесении хоругвей, запрестольного креста, евангелия, иконы св. Воскресения и иконы келейной, нанесен был руками священническими и поставлен в новом монастырском Троицком соборе, где в то же время началась божественная литургия, а за литургией следовало и погребение. Пред последним целованием, сам преосвященный Смарагд произнес надгробное слово, исполненное теплотой чувства и уважения к усопшему. Сказав вкратце о высоких качествах сердца, о пастырских доблестях и о подвижнической жизни покойного, он присовокупил: *«Каков был в жизни, таков и в смерти: самый гроб его благоухает святостью жизни»!* И действительно: в течение 7 дней – хотя бы малейший был запах

смертный, хотя бы какое изменение в лице, или какое-либо свинцовое пятно тления! – По совершении погребения, гроб, руками священников, обнесен был вокруг престола, и потом кругом всей церкви, и обратно внесен в оную, к южной ее стороне, и поставлен у могилы. В сие время протодиакон, став на амвон, велегласно прочитал заветное слово преставльшегося. С пением стихир Пасхи, руками священническими гроб опущен в могилу, при умиленных слезах предстоящих²¹.

Маврикия, игуменья Горицкого монастыря, в схиме Мария

(Память 18 июля).

В день св. Пасхи, 8 апреля 1778 года, при звоне колоколов, возвещавших радость Воскресения Христа Спасителя, у небогатого, но набожного и добродушного помещика Белозерского уезда, Матвея Ивановича Ходнева, родилась дочь Мария. Когда девочка стала приходить в возраст, родители утешались добрыми ее свойствами: кротостью, смирением, безответным послушанием. Она на восьмом году выучилась церковной грамоте, любила читать Четий-Минею святителя Димитрия и Псалтирь, много псалмов знала наизусть. Но при попытках к мирскому образованию встретились неодолимые препятствия: малютке Марии не только не давался французский язык, но и русской грамоте по так называемой гражданской печати она едва-едва могла научиться. Девочка охотно ходила в церковь, молилась усердно, и без рассеяния (что так редко в детском возрасте), строго соблюдала посты, по примеру родителей, и любила помогать нуждающимся; даже лакомство, какое ей давали, раздавала бедным детям в деревне. Никто не слышал от нее праздного слова; никогда не занималась она детскими играми, разве только для забавы сестры своей, которая была старше ее двумя годами.

Так протекли первые годы жизни Марии в уединенном селении родителей ее, вдали от шума и соблазна мирского!

В 18-летнем возрасте было послано чистой душе, уготовляемой на служение Богу, первое испытание. Мария лишилась отца, которого горячо любила, и мать ее, спустя год, вступила во второй брак. Нарушен был прежний порядок жизни; отчим был человек вспыльчивый, суровый и самовластный. Непривыкший к воздержанию, он требовал, чтобы и все семейство питалось скоромной пищей во все посты. Юная Мария не могла выносить такого нарушения уставов св. Церкви; она испросила у матери дозволение жить отдельно. Для благочестивой девицы началась новая, самостоятельная жизнь.

Мария веселилась душой, живя в крестьянской избе; все время ее было посвящено молитве, богомыслию и трудам. Заметив, что крестьянские женщины, когда уходят на работу в летнее время, оставляют детей без присмотра, барышня-труженица стала собирать ребят к себе и надзирать за ними, в отсутствие матерей; сама, бывало, приготовит теплой воды, вымоет их, вычешет, накормит, переменит белье, ею же самую вымытое. Это она делала в простоте души, из сострадания и любви к ближним. Ко всем была ласкова, всем готова помочь, словом и делом, для всех готова служить, а, если кто чем послужил ей, отслуживала вдвое. Так заблаговременно готовила себя Мария к подвигам, чувствуя влечение к иноческой жизни. Ей хотелось вступить в Нижегородский Крестовоздвиженский монастырь, где заводилось тогда общежитие. Там надеялась она трудиться не по своей воле, не для себя самой, а по долгу послушания, для общей пользы. Но мать не согласилась отпустить ее в дальнюю сторону, и дочь, всегда покорная воле родительской, поступила в 1801 году, в соседний Горицкий монастырь.

Воскресенский Горицкий монастырь, один из древнейших женских монастырей в Белозерском крае, во время поступления Марии Ходневой, был штатным, подобно большинству наших женских обителей. Каждая сестра (их было до 70) жила в своей келлии, кормилась своими трудами, имела свою пищу и одежду. Соборный храм, сооруженный в 1544 году иждивением княгини Старицкой Евфросинии, с четырьмя приделами и тесовой крышей, требовал значительных переделок, а в ветхой зимней церкви почти невозможно было совершать богослужение.

Первым послушанием Марии в иноческой жизни – была должность свещницы, причем, она должна была убирать и мести церковь, что возлагало на нее долг присутствовать при каждом богослужении. Но, приучив себя заранее к непрестанному труду, она находила время и работать для себя, и служить другим. Живя в келлии, построенной для нее по распоряжению матери, Мария, после утрени, (начинавшейся в 2 ч. утра) и ранней обедни, занималась приготовлением пищи из припасов, которые ей присылала мать. Большую часть изготовленного кушанья она тайно разносила по кельям в

ночное время для бедных сестер и клала на окнах или при дверях. Эти сестры долго не могли догадаться, от кого приходит им подаяние, пока случай не открыл личность благодетельницы. Для себя самой Мария старалась тратить как можно менее; она сама ходила за своей коровой и не гнушалась никакой черной работой. Настоятельница монастыря, престарелая игуменья Маргарита, полюбила молодую послушницу за кротость, послушание и заботливость о своем спасении; она предложила ей принять рясофор, а в 1806 году Мария пострижена в мантию с именем Маврикии. Затем она проходила разные послушания и, наконец, была казначеей.

Пребывание в Горицкой обители нравилось Маврикии; одно только было ей не по сердцу, – отсутствие общежития. Всякий раз, когда при чтении псалтири, доходила она до слов: *«се что добро, или что красно, но еже жити братии вкупе»*, глаза ее наполнялись слезами. – «Вот, вкупе нужно нам жить, в полном согласии, как сестрам родным о Господе (говорила она своим приближенным). А что теперь у нас: вот одна сестра живет во всяком изобилии, с рабынями и прислужницами, в больших келлиях, другая в хижине неусыпно работает, чтобы кусок хлеба себе достать. А иная в старости и немощи питается подаянием – или от своих, или от чужих. Как тут не быть зависти, злоречию, вражде и всякому искушению от врага?»

В то время Горицкий монастырь находился под руководством архимандрита Феофана. Зимой 1809 года игуменья Маргарита скончалась. Предав земле тело старицы, о. Феофан собрал всех сестер обители и стал спрашивать, кого желают избрать в настоятельницы? Все единодушно объявили, что желают монахиню Маврикию Ходневу. Как бы громом поразило это избрание смиренную инокиню: она не верила ушам своим, залилась слезами, пала в ноги о. Феофану и говорила: «умоляю вас, батюшка, избавьте меня! Они сами не знают, кого избирают! Я неученая и притом же молода в монашестве. Моего ли разума такое послушание»? Также и перед сестрами стояла она на коленях, умоляя со слезами – не возлагать на нее настоятельства. «Вы ошибаетесь во мне, недостойной, повторяла она, – мое дело – повиноваться, а

начальствовать не умею. Куда мне повелевать другими: я сама всех хуже и недостойнее»! Но единодушный выбор настоятельницы был очевидным проявлением воли Божией, и епархиальное начальство утвердило его. Маврикия посвящена в сан игуменьи в Новгороде преосв. Иоасафом, епископом Старорусским, 11 июля 1810 года, на 33-м году от рождения.

Приняв в управление обитель, Маврикия поспешила в Новоезерский монастырь, поклониться нетленным мощам преп. Кирилла и принять благословение своего богомудрого наставника. С полной искренностью призналась она отцу Феофану, что не умеет даже подписывать своего имени. Старец взял лист бумаги и написал «игуменья Маврикия». Вот так и подписывайте, сказал он ей. И что же. С того дня Маврикия, никогда не державшая пера в руках, стала писать имя свое четко и правильно, по образцу, данному старцем. Поразительный опыт силы послушания! При том же свидании Маврикия открыла старцу свое заветное желание – учредить общежитие на Горицах. Сердечно сочувствовал он доброму намерению, тем более, что и сам ввел строгий устав и полную нестяжательность в Новоезерском монастыре. Впрочем, счел за нужное предложить вопрос: «в обители вовсе нет доходов: чем же будете поддерживать общежитие, на что надеетесь?» – Вся моя надежда на Господа Бога, отвечала игуменья, за ваши молитвы Господь нам пошлет» – «Если имеете надежду на Господа, то Он благословит и поможет; у Него неисчерпаемый источник милостей».

С твердой верой и несомненной надеждой на Бога принялась Маврикия за дело, по-видимому, несбыточное, особенно при жалком положении монастыря, или, лучше сказать, при совершенном его упадке. Казалось, можно ли было думать о новых значительных расходах в то время, когда нечем было поправить разрушающуюся ограду, во многих местах замененную деревянным тыном, когда ветхие келлии с черными печами и деревянными трубами стояли без полов и без потолков, когда даже в соборную церковь через сгнившую тесовую кровлю струился дождь, так что своды промокли и стены отсырели? Но Маврикия знала, что внутреннее выше

внешнего, что порядок жизни, сообразный с обетами иночества, важнее всего земного и житейского; она твердо решилась искать, «прежде всего царствия Божия и правды Его», твердо веруя, что все «прочее приложится» ей (Мф.6:33).

Немало было препятствий и искушений при начале доброго дела. Мысль о заведении общежития не понравилась многим монахиням и послушницам, привыкшим жить, хотя и не в довольстве, но по своему вкусу и обычаю. Некоторые громко роптали; другие решились выйти из монастыря, так что на Горицах осталось не более 40 сестер, в том числе, немало бедных, престарелых и беспомощных. При учреждении общей трапезы игуменья подала первый пример: отдала свою корову и припасы, какие у нее были.

Оставшиеся сестры с усердием предложили общежитию, что у них найдется. Они повели матушку игуменью Маврикию в кладовую под церковь; там увидела она гробы, приготовленные заблаговременно сестрами каждой для себя. В этих посмертных домовищах наделаны были поперечные перегородки, а между ними насыпана мука, крупа, горох. Все найденное соединено было в общий запас, и в светлый праздник св. Пасхи 21 апреля 1812 года открыта в первый раз общая трапеза. «Какая была у нас тогда радость (говорила после игуменья Маврикия), я и высказать не могу. Все мы от радости не могли слез удерживать. Сестры благодарили меня и уверяли, что никогда так сладко не кушали, хотя стол был самый простой. Точно все мы тогда были не на земле, а на небе. С того радостного праздника начали мы жить в полном единодушии, общим житием, по милости и благодати Божией к нам, грешным». Когда от трапезы оставались куски хлеба, игуменья сама сушила их и по временам поставляла на общий стол, обварив горячим молоком; всякая пища вкушалась в сладость с благодарением.

Скорби и лишения войны 1812–1815 годов привели многих в недра св. обителей иноческих. Вдова убиенного на брани генерала Готовцева (Александра Сергеевна, в монашестве Феофания), женщина с высоким образованием ума и сердца, и

сестра ее, девица Щулепникова (монахиня Маврикия) посвятили себя на служение Богу и ближним.

Много и других любительниц труда и безмолвия из всех сословий искали спасения в Горицах, так что число сестер достигло 400, и на всех доставало полного содержания в общежитии! Все они пользовались духовным руководством опытного и любвеобильного старца о. Феофана, который приезжал в Горицы по несколько раз в год; каждое посещение его было истинным праздником для обители и оставляло по себе глубокое впечатление. С отеческой откровенностью и любовью он давал игуменье советы в нужных случаях и делах, и делал замечания о том, что находил требующим исправления.

Ему она была обязана подкреплением в те трудные времена, когда в сознании собственной немощи и великой важности обязанностей, на ней лежащих, она решилась оставить трудную должность управления монастырем: своим словом, исполненным сердечного убеждения и простоты, о. Феофан умел внушить ей упование на высшую помощь и каждый раз отклонять ее намерение. «Я неспособна ввести порядок в обители, жаловалась она при одном свидании с о. Феофаном, я не в силах управлять и руководить подчиненными». – «Ты худа», отвечал старец, «другие найдутся угодные Богу и за тебя просить Его будут. За тебя все молятся; твои недостатки восполняются молитвами сестер. Вы сами собой ничего не можете сделать: все устрояет Бог; на Него и возлагайте всю надежду, не отчаивайтесь, не унывайте; просите Его: Ты просвети, Ты вразуми, Ты наставь! Ваше одно слово будет пользоваться». – «Но я не учена, не разумею, что говорить». – «Можно и в молчании, ничего не говоря, поучать. Вот, в Саровской пустыни отец Ефрем был человек самый простой, ничего не говорил в назидание, а как устроил обитель! Из Москвы приезжали смотреть Ефрема!»

По мере возрастания духовной жизни в Горицах, возрастало и внешнее благосостояние обители. Исправлен и покрыт железом древний Воскресенский собор; к нему пристроена обширная паперть с ризницей. За алтарем его, над могилой двух утопленных княгинь-инокинь, сооружен великолепный

собор, во славу Пресв. Троицы. На месте прежней теплой церкви воздвигнут прекрасный храм в честь чудотворной иконы Богородицы, именуемой Смоленской. Оба эти храма украсили превосходной стенописью даровитые художницы, инокини Горицкие. Много других зданий возникло постепенно, одно за другим: прочная каменная ограда, длинные корпуса келлий для сестер, просторная трапезная палата, несколько мастерских палат, где сестры занимаются иконописью и разными рукоделиями, хлебня, поварня с чистой водой, проведенной из кладезя, странноприимница, куда допускаются все без изъятия лица, посещающие монастырь, и всем предлагалось чистое помещение, постели, пища и питье. Наконец, сердобольная и ко всем сострадательная игуменья Маврикия нашла возможность соорудить больницу, с церковью внутри, для бесплатного успокоения и врачевания больных женского пола.

Откуда взялись средства для всех этих учреждений? Един Господь ведает! Господь, на Которого твердо уповала Маврикия, не посрамил ее упования. Вдовы и девицы из богатых дворянских и купеческих семейств, поступая в Горицкий монастырь, жертвовали любимому общежитию своим достоянием. Бывали неожиданные приношения и от посторонних лиц. Неутомимые труды сестер, производимые в строгом порядке, доставляли немалый доход. Сверх того, от Императора Александра I обитель получила земли по берегу Шексны, мельницу и право рыбной ловли.

Маврикия трудилась для всех, всем служила, чем могла, в продолжение долголетней жизни, до глубокой старости, не искала земной славы и земных наград. Но и слава, и награды сами нашли старицу в пустынной ее обители. Имя Маврикии пользовалось беспредельным уважением даже в дальних женских монастырях, где еще при жизни ее были призваны к настоятельству многие ее ученицы. Заслуги старицы были достойно ценимы епархиальным начальством и св. Синодом. Цари и царицы русские знали и уважали Горицкую игуменью. А она, приснопамятная подвижница, до конца жизни оставалась той же смиренной и простодушной инокиней, как и при начале монашеской жизни!

Пятьдесят лет управляла Маврикия Горицкой обителью. Постоянные труды истощили силы ее, она чувствовала недуги старости и решилась, наконец, сложить с себя игуменство. Преосвящ. митрополит Никанор желал удержать Маврикию в настоятельской должности до конца жизни ее, предлагал дать ей помощницу по ее выбору, но, наконец, должен был уступить неотступным слезным мольбам старицы, лежавшей у ног его. Согласившись на просьбу Маврикии, архипастырь просил ее указать на достойную ей преемницу и притом сказал: «Не затрудняйте себя сдачей монастыря по описи: все вами приобретено. Не только кто другой, но и я сам не могу ничего от вас требовать».

Желанный указ об увольнении Маврикии и назначении игуменьей (согласно ее указанию) монахини Арсении Клементьевой последовал 23 декабря 1855 года. Бывшей настоятельнице «во внимание к многолетнему служению и неутомимо-ревностным попечениям о благосостоянии обители» назначено от монастыря: полное содержание, необходимая прислуга и пенсия по 150 р. серебром в год.

Последние годы многотрудной жизни своей старица провела в небольшой келлии того же Горицкого монастыря. Постоянным занятием ее была молитва. Замечали иногда, что во время молитвы она совершенно забывала все земное, даже самое тело свое: случалось келейнице доложить ей, по окончании правила, не угодно ли покушать? «Разве я не обедала», отвечала старица, насыщенная неземной пищей. Так, она, стоя на молитве, не замечала, если кто подойдет и станет подле нее, не чувствовала, как осыпали и жалили ее комары и другие насекомые. В 1858 году престарелая подвижница, изнемогая в силах телесных, приняла великую схиму и наречена Марией – тем именем, которое получила при крещении.

Как гаснет солнце на западе небосклона, посылая последние лучи во внутренность великолепного храма, воздвигнутого игуменьей Маврикией, так мирно угасала многоплодная жизнь досточтимой схимонахини. Летом 1867 года она слегла и уже не вставала. Предлагали врачи и лекарства, но старица обратилась к небесному Врачу душ и

телес, многократно сподобилась приобщения Тела и Крови Христовых и таинства елеосвящения. Во все время болезни, несмотря на лихорадочное состояние, она сохраняла полное сознание и мирно предала дух свой Господу, Которому послужила более 60 лет в монашеских подвигах, настоятельстве и схиме, 18 июля 1867 года на 84 году от рождения. Смертные останки приснопамятной игуменьи-схимонахини преданы земле в прекрасном храме, ею воздвигнутом, на южной стороне²².

Иеросхимонах Авраамий Задонский

(Память 19 июля).

Иеросхимонах Авраамий Задонский, из купеческого рода, был духовником братии Задонского монастыря в течение 40 лет. Смиранный и кроткий, неусыпный молитвенник, строгий к самому себе и любвеобильный ко всем, он скончался на 92 году от рождения, 19 июля 1852 года²³.

Духовник, иеросхимонах Антоний

(Память 19 июля).

Иеросхимонах Антоний, из мещан г. Феодосии, Таврической губернии, в мире назывался Антоний Брелихов; первоначально поступил в Валаамский монастырь в 1818 г., в 1824 году пострижен в монашество игуменом Ионафаном с именем Амфилохия. Проходил разные послушания: был столовщиком, переплетчиком, келлиархом и библиотекарем; но большую часть жизни провел в пустыне. Уроженец юга о. Антоний часто весьма изнемогал от вредного влияния северного климата на его здоровье, и болезнь принуждала его оставлять по временам пустыню; но, любя уединение, ревнуя по Бозе, старец, несколько собравшись с силами, снова спешил в свою пустынную келлию. В конце 1839 г. он был посвящен в иеродиакона и того же года, через четыре дня, в иеромонаха, и с 1840 г. исправлял должность братского духовника и старца.

В 1849 г. о. Антоний был поражен параличным ударом: у него отнялась вся левая сторона, и в таком положении пробыл он до самой кончины; во время болезни, с именем Антония, принял схиму. Тяжкую свою болезнь о. Антоний переносил с величайшим терпением и совершеннейшей преданностью воле Божией; никогда не выражал он ни малейшей жалобы, ни слова ропота на прислуживавшего ему келейника, хотя тот часто крайне оскорблял его своей бранью и своим небрежением. Жизнь старца протекала в молитве и богомыслии: келейник читал для него утром и вечером молитвы, и в течение дня жития святых и писания отеческие; иногда же певал для него догматики и другие молитвы, и старец едва слышно вторил ему. Каждую неделю о. Антоний причащался Св. Христовых Тайн; во все время болезни был в совершенной памяти и сохранял во всей силе чистоту монашеского рассуждения.

В большом скиту, где жил старец, строили новую церковь; тогда входили иногда внутрь скита и женщины. В то время, однажды, в отсутствие келейника, в келлию больного вошла одна женщина, бывшая его духовная дочь. Долго смотрела она

на страдальца и плакала, потом, выходя из келлии, что-то положила за икону. – «О. Петр», – сказал старец пришедшему келейнику: – «была здесь одна женщина и что-то положила за икону; посмотри!» – Оказались деньги. – «Экая она, зачем их положила? отнеси их, куда следует» продолжал о. Антоний. – «Да что же, батюшка» – возразил келейник: – «ты немощный; оставим деньги у себя и будем покупать просфоры». – «Что ты говоришь, о. Петр», – помолчав, ответил старец: – «да достоин ли я, окаянный, и обыкновенной-то, всегдашней пищи, а ты еще мне предлагаешь вовсе излишнее утешение. Есть, возлюбленный, и немощнее нас с тобой, да терпят же, Бога ради. Отнеси, отнеси их немедленно». – И келейник исполнил желание старца.

Посетил болящего о. игумен, в это время пришел к нему и монах Палладий. – «Слава Богу, что и вы здесь, батюшка», сказал о. игумену вошедший о. Палладий: – «я желаю побывать на родине, благословите меня!» – «Спроси у старца», – отвечает настоятель монаху: – «что он тебе скажет?» и, обращаясь к старцу, продолжает: – «скажи ему, батюшка, есть ли воля Божия побывать ему у своих?» – Долго отказывался больной, говоря: «не мое это дело, а настоятеля», и, наконец, убежденный о. игуменом, сказал: «как мертвец из гроба не выходит, так и монах из монастыря».

– «Помолись обо мне, батюшка», просил старца один брат: – «чтобы Господь дал мне здоровье, очень болею и часто поэтому скорблю». – «Видишь, я и сам болен», – отвечал о. Антоний брату: – «но не молюсь, чтобы Бог дал мне здоровье; а прошу только, чтобы во всем была святая воля всеблагого Бога нашего!»

В тихой, внутренней жизни старца Антония, чуждого всяких как политических, так и монастырских новостей, было такое замечательное событие. Жена генерал-лейтенанта Дмитрия Ивановича Чекмарева, Екатерина Глебовна, случайно от одного из братьев Валаамского монастыря, бывшего по своему делу в Выборге, узнала об о. Антонии. Краткие черты из его жизни, переданные братом, много сказали чувствительному сердцу Чекмаревой. Через несколько времени в письме она

убедительно просила узнать от старца: скоро ли кончится бывшая тогда с Россией англо-французская война, и кто в этой войне останется победителем? Этот вопрос с благословения настоятеля, впотьмах, измененным голосом келлиарх монах Ириней предложил о. Антонию. Старец спокойно отвечал: «скоро мир будет». Это было в январе месяце 1856 г. И, действительно, через два месяца после предсказания, упорная кровопролитная борьба, возмущавшая Европу, прекратилась, и первая цель войны, в Бозе почившего Николая I, а с ним и всей России, была достигнута: будущая участь и права христиан на Востоке были признаны.

Напутствованный в горние обители святыми таинствами, постепенно угасая, мирно скончался о. Антоний 19 июля 1862 года, 78 лет от рождения²⁴.

Нилосорский иеросхимонах Нил и его сподвижники

(Память 19 июля).

Иеросхимонах Нил родился 21 ноября 1801 года. Родина его – село Васильевское, Владимирской губернии, Шуйского уезда, вотчина графа Шереметева, в крепостной зависимости от которого состояли родители старца, Иоанн и Анна Прихудаловы. Они имели 12 сыновей и дочерей, и старец был последним из детей их по времени рождения, родился, когда они были уже довольно преклонных лет. При святом крещении наименован Николаем, в честь святителя и чудотворца Николая (6 декабря). Благочестивые родители его, не обладавшие богатством земным, вели тихую, христиански-благочестивую жизнь, о которой не излишне сказать несколько слов. Отец родителя его Иоанна управлял имением графа Шереметева; но сын не пошел по его следам, а совершенно удалялся мирских занятий: он весь погружен был в изучение Священного Писания, творений святоотеческих и, вообще, книг душеполезных, которые доставал, прочитывал и даже списывал с великим усердием. Через это обогатился он обширными знаниями духовными, был ревнитель православия и искусный обличитель раскольнических лжеучений, которые опровергал на основании слова Божия и учения святоотеческого. Обладая светлым умом и прекрасной памятью, умел он склонять раскольников к принятию православия, чем и был очень известен во всей окрестности, изобиловавшей раскольниками. Лица духовные, даже иерархи, обращались к нему с уважением, спрашивали себе его разъяснений относительно способа словопрений с раскольниками, присылали к нему для увещания закоренелых в своих раскольнических убеждениях. Самые раскольники уважали его и с доверием выслушивали его, ибо видели в нем человека жизни праведной, начетчика, обладавшего силой слова благодатного. Много раскольников возвратил он словами своими в лоно святой Церкви, и этим занимался во всю свою жизнь, как подвигом истинно богоугодным. Жажда знаний

духовных была в нем валика: не было, кажется, ни одной книги духовной, которую бы он не постарался достать, прочесть, почерпнуть в ней полезные для себя сведения и ими воспользоваться в пользу душевную свою и ближних своих. Несмотря на звание мирянина и жизнь семейную, проводил он жизнь строго подвижническую, не позволял себе ни в чем излишества, неопустительно посещал свой приходский храм при богослужениях, был усердный молитвенник и дома. Современные ему подвижники, иноки, проводившие жизнь духовную, имели с ним сношения и личные, и письменные: так, известный великий старец, архимандрит Молдовлахийского Нямецкого монастыря, Паисий Величковский, имел с ним переписку, и ученикам своим, уходявшим из обители его в Россию, нередко приказывал побывать у благочестивого раба Божия Иоанна Прихудалова в селе Васильевском и поучиться от него благочестивому и верному пониманию учения духовного. Дом Иоаннов всегда был гостеприимным приютом для иноков ближних и дальних: в нем находили они ласковый прием и душеполезное слово, которым хозяин весьма иногда благовременно угощал своих духовных гостей. Весь погруженный в занятия духовные, Иоанн мало заботился о делах житейских: весь дом и все попечения о нем лежали, преимущественно, на его супруге, отличавшейся тихостью нрава, благочестием и безропотным терпением в скорбях, которые очень нередко посещали их дом. Иоанн не искал и даже чуждался стяжаний житейских, лишним всегда делился с неимущими; поэтому недостаток и нужда в потребностях жизненных очень нередко ощущались в его доме. Семья была велика, ее нужно было и накормить, и одеть, и обуть, а ремесла особого Иоанн не имел; поэтому благочестивая Анна сама, большей частью, трудилась, чтобы всем этим обеспечить свою семью. Но она не роптала и не укоряла мужа, который, весь погруженный в книги, мало об этом заботился, напротив того, глубоко его уважала и всячески покоила, отдаляя от него все те попечения, которые могли нарушить его богомыслие и сосредоточенность молитвенную. Младенец Николай, родившийся у этих примерных христианских супругов почти под

старость, пользовался особой их любовью и попечениями. Они видимо предпочитали его прочим своим детям, видели в нем залог благоволения к ним Божия, что нередко и выражали своими, о нем, отзывами. Так, мать его Анна часто говорила своим детям, указывая на Николая: «вы что? этот только и будет нам кормилец!»

Вся многочисленная семья Иоаннова, братья и сестры Николая питали к нему большую любовь, но в этом особенно отличался старший брат его Власий, юноша благочестивый и искусный иконописец, который своими трудами много помогал матери своей в содержании всей семьи. Власий нередко брал на свои руки младенца Николая, любовался им с благоговением и правую руку его лобызал неоднократно. Когда ему говорили, для чего он, старший по рождению, так усердно целует руку младшего брата-младенца, Власий, в духе пророческом отвечал: «Вы не знаете, в свое время все будут целовать его руку». Раб Божий Иоанн горячо любил своего младшего сына Николая, но любил по-своему: с младенчества старался он насаждать в душе его благочестие, чувство страха Божия, спасительного для человека. Посадив младенца на свои колени, часто говорил он ему: «человек, знай, что будет суд и мука, делающим зло», или: «бойся Бога и люби Его», или подобные этим слова. Слова эти падали, как семя благое, на землю сердца невинного младенца, вкоренялись в нем и приносили добрые плоды. Николай отличался кротким нравом, усердием к молитве. Любовь к Богу, как светоч благодатный, возжигалась в юном и неиспорченном страстями сердце его и привлекала к нему любовь и благоволение Божие. Все мирское ему было противно: не принимал он участия в детских играх своих сверстников, не любил даже смотреть на эти игры, не терпел слышать песни веселия деревенской молодежи, и всегда убегал и скрывался от нее где-либо в глубине дома. Мысль о смерти всегда была ему присуща: еще столь юный, только начинающий жить, переносился он мыслью к концу неизбежному своей жизни, как бы видел его мысленным взором и преисполнялся чувством страха Божия. Чувство это освежительно действовало на душу его: он жил как бы пред

очами Божиими и оберегался всякого слова, дела и помышления греховных. Подрастая, изучил он при помощи родителя своего грамоту, а при помощи старшего брата своего Власия – искусство иконописания. Пяти лет начал он учиться грамоте и выучился необыкновенно скоро: спустя месяц, мог он уже свободно читать всю Псалтирь, а вскоре затем читал без труда и другие книги церковные. Но любимым чтением его были Четьи-Минея, или жития святых, которые чудными примерами святых угодников Божиих пленяли его душу и служили ему прекрасным училищем благочестия. Писать тоже научился он без особого труда, почти самоучкой. Иконописанием, под руководством старшего брата, благочестивого Власия, занимался с благоговением и страхом Божиим, видя в этом священном занятии не столько ремесло, сколько служение Богу. Любивший посещать храм Божий, родитель Иоанн внушал любовь эту и детям своим: каждый воскресный и праздничный день водил он их с собой ко всем службам церковным и требовал от них внимательного и благоговейного в церкви предстояния. Николай особенно любил сопутствовать родителям своим в церковь, где все его пленяло, восхищало, назидало, так что всегда жалел, когда кончалась служба Божия и предстояло ему идти из церкви домой. Родитель скоро заметил такое усердие к церкви младшего своего сына, сердечно радовался этому, и всячески способствовал развитию в нем ревности к неопустительному посещению служб церковных. Бывало, ранним утром, собираясь идти в церковь к утреннему богослужению, разбудит он Николая, говоря: «вставай, пора в церковь к утрени», и Николай с радостью спешит отрясти сон с очей, и отвечает отцу псаломским словом: *«возвеселихся о рекших мне: в дом Господень пойдем»*. Отрадно было родителю слышать из уст сына эти слова святого псалмопевца и видеть, как отрок, побеждая сон, столь обычный в его годы, спешил в храм Божий и благоговейно выстаивал в нем службу всю до конца. Иоанн, наблюдая за всеми движениями душевными сына, нередко спрашивал его то о содержании паремий, Апостола и Евангелия, читанных в церкви, то о количестве бывшего в церкви народа, желая испытать

степень внимания его молитвенного. Обладая хорошей памятью, он всегда отчетливо расскажет, бывало, отцу своему содержание чтений церковных, касательно же количества богомольцев отзовется незнанием, ибо мало внимания обращал на людей, старался в церкви не оглядываться по сторонам и смотреть только на святые иконы. В церкви становился он всегда позади всех, усердно молился, до конца службы никогда не выходил из нее, да и после конца любил немного постоять в церкви, пока разойдется народ, чтобы тем избежать встреч и разговоров с своими родными и знакомыми, затем, в молчании, спешил домой. Кроме церкви Божией трудно было его увидеть где-либо на селе: как заразы греховой, бегал он мирских разговоров, игр, веселия, свойственных его возрасту, и, заслышав иногда нечаянно веселые песни своих сверстников, он часто обливался слезами. Единственным утешением служили ему книги святые и разговоры душеполезные его богомудрого родителя: он читал и перечитывал святую Библию, Четий-Минею, творения святоотеческие. Всем этим снабжал его отец, имевший очень много духовных книг и печатных, и писанных его рукой, так как хорошо писал и много переписал книг на своем веку. Отец его, обладавший опытностью духовной, руководил выбором книг для его чтения, давал ему именно такие книги, которые подходили к его душевному устройению, и тем весьма способствовал его воспитанию духовному. При этом, часто входил с ним в беседы, спрашивал его о прочтенном в книгах, наставлял его к верному пониманию слова Божия, объяснял неудобопонятное его юному разуму в Священном Писании. Юный Николай нередко поражал и удивлял его верностью своего понимания учений духовных: в непорочной душе его благодать Божия видимо действовала и наставляла его на всякую истину.

Так, мирно, текла жизнь отрока в доме родительском до семилетнего возраста: в это время болезнь – горячка посетила семью Иоаннову, все дети ею захворали, и двое из них, в том числе старший сын Власий, одновременно скончались. Горестна была потеря эта для всей семьи. Власий был главным ее кормильцем, ибо остальные за ним дети Иоанна были все еще

малолетки и не могли зарабатывать средства к жизни. Потрясающее зрелище представляли похороны: два гроба вместе вынесены были из дома Иоаннова; за ними следовали убитые горем родители и еле двигавшиеся, больные еще братья и сестры почивших. Иные из них от слабости падали на землю, не могли встать и ползком следовали за покойниками, оглашая воздух стонами и рыданиями. Николай также сильно был болен, но оправился и тоже провожал с горькими слезами доброго и любимого брата, в котором потерял и учителя иконописному искусству. Благочестивый Иоанн, по смерти старшего сына, приложил особое старание о христианском его поминовении, для чего употребил все, бывшие у него, средства: он глубоко верил в благотворность милостыни и молитв церковных для души, отшедшей в вечность, почему не щадил ничего для дорогого покойника. Средства его, между тем, истощились, и семья его стала чувствовать сильный недостаток во всем. Не без скорби сердечной пришлось ему отдать троих своих сыновей, в том числе, и семилетнего Николая, в другое село для обучения их иконописному искусству, где и пробыли они целый год. Это было первое испытание юному Николаю на жизненном пути, ибо лишенный надзора и руководства родителя своего, предоставленный самому себе среди мира и его искушений, между людьми ему чужими, он естественно подвергался немалой опасности нравственной порчи. Но Господь хранил его, и прежний навык к благочестивой жизни помог ему и в чужом доме, между чужими людьми, сохранить непорочность души.

Хорошо изучив иконописание, возвратился он в дом родительский таким же благонравным и богобоязненным отроком, каким и прежде был. В это время скончалась его мать, раба Божия Анна, напутствованная таинствами святой Церкви к переходу в вечность, отец же его Иоанн, уже весьма преклонных лет, страдал мучительной каменной болезнью и тоже, видимо, клонился к закату дней своих. Старшие сестры Николая стали заведовать хозяйством по дому, а братья вместе зарабатывали средства к жизни и покоили родителя. Николай особенно заботился о нем, развлекал его духовными беседами,

утешал его своим благонаравием и благочестием. Престарелый Иоанн видел в нем ясно избранника Божия и старался всячески обогатить его опытностью духовной. Благочестивый Иоанн, как бы предвидя будущий образ жизни своего любимого сына Николая, очень нередко рассказывал ему про подвиги иноческие в монастырях и пустынях, в Египте, Палестине, святой горе Афонской и в России. Нередко посещали дом их гости иноки, ученики великого Молдовлахийского старца Паисия Величковского, из числа тех, которые в конце XVIII и начале XIX столетия обновили упадавшее в России подвижничество и многие обители привели в цветущее состояние. В лице их Николай пленялся отрешенной от мирских попечений жизнью. Молитва, которой прилежал он от младенчества, сделалась насущной потребностью его боголюбивой души: он стремился к тому, чтобы молиться непрестанно, чему жизнь в доме родительском не всегда представляла удобства.

Служба в приходском сельском храме краткостью своею тоже не удовлетворяла его, к тому же, совершалась лишь по воскресным и праздничным дням; в эти дни, приходя в церковь, по обычаю своему, ко всем службам церковным ранее всех, выходил он из церкви по окончании службы неудовлетворенным. Ему хотелось подольше стоять в церкви и молиться, и с течением времени эта неудовлетворительность службой сельской все более в нем увеличивалась.

Однажды, идя из церкви домой, услышал он разговор своих односельчан о том, как хорошо, внятно и продолжительно совершается служба Божия в Флорищевой пустыни, недалеко от их села. Заинтересованный рассказами о ней своих односельчан, Николай пожелал ее посетить, помолиться имеющейся в ней чудотворной иконе Успения Богоматери и присмотреться к богослужению и жизни монашеской. Приближался храмовый праздник Флорищевской пустыни – Успения Богоматери: некоторые из соседей Николая собирались идти туда на богомолье. Николай стал просить родителя своего благословить его сходить с ними, помолиться в обители Царицы Небесной. Родителю было очень приятно это желание сына; он хорошо знал Флорищеву пустынь и был уверен, что все в ней

оставит самое доброе впечатление в душе благочестивого юноши. С радостью и любовью благословил он его идти туда помолиться. Николай отправился в обитель пешком, с великой охотой. Шестичасовая праздничная всенощная, потом божественная литургия, на праздник Успения Богоматери во Флорищевой пустыни, самое местоположение ее, удаленное от шума суеты мирской, трогательное пение, чинное богослужение и весь порядок монастырской в ней жизни, очень понравились Николаю: раем Божиим показалась ему святая обитель, и не хотелось ему с ней разлучаться. Но долг сыновний к родителю требовал возвращения его домой, и он пришел туда с запасом самых благих и утешительных воспоминаний. После этого, он довольно часто хаживал в Флорищеву пустынь. В ней испытал он на себе чудесное знамение милости к нему Царицы Небесной.

Было это в следующий праздник Успения Богоматери, на который опять отпросился он у родителя своего. Пришедши туда, захотел он искупаться в протекающей там речке, и только что исполнил это, как почувствовал сильнейшую боль в правом глазу. От боли не мог он вовсе им смотреть, слеза обильно шла из него, и страдания были так сильны, что он плакал навзрыд и громко стонал. Заблаговестили к праздничному всенощному бдению. Николай, несмотря на свои страдания, которые не унимались, пошел в церковь, но, как расслабленный, не мог устоять в ней на одном месте, переходил с места на место и, наконец, во время чтения кафизм прилег на лавочке у стены церковной и от изнеможения впал в беспамятство. Очнувшись, услышал он, что кончилось чтение утреннего Евангелия и поют припев: «Слава Тебе, Господи, слава Тебе!» и, вместе с тем, почувствовал, что нестерпимая боль глаза прошла, и что он вполне здоров. С чувством искренней благодарности поспешил он к чудотворной иконе Успения Богоматери, излил пред нею в горячей молитве свою признательность за свое исцеление, которое приписал он Царице Небесной, почему и благодарил Ее от души. Событие это еще более сроднило его с Флорищевой пустыней: все чаще и чаще стал он туда ходить, гостил там по несколько дней, приобрел себе добрых знакомых в числе

тамошней братии, и твердо решился навсегда посвятить себя подвигам иноческой жизни, как только представится возможность к тому со стороны родителя, престарелого и требовавшего его услуг в своей немощи. Желание оставить мир и его суету возрастало в нем, он стал тяготиться жизнью своею в доме родительском, стал задумчив: часто, забившись куда-либо в темный угол, плакал без видимой причины, что замечали его братья и сестры, наконец, заметил и старец-отец, и стал спрашивать его наедине: что все это значит? От него не скрыл юноша свое состояние душевное: со слезами признался он отцу, что мир его тяготит, что суета его пагубная влияет на его душу, и, упав к ногам родителя, умолял его благословить и отпустить его в монастырь. Горестно было это признание престарелому и болезненному родителю, ибо, чувствуя, что недолго проживет он уже на земле, жалел он расстаться с любимым сыном, но, привыкнув всегда руководиться не столько своими желаниями, сколько словом Божиим, сознавал он, что погрешительно будет с его стороны препятствовать в этом сыну. Помолившись усердно Господу Богу, раб Божий Иоанн благословил сына своего Николая на поступление в монашество и отпустил его в Флорищеву пустынь, но с тем, чтобы проживал он там до его смерти только временно, в качестве богомольца, и, чтобы в случае надобности, при первом требовании его, мог беспрепятственно возвратиться в дом родительский. Таким образом, юный богомолец поступил под кров святой обители, был принят в ней с любовью, ибо настоятель и братия хорошо знали его родителя и его самого, и рады были, что такой благодетельный и духовно воспитанный юноша к ним в обитель поступает.

По правилам строгого общежития, содержимого Флорищевой пустыней, новоначального послушника послали на испытание в хлебню, трудиться в хлебопечении, занятии нелегком и требовавшем силы физической. Но Николаю послушание в хлебне очень понравилось, с усердием проходил он его и неопустительно посещал все богослужения. Служба Флорищевой пустыни, внятная и продолжительная, со многими святоотеческими поучениями на утрени и литургии ежедневно,

очень полюбилась Николаю: прежде всех старался он приходить в церковь и позднее всех уходить из нее, и по собственному потом признанию, все это казалось ему так легко и утешительно, что об отдыхе телесном он почти и не помышлял тогда, но, придя из церкви, прямо устремлялся к трудам своего послушания: рубил дрова, носил воду, месил тесто для хлебов и прочее. Так проходили дни за днями, и время в трудах молитвы и послушания проходило для него незаметно. Но недолго пришлось ему потрудиться таким образом: через месяц по водворении его в Флорищевой пустыни за ним прибыл посланный от родителя его – духовный друг сего последнего, с известием, что родитель его при смерти и желает его видеть. Пришлось юноше оставить святую обитель и идти в дом родителя. Раб Божий Иоанн радостно встретил сына-послушника, и вскоре затем на руках его мирно и праведно скончался. За три минуты до кончины своей принял он Св. Тайны, и с молитвой на устах предал душу свою в руки Божии. Оплакивал искренно Николай благочестивого старца, родителя своего, в коем лишился друга, советника и наставника во всем добром. Похоронив отца, он объявил братьям старшим свое непереносимое намерение посвятить себя подвигам монашеским, и, устраняясь всякого наследия после отца, просил их об одном – выхлопотать ему увольнительную бумагу на поступление в монашество как от общества, так и от помещика их, графа Шереметева. Очень скорбно было ему пребывание в доме родителя после его кончины: старшие братья не совсем сочувствовали ему в его желании идти в монахи, старались отклонить его от этого, выставляя ему всю трудность добыть ему увольнение от общества и помещика.

Флорищева пустынь ему нравилась, но были там и неудобства ему, именно, от близости пустыни к его родному селу, откуда редкий праздничный день не бывали там посетители богомольцы, которые и к нему заходили, развлекали его своими рассказами о родных его и знакомых, и тем мешали ему всецело отрешиться от мира и его суеты. Стал он молиться Господу Богу указать ему обитель пустынную где-либо подальше, удобную для подвигов духовных, и вскоре узнал о Троицкой

Кривоезерской пустыни, Костромской губернии, Макарьевского уезда. Пустынь эта, основанная в 1644 году, находится на возвышенном берегу реки Волги, напротив г. Юрьевца Поволгского, и с 1709 года стала известна по чудесам чудотворной иконы Иерусалимской Богоматери. Икона написана иноком обители Корнилием, в мире – царским иконописцем Кириллом Улановым, родом из Москвы, – он списал ее с подлинной чудотворной иконы Иерусалимской Богоматери, что в Успенском Московском соборе, и поставил ее в Кривоезерской пустыни, в соборной церкви, где она вскоре прославилась многими чудотворениями. Николай начал проситься у братьев своих побывать в Кривоезерской пустыни; те едва отпустили его туда только помолиться, но Бог устроил иначе и послал ему там все желаемое и нужное для служения и богоугодия Ему в иночестве. Был у него единомысленный товарищ, уроженец того же села Васильевского, по имени Андрей, юноша благонравный и простодушный, который, подобно ему, желал посвятить себя подвигам иноческим, так же зависел от помещика и общества, как и Николай, и желал получить увольнение к поступлению в монашество, но не видел к тому никакой возможности. Вместе обсуждали оба юноши свое скорбное положение, вместе советовались, как им быть, и вместе решились путешествовать в Кривоезерскую пустынь, надеясь найти там желаемый приют. Помолившись усердно Господу Богу, оба юные странника вышли из родного села и направились в Кривоезерскую пустынь: они веровали искренно, что обретут там то, чего издавна желали и о чем усердно молили Бога. Но, прежде чем достигнуть святой обители, их встретило неожиданное для них искушение со стороны мира и его слуг. Поздно вечером достигли они города Юрьевца; было это в четверг на сырной седмице; день был торговый в городе, и народу разного немало собралось в нем. Странники не знали, где им приютиться на ночь в незнакомом городе, наконец, попросились ночевать в один дом, хозяйки которого – две женщины пустили их к себе на ночлег. Только что улеглись они на отдых, как вдруг послышались шум и крик у окон дома: толпа нетрезвых людей врывалась в дом, перепугала хозяек дома,

которые волей-неволей должны были отпереть двери и впустить незваных гостей. В это время подоспел на шум квартальный надзиратель города с полицейской стражей, вошел в дом и, увидев буйную и нетрезвую толпу гулявших, всех их забрал под стражу и повел в квартал на съезжий двор, а с ними взял и юных странников, ни в чем неповинных. Очень было это тяжело и прискорбно целомудренным и кротким юношам. На съезжем дворе, где содержалось немало разных безнравственных и испорченных людей, наслушались они много душевредных разговоров, насмотрелись вдоволь на душевную порчу людей, что естественно очень болезненно повлияло на их внутреннего человека. Два дня пришлось им провести на съезжем дворе, и, хотя товарищ Николая ходил и к квартальному, и к городничему, ходатайствуя, чтобы их, ни в чем неповинных людей, выпустили, однако, этого они достигли не скоро, и то уплатив 7 рублей квартальному. Возблагодарив Господа Бога за избавление от этого тягостного заключения, юноши поспешили переправиться через Волгу и пришли в Свято-Троицкую Кривоезерскую пустынь. Настоятелем пустыни в то время был благоговейный игумен Феодосий, старец доброго подвижнического направления, нечуждый благодатного дара прозорливости. Когда пришли к нему юноши Николай и Андрей, чтобы поведать ему скорбь свою, что, желая поступить в монашество, не имеют на то законного увольнения от своего помещика – графа Шереметева, игумен Феодосий принял их с великой любовью, обласкал и успокоил, прозорливо говоря, что Господь все устроит к пользе их душевной, и что, если поступят они в обитель Богоматери Иерусалимской, то Она Сама примет в них участие, доставит им увольнение и поможет в подвигах духовных. Особенно Николай привлек к себе внимание доброго старца-игумена. Видя его в скорбном раздумье, он сказал ему пророчески: «не скорби, будешь наш сослужитель и служитель Богородицы! ты наш, здесь с нами будешь жить». «Но как же, батюшка, это будет, отвечал Николай: ведь меня не отпустят к вам общество и помещик»? С веселой улыбкой отвечал ему на это старец: «отпустят и будешь наш собрат и сослужебник. Тебя Сама Владычица призвала сюда, поступай к нам, я все

выхлопочу и увольнение тебе достану. Помещик ваш, граф, человек добрый, я его знаю и надеюсь, что все он сделает вам по моей просьбе, только живите себе с Богом». Обнадеженные таким образом, юноши с радостью решились остаться в обители Кривоезерской; поклонившись до земли игумену, испросили они на это его благословение, были зачислены им в число братии и получили келлию от него для совместного пребывания. Николаю было тогда около 20 лет от роду: в полной силе молодости принял он на себя окончательно подвиги иноческие и стал проходить их с особенным рвением. Как способного к чтению и пению, игумен Феодосий определил его на клиросное послушание, сам руководил его к познанию церковного устава, наставлял словом и примером своим к стяжанию добродетелей христианских, и вообще, заботился о нем с отеческой любовью, о которой с признательностью вспоминал потом Николай до конца своей жизни. Озабоченный он выхлопотать обоим послушникам увольнение у графа Шереметева: для этого было приготовлено от их имени прошение к графу, с одобрением их от игумена Феодосия и усердной просьбой его уволить их на поступление в монашество в Кривоезерской пустыни. Прощение это повез в Петербург товарищ Николая – Андрей, которому удалось лично представить его графу. Граф принял его ласково и, в виду просьбы игумена Феодосия, охотно выдал обоим им увольнительные свидетельства, с которыми вскоре и воротился Андрей в обитель к общему удивлению всех, что дело, казавшееся столь трудным, так скоро и легко окончилось. Таким образом, Николай и Андрей стали всецело чадами приютившей их Кривоезерской обители, порвав навсегда все связи свои с миром и его служением.

26 мая 1822 года Николай на законном основании был определен в число послушников Троицкой Кривоезерской пустыни. Жили оба товарища совместно, в одной келлии: Николай проходил послушание клиросного и канонарха, и занимался в часы, свободные от богослужения, священным искусством иконописания, на потребу святой обители Кривоезерской. Андрей трудился на черных послушаниях: в хлебне, в поварне и на скотном дворе, и в самой келлии своей

прислуживал Николаю вполне добровольно, по чувству любви о Христе и уважения к нему, превосходившему его начитанностью духовной, развитостью ума и подвижническим настроением души. Совершенно незаметно стал он в отношении ученика к Николаю, и, хотя тот отнюдь ни считал себя к этому способным, однако невольно принужден был руководить своим земляком и делать его соучастником своих подвигов духовных. По собственному сознанию своему, Николай, с самого поступления своего в Кривоезерскую пустынь, чувствовал особенную радость и утешение в душе своей: его радовали и чин богослужения обители, и опытность ее настоятеля, и доброе настроение ее братии, но особенно, чудный чудотворный Лик Богоматери, на иконе Ее Иерусалимской, главной святыне Кривоезерской пустыни. Добрый старец игумен Феодосий особенно полюбил Николая: провидел он в нем избранный сосуд Божий, и отличал его своим вниманием и попечениями о его духовном усовершенствовании. Любил он ему толковать устав церковный, темные места в книгах Священного Писания и творениях святоотеческих, преподавал ему науку из наук – молитвы Иисусовой, блюдения помыслов и хранения чистоты душевной. Видя успехи Николая в духовной жизни, игумен Феодосий облек его сперва в рясофор, а потом, 1823 года 25 декабря, постриг и в мантию, наименовав Никоном, в честь преподобного Никона Сухого, Печерского чудотворца, празднуемого Церковью 11 декабря. Усовершенствуясь все более в подвигах духовных, монах Никон отличался особым усердием к службе церковной и особенной склонностью к уединению в жизни келейной: прежде всех являлся он в церковь к богослужениям и позднее всех выходил из нее, в келлии же своей устранился знакомств со сверстниками и другими братьями, избегал празднословия, пересуд и всякого сближения с людьми. Простодушный Андрей много способствовал ему в подобном душеполезном уединении: приняв на себя все заботы по келлии, соединенные с неизбежными столкновениями с людьми, он предоставил Никону полную возможность уединяться от людей и углубляться в самого себя. Радовался игумен Феодосий, видя такую благую

жизнь юного монаха и всячески старался утвердить его на пути спасительном.

Кривоезерская обитель, прославленная чудотворной иконой Богоматери Иерусалимской, на поклонение которой стекалось немало богомольцев из разных мест, многолюдством их, начала несколько смущать уединенного инока Никона. Желание пустынного уединения и совершенного удаления от людей преисполнило его душу: он жаждал и искал уединения, что не укрылось от прозорливых очей игумена Феодосия. В то время к Кривоезерской пустыни состояла приписной Николаевская Надеевская пустынь, отстоявшая от нее в 90 верстах. Пустынь эта, среди непроходимых лесов, основана старцем-пустынником иеромонахом Тимоном, собеседником и другом великого Саровского пустынника, преподобного Серафима. Обитель, основанная Тимоном, не отличалась удобствами и красотой своих зданий: убогая деревянная церковь во имя святителя и чудотворца Николая, убогие, ветхие, деревянные келлии подле нее, убогие святые врата без ограды, – вот все, что было тогда из зданий в Надеевской пустыни, всецело зависевшей от Кривоезерской пустыни, близ хутора которой она возникла и от которой получала содержание. Священнослужители и братия тоже посылаемы были туда из Кривоезерской пустыни и, в виду удаленности и убогости Надеевской пустыни, очень неохотно туда отправлялись. Однажды, в субботу первой седмицы Четыредесятницы, игумен Феодосий зовет к себе монаха Никона и предлагает ему, не хочет ли он вместе с послушником Андреем пожить некоторое время в Надеевской пустыни, исправляя там, он – клиросное послушание, а Андрей – поваренное. Никон охотно на это согласился и был даже очень рад пожить в настоящей пустыни, куда давно тянуло его тайное непреодолимое желание.

Вкупе с Андреем и с отправлявшимся туда из обители для священнослужения иеромонахом Павлом, пошли они пешком из Кривоезерской в Надеевскую пустынь. Никон, отличавшийся нестяжанием, имел всего одни кожаные сапоги, и то ветхие, стоптанные и тесные. Идя в Надеевскую пустынь, не решился

он попросить себе другие сапоги, более крепкие и просторные, и пошел в своих ветхих и тесных. Идти пришлось по глубокому снегу, местами лесными; путь был не гладок, и тесные сапоги вскоре так натерли ему ноги, что невозможно было более в них идти. Обратившись к иеромонаху Павлу, сказал он: «Батюшка, благослови мне снять сапоги и идти босому». – «Да как же пойдешь ты босой по такому холоду и снегу? удивленно спросил его иеромонах: ты ноги обморозишь наверно». Но Никон продолжал настойчиво просить его благословить ему идти босым, говоря, что иначе не может он далее идти в тесных сапогах. «Я оботру ноги снегом, говорил он иеромонаху: и надеюсь, что за святые молитвы отца игумена нашего дойду без вреда до Надеевской пустыни». После долгого раздумья иеромонах Павел, наконец, благословил его идти босым, и Никон, сняв сапоги свои и обтерев ноги снегом, бодро пошел босой и благополучно пришел в Надеевскую пустынь, без всякого вреда для своих ног и здоровья. Здесь-то, в этой совершенной пустыни, Никон вместе с Андреем прожили некоторое время довольно спокойно и уединенно: Никон исправлял опросное послушание по церкви, читал, пел, канонаршил; Андрей готовил трапезу, пек хлебы, носил воду, рубил дрова; все вместе прислуживали обремененному летами старцу пустынножителю отцу Тимону и почерпали от него уроки духовной опытности его многолетней. Старец поучал не столько словами, сколько примером своей жизни, которую и в глубокой старости проводил в подвигах неослабных поста и молитвы. Здесь случилось с Андреем одно событие, достопримечательное по силе веры, сотворившей воочию чудо.

Андрей, по послушанию своему поварскому, рубил однажды дрова и по неосторожности топором рассек себе ногу так сильно, что страшно было смотреть на рану его. Сам он очень испугался и точно омертвел, так что не мог позвать никого к себе на помощь. В это время случайно зашел к нему в трапезу Никон и, увидев его всего в крови, которая обильно текла из раны, не потерял присутствия духа и с улыбкой сказал Андрею: «что это ты так испугался, брат»? Андрей показал ему рану на ноге, говоря: «не знаю, что и делать, ну как умру?» – «Нет, не

умрешь, возразил ему Никон, – а жив и здоров будешь ко славе Божией». Потом взял платок и завязал им рану на ноге Андрея, говоря ему ободряюще: «не бойся: ничего не будет. Завтра будешь совершенно здоров, а теперь делай свое дело». Андрей недоверчиво сперва отнесся к этим словам, но, видимо, потом ими ободрился и стал, хотя не без труда, готовить трапезу. На утро Никон опять зашел навестить товарища земляка своего, о котором сам беспокоился, ибо думал найти его в болезненном положении, но, войдя в трапезу, к удивлению своему нашел его у печи стоящим и бодро готовящим пищу. Вид у него был веселый и вполне здоровый, и, когда увидел он входившего к нему Никона, то сказал ему: «вот я, брат, по твоему слову, вполне здоров». – «А покажи-ка рану твою», сказал ему Никон. Тот показал ногу свою, – на ней и признака раны не имелось: нога была вполне целая. «Это вашими молитвами Бог меня исцелил», сказал ему Андрей. «Нет, брат, не моими, возразил ему смиренный Никон, а молитвами батюшки нашего отца игумена и за твое послушание».

Таким образом, проживая то в Надеевской пустыни, то опять в Кривоезерской пустыни, Никон проходил ревностно назначенные ему от игумена послушания, был весьма сведущ в уставе церковном, отличался благоговейно-подвижнической жизнью, почему, несмотря на его молодые годы, игумен Феодосий представил его, как вполне достойного, к рукоположению в иеродиакона. Старец игумен, видимо, спешил возвести своего любимца на первую священную степень служения алтарю Господню при своей жизни, желая, без сомнения, наставить его лично к достойному прохождению этого высокого служения. 25 августа 1824 года, рукоположен монах Никон в иеродиакона, и с великой ревностью стал проходить чреду священнослужения диаконского, к которому готовился усиленным подвигом молитвенным: ночи без сна почти проводил он пред служением, вычитывал все правило молитвенное, полагал многие поклоны и бдительно наблюдал за собою, за своими помыслами и движениями душевными. Любил он очень служить, и очень часто, сверх чреды своей, служил за других собратий своих, иеродиаконов. Все знали в

обители, что иеродиакон Никон всегда готов к служению, по своей трезвенной и молитвенной жизни. Радовался игумен Феодосий подобному духовному преуспеянию своего любимца и всячески старался утверждать его в добром шествии по тесной и многотрудной стезе спасения. В часы, свободные от богослужения, иеродиакон Никон занимался иконописанием, занимался благоговейно, с молитвенным приготовлением, за что труды рук его благословлены были Богом и ознаменованы действиями благодатными. Так, он сподобился своими руками обновить чудотворную икону Иерусалимской Богоматери в Кривоезерской пустыни. Икона и после обновления сего продолжала чудотворить по-прежнему. Еще списал он с иконы сей верный список, по мере и изображению во всем с нею сходный; он находится в Кривоезерской же пустыни и тоже ознаменовался знамениями Божией благодати. Для себя тоже списал он в уменьшенном размере верный список с этой чудотворной Иерусалимской Богоматерней иконы, и этот список, при самом освящении его, ознаменован пророческим словом о нем одного благоговейного старца Кривоезерской пустыни, предсказавшего чудотворную силу сей иконы. Ее по сем хранил всегда при себе в своей келлии отец Никон с особенным благоговением и удостаивался от нее неоднократно благодатных знамений; потом же, по повелению Богоматери, препроводил ее на Афон, в Русский Пантелеймонов монастырь. Довольно разных святых икон, кроме помянутых, написал иеродиакон Никон для Кривоезерской и Надеевской пустынь. Сделанный им один из списков с чудотворной иконы Иерусалимской Богоматери, был послан от обители блаженной памяти Государю Императору Александру I. Придерживаясь строго греческой иконописи, очень искусно и благоговейно изображал он божественные лики Христа и Его Пречистой Матери.

Таким образом, в трудах богослужения и иконописания протекали мирно дни жизни Никона в Кривоезерской и Надеевской пустынях. Но вот, скончался старец-игумен Феодосий, и потеря его была невознаградима для иеродиакона Никона: он лишился в нем отца, благодетеля, наставника,

сотаинника и почувствовал себя вполне осиротелым. Скорбь его была очень сильна: при погребении игумена Феодосия, находясь в числе священнослужителей в диаконском стихаре, от сильной скорби он вдруг почувствовал себя крайне больным, так что еле смог выйти из церкви и, придя к себе в келлию, упал без чувств на пол. После этого он продолжительное время был сильно болен, врачи отчаивались в его выздоровлении, над ним совершили таинство елеосвящения, неоднократно готовили к смерти причащениями Святых Христовых Таин и не думали уже видеть его в живых, но Господь воздвиг его к жизни, он стал выздоравливать и, наконец, совершенно поправился в здоровье.

Преемник Феодосия, новый настоятель игумен Макарий тоже хорошо расположился к иеродиакону Никону, ибо видел в нем доброго подвижника и ценил его труды и благочестие. Он предложил ему принять сан иеромонаха, но смиренный Никон всячески отказывался от сего сана, признавая себя недостойным не только священства, но и диаконства. Игумен Макарий не настаивал, оставил его некоторое время еще иеродиаконем, но потом вдруг призвал его и стал настоятельно требовать от него, послушания ради, согласия на рукоположение в иеромонахи. Никон, сколько ни старался отказаться, не мог противостоять воле настоятеля, который грозно ему сказал, что воля Божия быть ему иеромонахом и что, если воспротивится он воле Божией, то будет за это сильно наказан. 29 мая 1828 года рукоположен Никон в иеромонаха и стал по-прежнему проживать то в Кривоезерской, то в Надеевской пустынях, совершая чередное богослужение, исправляя и послушание клиросное, к которому имел хорошие способности: обладал приятным тенором, знал основательно напевы церковные и устав и, отличаясь усердием ко храму Божию, с любовью служил ему своими способностями. Впрочем, по рукоположении своем в иеромонаха, отец Никон, большей частью, проживал в Надеевской пустыни, уединение которой было ему весьма по душе, да и полезен был он там более, ибо из Кривоезерской пустыни иеромонахи неохотно отправлялись туда для богослужения, не подолгу там

проживали, спеша обратно в свою обитель, через что в Надеевской пустыни богослужение совершалось неисправно.

Старец пустынножитель отец Тимон очень любил иеромонаха Никона и стал просить его переселиться ни постоянное житье в Надеевскую пустынь. Никон и сам этого желал, ибо переходы из пустыни в пустынь бывали ему не по душе. Игумен Макарий благословил ему жить постоянно в Надеевской пустыни, совершать там богослужение и заведовать клиросом. Никон, при помощи родных своих, построил себе в Надеевской пустыни уединенную деревянную келлию и думал там окончить дни свои в пустынных подвигах поста и молитвы; но воля Божия была иная, и пожить в Надеевской пустыни пришлось ему лишь настолько, чтобы привести ее по наружному и внутреннему состоянию в лучший порядок.

Здесь кстати будет сказать несколько слов о старце пустынножителе иеромонахе Тимоне, основателе Надеевской пустыни. Родом он Нижегородской губернии, происходил из духовного звания и, окончив полный курс учения в Нижегородской семинарии, женился и рукоположен в диакона в сельский приход, но вскоре овдовел и стал все более и более тяготиться мирской жизнью. Он часто посещал Саровскую пустынь, где в то время светили благочестивой подвижнической жизнью старцы Марк и Серафим, с которыми познакомился и сблизился вдовый диакон. Видя в нем искреннее стремление к иноческой жизни, старцы руководили его своими советами и наставлениями, под влиянием которых оставил он место свое диаконское в селе и поступил в число братии Нижегородского архиерейского дома, где пострижен в монашество с именем Тимона и назначен экономом архиерейского дома. Тогдашний владыка Нижегородский любил и желал сделать его иеромонахом; но Тимон всячески от этого уклонялся, прося преосвященного оставить его иеродиакonom и объясняя ему, что единственное желание его души, – это уйти в пустыню и пустынножить там по примеру Саровских старцев-подвижников Марка и Серафима.

Но преосвященный в пустыню его не отпустил, а, продержав немалое время экономом, сделал его потом

строителем Городецкого монастыря, где и не хотящего хиротонисал в иеромонаха, признавая неприличным быть строителю иеродиаконом. Оттуда Тимон впоследствии уволился в Кривоезерскую пустынь на покой: там, с благословения Кривоезерского игумена, поселился он при монастырском хуторе в лесу, где и прожил в строгом пустынножитии около двадцати лет. Хутор этот отстоял от Кривоезерской пустыни на расстоянии 90 верст; близ него находилась ветхая деревянная церковь во имя святителя и чудотворца Николая; старец же Тимон жил в глубине леса, поодаль от церкви и хутора, с которого доставлялась ему пища. Живя в пустыни, старец-пустынножитель имел откровение свыше основать близ вышеупомянутой церкви монастырь. Не хотелось ему разлучаться с пустыней, почему и не послушал он веления Божия, за что был наказан – разбит параличом и лежал некоторое время еле жив. Привезенный на хутор, он здесь вскоре получил исцеление от Господа и опять повеление устроить обитель на указанном месте. При помощи Божией он это и исполнил, основал обитель общежительную и в ней настоятельствовавал, в зависимости, впрочем, от Кривоезерской пустыни, что немало причиняло скорбей старцу. Как увидим, это обстоятельство имело влияние и на отношения его к иеромонаху Никону; к нему был он сперва очень расположен, потому что нашел в нем усердного себе помощника по сооружению каменного храма, колокольни и других зданий в Надеевской пустыни, и по украшению церкви ее святыми иконами и священной утварью, потом же смутился в отношении его и самого Никона смутил, о чем будет говорено далее в своем месте.

Старец Тимон ходил к Саровскому чудотворцу преп. Серафиму, за 400 верст от него жившему, ходил пешком и почерпал от уст Серафимовых душеспасительные советы. Между прочим, говорил Тимону богоносный Серафим: *«сей, отец Тимон, сей всюду данную тебе пшеницу. Сей на благой земле, сей и на песке, сей на камени, сей при пути, сей и в тернии: все где-нибудь прозябнет и возрастет, и плод принесет, хотя и не скоро. И данный тебе талант не скрывай*

в земле, да не истязан будеши от своего Господина, но отдавай его торжникам: пусть куплю деют. Еще скажу тебе, отче Тимоне: не води дружбы и не имей союза, во-первых, со врагами Христовой Церкви, то есть с еретиками, с раскольниками; во-вторых, с теми, которые святых постов не соблюдают; в-третьих, с женами, ибо они много нас, иноков, повреждают. А в своей новоустроенной обители положи и утверди устав совершенного общежития, по правилам и уставу св. отец, чтобы никто не творил своей воли; винное питье и табак употреблять отнюдь никому не позволяй; даже, сколько возможно, удерживай и от чая: чревоугодие не монашеское дело». Советы эти старец Тимон в точности старался прилагать на деле в своей пустыни: там было строгое, во всем, общежитие, женщинам не было к ней входа; трапеза была не роскошная, служба продолжительная, и сам старец, несмотря на преклонные годы, не изменил пустынного устава жизни своей: питался сухарями с водой, не употреблял в пищу ни рыбы, ни молочного, ни даже постного масла. Винопитие, употребление табака и чая были строго преследуемы им в своей пустыни, где впоследствии около двадцати человек братии подвизалось под его руководством. Ревностно содействовал иеромонах Никон старцу Тимону во всех этих благих попечениях о благоустройстве Надеевской пустыни, не выходя, однако, из повиновения старцу Тимону и оказывая ему достойное во всем уважение. Так продолжалось некоторое время, и мир царил между подвижниками Божиими: оба заботились о построении каменного храма Божия, на место ветхой деревянной, грозившей разрушением, Николаевской церкви. Иеромонах Никон имел довольно зажиточных родственников, которые помогли ему на построение церкви; нашлись и сторонние, усердствовавшие к нему, благодетели, которые приносили лепты свои на построение нового каменного храма в Надеевской пустыни, и, таким образом, общими силами храм был построен, а при нем и колокольня с достаточным количеством колоколов. Построена была и деревянная ограда вокруг монастыря, и другие здания вновь воздвигнуты, хотя

деревянные и скромные по виду, но очень удобные для пустынного иноческого жития. Построена была и просторная гостиница для приезжающих богомольцев, которых довольно бывало в Надеевской пустыни: слава о благодатных дарах и душеполезных советах старца Тимона далеко шла, и к нему из разных мест приходили и приезжали люди разных званий и состояний, кто испросить себе его благословения и молитвы, кто выслушать от него совет душеполезный, кто изложить пред ним свои недоумения и получить на них должное разрешение. Всех таковых посетителей старец принимал любвеобильно и каждому старался быть полезен своими молитвами и советами богомудрыми, заботился, чтобы посетители были удобно помещены и накормлены в гостинице, куда сам часто хаживал для личного надзора. Это не совсем нравилось иеромонаху Никону, особенно всегда прилежавшему уединению и избегавшему бесед и свиданий с людьми мирскими. Это и было началом некоторого разногласия его со старцем Тимоном, которому он подчас почтительно заявлял, что наплыв мирских людей в пустыню их неполезен для ее братии. Старец Тимон, однако, держался иных взглядов и, видя в замечаниях Никона как бы поползновение на некую власть в обители его, стал помышлять о том, как бы устроенную им пустынь сделать самостоятельной, не зависящей от Кривоезерской пустыни. В этом поддержали его некоторые благодетели из мирян, обещая ему свое содействие пред преосвященным Костромским Владимиром. Старец Тимон подал о сем прошение владыке, о чем естественно стало известно и игумену Кривоезерской пустыни; последний, в свою очередь, стал хлопотать перед владыкой об оставлении Надеевской пустыни по-прежнему в ведении Кривоезерской пустыни, в владениях которой она основалась. Между тем, Кривоезерский игумен Макарий прислал письменно приказание иеромонаху Никону принять в свое заведование от старца Тимона Надеевскую пустынь и считаться ее настоятелем, оказывая при том всякое уважение старцу Тимоноу, но не допуская его к начальственным распоряжениям в той пустыни. Тяжкое иго было возложено на отца Никона, и он с немалой скорбью принял его на себя: при

всем желанием своим сохранить мир и согласие со старцем Тимоном, он вызвал в нем неприятные к себе чувства, и это особенно тяготило его боголюбивую и мирлюбивую душу. Но делать пришлось то, что приказывал Кривоезерский игумен, почему волей-неволей вступил он в права настоятеля и сумел подчинить себе старца Тимона, не столько насилием, сколько любовью и снисхождением к старцу. Тимон, обремененный годами и огорченный неудачей своей в искании самостоятельности Надеевской пустыни, прошение о чем было не уважено тогда преосвященным, покорился обстоятельствам и стал к Никону в отношения подначальные, по-видимому, мирно и охотно, но это было ненадолго. Враг спасения человеческого не замедлил воздвигнуть тайное соперничество между подвижниками Христовыми Тимоном и Никоном, которое особенно тягостно отзывалось на сем последнем, ибо, приняв послушание начальственное внезапно и почти поневоле, не искал он в Надеевской пустыни ничего иного, кроме ее блага и блага, вместе, Кривоезерской пустыни, то и другое казалось ему вполне совместным, но старцу Тимону, напротив, казалось это несовместным, и он хлопотал о пользе Надеевской только пустыни, в ущерб Кривоезерской, которую недолюбливал. 8 лет продолжалось подобное начальственное положение Никона в Надеевской пустыни: уступая все почести настоятельские старцу Тимону, он нес на себе всю тяготу настоятельского сана в этой пустыни и всю ответственность пред Кривоезерским игуменом; много потрудился при построении каменного храма, колокольни и прочих монастырских зданий в Надеевской пустыни, украсил храм ее иконами своих трудов; много приобрел для него священной утвари и ризницы, и вообще, после старца Тимона, много послужил к внутреннему и внешнему благоустройению этой обители.

К концу настоятельского послушания отца Никона в Надеевской пустыни, постигло его немалое искушение по поводу одного послушника, который состоял при нем в качестве ученика и келейника, отличался, по-видимому, благочестием и благонравием, и потому пользовался его доверием и любовью. Послушник этот, по любви к уединению отца Никона, нередко

был им посылаем по делам обители в мир, к родственникам отца Никона и к знакомым ему благодетелям, и в самой обители часто заменял его в надзоре за послушаниями братскими. Он сумел, вместе с тем, войти в доверие и к старцу Тимону и, перенося ему в измененном виде слова и отзывы о нем отца Никона, сильно вооружил его против последнего. Не подозревая, что любимый им ученик служил переносчиком к старцу Тимону его слов, Никон стал замечать сильное неудовольствие против него старца и, не видя к тому с своей стороны причины, очень недоумевал и скорбел. Наконец, решился объясниться со старцем Тимоном и тут только узнал от него всю истину о предательстве своего ученика, который этим еще не ограничился, но от имени Никона собрал довольно сумму денег от его родных и благодетелей, и с нею скрылся из обители. Больно все это было перенести боголюбивому Никону, видел он в этом и свою оплошность, причинившую вред обители и лишившую ее немало жертвования, сознавал, что негоден быть поэтому долее в звании начальственном, почему, с согласия старца Тимона, передал ему обитель Надеевскую всецело, себе же испросил увольнение от Кривоезерского игумена и позволение проживать в ней уединенно, не вмешиваясь ни в какие в ней начальственные дела. В Надеевской пустыни, которую стали тогда во множестве посещать миряне-богомольцы, он лишен был возможности уединяться от людей и начал усердно молить Господа Бога указать ему такое уединенное место, где бы мог он без помехи от людей служить Богу подвигами поста и молитвы. Господь услышал молитву его и послал ему указание в лице одной благочестивой странницы-подвижницы.

В городе Костроме, у тамошнего протоиерея Иоанна, проживала пожилых лет девица Татиана Павловна, которая всю жизнь свою посвятила благочестивым странствиям по святым местам, пешком обошла почти все монастыри русские, в иных из них бывала по нескольку раз и хорошо знала внутренний быт этих монастырей. Жизнь вела она строго подвижническую, обладала даром учительным и всегда старалась приобретать Христу души человеческие, в которых примечала способность к

богоугождению: ее убеждениями около 50 человек поступили в монашество, и она была хорошо известна настоятелям и настоятельницам монастырей, как истинная раба Божия и ревнительница монашества. Знал ее и иеромонах Никон, ибо бывала она в Надеевской пустыни. Пришла она и теперь в нее помолиться Богу. Отец Никон пригласил ее к себе в келлию и чистосердечно рассказал ей свою скорбь, что тяготится многолюдством Надеевской пустыни и желал бы найти себе место более уединенное. «Не знаешь ли ты, раба Божия, подобного места»? спросил он Татиану Павловну «Знаю», отвечала ему она и предложила ему на выбор три уединенные пустынные обители крайнего севера: Нило-Сорскую, Кирилловского уезда, Новгородской губернии, Щелочную, Устюжского уезда, той же губернии, и Александро-Ошевенскую, Каргопольского уезда, Олонецкой губернии, подробно описав ему как местоположение, так внутреннее и наружное состояние каждой из сих обителей. При этом ее описании, Нило-Сорская обитель более остальных ложилась на сердце отца Никона, и он преимущественно пожелал избрать ее местом своих подвигов. Но, привыкнув на все испрашивать благословение Божие, он, отпустив Татиану Павловну, стал усердно молить Господа Бога, указать ему Свою волю насчет того, какую из трех сказанных ему обителей избрать. Призывал он в молитве своей и угодников Божиих, почивающих в тех обителях преподобных отец: Нила Сорского, Гурия Шалоцкого и Александра Ошевенского, прося их испросить ему от Господа верное указание, кому из них послужить ему на месте их посмертного покоя. После молитвы этой сделал он три жребия, на которых написал имена обителей – Нило-Сорской, Шалоцкой и Александро-Ошевенской, и положил их пред иконой Божией Матери, прося Ее всеблагую указать ему ту обитель, где будет воля Божия ему обитать. По взятии жребия им от святой Богоматерней иконы, оказалось в нем имя Нило-Сорской обители, и так было сряду три раза, после чего отец Никон вполне убедился, что есть воля Божия жить ему именно в Нило-Сорской пустыни, которую с тех пор и звал он своим Богом данным жребием.

Призвав Татиану Павловну, рассказал он ей подробно, как молился об указании воли Божией, где ему подвизаться из трех указанных ею обителей, как бросил об этом жребий, как жребий трижды пал на Нило-Сорскую пустынь, и просил ее лучше разузнать касательно Нило-Сорской обители и ему сообщить, чтобы ему со временем туда переселиться. Татiana Павловна, отправлявшаяся в Белозерский край, обещала ему это. Когда пришла она в Кирилло-Белоезерский монастырь и посетила настоятеля этого монастыря, архимандрита Иннокентия, старца благочестивого, подвижнического настроения, то он спросил ее: «вот ты, раба Божия, ходишь по всем монастырям и все их хорошо знаешь, знаешь, верно, и старцев в них хороших; не укажешь ли ты мне старца пустыннолюбивого, способного переселиться в зависящую от нашего монастыря Нило-Сорскую пустынь и привести ее в лучший порядок?» – «Знаю такого старца», отвечала странница: «который жаждет подобного уединенного места и давно желает туда переселиться». – «Кто же он, и где его мне найти?» спросил ее архимандрит Иннокентий. «Это Надеевской пустыни иеромонах Никон», сказала ему Татiana Павловна и подробно рассказала о жизни и свойствах отца Никона: как он тяготится многолюдством Надеевской пустыни и ищет из нее переселиться в более уединенное место, как спрашивал ее указать ему какую-либо пустынную обитель, как предложила она ему на выбор три подобные обители, и как, после усердной его молитвы, троекратным жребием указана ему именно Нило-Сорская пустынь в место Богом определенное ему для подвигов духовных. Архимандрит Иннокентий, вслед за тем, написал отцу Никону любезное письмо, приглашая его нимало не медля приехать в Кирилло-Белоезерский монастырь и принять в свое заведование Нило-Сорскую пустынь, запущенную и требующую особых забот о ее восстановлении. Но отец Никон медлил ехать на зов архимандрита Иннокентия: каменный храм в Надеевской пустыни приходил к окончанию, немало потрудился он при его сооружении и желал потрудиться в украшении его святыми иконами, почему и остался он еще на некоторое время в Надеевской пустыни, заканчивать богоугодные труды свои к

благолепию сего храма. Архимандрит Иннокентий неоднократно опять писал ему и усиленно звал его потрудиться к восстановлению Нило-Сорской обители.

Покончив иконы для Надеевского храма, пожелал он храмовую икону его – Успения Богоматери, своего письма, украсить благолепной серебро-позолоченной ризой. Для этого отправился он за сбором к родным своим и знакомым, и при их помощи украсил икону эту ценной серебро-позолоченной ризой, с украшениями изображений на ней Спасителя и Богоматери жемчугом и драгоценными камнями; кроме того, собрал и денег для потребы обители, причем, и себе у родных своих испросил средства предпринять богомольное путешествие в Тихвин, на поклонение чудотворной иконе Тихвинской Богоматери, по давнему своему туда обету, намереваясь оттуда заехать в Кирилло-Белозерский монастырь к архимандриту Иннокентию и лично обозреть Богом данный жребий свой – Нило-Сорскую пустынь. Но враг рода человеческого, привыкший поставлять препоны благим начинаниям людей богоугодных, воздвиг и на отца Никона немалую скорбь, что попущено Господом для испытания твердости его духа и решимости служить Богу на свыше указанном ему месте. Возвратившись из поездки к родным своим, под праздник Воздвижения честного Креста Господня, 14 сентября, отец Никон приготовил себе повозку и коня, подговорил и некоего послушника Петра, выходца из Соловецкого монастыря, ехать с собою в путь в Тихвин и намеревался вскоре после праздника отправиться. Келлию занимал он двухэтажную, вверху сам жил, и там же сложены были у него пожитки и свои, и монастырские, хранились ценные вещи и деньги, стояла и икона Успения Богоматери в дорогой ризе. В Надеевской пустыни иноки жили тихо и небоязненно, часто не запирали своих келлий, и все было в них цело, почему о татьбе не имели тогда там и понятия. Ночь под 14 сентября была темная и бурная; отец Никон спокойно отдыхал в верхней своей келлии и ничего не слышал, что происходило внизу, где жили его келейные. После полуночи, когда заблаговестили в обители к всенощному бдению, отец Никон спокойно пошел в церковь, не заходя в нижние келлии

своих келейников; но они вскоре прибежали к нему в церковь и в испуге звали его скорее в келлию. Пришедши на зов их в свою келлию, нашел он окно в ней выставленным, и все пожитки свои, вещи и деньги, как свои, так и монастырские уворованными. Все было взято, ни одной копейки денег не осталось, а было их свыше 1000 рублей; только осталась целой и нетронутой дорогая икона Успения Богоматери, которая, хотя и стояла на видном месте в келлии, и блистала позолотой своей драгоценной ризы, осталась не взятой, что было сочтено отцом Никоном за особое чудо милосердия к нему Царицы Небесной и весьма ободрило, утешило его в постигшей скорби. Видя в татьбе этой скрытую сеть врага, отец Никон не отложил намерения своего немедленно после праздника ехать в задуманный путь. Не имея ни копейки денег, взял он заимообразно у старца Тимона двадцать рублей и с ними, и с благословением старца Тимона выехал мирно в дальний путь. По дороге у одного знакомого помещика признал он еще 50 рублей, далее же в дороге все нужное посылал ему Господь от благотворительных людей, так что с пути мог уже отослать занятые деньги как старцу Тимону, так и вышеозначенному помещику, и без нужды, благополучно исполнить свое обещание – поклониться чудотворной Тихвинской иконе Богоматери.

Из Тихвина, приехав в Кирилло-Белоезерский монастырь, был он с любовью принят настоятелем его, архимандритом Иннокентием, который был весьма обрадован его приездом и снова начал его упрашивать поселиться в Нило-Сорской пустыни и принять ее в свое управление. Нимало не медля, отправил он его в эту пустынь, осмотреть ее местоположение и здания, и ознакомиться с ее внутренним состоянием, которое было в то время весьма незавидно. В то время, когда прибыл в него иеромонах Никон, братии в нем было всего 8 человек: три иеромонаха, один иеродиакон и четыре послушника. Службы постоянной там не совершалось, ибо братия, по большей части, из штрафных Кириллова монастыря, посланные туда в наказание, проводили жизнь нетрезвую и беспорядочную. Из зданий монастырских, на возвышенном бугре, насыпанном руками преподобного Нила и его учеников на низменной

болотистой почве, теснились две небольшие ветхие церкви, одна – в честь Сретения Господня, другая – во имя святого Иоанна Предтечи, где стояла и рака преподобного Нила, да третья, малая деревянная церковь Покрова Богоматери, теплая, недавно пристроенная. Во всех этих церквях обители все было ветхо и убого, требовало обновления и улучшения. Ограды вокруг церквей не было никакой; небольшие ветхие келлии настоятельские стояли боком, близкие к падению; братские келлии, тесные, деревянные, тоже все были весьма ветхи и полуразвалились; скотный двор, погрязший в болоте, лежал в развалинах, и лишь овин на дороге в пустынь из Кириллова, да водяная мельница на пустынной болотистой речке Сорке, давшей наименование преподобному Нилу и его обители – Сорских, еще имели некоторый вид целости, все же остальные хозяйственные здания обители представляли лишь безобразные развалины. Напутствованный благословением отца архимандрита Иннокентия, поехал иеромонах Никон впервые посетить и обозреть Богом назначенный жребий свой – Нило-Сорскую пустынь. Не доезжая двух верст до пустыни, слышались ему веселые голоса и женское пение, и вскоре толпа женщин-работниц, с веселыми песнями, поравнялась с ним, что немало удивило отца Никона и довольно огорчило его, ибо никак не ждал он здесь себе подобной встречи. Спросив женщин, откуда они идут, узнал он, что были они на работе в пустыни, рубили там капусту для братии, и вот, возвращаются домой. Видно было по всему, что работницы были хорошо угощены в пустыни и возвращались домой в веселом настроении. Но в очень невеселом настроении духа, по поводу встречи этой, приехал в Нило-Сорскую пустынь отец Никон. Иеромонах, считавшийся в ней за настоятеля, отговорившись болезнью, не вышел к нему, прочая братия очень недружелюбно смотрели на прибывшего в обитель их посетителя, о котором и прежде, вероятно, слышали, что назначается сюда в настоятели для возобновления обители.

Зато пустынное местоположение обители, убогие ее храмы, священная гробница ее основателя – преподобного Нила, духовно пленили собою боголюбивую душу отца Никона. Пожив

несколько дней в Нило-Сорской пустыни и хорошо рассмотрев незавидное внутреннее ее положение, помолился он усердно преподобному чудотворцу Нилу и поехал в Кирилло-Белоезерский монастырь к отцу архимандриту Иннокентию, чтобы дать ему отчет о том впечатлении, которой вынес он из обозрения этой пустыни. Архимандрит Иннокентий встретил его расспросами, как и что нашел он в Нило-Сорской пустыни? «Хорошо, батюшка, очень хорошо там, сказал ему отец Никон, да более этого не знаю, что вам об остальном и сказать». Архимандрит понял его намеки и, помолчав немного, стал откровенно ему говорить о всех беспорядках Нило-Сорской братии, убедительно прося отца Никона помочь ему привести обитель эту в лучший порядок. «Человека не имам на это способного, говорил ему, между прочим, архимандрит Иннокентий чуть не со слезами, вот поэтому и выписал я тебя, старец Божий, ибо чувствует моя душа, что ты на это силен и способен Божией благодатью. Прошу тебя, ради Господа и великого угодника Его – не обленись и не откажись принять в свое полное управление, заведи в ней строгий чин и устав пустынных монастырей, а я во всем буду тебе помогать и содействовать. Авось, при помощи Божией, ты и успеешь привести сию святую обитель в лучший порядок». Убедительные просьбы архимандрита Иннокентия не могли не тронуть боголюбивую душу отца Никона: он изъявил свое согласие поселиться в Нило-Сорской пустыни и принять в ней звание настоятеля.

К этому был он, кроме того, убежден видением преподобного Нила Сорского, который во сне беседовал с ним и повелевал ему не отказываться от предлагаемого послушания начальственного в его обители, обещая ему свою помощь. Отправившись в Нило-Сорскую пустынь вторично, иеромонах Никон все еще жительствовавший в ней в качестве гостя, строителем же пустыни состоял престарелый и болезненный иеромонах Константин. Но архимандрит Иннокентий вскоре прислал в пустынь своих Кирилловских наместника и эконома, с предписанием передать формально пустынь в заведование отца Никона, которому написал по этому поводу трогательное

письмо, прося его именем Божиим не уклоняться от этого назначения. Отец Никон не был еще в то время перечислен из Костромской епархии в Новгородскую, тем не менее, принял на себя строительство Нило-Сорской пустыни. Возложившись на Господа, и укрепляемый Господом, ежедневную службу совершал он по началу строительства своего в Нило-Сорской пустыни сам неизменно, выполнял в точности все правило пустынное и мало-помалу приучал к тому свою братию. Общежитие тоже вводил, начиная с себя, и собою подавая пример другим. Что же касается искоренения винопития, то немало скорбей и горестных испытаний пришлось ему перенести, пока искоренил это зло в своей обители. Но и в этом Бог видимо ему помогал: начала собираться к нему пустынная и подвижническая братия со всех сторон, и вскоре собралось ее около 20 человек, так что мог он прежних неисправных братий заменить более исправными и поставить обитель свою в, подобающий ей, строго пустынный порядок. С увеличением братии встретила, однако, новая скорбь для ревностного строителя: ветхие кельи обители не могли вмещать собравшуюся уже к нему братию, были крайне ветхи и грозили разрушением, средств же никаких не было в обители к их возобновлению, ибо доходы ее еле хватили на прокормление братии и на расходы ежедневной службы церковной. Но отец Никон, повинувшись какому-то особому побуждению свыше, не остановился пред неимением средств для постройки новых келлий и, помолившись усердно Господу Богу и преподобному чудотворцу Нилу, испросил благословение и разрешение архимандрита Иннокентия, начать перестройку братских келлий.

Получив указ о переводе своем из Костромской епархии в Новгородскую и о назначении своем строителем Нило-Сорской пустыни, в 1837 году, с этого времени деятельно стал он обновлять здания пустыни: в этом помогали ему благочестивые жители недалеких от пустыни и не бедных посада Крохина и уездного города Белозерска, а также многие богомольцы из разных концов России. Всякую почти почту получал он довольно большое количество денежных писем, от разных, совсем незнакомых ему, лиц, нередко даже безыменные, с

приложением денежных жертв на обновление Нило-Сорской обители. Немало удивлялся этому отец Никон, с благоговением принимал доброхотные приношения христоролюбивых жертвователей и возносил за них усердные к Богу молитвы. Стекавшиеся, таким образом, с разных мест пожертвования дали ему возможность в течение трех лет почти вновь обстроить весь свой монастырь: построены были новые настоятельские и братские келлии, трапеза, келарня и прочие хозяйственные службы; обнесена была вокруг них деревянная ограда, потом вне монастыря, у колодца и прудка, выкопанных руками преподобного Нила, где он и жил, устроена часовня и небольшая келлия, для успокоения и уединения отца Никона, любившего туда по временам удаляться из обители. Довольно было приобретено церковной ризницы и утвари; заведено было приличное церковное пение, столповое и нотное, которого сам о. Никон был знаток и любитель; служба церковная совершалась чинно, продолжительно и благоговейно, что вскоре начало привлекать в Нило-Сорскую пустынь многих богомольцев не только из окрестных, но и из отдаленных мест. Пришлось поэтому отцу Никону устроить и помещение для богомольцев у стен своей обители: он построил удобную гостиницу и всегда старался, чтобы богомольцы находили в ней приют и ласку. Все здания обители, хотя были деревянные, смиренные по виду, отличались прочностью и опрятностью. Пустынная обитель процвела именно как крин в своей глухой, болотной, лесной дебри, процвела не только зданиями, но и благочестивым подвижническим житием своего строителя и братии. Слух об этом достиг северной столицы: там благочестивые люди стали интересоваться личностью отца Никона, стали присылать ему пожертвования, стали вызывать его для личного знакомства в С.-Петербург. Таковы были, особенно, Шереметева и Потемкина, и некоторые другие именитые особы петербургской знати, среди роскоши столичной и богатства не забывавшие и благочестия христианского. Неохотно ехал отец Никон в Петербург, но поездка эта была очень полезна его обители. Ласково принятый там во многих знатных домах, произвел он там собою самое хорошее

впечатление: смиренный, благочестивый, обладавший даром духовного рассуждения и учительства, сумел он вопрошавшим его о спасении души сказать слово душеполезное и наставление душеспасительное. Пишущему строки сии доставалось лично слышать от покойной Татианы Борисовны Потемкиной, одной из знатных особ, принимавших тогда в свои дома отца Никона и выслушивавших его духовные советы, самый восторженный о нем отзыв. «Это был старец смиренный и простой по наружности, говорила Татиана Борисовна, – и, когда впервые увидела я его у себя в гостиной, невольно подумала: какой он мужик во всем! Однако, когда стал он говорить со мною, то вдруг что-то особенное почувствовала я в себе, точно видел он меня всю насквозь, все изгибы души моей были открыты пред его проницательными глазами, и говорил он мне много такого, чего я никогда не забуду. Нужно сказать вам, что я, женщина замужняя, сблизившись с графиней Анной Алексеевной Орловой-Чесменской, как известно, девственницей и ревнительницей девства, начала сожалеть о своем замужестве, подчас даже мечтала о разводе и поступлении в монастырь, хотя душевно любила и уважала своего мужа. Мне казалось, что любовь к Богу нельзя совместить с любовью к мужу, потому происходила во мне борьба, из которой не находила я себе исхода. Естественно, не смела я и заикнуться пред посетившим меня, мало знаемым мною, строителем Нило-Сорским, отцом Никоном, об этой моей душевной борьбе; но каковы были мои изумление и ужас, когда он сам отчетливо стал говорить мне все то, что я чувствовала и испытала в этой борьбе! Он решительно воспретил мне именем Божиим искать развода и поступать в монастырь, советовал, живя в мире и супружестве, служить Богу добрыми делами, и строго подтвердил мне, что то, что Бог соединил, человек да не разлучает. Точно ношу тяжелую снял с меня тогда отец Никон, и я этого никогда не забуду: при помощи его советов я стала в то положение христианской супруги, в котором и теперь пребываю. Никакие доводы графини Орловой-Чесменской не влияли потом уже на меня, и даже сам архимандрит Юрьева монастыря отец Фотий далеко показался мне не тем, чем был для меня отец

Никон. Я очень рада была ему послужить, чем могла, для его святой обители, помогла и деньгами, помогла и связями своими при Дворе. Старцу желалось выхлопотать самостоятельность своей обители, но это встретило поначалу немалые препятствия в духовном ведомстве. Однако, впоследствии Бог помог это ему выхлопотать, при помощи еще некоторых расположенных к нему высокопоставленных лиц. Одно казалось мне только довольно странно: святая и смиренная личность отца Никона не понравилась графине Орловой-Чесменской, вообще, любившей и покровительствовавшей подвижникам. Когда с письмом моим явился к ней отец Никон, она очень холодно с ним обошлась и малым чем помогла нуждам его обители. Впоследствии, при свиданиях моих с графиней, я не раз заводила с нею разговор об отце Никоне, но всякий раз она видимо уклонялась высказать о нем свое мнение. Она точно боялась самого напоминания о нем, из чего я заключаю, не было ли тому виною какое-либо прозорливо-верное слово старца, ей не по желанию сказанное».

Во время поездки своей в Петербург, отец Никон стал лично известен не только архипастырю своему – митрополиту Новгородскому и С.-Петербургскому Серафиму, но и другим архипастырям – членам Святейшего Синода, между прочим, митрополитам – Филарету Московскому и Филарету Киевскому. Одна помещица Курской губернии, девица преклонных лет и благочестивого настроения души, во время молодости своей, будучи девушкой лет 16-ти, гостила в Петербурге у одной своей родственницы, богомольной старушки, богатой и знатной, с которой был знаком отец Никон и, бывая в Петербурге, всегда ее посещал. Вспоминая это время, помещица рассказывала: «бывало, придет старец в поношенной суконной рясе и, никого не спрашивая, прямо идет в моленную комнату хозяйки. Здесь наденет на себя епитрахиль и начинает молебен с акафистом Богоматери. Сам читает и поет, и так хорошо, что бывало заслушаешься. Голос у него был не высокий, но очень звучный и приятный. Хозяйка всегда была рада этому гостю: всех домочадцев своих, бывало, соберет слушать его молитвословия и наставлении. Покончив молебен, старец поздравствуется с

хозяйкой, благословит ее и всех ее домочадцев, сядет тут же в моленной на стул и, взяв Евангелие, начинает его читать понемногу и толковать прочитанное применительно к нуждам и потребностям слушателей своих. Я была резвая девочка, не утерплю, зашумлю, заговорю с кем-либо при этом чтении. Хозяйка остановит меня, велит не шуметь, но старец, точно ничего не слыша и не замечая, продолжает свое чтение. И вот, невольно и я притихну, стану вслушиваться, принимать в душу свою слова его чтения, и невольно слезы выступят при этом на глазах. А старец, хотя и читает, но все видит и замечает. Покончив чтение, подзовет к себе, погладит по голове и скажет ласково: «Умница ты у меня сегодня, всплакнула для Бога, это хорошо: плачь так, дочь моя, почаще, эти слезы драгоценны пред Богом». А то, бывало, и меня заставит вслух читать Четьи-Минеи или творения препод. Ефрема Сирина, сам же слушает, а потом остановит и станет разъяснять прочитанное мною, просто, но вразумительно и трогательно, так что все мы, слушавшие его, бывало, расплачемся. Одно время старец около месяца прожил в Петербурге и очень часто бывал у моей родственницы. Он благословил ее иконой преподобного Нила Сорского своей работы, и эта икона после ее смерти досталась в благословение от нее мне, и я теперь берегу ее как святыню, в память доброго старца отца Никона».

Возвратившись из Петербурга, отец Никон прилагал особое старание, чтобы удовлетворять духовные нужды приходивших в обитель его богомольцев, но тут большее стеснение и скорбь причиняли ему малые и ветхие храмы Божии его обители. Две небольшие деревянные церкви – Сретенская и Предтечевская, стоявшие почти рядом, были столь малы, что в последней из них, где была рака мощей преподобного чудотворца Нила, не могла поместиться даже вся братия обители, а богомольцы, по большей части, стояли летним временем вне церкви при богослужении, что очень огорчало ревностного строителя. Теплая церковь Покровская тоже была мала, весьма непрочной постройки, грозила падением и требовала немедленной починки. В обители собралась небольшая сумма денег, оставшаяся от монастырских построек, из пожертвований

иногородних и петербургских. Отец Никон задумал поначалу возобновить на сии деньги эту более требовавшую починки Покровскую церковь и собирался ехать к архимандриту Иннокентию, чтобы о сем с ним посоветоваться и испросить его благословения на предполагаемую перестройку Покровской церкви. Но архимандрит Иннокентий, довольно часто посещавший Нило-Сорскую пустынь и любивший от души отца Никона, сам приехал к нему и завел разговор о неудовлетворительности храмов Божиих обители. Когда отец Никон сообщил ему свое предположение касательно перестройки Покровской церкви, архимандрит Иннокентий сказал ему, что не только эта церковь, но и остальные две столь ветхи, что требуют неминуемой перестройки. «Вот, что скажу я тебе, старец, говорил архимандрит: давно уже у меня это на мысли: чем поправлять и перестраивать эти ветхие деревянные церкви, лучше одну, да каменную построить. Бог поможет, и угодник Божий будет споспешествовать». Удивлялся этим словам архимандрита отец Никон и немало обрадовался, ибо сам был тех же мыслей, и не раз подумывал о постройке каменной церкви, но не смел о сем сказать архимандриту, в виду неимения к подобной постройке средств в его обители. Но теперь, когда архимандрит сам об этом заговорил, счел он это за указание воли Божией и вдохновенно сказал: «мне, отче, давно эта мысль покою не дает, и желание великое есть ее осуществить; теперь же из слов ваших вижу, что так Богу угодно. Только, чтобы храм Божий был в честь Успения Богоматери, и я не сомневаюсь, что помощью Пресвятой Богородицы все потребное для его постройки будет послано». С тех пор, с благословения архимандрита Иннокентия, отец Никон стал готовить материалы для постройки каменной церкви, архимандрит же послал от себя прошение к своему духовному начальству о разрешении построить в Нило-Сорской пустыни, вместо имевшихся в ней ветхих деревянных церквей, одну каменную трехпрестольную церковь. В это время случилось небольшое искушение для отца Никона: благорасположенному к нему архимандриту приближенные к нему люди успели наговорить, будто отец Никон недоволен настоятельством

своим в Нило-Сорской пустыни, как подведомой Кирилло-Белоезерскому монастырю и небогатой средствами, и что, бывши в Петербурге, хлопотал он о переводе его в иную, самостоятельную и более богатую обитель. Архимандрит Иннокентий, искренно любивший старца, не совсем доверял этим слухам, но вдруг получает требование от Новгородского и С.-Петербургского митрополита Серафима, отпустить отца Никона в строители Антониево-Дымского монастыря. Требованием этим отец Иннокентий был очень огорчен, предполагая, что идет оно с согласия самого отца Никона, по его желанию и просьбе. Вытребовав к себе отца Никона, объявил он ему требование митрополита и с огорчением сказал: «что, старец, ты, видно, сам хочешь оставить пустынь нашу и нас?» Но каково было его удивление, когда отец Никон стал всячески отказываться от нового назначения и убедительно просил его написать митрополиту, что он, по обету, Богу данному, не может оставить Нило-Сорской пустыни, по болезненности своей отнюдь не может понести новоназначаемой ему должности. Услышав это, архимандрит Иннокентий несказанно обрадовался и, заключив старца в свои объятия, сказал ему: «ну, старец Божий, теперь я и ангелу не поверю, если что зло о тебе скажет, ибо вижу, что ты не ищешь ничего, кроме того, что хочет Бог. Слава Богу, ты меня вполне теперь успокоил». Архимандрит написал от себя митрополиту о нежелании Никона оставлять Нило-Сорскую пустынь и о крайней его болезненности, и просил оставить его на прежнем месте его служения, что митрополит и исполнил. С тех пор архимандрит Иннокентий вполне уже во всем доверял отцу Никону, не слушал наговоров на него людских и всячески способствовал ему в благоустроении внутреннем и внешнем Нило-Сорской пустыни.

Но вскоре за тем сам, отец Иннокентий был переведен настоятелем в Иверский Валдайский монастырь, а на его место в Кирилло-Белоезерский монастырь настоятелем был назначен архимандрит Рафаил. Новый настоятель тоже любил отца Никона, ибо видел в нем ревностного и боголюбивого труженика, весьма полезного для заведываемой им обители. С

благословения архимандрита Рафаила заложен был руками отца Никона каменный трехпрестольный храм в Нило-Сорской пустыни над гробом преподобного чудотворца Нила, впоследствии сделавшийся пятипрестольным. Для этого нужно было ветхие деревянные церкви – Сретенскую и Предтечевскую разобрать, и насыпной холм, где они стояли, несколько разровнять. Отец Никон в память преподобного Нила пожелал сохранить малую Предтечевскую церковь, стоявшую много лет над его ракой. Он бережно разобрал эту церковь и перенес за ограду монастыря, к колодцу, по преданию, вырытому самим преподобным Нилом, где была некогда и его келлия. Тут поставил он в обновленном виде эту малую деревянную церковку и в ней собрал древние иконы из обеих разобранных церквей, священную же раку преподобного Нила, на время постройки каменной церкви, прочно оградил досками и всячески заботился о ее неприкосновенности. В новом каменном храме место посмертного покоя Сорского чудотворца, святыми мощами почивающего под спудом в недрах земли, приходилось почти посередине храма, и это давало возможность не нарушать целостность почвы вокруг раки. При работах для приготовления почвы под стены нового храма, холм, насыпанный на болотной почве руками преподобного Нила и его учеников, пришлось частью снять, частью разровнять, и, так как в древности вокруг церквей на холме этом было братское кладбище, то при разравнивании холма найдено было много человеческих костей. Кости эти очень мелко лежали в земле, не выше аршина в глубину, и были тщательно собраны отцом Никоном в одну общую могилу, устроенную тут же близ церкви. При этом собирании им смертных сих останков, в одном месте, неподалеку от раки преподобного Нила, вырыты были человеческие кости, отличавшиеся особою желтизной и благоуханным от них запахом: точно капли мира виднелись на этих костях, что невольно обратило внимание отца Никона. Он особенно собрал их в деревянный ящик и поставил в своей келлии, с намерением впоследствии, при построении церкви, честно погребсти их в ней на том же месте, где они были обреты.

Волей Божией это обстоятельство послужило источником и причиной многих тяжких скорбей и горестных испытаний для отца Никона. Враг всякого добра воздвиг на него гонение жестокое через людей. Доброго подвижника к этому испытанию, требовавшему от него великой крепости духа, Господь приготавлиал сновидениями поразительными: то виделся ему во сне большой крест, на котором предлежало ему быть распяту, то путь, покрытый колючим тернием, по которому нужно было ему идти; наконец, однажды, утомленный трудами и заботами по построению храма, при котором нередко и сам собственноручно работал, прилег он отдохнуть и видит в тонком сне, точно солнечный луч воссиял над ним с высоты небесной, за которым шествовали к нему несколько святолепных мужей, а за ними Сам Спаситель наш Иисус Христос. Желая пасть к ногам Его и поклониться Ему богоподобно, не мог он этого сделать от расслабления чувств и неизъяснимой радости от этого видения. Господь благословил его и сказал: «тебе нужно быть от Меня спасену»! Никон подумал, слыша эти милостивые Господни слова: «как мне спасену быть и за что, столь великому грешнику?» – «Так Мне угодно, отвечал на мысль его Господь, но только прежде нужно тебе много пострадать». Этим закончилось видение, оставив в душе отца Никона ощущение неизъяснимой духовной радости. В числе Нило-Сорской братии был один иеромонах, из духовного звания, окончивший курс семинарии, по имени Израиль. Он был, по-видимому, весьма благочестив и за это пользовался доверием и любовью отца Никона, сам же питал к нему тайную зависть и недоброжелательство. Обретенные отцом Никоном при копании рвов церковных благоуханные кости, которые затем хранил он в своей келлии, дали повод этому иеромонаху написать донос Новгородскому епархиальному начальству, что строитель Нило-Сорской пустыни иеромонах Никон самовольно откопал святые мощи преподобного Нила, Сорского чудотворца, и неблагоговейно хранит их в своей келлии, в особом ковчеге. Донос этот возбудил следственное дело; была прислана следственная комиссия от епархиального начальства, для дознания на месте, в Нило-Сорской пустыни, о всех действиях

по этому поводу строителя иеромонаха Никона, и, хотя донос во многом не оправдался, – место посмертного покоя преподобного Нила найдено целым и не разрытым, с стоявшей над ним его гробницей, – тем не менее, за самовольный поступок удержания найденных костей в своей келлии и за недонесение о сем своему духовному начальству, иеромонах Никон был епархиальным начальством отрешен от строительской должности в Нило-Сорской пустыни, запрещен на один год в священнослужении, рукоблагословении и ношении монашеской одежды, и сослан на заточение в Иверский Валдайский монастырь, под строгий присмотр настоятеля, с тем, чтобы по истечении годичной епитимии, если окажет признаки исправления, разрешить ему священнослужение и ношение монашеской одежды, но навсегда остаться в числе Иверского братства. Указ о сем Новгородской духовной консистории последовал 14 ноября 1844 года, и тем закончилось почти трехлетнее пребывание под судом отца Никона, принесшее ему много скорбных и горьких испытаний.

Лишенный священства и монашества, под именем только Никона послан был он 27 ноября 1844 года в Иверский монастырь. Немалым утешением ему в ссылке в Иверском монастыре послужил тамошний настоятель, хорошо знавший его и любивший, архимандрит Иннокентий. С любовью принял он в обитель свою истомленного долгим следствием отца Никона. Никон скорбел сильно и неутешно, особенно в начале пребывания своего в Иверском монастыре; но тут посетила его утешением благодатным Сама Владычица, Пресвятая Богородица, и вдохнула в него силу и крепость мужественно нести крест постигших его скорбей. Находясь здесь в великой скорби, изливал он скорбь свою в молитвах пред своей святой иконой Богоматери, прося Ея, милосердную и всеблагую Утешительницу всех скорбящих, не оставить его, несчастного, в подобном невыносимом скорбном состоянии духа, но подать ему облегчение и силу, благодушно переносить постигшее его испытание. Однажды вечером, окончив свое молитвенное правило, почувствовал он сильный приступ жгучей скорби, от которого даже ослабел телом, присел на стул против этой

свитой иконы и как бы забылся легкой дремотой. Вдруг осиял его светлый луч от иконы Богоматери и послышался глас от нее: «что ты так скорбишь сильно и изнемогаешь? Не скорби, скоро будешь утешен». Услышав этот дивный глас, Никон упал со стула на пол и лежал на нем как расслабленный, не имея сил двинуть ни одним своим членом. И вот, вторично послышался ему глас от иконы: «будешь опять в Нило-Сорской пустыни, и в ските храм святого Предтечи освятится, и ты будешь в схиме». Нужно сказать в объяснение этого, что Никон, скорбя о разлучении своем с Нило-Сорской пустынью, между прочим, особенно скорбел о том, что древний деревянный храм Предтечи, стоявший прежде над гробом преподобного Нила и потом перенесенный им за ограду, к колодцу преподобного, где устроил он себе небольшой скит, оставлен им неосвященным. Он искренно желал со временем уединиться при этом храме и в святой схиме подвизаться при нем во спасение. И вот, все это обещает ему глас от иконы Богоматери и сим благим обетованием несказанно утешает его скорбящую душу. С тех пор почувствовал он видимое облегчение своей скорби и, внимая умом благому обетованию Владычицы, искренно верил в его исполнение, ждал этого терпеливо и бодро нес свою епитимию.

Отец архимандрит Иннокентий всячески утешал его, так что отец Никон, вспоминая впоследствии об этом времени заточения своего, говорил: «это было мне не заточение, а покой сладкий, ибо был я в гостях у Пресвятой Владычицы и угодника Божия, праведного Иакова Боровицкого, и у доброго отца моего и благодетеля архимандрита Иннокентия». Действительно, после многих трудов и забот отца Никона в Нило-Сорской пустыни, пребывание в Иверской обители могло показаться ему упокоением. Здесь, никем и ничем не развлекаемый, знал он только церковь Божию, да свою келлию, где упражнялся в молитве и чтении душеспасительном, занимался и иконописанием. Он написал, между прочим, во время пребывания своего в Иверском монастыре, три верных по размеру и изображению списка с чудотворной иконы Иверской Богоматери, из которых один послал в любимую свою Нило-

Сорскую пустынь. Скорбно было ему лишение священнодействия и монашеской одежды в первый год пребывания его в Иверском монастыре, но отец архимандрит Иннокентий постарался ранее истечения годичного срока его запрещения выхлопотать ему разрешение священнодействовать и носить монашескую одежду, то есть рясу, мантию и клобук. Это было немалой отрадой для отца Никона, ибо опять мог он по-прежнему часто литургисать и поддерживать душу свою хлебом небесным тела и крови Христовых. Верил он в неложное обетование Богоматери, что опять будет он в Нило-Сорской пустыни; но годы шли, и, по видимому, предстояло ему навсегда остаться в числе братства Иверского монастыря. Истекал уже третий год пребывания его в Иверском монастыре. Опять постиг его скорбный удар: благодетель его и друг духовный отец архимандрит Иннокентий скончался, и с ним потерял он не только покровителя и утешителя, но и надежду со временем переселиться опять в Нило-Сорскую пустынь, горько оплакивал он архимандрита Иннокентия и всегда о нем с большим уважением и признательностью потом вспоминал, всю же надежду свою затем возложил на Богоматерь и непрестанно молил Ее исполнить, какими Сама знает судьбами, Свое обетование и возвратить его в Нило-Сорскую пустынь. И Владычица мира вняла молитвам его и чудно устроила его возвращение.

Благочестивая Татиана Борисовна Потемкина, имевшая поместье в Новгородской губернии – село Гостилицу, летом 1847 года там гостила и вздумала оттуда проехать на богомолье в Иверский монастырь. Она, хотя и слышала о невзгоде, постигшей отца Никона, и о том, что он более не настоятельствует в Нило-Сорской пустыни, но совсем не знала, что он заточен в Иверском монастыре. Приехав в этот монастырь на богомолье, она была очень удивлена, когда в церкви отец Никон подошел к ней и о себе напомнил. Расспросив его подробно обо всем, с ним бывшем, и как попал он в Иверский монастырь, приняла она большое в нем участие и обещала по возможности за него похлопотать в Петербурге. «Тронул меня угнетенный вид старца отца Никона, вспоминала

впоследствии Татиана Борисовна; был он точно сирота на чужбине, и я невольно прослезилась, слушая его скорбную повесть, как и зачем попал он в Иверский монастырь. Приехав по осени в Петербург из Гостилицы, начала я хлопотать у знакомых мне членов Святейшего Синода, нельзя ли старца снова отпустить из Иверского монастыря в Нило-Сорскую пустынь. Но мне сказали, что это невозможно, ибо заточен он туда по указу Государя, что один только Государь и может облегчить участь заточенника. Была я вхожа во дворец, пользовалась милостями Государя Императора Николая Павловича и Государыни Императрицы Александры Феодоровны. Раз, бывши во дворце, воспользовалась я случаем и рассказала в присутствии Государя и Государыни о своем путешествии в Иверский монастырь, и как встретила там старого знакомого отца Никона, причем, подробно изложила его историю, заявила, что строгий он подвижник, сослан в заточение по неправильному доносу и вот, теперь одного только и желает, чтобы позволено было ему возвратиться в любимую его Нило-Сорскую пустынь, и там дожить свой век в подвигах пустынных. Государыня Александра Феодоровна очень заинтересовалась моим рассказом и спросила меня: «отчего же это старцу нельзя возвратиться в Нило-Сорскую пустынь»? Я отвечала, что он сослан в Иверский монастырь по указу Государя, и что поэтому один Государь только и может разрешить ему оттуда выйти в Нило-Сорскую пустынь. Государыня, обратившись к Государю, начала просить его дать старцу это разрешение. Я тоже присоединила свои просьбы об этом к Государю, и он был так милостив, что обещал нам повелеть через обер-прокурора Святейшего Синода возвратить отца Никона на житье в Нило-Сорскую пустынь. Боялась я очень, что Государь, среди множества забот государственных, позабудет об этом сказать обер-прокурору, и озаботилась навести потом справки у сего последнего об этом. Но я узнала, что Государь слово свое исполнил, повелел возвратить старца в Нило-Сорскую пустынь, о чем уже послан и указ в Новгородскую духовную консисторию». Действительно, Высочайшее повеление об этом, в указе Святейшего Синода от 14 ноября

1847 года, было получено в Новгородской духовной консистории, вследствие чего она, указом своим от 29 ноября того же года, и переместила иеромонаха Никона в Нило-Сорскую пустынь, под бдительный надзор настоятеля. Старец, впрочем, не долго пожил в Нило-Сорской обители, но с благословения ее настоятеля переселился в скит святого Предтечи, находившийся за оградой обители, подле колодца и прудка, ископанных, по преданию, руками самого преподобного Нила, Сорского чудотворца. Еще во время настоятельства своего в Нило-Сорской пустыни, отец Никон построил тут себе для уединения небольшую келлию, внутри всю ее расписал своими руками, изображениями святых, душеспасительными изречениями, и нередко удалялся в нее на отдых и безмолвие от сует настоятельской своей должности. Теперь же, по возвращении своем в любимую свою пустынь, он избрал этот небольшой скиток своим местожительством и ревностно стал заботиться о его благоустройстве. Привез он с собой и святую икону Иерусалимской Богоматери, составлявшую неоценимое его сокровище и духовное утешение ему в скорбях. С нею никак не думал он когда-либо разлучаться, но Пресвятой Владычице Богородице угодно было даровать эту благодати причастную икону на благословение русской, на Афоне, обители святого великомученика и целителя Пантелеймона, о чем иеромонах Никон повеление от Нее Самой получил в таинственном видении, почему и послал икону эту 8 ноября 1850 года в русскую Пантелеймонову, на Афоне, обитель. По отправлении на Афон святой иконы Богоматери Иерусалимской на другой год, в 1851 году, Нило-Сорская пустынь, состоявшая приписной к Кирилло-Белозерскому монастырю, Святейшим Синодом восстановлена самостоятельной, и иеромонах Никон причислен к ее братству. Самостоятельность обители преподобного Нила составляла всегда искреннее желание старца Никона. Со времени переселения своего в эту пустынь из Иверского монастыря, он, хотя и не принимал видимого участия в делах ее, тем не менее, нравственным авторитетом своим и благим подвижническим примером руководил ко благу и строителя, и братию пустыни, глубоко его уважавших.

С 8 февраля по 1 августа 1852 года, он, за отсутствием строителя по делам служебным, управлял вместо него Нило-Сорской пустынью. Особенное попечение прилагал он о том, чтобы древний храм святого Предтечи, стоявший некогда над гробом преподобного Нила, потом перенесенный им за ограду на место пустынной келлии преподобного Нила и остававшийся около 10 лет неоконченным и неосвященным, по случаю постигших его скорбей и отсутствия из Нило-Сорской пустыни, привести к окончанию и освятить, чего и удалось ему достигнуть в том же 1852 году. 15 ноября сего года совершилось освящение этого малого деревянного храма, священного памятника древности, если и не современного самому преподобному Нилу, то очень близкого к нему по времени своего построения. Обновленный и украшенный святыми иконами, древними и новописанными рукой отца Никона, много в этом потрудившегося, храм сей привлекал взоры своею древностью и священной красотой. На другой день по освящении храма Предтечи, 16 ноября 1852 года, отец Никон, по давнему своему желанию, принял пострижение в великий ангельский образ, святую схиму, причем в честь преподобного Нила, Сорского чудотворца, принял его имя и стал уединенно жить и подвизаться при пустынном Предтечевом храме, напоминая подвигами своими подвиги прежнего обитателя сего места, теперь соименного ему Сорского чудотворца. Водворение подвижника Божия в Нило-Сорской пустыни имело само благотворное для нее последствие: во время трехлетнего отсутствия его в Иверском монастыре, пустынь стала видимо упадать и средствами материальными, и подвижническим духом братии, теперь же все изменилось в ней к лучшему, ибо было кому привлекать в пустынь боголюбивых посетителей и воодушевлять братию словом душеполезным, и примером подвижничества высокого. Смирренный старец, уклонявшийся от всякого превозношения, втайне проходивший свой подвиг, тем не менее, помимо воли своей был светильником благочестия для своих ближних. Он светил добрыми делами своими, за которые люди прославляли Отца небесного, Бога и во множестве стекались в Нило-Сорскую пустынь – одни, чтобы

принять благословение и получить наставление духовное от старца иеросхимонаха, другие, чтобы посвятить себя подвигам иноческим под его руководством. Получавшие от старца блага духовные жертвовали в нее деньгами, вещами и припасами.

Живя в скитке своем при Предтечевой церкви, старец Нил принимал посетителей, давал советы духовные и редко когда имел свободные минуты для отдыха. В то время священнослужителей еще мало было в обители, а он ревновал, чтобы ни один день не проходил в ней без божественной литургии, почему ежедневно сам служил, не щадя своих сил и покоя. Литургисать всегда составляло для него высшее утешение духовное, и он считал тот день потерянным для себя, если почему-либо не литургисал, или хотя не присутствовал при литургии. Кроткий, смиренный, весь сосредоточенный в себя, старец привлекал к себе и светских, и духовных посетителей обители. В то время благочинным монастырей того края состоял настоятель Кирилло-Новоезерского монастыря архимандрит Иаков. По должности благочиннической посещал он Нило-Сорскую пустынь с особым всегда утешением духовным и, не заходя в обитель, прямо с пути направлялся в скит старца Нила, к которому питал великую о Христе любовь, дружбу и уважение. Старец тоже очень любил и чтит отца архимандрита, последний откровенно говорил с ним, пользовался его советами и указаниями, и нередко выслушивал от него даже обличения своим немощам. Повидавшись со старцем и насладившись беседой его, входил отец архимандрит, по своей благочиннической должности, в Нило-Сорскую обитель и всячески старался примером своим поддерживать в ней уважение к старцу, бывшему истинным ее благодетелем и духовной красой. В памяти своей отец архимандрит Иаков сохранил немало дивных событий со старцем Нилом, которых был он свидетелем и очевидцем. Посещая старца Нила, отец Иаков очень желал видеть и его у себя в гостях в Кирилло-Новоезерском монастыре: неоднократно приглашал его к себе, предлагая прислать за ним лошадей, но старец, по любви своей к уединению, все отказывался от поездки к нему под разными предложениями, что немало огорчало отца архимандрита. Но

однажды, совершенно неожиданно, вдруг является к нему в Кирилло-Новоезерский монастырь старец иеросхимонах Нил и рассказывает ему следующее: «раз заснул я немного и вижу, что подходит ко мне какой-то человек в монашеской одежде. Я спросил его: «кто ты?» – «Я Кирилл Новоезерский, – отвечал он мне и продолжал: – ты желал посетить мою обитель, но по сие время этого не исполнил. Вот, я сам пришел звать тебя к себе. Иди, теперь для этого время самое благоприятное». При этих словах я проснулся и видел явно, что святолепный муж отворил двери моей келлии и вышел из нее.

И вот, тотчас, нимало не медля, пеший пошел в Новоезерский монастырь. Старец пошел, как был в келлии, в легком холщовом балахоне и босой, несмотря на то, что время стояло ненастное и холодное. В городе Белозерск обночевал он в доме знакомого купца Меркушина, по, по-видимому, мало спал ночью, а более бодрствовал в молитве. Рано утром, пока хозяева дома еще почивали, тайком ушел он из их дома и отправился в дальнейший путь. В образе нищего шел уважаемый во всей той окрестности старец и всячески старался не быть узнан от встречавшихся с ним путников. Но вот, повстречалась с ним помещица Рындина, ехавшая из Белозерска в свое имение. На Солмызском перелеске увидела она нищего старца, идущего не без труда босыми ногами по мерзлой земле. Всмотревшись в лицо старца, к великому своему удивлению и ужасу узнала она в нем великого подвижника Нило-Сорской пустыни отца Нила. «Вы ли это, батюшка, отец Нил?», крикнула она ему, остановивши экипаж и бросившись к нему с поклоном. «Я, грешный Нил», смиренно отвечал ей старец. Старец весь продрог, дрожал всем телом, окоченевшим от холода, и еле мог говорить. Сердобольная помещица уговорила его сесть в ее крытый возок, укутала его меховым одеялом, и сама привезла его в Новоезерский монастырь. Несказанно рад был ему настоятель Новоезерский – отец архимандрит Иаков, принял его как ангела Божия и закидал вопросами, как случилось с ним это дивное путешествие и как решился он по такому холоду в такой легкой одежде путешествовать да еще пешком и босой. «По особому

откровению Божию и при помощи Божией пришел я посетить вас», отвечал ему старец и просил проводить его в церковь к раке святых мощей преподобного Кирилла, Новоезерского чудотворца, на вскрытии почивающего в том монастыре. При поклонении святым мощам преподобного Кирилла старец Нил сказал отцу Иакову: «я видел раку преподобного наискось стоящей, и из раки встал сам преподобный Кирилл и сказал мне: «вот, я и ты спасены, но в обители моей много беспорядков!» Какие были это беспорядки, архимандрит Иаков сейчас понял, ибо, поступив недавно настоятелем в Новоезерский монастырь, видел он и сам некоторую нравственную распущенность в тамошней братии, нередко нетрезвость, тогда как преподобным Кириллом было строго заповедано отнюдь не приносить в его монастырь и не иметь в нем хмельных напитков, а также не дозволялось женщинам ходить по келлиям братским. Сознавшись чистосердечно перед старцем во всех сих неисправностях своей обители, о. Иаков дал ему обещание все это прекратить в обители преподобного Кирилла и просил его помолиться угоднику Божию, чтобы не гневался он на него и помог ему все исправить по его законоположению. «Вижу и понимаю теперь, зачем призвал вас сюда преподобный Кирилл», говорил отец Иаков старцу, и с тех пор с особой ревностью стал искоренять в обители Новоезерской нетрезвость и возбранять посещения женского пола, в чем на время настоятельства там и успевал.

Во время пребывания старца Нила у отца Иакова, гостил у него его родной отец, старец – заштатный священник Тульской губернии, и встреча с ним старца Нила была самая трогательная. Оба старца с любовью облобызались, как родные братья, и долго смотрели друг на друга, как бы знакомясь душами своими, светившимися в их кротких старческих взорах. В то же время, для снятия фотографического портрета со своего родителя, был приглашен отцом архимандритом Иаковым фотограф. Воспользовавшись этим обстоятельством, отец Иаков стал упрашивать отца Нила позволить и с него снять фотографический портрет. Очень неохотно согласился на это старец, и то, единственно, чтобы не огорчить любимого им отца

архимандрита. Портрет со старца был снят и довольно удачно; он стал драгоценностью для почитателей старца Божия, ибо весьма верно изображает святолепные черты его лика.

Во время пребывания старца Нила у отца архимандрита Иакова посетили последнего благотворившие его обители помещицы – госпожи Лесковы. Отец Иаков убедительно просил отца Нила выйти к ним в его приемную комнату и утешить их своею беседой и благословением. Старец на это не согласился и до тех пор не вышел из своей келлии, пока помещицы не уехали от отца архимандрита. После отъезда их, он внушительно сказал отцу архимандриту: «на будущее время не принимайте женщин в своих келлиях, чтобы тем не подавать дурного примера своей братии». Отец архимандрит объяснил ему, что уехавшие помещицы благотворят его обители, и что принимает он их у себя с совета и по желанию своей братии. Но старец стоял на своем и сказал с некоторой строгостью: «а я советую вам не принимать их в свою келлию, ибо монаху не следует беседовать с женщинами». Отец архимандрит обещал ему остерегаться женских посещений. С этого времени отец архимандрит Иаков проникнулся к старцу еще большей о Христе любовью и уважением, и сам старец стал к нему в самые откровенные духовно-родственные отношения. Он ценил в отце Иакове ревность к иноческому житию и благоустройству его обители, ибо и сам он вел примерно подвижническую жизнь, и подведомственную ему братию умел направлять к преуспеянию духовному. Старец неоднократно изъявлял искреннее желание видеть отца Иакова настоятелем Кирилло-Белоезерского монастыря, более близкого к его пустыни и требовавшего настоятеля благоискусного, для поднятия в нем упадавшего иноческого жития, и говорил, что рано или поздно исполнится это его желание, и отец Иаков будет настоятелем обители преподобного Кирилла, Белоезерского чудотворца, что действительно потом и исполнилось. Отец Иаков совершенно неожиданно для себя был переведен из Новоезерского в Белоезерский Кириллов монастырь, который нашел требовавшим многих от него трудов и забот для улучшения его внутреннего состояния и в котором и доселе трудится он для

блага духовного вверенной ему святой обители. Здесь, по соседству с Нило-Сорской пустыней, отец Иаков имел возможность чаще видаться со старцем Нилом и пользоваться его душеполезными беседами.

С обычной прямоотой своей старец предлагал ему свои замечания и советы, и отец Иаков всегда принимал их с любовью и старался осуществлять. Так, по окончании академического курса, в бытность наставником Харьковской семинарии, отцу Иакову приходилось нередко заниматься учеными трудами глубоким вечером и ночью, причем иногда овладевала им сильная дремота. Для устранения ее и для возбуждения мысленной деятельности, он стал нюхать табак и это со временем обратилось у него в привычку, от которой впоследствии, при всем желании ее оставить, он никак не мог отстать. Однажды, во время беседы своей со старцем Нилом, пожаловался он ему на свое бессилие в борьбе с этой, тяготившей его, привычкой. Старец решительно ему на это сказал: «вы можете ее оставить». – «В том-то и дело, отче, что не могу ее оставить», возразил ему отец Иаков. Но старец еще более внушительным тоном и с несомненной уверенностью опять ему сказал: «да, вы можете ее оставить, и я уверен, что с этого времени навсегда ее оставите». Слова эти были им сказаны с такой уверенностью, что она невольно сообщила и отцу Иакову. Возложившись на св. молитвы старца Божия, начал он удерживаться от употребления нюхательного табака и к великому своему удивлению не чувствовал никакого к нему влечения, тогда как прежде при всех попытках бросить его не мог никак сего достигнуть. Освободившись с тех пор навсегда от тяготившей его привычки, приписал он это единственно благодатному действию святых молитв старца Нила.

Что старец Божий не чужд был многих даров благодати Божией и что молитвы его сильны были пред Господом, тому бывали многие доказательства в его жизни. Сам старец редко когда даже выходил к посетителям, а к женщинам никогда не выходил и не вступал с ними в беседы; самый вход в скит его был воспрещен женскому полу, отвечал же на вопросы, большей частью, или устно через келейника своего, или через

записки, на которых он начертывал собственноручно карандашом ответы. Рассказывает отец Герасим, что любил старец, если нет богомольцев, уединенно прохаживаться из скита своего по дорожке в монастырь. Дойдет до речки Сорки, посидит на лавочке и пойдет себе далее в пустынную лесную чащу. Так, однажды, в келейном белом балахончике, со скуфейкой на голове и посошком в руке, пошел он в обычную свою прогулку, смотря по обычаю своему в землю и углубляясь в молитву умную. Вдруг послышался ему сильный крик и рев. Смотрит, впереди идет толпа богомольцев в пустынь, и среди них – женщина, одержимая беснованием; увидев его издали, она упала в судорогах на землю и испускала дикие крики. По мере приближения к ней старца, она все более неистово кричала и корчилась в конвульсиях. Старец подошел к ней, осенил ее крестным знамением и произнес над ней молитву. И она тотчас же утихла, встала и тихо побрела за другими богомольцами в обитель, а старец пошел своею дорогой далее. Пришедши в гостиницу, богомольцы рассказали гостиннику о своей встрече по дороге с неким старичком, в белом балахончике и скуфейке, и о том, как приближение его смутило бывшую с ними бесноватую, и как затем благословение его и молитва ее умиротворили. Гостинник сейчас понял, что это был старец Нил, о чем и объявил богомольцам. Они очень сожалели, что, не зная сего, не приняли от него благословения. Бесноватая же, во все время пребывания своего в Нило-Сорской пустыни, вела себя тихо и благоговейно; посещала церковную службу, усердно молилась и, с надеждой на полное исцеление молитвами старца, пошла домой.

Случилось однажды прийти в гостиницу обители несколькими женщинами богомолкам. Из числа их две госпожи благородные просили гостинника отца Феодора, нельзя ли им видеть старца Нила, лично принять его благословение и объяснить ему свои нужды духовные. Гостинник сказал им, что женщин старец к себе отнюдь не принимает и видаться им с ним нельзя. Тогда госпожи эти просили его передать старцу от них записки и попросить его заочно о молитве и благословении им на путь дальний – в Соловецкий монастырь, куда они направлялись.

Отец Феодор отнес старцу их записки и словесно передал ему просьбу их о молитве и благословении в далекий путь. Старец взял записки, надел на себя епитрахиль и молитвенно помянул бывшие в записках имена о здравии и за упокой, затем взял святой воды, налил ее в бутылку, прочитал над ней молитву и, подав ее гостиннику, сказал: «отдай эту воду тем женщинам, пусть они вкусят от нее и умоются ею; да, есть там с ними еще больная женщина, пусть и ее напоят и умоют этой водой». – «Батюшка, никакой больной женщины там с ними нет», возразил ему гостинник. «Увидишь», отвечал ему старец. Тот поклонился ему и пошел в гостиницу; по дороге встретили его госпожи, которых записки носил он к старцу, благоговейно взяли от него святую воду, напились ее и умылись, и вместе с ним пришли в гостиницу. Приходят и видят, что на полу там лежит женщина и сильно бьется; несколько других женщин стояли пред нею и ничем не могли ей помочь Отец Феодор понял теперь слова прозорливого старца и поспешил данной им святой водой напоить эту женщину и умыть ей лицо. Как только это было сделано, больная очнулась, пришла в себя и почувствовала себя совершенно здоровою.

Однажды в Предтечевом скиту, где жил старец Нил, двери ограды как-то позабыли запереть. И вот, одна женщина-богомолка случайно зашла туда в середину ограды, но вдруг почувствовала себя очень дурно, она упала на землю, стала трястись всем телом и испускать крики от сильной боли во всех членах. На крики ее вышел из келлии своей старец Нил и, покрыв ее полой своей мантии, помолился над ней Богу. После этого женщина почувствовала себя здоровой и мирно отпущена была старцем, с наставлением впредь не любопытствовать и не проникать туда, где запрещено женам бывать. Естественно, что слава о благодатных дарах подвижника Божия далеко разносилась по лицу земли Русской. Посетители, бывавшие в Нило-Сорской пустыни из разных мест России, разных званий и состояний, выносили самое отрадное впечатление от слов и молитв благодатного старца Нила.

В 1855 году посетил старца известный путешественник по святым местам Андрей Николаевич Муравьев. К старцу-

подвижнику Нило-Сорской пустыни благоговели даже раскольники, которых немало в том крае; они видели в нем живое напоминание подвижничества древнего. Старец обращался с ними в духе любви Христовой, как с немощными духом, заблудшими, которых и старался направить на путь обращения и соединения со святою Церковью, что нередко ему и удавалось. Упорствовавшие до того в расколе, после беседы со старцем, делались расположенными к истинной святой Церкви, входили в ее спасительную ограду и делались ее чадами верными, благословляя благодатного старца, влиявшего на них не столько словопрениями, как внутренней силой своего слова. Так, одна купчиха города Белозерска, Акилина Григорьевна Потанина, родившаяся в расколе, вступив в брак с православным и благочестивым купцом Димитрием Алексеевичем Потаниным, несмотря на его убеждения и просьбы, все придерживалась мнений раскольнических и крестилась двуперстно, что очень огорчало ее мужа. Наконец, соскучившись убеждениями мужа, она сказала ему, что обратится с вопросом об этом к старцу Нилу, и что скажет он ей, то она и исполнит. Приехав в Нило-Сорскую пустынь, она послала к старцу записку с вопросом: как ей креститься: двуперстно или триперстно? Старец, запиской же, советовал ей осенять себя крестным знаменiem триперстно, по-православному. Потанина приняла совет старца с благоговением, начала креститься по-православному, оставила всякие сношения с раскольниками и стала верной последовательницей святой православной Церкви, а записку старца, как святыню, хранила у себя с благоговением.

Пришел раз к старцу раскольничий начетчик из Череповского уезда, который готовился быть попом в своем толке. Начетчик был очень сведущ в книгах Священного Писания и святых отцов, но толковал их по-своему, в пользу своего раскольничьего толка, и немало смущал своими речами православных. Вздумал он и со старцем Нилом вступить в словопрение, но старец, вышед к нему, прямо ему сказал: «ты не поп, а волк, овец всех переешь и сам в ад пойдешь». Тот начал было ему говорить заранее приготовленную свою речь, но

старец опять повторил ему прежние свои слова, и с такой уверенностью и силой, что раскольник заплакал и упал ему в ноги, прося избавить его от ада. Поговорив с ним, старец своими кроткими и мудрыми речами так смягчил закоснелое его сердце, что он стал совсем иным человеком: вернувшись домой, присоединился к святой православной Церкви и стал великим ревнителем ее и обличителем расколуучителей.

Все подобные благодатные дары старца Нила привлекали к нему посетителей в большом числе: люди шли к нему в Нило-Сорскую пустынь, как к прозорливцу и врачу духовному, и, хотя по смирению своему, он всячески удалялся всякого от народа почета, тем не менее, народ чтит его высоко и уважение к нему выражал пожертвованиями и благотворениями Нило-Сорской обители. Убогая дотолѣ обитель эта начала получать через старца Нила доходы от богомольцев очень обильные, которые, покрывая все ее расходы по содержанию братии и ремонту зданий, составили и запасный порядочный капитал. С благословения старца Нила, на этот капитал были возведены, вместо деревянных, каменные здания настоятельских и братских келлий и обведены каменной же прочной оградой, так что обитель приняла вид благоустроенного и по внешности монастыря. При устройстве каменной ограды, стоявший на святых воротах бывшей деревянной ограды деревянный же храм в честь Покрова Богоматери, построенный отцом Нилом еще при начале строительства его в Нило-Сорской пустыни, был разобран; к построению же на месте его каменного храма не хватило у обители средств. Скорбя об этом, строитель пустыни отец Нектарий пришел в скит к отцу Нилу и сказал ему: «помоги нам, отче, в устройстве храма Покрова Пресвятой Богородицы на святых вратах». – «Чем же помогу я вам, нищий душой и телом», отвечал ему старец не без скорби и, проводив строителя, погрузился в тонкий сон; и вот, слышит таинственный голос: «вот, как бы вы имели храм Покрова Пресвятой Богородицы, то жили бы вполне благополучно. Зачем лишаете вы себя этого храма»? При сих словах старец пробудился и ощутил великий страх в душе своей. Немедля пришел он к отцу строителю, поведал ему все слышанное им во сне и сказал:

«отец Нектарий, с Богом начинайте строить храм в честь Покрова Пресвятой Богородицы, я помогу вам в этом; хотя теперь не имею никаких к тому средств, но верую и надеюсь на помощь Божию». Ободренный этими словами, строитель приступил к постройке Покровского храма, а старец Нил со всех сторон стал получать по почте денежные письма с пожертвованиями на этот предмет, которыми помогал строителю при постройке и содействовал ее скорому окончанию. Он крепко уповал на Бога, и Бог не посрамил его упования: нищий телом, он давал большие иногда суммы отцу строителю на постройку этой церкви, говоря кротко: «это Бог послал, возьмите на построение святого храма».

В 1861 году начали постройку Покровского храма, а 1862 года 4 декабря он был уже освящен. В самом деле постройке этой церкви старец Нил принимал живейшее участие: руководил и наблюдал за работами, нередко даже сам кирпичи носил рабочим: возьмет, бывало, по кирпичику в обе руки и идет себе тихонько с молитвой на устах к месту кладки храма. Тут положит кирпичи и за новыми идет, а когда братия останавливали его, чтобы не томил так свою старость, то он, бывало, кротко ответит святоотеческим словом: «томлю томящего мя», и продолжает свой труд. Расписанием стен внутри Покровской церкви старец тоже ревностно занимался: по старости своей не мог он уже сам расписывать ее стены ликами святых, но сам составил общий план сего расписания, назначив, где и какое священное изображение написать, и даже самые очерки ликов сам своею рукой делал, для чего, несмотря на старческие свои годы, по устроенным лесам, поднимался на значительную высоту храма к самому куполу. Вся иконостасная и стенная иконопись Покровской церкви произведена в древнем греко-русском стиле и поражает своею священной красотой. В одно почти время с построением Покровской церкви, в том же 1861 году, старец Нил, тоже по особенному откровению и внушению Божию, начал строить себе новую деревянную келлию на восток от старого Предтечева скита, в 100 саженьях расстояния от него, в лесной болотистой чаще. Тут же, подле новой келлии своей, построил он небольшую деревянную

двухэтажную церковь в честь Успения Пресвятой Богородицы и при ней две малые, отдельные друг от друга, деревянные часовни, из коих одну назвал Голгофой, а другую Гефсиманией. При них своими руками выкопал он два небольших прудка, расчистил землю под огород и сад, и все это место обнес скромной деревянной оградой, назвав его Богородичным Успенским скитом. Нередко именовал он его и Гефсиманским скитом, или святым Богородичным домом. В этот новый скиток старец перешел на постоянное жительство и в нем провел остальные десять лет своей подвижнической жизни. По словам отца Герасима, побуждением к устройству этого нового скитка было для старца желание более строгой уединенной жизни, которому старый Предтечев скиток его, по открытому своему местоположению, не так удовлетворял. Затем, над местом нового скита было ему таинственное явление Спасителя, Господа нашего Иисуса Христа, которое окончательно убедило его устроить там храм Божий и келлию себе для подвигов пустынных. Бог послал для этого нищему духом и телом старцу все потребные средства, и скит Богородичный возник очень скоро в пустыни лесной. Впрочем, еще гораздо ранее его построения было в Нило-Сорской пустыни таинственное откровение другому блаженному избраннику Божию, что на том месте воссияет обильная Божия благодать.

Время тут сказать несколько слов и об этом дивном избраннике Божиим, который в тиши и безвестности Нило-Сорской пустыни, под влиянием благого подвижнического примера старца Нила, и сам достиг высокой степени совершенства духовного. Это был рясофорный монах Нило-Сорской пустыни *Иоанн Шапошников*, которого вся братия, по преимуществу, звала Иваном Семеновичем. Родом из города Галича Костромской губернии, сын мещанина, он в отроческих еще годах был поражен параличом, от которого плохо владел правой рукой и обеими ногами, так что без помощи палки не мог ходить. Питая великое усердие к угоднику Божию, преподобному Кириллу, Новоезерскому чудотворцу, бывшему уроженцу того же города Галича, Иван Семенович в юношеских годах пришел в Новоезерский монастырь к своему родному

угоднику Божию и пожелал там посвятить себя иноческим подвигам. Но там недолго пришлось ему пожить: как увечный и немощный, не могший трудиться наравне с прочими послушниками, был он вскоре изгнан из обители не за что иное, как за свое увечье. Придя в Нило-Сорскую пустынь, был он принят в ней ласково и приветливо, но, тем не менее, очень тосковал по Новоезерскому монастыре, в котором более всего привлекал его угодник Божий Кирилл своими нетленными и цельбоносными мощами. Долго томился он сильной тоской, от которой не находил себе покоя ни днем, ни ночью, и даже в храме Божиим, при богослужении часто переходил с места на место, как иступленный умом. Но, когда нужна человеку помощь свыше к подкреплению его немощи и унывающего духа, тогда она и подается ему благовременно благостью Творца, дивного во святых. Угодник Божий, преподобный Нил, Сорский чудотворец, посетил благодатно увечного послушника Иоанна и помог ему избавиться от угнетавшей его тоски. Раз, зимним временем, стоял Иван Семенович в церкви подле печи во время всеобщего бдения под какой-то праздник. Стоял в столь горестном расположении духа, что мало даже себя помнил и ничего не слышал, что пелось и читалось в церкви. Думал все о Новоезерском монастыре и пламенно желал опять в него возвратиться. Вдруг видит ясно незнакомого старца в схимнической одежде, который вышел из алтаря, подошел к нему и сказал: «ну, видно не хочешь ты служить мне. Если так, то иди обратно к преподобному Кириллу». При этих словах правой рукой своей чувствительно хлопнул его по плечу. Иоанн хотел ему поклониться, но, явившийся, стал пред ним невидим. Вид явившегося был во всем сходен с иконой преподобного Нила Сорского, и он глубоко уверовал, что это именно сам угодник Божий его посетил. Вера эта подкреплялась в нем ощущением необычайной радости в душе его; прежнего смущения и тоски как не бывало; он с тех пор совершенно успокоился и решился навсегда остаться в Нило-Сорской пустыни. Иван Семенович, отличавшийся необыкновенной простотой и младенческим незлобием, вскоре стал любимцем всей Нило-Сорской братии. Кротость и незлобие его были

подчас поразительны: он не только милосердовал о людях и скотах, но и насекомые пользовались его любовью. В Нило-Сорской пустыни, стоящей в лесной болотистой дебри, летним временем великое множество бывает комаров и оводов, которые зло кусаются. Иван Семенович никогда не позволял себе убить ни одного из них, а даст напиться насекомому своею кровью и затем тихо сгонит его с своего лица. Если же увидит кого другого из братьев, убивающего комара или овода, то сейчас бывало скажет с огорчением: «зачем убиваешь? разве ты сотворил его, не тронь Божия творения». А тараканам в келлии своей так нарочно накладывал бывало на ночь крохи хлеба для кушанья, говоря: «ведь и они есть хотят». За это ему нередко доставалось от старшей братии. Побранят его, а он как младенец улыбается и кротостью своею невольно обезоруживает гневающегося брата. Над собою всякую укоризну, насмешку и даже удары терпел он кротко и незлобиво, но другого, ближнего своего, при нем никто не тронь, не обидь, – сейчас заступится. Бывало, молодые послушники по неразумию глумятся над ним, как над малоумным: то помоями его обольют, то замарают сажею, он ни слова им, улыбается, как будто рад сему, а жаловаться за это старшим никогда и не подумает. Жизнь проводил он строго подвижническую, изнуряя плоть свою трудами и не давая ей ни малейшего покоя. Несмотря на увечье свое, проходил он послушание трапезного в течение 12 лет, накрывал в трапезе столы, собирал посуду, перемывал ее, сам даже печи в трапезе топил. За все это время келлией и одром для отдохновения служила ему кухонная печь в трапезе. Там, на голых кирпичках, положены были у него доски, на которых он и спал, вместо же изголовья служил ему деревянный обрубок, и так неизменно, в одном и том же виде, находился его одр. Сам он в течение 20-летнего пребывания своего в Нило-Сорской пустыни никогда не бывал в бане и не позволял себе омыwać тело. Ни обуви, ни теплых сапог зимою он не носил: всегда босой, в ветхом подряснике, одинаковом зимой и летом. Рубашку холщовую, если раз наденет, то носит ее, бывало, до тех пор, пока она вся не истлеет и не распадется от ветхости. Кроме того, на голом теле носил он постоянно железные вериги

в пол пуда весом и износил их на своем веку две перемены. Если случайно кто увидит его в одной рубахе при трудах послушания, то страшно было смотреть на его тело: от вериг одни язвы виднелись на нем, и кровь сочилась из них. Но добрый труженик не обращал на это внимания, точно не ощущал боли в своем теле от этих язв, и отнюдь никогда не соглашался снять с себя вериги и залечить причиненные ими язвы. Только незадолго до смерти своей снял он их и положил под свою койку, как доспехи победные своего терпения. Несмотря на свое увечье, что почти не владел правой рукой, Иван Семенович умел хорошо писать святые иконы, украшать их ризами из фольги, вырезать из дерева затейливые резные киоты, и все это делал он одной левой рукой, при помощи самых простых, незатейливых инструментов. На эти занятия уходили у него все досуги его между молитвой церковной и келейной, и послушанием, так что никто не видал его праздным. Искусство его было удивительно для многих, и иные, видя его калечество, не хотели даже верить, что он сам мастерит такие вещи. Так, в Нило-Сорской пустыни, в Тихвинской часовне, до сих пор цела икона преподобного Нила Сорского, работы Ивана Семеновича, на которой и риза им самим сделана очень искусно, а в теплой церкви пустыни имеется деревянный резной киот к иконе Тихвинской Божией Матери с очень замысловатой и сложной резьбой, который тоже сооружен Иваном Семеновичем при помощи простого ножа. Даже именные печати умел он вырезать, и так искусно, что оставалось лишь удивляться его дарованиям. Когда стал он ослабевать здоровьем, дали ему особую келлию в обители и сменили с послушания трапезаря, но в келии своей монастырской он редко пребывал: невдалеке от ограды, в чаще лесной, среди непроходимой болотной пустыни, построил он себе небольшую келлию и там проводил отшельническую жизнь, ведомую единому Богу. В келлию эту ходил он ежедневно из монастырской своей келлии и там подвизался в посте и молитве: она до сих пор уцелела в Нило-Сорской пустыни, по дороге от нее к Белозерску, только лес вырублен, и дотоле непроходимая пустыня стала теперь всеми видима от этого. Подвижник Божий вел постоянную брань с

невидимыми духами, враждебными спасению человеческому: они являлись ему в самых разнообразных видах и нередко наносили ему побои и увечья. Нередко видали у Ивана Семеновича синяки на лице и под глазами и кровавые шишки на лбу, и, когда, бывало, спросят его о них, он только вздохнет, или скажет: «что делать, это от Бога за грехи мне попущено, нужно терпеть». А иногда, в минуты откровенности с людьми единомысленными, начнет, бывало, рассказывать о борьбах своих с невидимыми врагами в пустыни, и страшно бывало слушать его рассказы. Многие не могли слушать и отходили прочь, а кто выслушивал, на того рассказы старца производили потрясающее впечатление. По словам его, иногда вся келлия его наполнялась привидениями самых ужасных и отвратительных видов, которые, желая отвлечь его от молитвы, представляли в глазах его разные лицедейства, а затем начинали его бить и так, бывало, измучат, что еле живым оставят. Некоторые спрашивали Ивана Семеновича: «как это ты не боишься бесов, когда наберутся они в твою келлию, ведь это должно быть очень страшно?» «Да, очень страшно, с младенческой незлобивой улыбкой отвечает Иван Семенович; особенно, если бес в своем собственном виде явится, в адском своем безобразии, вряд ли человек жив останется от этого видения. Но Господь Бог милосерд, не попускает сему быть, попускает настолько, насколько человек понести может. Так и я вижу их в разных отвратительных подобию гадов и зверей, и по милости Божией не боюсь их». – Духовное преуспеяние увечного Ивана Семеновича, кроме того, выражалось благодатной прозорливостью. Бывало, в церкви на кого из братии пристально он посмотрит или погрозит пальцем, все уже знали, что недаром это. И прозорливец всегда, бывало, улучит время такового брата обличить наедине, что непристойными мыслями в церкви был занят, или с злобой в сердце на кого-либо в церкви стоял, точно видел он насквозь внутреннее устройство человека. И всегда обличения его были справедливы и вызвали чувства раскаяния в обличаемых, ибо бывали растворены чистой, о Христе, любовью и младенческим незлобием обличителя. Однажды пришел в обитель крестьянин

средних лет, малограмотный и препростой по наружности, и поступил в число братии. Иван Семенович видимо полюбил его и все ему говорил: «живи, живи здесь в монастыре, впоследствии будешь строителем его». Крестьянин этот, по имени Феодор, действительно пожил в обители Нило-Сорской, был в ней пострижен в иночество с именем Феофана, сподобился иеромонашества и, наконец, избран был в строители, каковую должность и проходил до самой своей смерти, последовавшей еще при жизни Ивана Семеновича, которого он чтит и уважал беспредельно, называя его истинным своим отцом и признавая его избранником Божиим. И другим послушникам обители нередко говаривал Иван Семенович прозорливо, – иному говорил: «поживешь здесь, уйдешь в мир и там женишься»; другому: «ты наш, здесь останешься», и так, бывало, и сбывалось в точности. К старцу Нилу Иван Семенович питал великое уважение и благоговение, и старец тоже относился к нему, как к сотаиннику своему и другу о Христе. За несколько времени до устройства старцем Нилом нового Успенского скита, Иван Семенович ночью видел из своей пустынной келлии огненный столп на этом месте, на который долго смотрел с ужасом и удивлением, и потом многим из братии рассказывал, предсказывая духовную славу сего места. Доброго подвижника Ивана Семеновича, под конец жизни его в Нило-Сорской пустыни, 1857 года 10 октября, постригли в рясофор; стал он рясофорным монахом Иоанном, и в этом звании мирной христианской кончиной перешел в страну загробную, 1863 года 13 мая, оставив после себя в Нило-Сорской пустыни самую благочестивую память. Погребен он в Предтечевском скиту старца Нила; на могиле его стоит деревянный крест и выросло рябиновое дерево. Как прост был старец Божий в жизни своей, так проста и его могила, чуждая всяких лишних украшений.

Кроме Ивана Семеновича, при жизни старца Нила отличались благочестием и трудами подвижническими еще некоторые лица из его братии. Так, замечательны были вышепомянутый строитель Нило-Сорской пустыни *отец Феофан* и родной брат его по плоти *иеросхимонах Сергей*.

Уроженцы Новгородской губернии, Череповского уезда, из крестьян Судбицкой волости, оба брата были женаты, имели семью. В свободное от сельского хозяйства время любили они заниматься чтением св. Писания и других духовных книг, собирали к себе в дом поселян своего поселка, громко прочитывали им жития святых и разные отрывки из св. Писания, и на основании их беседовали с ними о спасении души. Простодушные беседы их и чтения очень нравились поселянам. К христоробивым братьям стали сходиться и из других селений любители слова Божия; иные обращались к ним за советами по хозяйству и делам семейным, и оба брата, как могли, служили благу ближних своих. Наконец, братья ясно почувствовали в себе звание Божие к подвигам иноческим, решились навсегда оставить мир и яже в мире, и поступить на жительство в монастырь. С согласия своих семейств, в 1835 году оба брата, Сергей и Феодор, пришли в Нило-Сорскую пустынь, в то время бывшую в незавидном положении, зависевшую от Кирилло-Белозерского монастыря и далеко неблагоустроенную. Добрым труженикам понравилась убогость пустыни, удаленность ее от мира и малолюдство: здесь решились они трудиться о Господе, терпеть всякую нужду и подвизаться в посте и молитве. Жен своих убедили они поступить в недалекий Горицкий Воскресенский женский монастырь; с ними вместе поступили туда же и дочери их, сыновей же своих Сергей взял к себе в Нило-Сорскую пустынь, и, таким образом, все семейство их нашло себе мирное пристанище от треволнений мирских в стенах иноческих обителей. С водворением в Нило-Сорской пустыни старца Нила, оба брата стали к нему в самые близкие духовные отношения, были деятельными помощниками его в благоустройении и воссоздании из прежнего запустения Нило-Сорской пустыни, и пользовались отменными его доверием и любовью. Постриженные в иночество с именами Симеона и Феофана, были они затем рукоположены во иеромонахи, и после старца Нила более всех послужили внутреннему духовному преуспеянию своей пустынной обители. Симеон был сделан братским духовником, проходил жизнь уединенную, со старцем Нилом состоял в тесной дружбе духовной, был

спостником и сотаинником его в полном смысле, нередко подкреплял его при подвигах и скорбях своими увещаниями и советами, и до самой кончины старца Нила служил ему великой духовной поддержкой и утешением. Феофан был неоднократно посылаем старцем Нилом в С.-Петербург и другие города за сбором в пользу своей убогой обители и умел всегда найти ей благотворителей. Простодушный до юродства, искренно благочестивый и строгий к себе, обладал он даром влиять на души и своими простыми благочестивыми речами вызывать в них умиление. Одна почтенная особа, видевшая его в С.-Петербурге, вспоминала, как встретила она его на Невском проспекте, с взъерошенными волосами, в ветхой рясе, скоро идущим и ни на кого внимания не обращающим. Потом увидела она его в доме одной своей знакомой, именитой и благочестивой старушки, где отец Феофан, видимо, был давним хорошим знакомым. Здесь поразил он ее своими речами, простыми и, вместе, глубоко трогательными. Выслушав их, она изменила о нем свое прежнее неблагоприятное мнение, составленное, судя по его странной наружности, и потом искренно его уважала, как истинного подвижника и проповедника благочестия. Назначенный потом строителем Нило-Сорской пустыни, отец Феофан немало потрудился для блага ее духовного и в непрерывных трудах окончил там свою жизнь, еще при жизни старца Нила, отличавшего его всегда особой своей любовью. Брату же его, иеромонаху Симеону судил Бог пережить старца Нила. У них было заключено меж собою условие, что, если кто из них другого переживет, то, чтобы оставшийся неопустительно литургисал в течение 40 дней за упокой почившего. Когда старец Нил скончался, иеромонах Симеон в точности исполнил это условие и в скитской церкви старца Нила 40 дней литургисал о упокоении его души. Вообще, часто литургисать было потребностью душевной для отца Симеона, – он и в чреду, и без чреды очень часто литургисал и никогда этим не тяготился, даже охотно брал на себя исполнять чреду литургисания за других, пока позволяли ему силы и здоровье. В 1876 году принял он пострижение в схиму, с именем Сергия, и, выстроив руками своими уединенную келлию в лесу,

за оградой обители, уединенно подвизался в ней во спасение души. Келлия его в лесу окружена была высоким плетнем, ибо не желал ни сам смотреть на людей подвижник, ни быть предметом созерцания человеческого, и, созревая духовно, все более погружался в глубину святого смирения, при котором подвижники стараются утаивать от людей свои подвиги. Отец Сергей проводил в пустыни своей жизнь высокую, но так тайно, что она ведома была только Богу. Послушник его, впоследствии иеродиакон, при нем живший, знал лишь малую часть его подвигов, которые утаивал он даже и от него весьма искусно. Старец был кроток, незлобив, со всеми приветлив, готов был всякому нуждающемуся помочь, всякого скорбящего утешить. Любил молчание, но, если бывало нужно кому дать наставление духовное, то он благоискусно это делал, и слово его духовное отличалось опытностью, состраданием к ближним, и искренней любовью. Старец иеросхимонах Сергей почил о Господе преподобной кончиной, 1879 года 6 мая, на 78 году своей жизни, из числа которых 44 года провел в подвигах иноческих, безвыходно в Нило-Сорской пустыни.

Замечательны были еще по жизни благочестиво-подвижнической в Нило-Сорской пустыни во дни старца Нила монахи Илия и Николай. *Илия* уроженец Петербургской губернии и уезда, родом из крестьян, был женат; овдовев, ходил по миру в образе нищего странника, нанимался на земляные работы, которые добросовестно исполнял, стараясь встать пораньше хозяина работ, и очень скорбел, если, когда случалось ему просыпаться и быть будиму хозяином своим на работу. Трудолюбием своим составил он себе капитал, стал купцом в С.-Петербурге, где имел каменный дом стоимостью в 20 000 рублей. Будучи уже около 50 лет, бросил он мир и поступил в Нило-Сорскую пустынь. Здесь остаток жизни своей проводил он в строгом подвижничестве, пользовался расположением старца Нила и по его советам и наставлениям проходил подвиги поста и молитвы. Немолодой годами, превосходил он многих своею ревностью к подвигам и, в короткий сравнительно срок достигши духовного совершенства, блаженно почил о Господе. Старец Нил не присутствовал при его кончине. В скиту своем в начале

литургии, совершая проскомидию в алтаре, он духовно предузнал кончину Илии и в самую минуту смерти его вынул частицу из просфоры о упокоении его со святыми. Кончина эта была в субботу, и о ней старец Нил написал записку братии, в которой говорит: *«чудная суббота, покой брату нашему Илию, и абие суд. Ей, блажен путь, в онъже идеши днесь, душе, яко готово есть тебе место упокоения. А я, братия моя любимая, не буду телесно присутствовать при погребении блаженного брата, разве духом, немоцию бо есмь одержим. В час, когда разлучалась душа покойного брата, я, убогий, совершал св. литургию. Творя проскомидию, сперва вынул часть за здравие его, а потом пришел помысл, что надо вынуть часть за новопреставленного монаха Илию, что и сотворил».*

Монах Николай, уроженец Новгород. губернии, Череповецкого уезда, до поступления в обитель был женат и до 1850 года, живя в своем семействе, проводил жизнь благочестивую и честную, неопустительно во все воскресные и праздничные дни посещал церковь Божию, благоговейно выстаивал службы церковные, любил трезвость и воздержание в пище и питии, к чему приучал и детей своих. Отечески наставляя их на все доброе, он учил их молиться Богу, любить Бога и ближних. Всякому нуждающемуся всегда готов был помочь и по заповеди Христовой делился с ближними своими иногда последним. Все окрестные жители знали его и любили, видя в нем пример благочестия. С молодых лет таил он в себе намерение поступить в монахи, чтобы служить единому Богу; обстоятельства жизни его в молодости сему воспрепятствовали, но, став семьянином, он старался расположить к монашеству и своих четырех сыновей. Уже старцем почтенным сподобился он остаток дней своих провести в обители иноческой: поступил с сыновьями своими в Нило-Сорскую пустынь и в ней подвизался ревностно в посте и молитве. Сего благочестивого старца очень возлюбил старец Нил, а сына его Герасима взял к себе в келейники и отличал его своим доверием и любовью. Отцу Герасиму, потом строителю Филиппо-Ирапского монастыря, Новгородской губернии, Череповецкого уезда, ближайшему

свидетелю и очевидцу благой жизни старца Нила, записавшему ее довольно точно, обязаны мы сохранением тех многочисленных подробностей о ней, которые так дороги по своей достоверности для почитателей старца Нила. Старец Николай, подвигом добрым подвизавшись в Нило-Сорской пустыни, в ней скончался иноком, 1880 года 29 июня, оставив по себе благою память своим благочестием, безропотным послушанием, терпением и любовью ко всем, не только друзьям, но и врагам, ибо враг рода человеческого искушал его скорбями от клеветы человеческой, но тем только послужил преуспеянию его духовному. Оставив в сыновьях своих добрых наследников своего подвижнического жития, монах Николай собою как бы заключает лик избранников Божиих, при жизни старца Нила, его окружавших и духовно светивших в Нило-Сорской пустыни, как при полной луне светят яркие звезды на ночном небосклоне.

Поведав о жизни благой учеников старца Нила, его духовных питомцев, возвратимся к продолжению повести о собственной его жизни. Он не принимал участия в управлении Нило-Сорской пустыней, но, живя затворнически в скиту своем, имел на нее самое благотворное влияние во многих отношениях. Обладая чудной прозорливостью, старец весьма часто призывал к себе тех из братий, которые нуждались в утешении, в поддержке духовной на подвижническом пути и со свойственной ему опытностью действовал всегда благоуспешно. Всякие споры, всякую вражду и неудовольствия среди братии умел он всегда вовремя искоренить, не дать им разгореться до душегубительного пожара. И братия привыкли к подобным действиям старца, верили, что все открыто пред его прозорливыми очами, и что он видит их недостатки лучше их самих. Ослушники воли и советов старца нередко были видимо за это наказываемы Богом. Так, однажды, один инок Нило-Сорской пустыни, приближенный к бывшему там строителю Арсению, когда этот последний перешел на строительство в Филиппо-Ирапский монастырь, пожелал ему сопутствовать туда и перейти в его монастырь. Пришед за советом о сем к старцу Нилу, услышал он от него резкое обличение в человекоугодии.

Старец сказал ему: «отец Арсений недолго останется в Филиппо-Ирапском монастыре и много обойдет настоятельских мест. Ты за ним не угонишься и отстанешь от него; поэтому советую тебе лучше оставаться здесь, в Нило-Сорской пустыни, иначе будешь горько, но поздно раскаиваться». Инок не послушал слов старца, и его предсказания впоследствии в точности сбылись.

Ту же прозорливость проявлял старец и в отношении мирян, его посещавших. Раз, пришла к нему родная племянница его – девица Лариса, которая с малолетства, вследствие расслабления всех членов тела, неспособна была ни к какой работе и влачила самую жалкую жизнь, нередко бывшую ей самой в тягость. Придя к дяде своему, старцу Нилу, плакалась она ему на свое увечье и горькую судьбу. «Что мне делать, как мне жить?» спросила она его, между прочим. «Иди в Горицкий монастырь и живи там», сказал ей старец. «Да меня увечную туда не примут, я неспособна работать и послушания проходить», возразила Лариса. – «Иди с Богом, – повторил старец, – примут тебя, будешь здорова, будешь работать и послушание проходить для св. обители; имей только веру в Бога, и Он дарует тебе силу». Девица послушалась, пришла в Горицкий монастырь; там ее приняли из уважения к старцу, ее дяде, и что же? вскоре по поступлении своем в эту обитель, она вполне выздоровела, расслабления прежнего в ней как не бывало; стала она ревностно проходить послушания монастырские, трудиться в самых тяжелых работах, и легко, и радостно все это совершала, к общему удивлению всех сестер Горицкой обители, видевших и знавших ее прежде вполне расслабленной, ни к какому труду не способной.

Раз, пришли в Нило-Сорскую пустынь две женщины, которые шли из Соловецкого монастыря. Просили они гостинника – монаха Феодора испросить им благословения и молитв у старца Нила, причем, одна из них вынула просфору, положила на нее деньги и просила передать ее старцу, с просьбой вынуть из нее часть за упокой Михаила. Исполняя желание посетительницы, гостинник снес ее просфору старцу и передал ему ее просьбу. Старец просфору взял, но денег не

взял и, отдавая их назад гостиннику, сказал: «денег этих мне не нужно; скажи давшей их, чтобы не присылала их мне и по почте, как думает, ибо поминать Михаила я не буду». – «Батюшка, женщина эта в большой скорби, все плачет, не огорчайте ее отказом, который совершенно может ее убить», возразил ему гостинник. – «Ну, если кроме меня кто возьмется его поминать, пусть поминает, а я не могу. Пусть просит священника, который допустил это, пусть он и поминает», сказал старец, не видя и не зная женщины, которая просила его о поминовении. Гостинник не смел более вопрошать старца, ушел от него и, придя в гостиницу, в точности передал слова его женщине. Ему очень хотелось узнать от нее подробности этой истории, чтобы понять, почему старец отказался поминать Михаила. Отозвав в особую комнату женщину ту, он просил ее рассказать ему откровенно, что все это значит, ибо, видимо, крылась тут некая тайна, Богом открытая прозорливому старцу. Женщина со многими слезами рассказала ему, что Михаил был ее барин, с которым в молодости имела она незаконную связь; затем понравилась барину ее младшая сестра, с которой тоже вступил он в незаконную связь, имел от нее детей и на 35 году жизни своей скоропостижно умер, не напутствованный Святыми Тайнами. Наутро гостинник пошел к старцу, передал ему все сказанное ему женщиной той и просил у него прощения, что неразумной просьбой ее его утруждал. Старец, молча выслушав его рассказ, грустно покачал головой и сказал: «что тебе еще тут объяснять, знай одно, что Бог от злободеев и за злободеев молитвы не приемлет, доколе не оставят они своего беззакония».

Тот же гостинник, монах Феодор, неоднократно был посылаем за сбором в разные города России, бывал во многих губерниях и имел там знакомых, благотворивших через него Нило-Сорской пустыни. В селе Парском, Костромской губернии, одна женщина Марья Косьмина, имела обыкновение пересылать через него старцу Нилу бутылку лампадного масла. Принимая масло это, старец Нил, обыкновенно, говорил: «спаси ее, Господи»! Раз, привозит Феодор старцу Нилу по прежнему обычаю бутылку масла от Марии Косьминой. «Хорошо ли

масло»? спрашивает старец. – «Кажется, хорошо, батюшка», отвечал ему Феодор, недоумеая, к чему этот вопрос. «Хорошо ли? повторил опять старец, – не пылко ли»? – «Нет, хорошо», повторил Феодор. Тогда старец, перекрестившись трижды, сказал: «спаси ее, Господи! спаси ее, Господи! спаси ее, Господи!»! В полном недоумении о значении этих слов старца, оставил его Феодор, не смея его вопрошать о настоящем их значении, и лишь предчувствуя, что в них таится таинственный смысл. Вскоре после этого, в селе Парском случился пожар, все дома улицы, где жила Мария Косьмина, сделались жертвой пламени; но лишь дошло оно до ее дома, как вдруг повернуло назад, оставив дом ее целым и невредимым. Узнав об этом событии, монах Феодор ясно понял, что к нему именно относились загадочные слова старца, и что молитвы его преподобные спасли дом почитавшей его женщины.

Старец Нил, пока позволяли ему силы и зрение, не оставлял иконописания. Любил он это занятие и приступал к нему с благоговением и молитвой, как к делу Божию. Особенно любил он изображать лики Матери Божией и Ее Предвечного Сына, Богомладенца Христа. Мы уже знаем, что руками своими сподобился он написать верные списки с Богоматерних чудотворных икон – Иерусалимской и Иверской; первый из них прославлен знамениями Божией благодати, и по особому внушению свыше отослан старцем на Афон, в Русский Пантелеймонов монастырь. Лишившись сей святыни, сего благодатного утешения боголюбивой души своей, старец Нил, приготовившись постом и молитвой, приступил к написанию для своей келлии иконы Богоматери, именуемой Кипрской, или Кикиотисской, которую и написал с замечательным искусством. Икона эта, им же и освященная, долгое время находилась в его келлии и была свидетельницей его молитвенных бдений, слез и воздыханий. Икона сия тоже ознаменована некоторыми проявлениями Божией благодати: так, угасшая пред нею лампада, неоднократно сама собой возжигалась в глазах старца, и елей в ней умножался так, что доставало его для горения на многие дни. Это бывало во дни болезни старца, когда сам он не имел сил поправить лампаду, и ясно

свидетельствовало, что труды рук его в написании сей святой иконы благословлены Богом. Эта же самая икона, по словам старца, не раз спасала келлию его от пожара и от разбойников, и его самого от явной смерти. Вот, что пишет он о сей иконе в своих записках: «Есть у меня великое утешение в келлии, святая и чудная, не погрешу, если назову, и чудотворная икона Пресвятой Богородицы. Она нарицается Кикиотисской, или просто Кипрской. Это сокровище для меня, грешного, неоценимо. Я видел ясно дивные от нее бывшие и бывающие чудеса. Был во едино время нужное глас с лучею светлою от нее. Пред этой святой иконой, в вечер глубокий, я, грешный, читал, по обыкновению, акафист Богородице, и вдруг в окно келлии кто-то застучал и заговорил. Я открыл завеску, смотрю, – кто? Человек, показывая большой нож, называет меня по имени и требует денег, угрожает ножом, говоря: «либо давай деньги, либо убью». Назначает и число денег. Я ему говорю, что нет у меня денег; если бы были, я бы тебе с любовью отдал. Он ярится, топает ногами, требует настоятельно. Я ему говорю: «вот, есть четвертак, возьми его, если угодно, а больше нет у меня». Он многое говорил, наконец, сказал: «ну, давай хоть его». Я, взявши свечу, в мантии и епитрахили вышел к нему из келлии и увидел человека, покрывшего свою голову своею одеждой. Я дал ему четвертак, сказав, «если бы были деньги, то я бы с любовью тебе дал». И он тихо сказал: «ну, Бог с тобою, оставайся с миром», и пошел в лес. Чудное дело, тогда вовсе я был без страха и видел явственное заступление Владычицы. Но вдруг кознь и действие врага показались: только что вошел я в келлию, он навел на меня необыкновенный страх, так что я едва мог перенести его, чуть не вышел из келлии. Но Владычица и здесь скорую явила мне милость, и исчез совершенно вражий страх».

Святая икона эта еще при жизни старца украшена одним благодетелем его серебряной ризой и ныне находится на горнем месте теплой церкви Нило-Сорской пустыни, где пред нею теплится неугасимая лампада, и посетители пустыни питают к ней большое благоговение, равно, и братия, ибо неоднократно видимы были от нее явные знамения и исцеления. По словам

одного еkkлесиарха пустыни, потухшая лампада возжигалась пред нею сама собою в церкви, где она теперь находится со смерти старца и привлекает к себе благоговение благочестивых душ. В подтверждение святости икон, написанных и освященных старцем, не лишне будет сказать со слов келейника его, отца Герасима, как старец совершал самое освящение новонаписанных им икон. Намереваясь писать икону, особенно большого размера, старец усугублял пост и молитвы, а по написании иконы ставил ее в своей келлии и звал обычно келейника своего на всенощное бдение. «Что за праздник у вас завтра, батюшка?» спросит, бывало, келейник. – «У меня завтра табельный день», отвечает старец и укажет на новонаписанную икону. Бдение отправляет тому святому, чье изображение на иконе, и продолжается всенощная около 4 часов, полной праздничной службой. Затем, наутро, отслужив по обычаю своему раннюю литургию, совершает водосвятный молебен, прочитывает положенные молитвы на освящение иконы, кропляет ее святою водою, благоговейно ей потом поклоняется и лобызает ее, – и готова святая икона, святая воистину, ибо освящена усердными молитвами видимого избранника Божия. Дивно ли поэтому, что иконы, им писанные и освященные, оказывали благодатные действия.

Любил старец Нил продолжительные всенощные бдения, особенно под великие Господские и Богородичные праздники: он старался подражать уставу афонских монастырей и как можно долее продолжать всенощное бдение. Около 12-ти часов сряду длилось у него вообще праздничное богослужение в подобные дни. Конечно, немногие могли выносить подобную долгую службу, и мало было охотников разделять ее со старцем; но он этого и не искал: сам, с келейником своим, иногда с двумя, с тремя единомысленными братьями, начнет и кончит он подобное бдение во славу Божию. Пение и чтение у старца было неспешное, внятное и протяжное; все положенное по уставу Церкви выполнялось им в точности, без всяких пропусков и сокращений; нередко со слезами и плачем отправляет, бывало, он службу, останавливаясь с чувством на всяком слове. В 4 часа пополудни под праздник начинал,

бывало, он 9-й час, потом малую вечерню; стихиры и стиховны пел на гласы, неспешно и протяжно, потом читал малое повечерие, канон и акафист сладчайшему Господу Иисусу, канон и акафист Пресвятой Богородице, канон св. Ангелу-хранителю и канон ко св. причащению, в каковой службе и проходило 2 ½ часа времени. В половине 7-го часа пополудни начинал всенощное бдение, начинательный псалом с первых стихов пел очень протяжно, а прочие читал неспешно, прибавляя к каждому стиху припевы: *«дивны дела Твоя, Господи!»* и – *«вся премудростию сотворил еси!»* Конец псалма опять протяжно пел. «Блажен муж», 1 антифон весь пел весьма протяжным напевом, прибавляя к каждому стиху «Аллилуиа». На «Господи воззвах», как стихи, так и стихиры, пел неспешно, по гласам, так же и стихиры литийные и стиховны. Кафизмы все вычитывал не спеша, седальны же пел сидя, что и было единственным отдохновением у него для ног. Два полуелейных псалма все пел нараспев по стихам, весьма продолжительно, так же и величание со стихами избранного псалма, в точности по количеству стихов, с величанием после каждого стиха. Полуелейные седальны и антифоны тоже пел неспешно. На канонах ирмосы пел по дважды, так же и катавасию, и тропари исполнял на 12, распевом на глас, подобно тому, как поется канон Пасхи. На праздник Успения Пресвятой Богородицы, по 6-ой песни канона, прочитывал акафист Успению Богоматери со всеми молитвами. Хвалитны, как псалмы, так и стихиры, пел протяжным напевом на глас. Затем, славословие великое и первый час тоже не скоро у него совершались; и кончалось всенощное его бдение далеко полночь, заняв около 6-ти часов времени. Затем, сейчас же прочитывал молитвы ко св. причащению, по окончании которых начинал проскомидию и очень долго ее совершал, неопустительно поминая при ней живых и усопших в большом количестве. Совершив проскомидию, служил водосвятный молебен и потом божественную литургию. На праздник Успения Божией матери, – храмовой его скита, – вслед за литургией совершал крестный ход вокруг скита, причем читал снова канон и акафист Успению Богоматери, с остановкой 4 раза для

окропления св. водою зданий скита и его ограды; затем провозглашал многолетие Государю Императору и всему Царствующему Дому, Святейшему Синоду, митрополиту и настоятелю пустыни с братией, и тем завершал богослужение дня, употребив на него около 3¹/₂ часов времени. В сложности, вся служба, почти без перерывов, продолжалась у него 12 часов. К 5 часам утра праздничная служба вся у него, обычно, кончалась, ибо любил старец раннее литургисание, говоря, что на небе всегда рано утром служба Божия у святых идет. В будничные дни всю службу церковную старец неопустительно совершал в своей скитской церкви: вечерню, повечерие с канонами, утреню с 1 часом. Совершал ее, по большей части, один, а на литургию приходили к нему два-три певца. Совершал сам и литургии почти ежедневно, пока был в силах, но совершал очень рано, часа в три пополуночи, потому что по ночам он редко когда спал, а, если, когда и приходилось ему ночью уснуть, то не чаще двух раз в неделю; днем же отдыхал очень недолгое время. От подобного лишения нужного отдохновения сном, приходил он иногда в крайнее изнеможение телесное, но дух превозмогал в нем над немощью плоти, в чем много содействовало ему ежедневное приобщение св. Христовых Таин. Старец в течение многих лет жизни своей ежедневно причащался Св. Таин; в дни, когда литургии Церковью не положены, приобщался он запасными Дарами, и даже в Великий Страстной Пяток, в глубокий вечер приобщался запасными Дарами. Старец признавался келейнику своему, отцу Герасиму, что около 20 лет провел он так, ежедневно сподобляясь причащения Св. Таин, и говорил, что причащение Св. Таин видимо поддерживает силы души его и тела. После причащения Св. Таин старец имел обыкновение некоторое время проводить в глубоком молчании и сосредоточении в самого себя, что и другим советовал делать, особенно лицам освященным, говоря, что нужно дать в тишине и молчании удобство Св. Тайнам воздействовать спасительно и целебно на душу, болящую грехами. Когда сам он литургисал, то любил литургисать уединенно и тяготился присутствием посторонних лиц. Если иногда и допускал на свое литургисание близких

знакомых мужеского пола или братий обители, по их желанию и просьбе, то всегда этим, видимо, отягощался, женскому же полу отнюдь и позволял входить не только в свою скитскую церковь, но и в самую ограду ее. Весьма редко выходил он иногда за ворота скитской ограды, чтобы благословить знакомых женщин – благотворительниц пустыни, но ни в какие разговоры с ними никогда не вступал. Благословит, и сейчас же уходит, а вопросы о нуждах духовных, более, принимал на записках, на которых начертывал ответы карандашом и отсылал их вопрошающим через келейника. Иногда же на некоторые вопросы совсем не отвечал, и на все просьбы келейника своего ответить что-либо и тем утешить вопрошавших оставался неумолим.

Однажды летним временем старец совершал божественную литургию в своей скитской церкви, совершал по обычаю своему рано, до солнечного восхода. Посторонних в церкви никого не было, присутствовали при нем келейник его, прислуживавший в алтаре и два певца на клиросе. Когда старец вышел читать заамвонную молитву, очень внимательно и строго посмотрел в угол церкви за печкой, что заметил его келейник, раздроблявший антидор по числу присутствовавших в церкви лиц. Старец подозвал его и велел положить лишний кусочек антидора на тарелку. Недоумевая, что бы это значило, келейник исполнил его приказание, но, по раздаче старцем антидора, лишний кусочек этот остался целым на тарелке. По окончании обедни, старец говорил келейнику своему: зачем не запирает он двери церкви во время совершения литургии и пускает туда посторонних лиц. «Батюшка, двери были заперты, и посторонних в церкви никого не было», сказал ему келейник. – «Как никого не было, возразил старец, – а кто это у печки в церкви стоял?» Сказал это и замолчал, замолчал и келейник, ибо заметил, что старцу было видение, им одним только усмотренное. Кто был виденный им? вопрошал потом старца келейник, и старец, поняв, что кроме него никто его не видал там, объяснил, что видел он в церкви, в углу за печкой, стоявшего неизвестного ему человека в монашеской одежде. «Но не нашего монастыря», присовокупил старец, и более ничего уже о сем не сказал.

Старец Нил был истинным постником в полном смысле: обыкновенную пищу его составляли сухарики с водою, в очень умеренном количестве, и только в праздники и воскресные дни, после литургии, позволял он себе выпить чаю, и то не свыше двух чашек. Рыбы никогда он не вкушал, молоко же разрешал в очень немногие дни в году, именно: во всю неделю Пасхи, на Рождество Христово и Богоявление, на Успение Богоматери и на сырной седмице. На весь Великий пост св. Четыредесятницы затворялся он в строгий затвор в своей келлии и содержал суровый пост, весьма редко и мало вкушая даже свою обычную скудную пищу – сухарики с водой. Выходил из затвора своего только в Лазареву субботу вечером, к всенощному бдению на неделю Ваий. Также и после праздника Вознесения Господня опять затворялся в своей келлии и не выходил из нее до навечерия Пятидесятницы. Умеренность в принятии пищи была отчасти необходимостью для старца, – желудок его был очень неисправен и причинял ему немалые страдания. Естественные очищения желудка бывали у него раз или два раза в месяц, не чаще, и сопровождалась такой сильной болью, от которой старец приходил в крайнее изнеможение. От неисправности желудка, старец почти постоянно страдал сильными головными болями и жаром в голове от прилива крови. От долгих стояний ноги его нередко отекали, опухали, как бревна, покрывались язвами и причиняли старцу немалые страдания. Но он никогда не лечился, и, однако ж, в короткое время больные ноги его сами собою исцелялись, принимали обычный свой объем и давали ему возможность продолжать свои молитвенные стояния. Всякое попечение о теле было чуждо старцу: проникнутый страхом Божиим от юности, сохранил он девственную чистоту души и тел, и был столь целомудрен, что никогда не обнажал своего тела, никогда не ходил в баню и не омывался, рубашку переменял очень редко, и не иначе, как в темноте, по большей же части носил ее до тех пор, пока сама она от ветхости не изорвется. Рубашки носил из черного коленкора, очень длинные, вроде хитона: они в келлии нередко заменяли ему подрясник. По большей части, ходил босой, надевая обувь только во время службы и церкви, но и тогда ею

видимо тяготился. Старец обладал светлым умом и замечательной памятью; не получив школьного образования, чтением книг душеполезных он так образовал себя, что знаниями своими удивлял мужей ученых. Св. Писание, творения святоотеческие, жития святых хранились как в книгохранилище в его памяти: он черпал из них щедрою рукой, и всякую беседу свою с ближними любил украшать изречениями из них, приличными случаю. Сам он обладал врожденным красноречием и, когда был еще в силах, нередко поучал Нило-Сорскую братию изустными поучениями своего сочинения в церкви. Сохранилось несколько подобных поучений его в рукописях: все они проникнуты духом искреннего благочестия и теплой любви к ближним, носят отпечаток направления подвижнического и богато наполнены примерами и изречениями святых отцов. Старец вел также немалую переписку с разными духовными и мирскими лицами, близкими ему по духу: в письмах этих видно искреннее и нелицемерное смирение старца. Везде он себя унижает, везде ближнего выше себя ставит, редко когда позволяет себе сказать что-либо в назидание духовное ближнему, и то, как бы не от себя, а от творений святых отцов, их словами и изречениями. Любимым занятием старца после иконописи было составление священных песнопений во славу Божию, Богоматери и святых, к чему имел он особое дарование. Церковные каноны, акафисты, молитвы вдовольном количестве были им собственноручно писаны, но, к сожалению, не все dokonчены. Между прочим, написаны им служба и акафист преподобному Нилу, Сорскому чудотворцу, не имевшему до того особой службы. Служба преподобному Нилу, несколько исправленная Кирилло-Белоезерского монастыря архимандритом Варлаамом, впоследствии архиепископом Черниговским, с разрешения Св. Синода, напечатана; акафист же преподобному, трудов старца, доселе находится в рукописи. Им же начаты службы церковные в честь иконы Богоматери Кипрской, его келейной святыни, с акафистом; в честь св. праведного Филарета Милостивого; в честь преподобного Паисия Великого; в честь преподобного Марка Афонского. Благоговевая к памяти старца Саровской пустыни преп. Серафима

и признавая в нем истинного угодника Божия, отец Нил начал было и в честь его составлять службу церковную, на 2 января, – день кончины отца Серафима. Еще остались в рукописи его трудов молитвы к Богоматери, на каждый день седмицы, преисполненные теплого чувства молитвенного. Вообще, все подобные творения старца отличаются духом молитвенным и покаянным: видно, что изливались они из тайника боголюбивой души его, составляли плод ее богомыслия молитвенного.

Кроме церковных песнопений и молитвословий, старец написал еще целую книгу главизн душеполезных, нечто вроде сборника выписок из святоотеческих творений, им выбранных применительно к духовным потребам современного монашества. Когда освящали храм в новом Успенском скиту старца, стоял он в своей келлии, которая при храме этом находилась, весь погруженный в богомыслие и молитву умную. И вот, когда по чину начали омыwać, при освящении, св. престол, услышал он над собою дивное ангельское пение: *«Свят, свят, свят Господь Саваоф, исполни небо и земля славы Твоя!»* Сладостное утешение от пения этого, троекратно повторившегося, наполнило его душу и на несколько дней сохранилось в ней: как бы прислушиваясь в тайнике души своей к отголоскам этого чудного пения, старец был все это время сосредоточен в себе, и только неземною радостью сияло его лицо.

В одно время старец сильно заболел, не мог не только служить, но даже и головы поднять, совсем ослабел и лежал на своем ложе полумертв. Келейник его, отец Герасим, часто его навешал. Так продолжалось несколько дней, старцу все не было лучше, и положение его очень озабочивало его келейника. Случился Богородичный праздник; накануне его, часу в 4-м пополудни, келейник пришел к старцу и нашел его в прежнем болезненном положении. Спустя час времени, опять к нему пришел и, к удивлению своему, видит, что старец уже в церкви и бодро читает там малое повечерие, совсем крепкий и здоровый. *«Батюшка, давно ли вы встали?»* спросил он его удивленно. *«Да, Царица Небесная восставила меня от одра болезни, чтобы мог я праздновать Ее праздник и отслужить Ей»*, отвечал старец

и начал подробно рассказывать свое исцеление. «Когда ты ушел от меня, я в большом изнеможении находился и очень скорбел, что праздник Владычицы останется у меня без служения. От изнеможения задремал, вижу – входит ко мне в келлию молодого вида монахиня в длинной мантии, подошла ко мне очень близко и говорит мне: «Нил, Я ведь монахиня»! Потом спросила меня: «ты болен?» и, взяв кадило, трижды покадила меня. Я тотчас проснулся, думал Ей поклониться, смотрю – никого нет в келлии. Встал с великой радостью совсем здоровый, болезни как не бывало, и вот, уже прочитал здесь малую вечерню, кончаю повечерие, давай с Богом всенощное бдение начинать». Начали бдение, продолжали его около 4 часов, на утро литургию сам старец служил бодро, без всякого ослабления телесного. С тех пор совершенно от болезни своей выздоровел и по-прежнему стал подвизаться в трудах молитвенных.

Зато великое гонение терпел старец Божий от духов нечистых, подвергался от них жестоким нападениям, особенно под конец своей жизни. Келейник его, отец Герасим рассказывал, что в один день, по принятии Св. Таин, старец прилег на пол отдохнуть, а он с благословения старца пошел в обитель к обеду. Уходя из скита в обитель, имел он обыкновение запирать на ключ двери келлии старца, также и калитку скитской ограды. Так и теперь сделал. Придя от обеда в скит, нашел он старца видимо возмущенным. «Ах, раб Божий, какие у меня сейчас гости были!» – «Кому же у вас быть, когда все двери келлии и ограды были заперты мною на ключ; неужто кто через ограду перешел к вам?» возразил удивленно келейник. Тогда старец прямо стал ему говорить: «как ушел ты обедать, келлия наполнилась нечистыми и злобными духами, в самых отвратительных видах и подобиях; взяли меня и подняли с полу и до потолка, и сразу опять опустили на пол; так сильно я разбился, что еле дышу. Один из них, по-видимому, самый злобнейший, заскрежетал зубами и сердито сказал: «долго ли ты еще проживешь, изможденный и хилый старик?» И вдруг, все исчезли, вот, незадолго до твоего сюда прихода». Келейник очень устранился от сего рассказа старца и очень

соболезновал полученному им удару, ибо и без того старец был очень слаб телом, а тут еще такой сильный удар получил. Но старец бодро и терпеливо переносил страдания от него, не страшился козней бесовских и келейника укреплял не малодушествовать и не бояться. *«Бог с нами, кто на ны?»* говорил старец и усугублял свои молитвы к Богу о помощи и защите. После этого, на второй день, около полудня, келейник опять пошел в обитель и опять запер на ключ двери келлии старца и калитку скитской ограда. Когда возвратился он к старцу, тот сказала ему: «зачем, уходя, не запираешь ты дверей келлии?» Зная, что двери келлии были им заперты, келейник не оправдывался пред старцем, а только спросил его: не было ли у него опять первых посетителей? «Да, и сего дня кто-то у меня здесь был без тебя, когда ты ушел в обитель, слышу в коридоре за дверями кто-то молитву творит. Сперва думал я, что это ты воротился, но потом слышу уже из прихожей опять ту же молитву и понял, что это не ты; тихо ответил: «аминь». Двери отворились и вошли как бы двое, один стал возле меня, а другой поодоль от меня, и молча на меня глядели. Я тоже молчал, и даже головы не мог поднять. Постояли немного и ушли, а кто были они, Бог весть»

С наступлением 1870 года старец Нил стал видимо ослабевать силами телесными. Зрение его помрачилось; не мог он уже сам служить, не мог вычитывать по обычаю своему всю службу церковную, но не оставлял ежедневно причащаться Св. Таин. Правило причастное сполна ежедневно вычитывал ему келейник, и, причастившись ранним утром Св. Таин, старец затем съедал небольшую часть просфоры с теплою водой, и тем только поддерживал свое существование. Иной пищи он уже не вкушал и всячески от нее отказывался. Мысль о смерти давно была неразлучна со старцем: еще за несколько лет до смерти своей приготовил он себе могилу близ алтаря скитской своей церкви, а также и гроб, который всегда стоял в его келлии на полу. Подле него любил он ложиться для отдыха и, глядя на него, размышлял о неизбежности часа смертного. Погребальные вещи все были им тоже заготовлены заранее и хранились в гробе; на крышке его стоял панихидный крест и чашка с кутьей и

медом. Здесь любил старец петь заупокойные литии, ими заживо отпевал себя, готовился молитвенно к переходу в вечность. Написал старец и духовное завещание, в котором трогательно и молитвенно обращается к Нило-Сорской братии, всех прощает, у всех и себе прощения испрашивает, и просит по смерти не забывать его в молитвах. О каком-либо стяжании и распоряжении им нет и речи в этом завещании; старец, нищий духом и телом, таковым явился и по кончине: если и получал он пожертвования и деньги, то употреблял их целостию на тот предмет, на какой пожертвованы, не оставляя себе ничего. Так, вся Нило-Сорская пустынь и оба скита ее – Предтечевский и Успенский обстроились, украсились и обеспечились, по преимуществу, через посредство старца Нила, который привлекал к себе усердие народное и, получая пожертвования от благотворителей, не таил их у себя, но, что получал, то и отдавал или употреблял, куда нужно, или назначено было данное пожертвование, на пользу Нило-Сорской обители и ее скитов. Насчет своих келейных убогих вещей старец прозорливо говорил своему келейнику: «теперь, если кто просит у тебя что-либо на благословение из моей келлии, подожди давать; а когда я умру, то все раздай, тогда и тряпки-то все разберут, и, Бог благословит, давай тогда, пусть поминают меня». Так и случилось в точности: толпы народа осаждали келейника старца после его смерти, прося себе на память и благословение из его келлии хоть что-нибудь, самое пустое. Кому книжечку, кому иконочку, кому картинку какую, даже все платочки и утиральнички старца, до 40 дней, все было роздано усердствовавшим к его памяти.

С наступлением июля 1870 года, старец Нил совсем ослабел, видимо, близился к кончине, большей частью, лежал на полу, возле своего гроба, и всем прямо говорил, что скоро-скоро оставит он юдоль земную. 19 июля, в навечерие праздника св. пророка Илии, к вечеру старец стал донельзя ослабевать, не мог уже приподняться и, когда зазвонили в обители к всенощному бдению, с трудом мог даже перекреститься. Келейник его, отец Герасим, собираясь идти в церковь на бдение, просил у него на это благословение. Он с

любовью его благословил и отпустил от себя. Возвратившись от бдения в 10 часу вечера, келейник привел с собою некоторых из братий посетить болящего старца, и, только что успел войти к нему, видит, что старцу очень трудно. Св. Христовых Таин последние два дня приобщался он уже из рук духовника своего, сам не мог уже приобщиться, что до того всегда делал. Думали, что старец доживет до утра и снова причастится Св. Таин, но этого не случилось. Старец уже не говорил и только усиленно ограждал себя крестным знамением. Пришедшая братия, вместе с келейником, безмолвно окружили его одр и заметили, что дыхание его стало прерывисто, вздохи слышались все реже и реже. Бывший в числе их иеромонах начал читать отходную молитву, но все время ее старец ограждал себя неоднократно крестным знамением. По прочтении молитвы, последнее крестное знамение не мог уже вполне совершить, рука ослабела и упала, и он испустил дух.

О кончине приснопамятного старца три удара большого колокола известили братию Нило-Сорской пустыни. Тотчас пришли к его телу настоятель и вся почти братия пустыни, иеромонахи облекли старца во всю схимонашескую одежду, положили его в гроб и, поставив его тут же в келлии, начали чтение над ним св. Евангелия, которое и не прекращалось до самого его погребения. Трое суток стояло тело старца в гробу в его келлии. Старец очень желал, чтобы на погребении его никого не было из посторонних посетителей, и даже просил келейника своего никого не извещать из мирян о его кончине. Тем не менее, слух о ней распространился по окрестности, и толпы народа разных званий и состояний наполнили Нило-Сорскую пустынь, чтобы отдать последний долг святочтимому старцу и проводить тело его до могилы. Несмотря на теплое время года и трехсуточное стояние тела в тесной душной келлии, никакого запаха смертного или разложения не было заметно в теле почившего старца: напротив, легкое веяние ароматное было ощутительно от него для многих, даже из мирян. 23 июля заупокойная утренняя и ранняя литургия были совершены в Нило-Сорской пустыни в соборе, а поздняя литургия совершена в церкви Успенского скита старца духовником его – иеромонахом

Симеоном, впоследствии иеросхимонахом Сергием. Пред литургией тело старца вынесено из келлии его в эту церковь, где и стояло в продолжение литургии, по окончании которой настоятелем Кирилло-Белоезерского монастыря, архимандритом Иаковом, в сослужении иеромонахов Нило-Сорской пустыни, совершено отпевание старца. После заупокойной литии тело его обнесено вокруг скитской церкви при пении ирмосов великого канона и предано земле в заранее приготовленной им самим могиле. Могила эта находится под полом ризницы, пристроенной с восточной стороны Успенской скитской церкви, подле ее алтаря. Теперь на могиле старца находится плита черного мрамора, с надписью о годах его рождения, поступления в монастырь, пострижения в монашество, рукоположения во иеродиакона и иеромонаха, пострижения в схиму и кончины. На этой плите водружен крест из белого мрамора, пред которым теплится неугасимая лампада. Тут же хранятся кадило, епитрахиль и поручи старца, которые и употребляются при служении панихид на его могиле, каковые очень часто здесь совершаются усердствующими к памяти святопочившего старца.

Духовник старца – иеромонах Симеон, по уговору с ним, совершал в Успенской церкви при его гробе 40 дней заупокойную по нем литургию и усердно молился о упокоении души его со святыми. То обстоятельство, что старец Нил, в течение многих лет ежедневно сподоблявшийся причащения Св. Таин, не сподобился причаститься их при своей кончине, немало сокрушало его духовника и друга о Христе – отца Симеона. Он очень о сем скорбел и сокрушался, обвиняя себя, что не был при кончине старца. И вот, однажды ночью, во сне явился ему иеросхимонах Нил и сказал ему: «не скорби о мне, отец Симеон, я удостоился милости Божией».

Сестры Горицкого Воскресенского женского монастыря, после кончины приснопамятной настоятельницы своей – игумении Маврикии, усердно молились о упокоении ее со святыми. И вот, однажды одной из сестер монастыря явилась во сне почившая игумения Маврикия и велела передать всем сестрам обители, за нее молившимся, ее благодарность за их, о

Христе, к ней любовь и сказать им, что, милостью Божией и их молитвами, она находится теперь в блаженной обители, уготованной старцу иеросхимонаху Нилу.

Много посетителей бывает на гробе приснопамятного старца Нила. Бывший келейник почившего, отец Герасим пишет в своих записках, что в одно время очень много было посетителей на гробе старца, и в самом скиту его была заметная теснота от народа. Вдруг, одна женщина, одержимая беснованием, стала неистово кричать, упала на землю и корчилась. Бывшие при ней люди, насильно взяли ее и потащили на гроб старца. Едва могли ее туда втащить, ибо она сильно упиралась и не хотела туда идти. Только что приблизили ее к гробу старца, сейчас она утихла, а по отпении панихиды по нем, совершенно успокоилась, усердно молилась Богу и с надеждой на выздоровление оставила Нило-Сорскую пустынь²⁵.

Архимандрит Паисий, настоятель Высокогорской Чуркинской пустыни

(Память 19 июля).

О. архимандрит Паисий, в мире Петр Димитриевич Сипченко, родился в 1801 или 1802 году в местечке Новой Водолаге, Валковского уезда, Харьковской губернии, и происходил из войсковых обывателей. Простое семейство, в котором он увидел свет Божий, и сравнительная малочисленность школ того времени лишили его возможности получить правильное школьное образование. Тем не менее, в доме родителей он научился грамоте и полюбил книгу. Родители его впоследствии записались в купеческое сословие г. Валков, и юному Петру, без сомнения, пришлось делить труды своих родителей по торговле. Но не торговля была его призванием. Замечательно умный и способный от природы, Петр, под влиянием, вероятно, прочитанных им житий святых Божиих, при своем глубоко религиозном настроении и увлекающемся темпераменте, решил вступить в монастырь. По всему югу славилась тогда подвижничеством направление своих иноков Глинская Рождество-Богородицкая общежительная пустынь, (находящаяся в Путивольском уезде, Курской губернии). Сюда-то в 1828 г. пришел этот искатель монашеских подвигов и, принятый в число братства ее, с усердием и ревностью начал проходить здесь все, возлагавшиеся на него, послушания.

В описываемое нами время здесь настоятельствовал богомудрый подвижник, строитель и впоследствии игумен, старец о. Филарет, поставивший обитель на такую высоту нравственного совершенства, что знаменитый архимандрит Макарий (Глухареv), основатель Алтайской миссии, проведший несколько лет в Глинской пустыни и бывший свидетелем жизни и деяний о. Филарета и его братии, в одном из своих писем выражается так: «обитель о. Филарета, говорит он, – это одна из светлых точек в земном мире, это – школа Христова, в которую, дабы войти, должно умалиться до Христова младенчества».

Прожив в Глинской пустыни два года, он, вследствие неведомых нам причин и обстоятельств, очутился на только что упомянутом распутьи. В это время, как светлое солнце сиял в Сарове своими чудесами и благодатными дарами преподобный Серафим. Чтобы разрешить все свои сомнения, чтобы получить благодатное указание, смиренный послушник предпринял неблизкий и небеструдный путь из Глинской пустыни в Саров. И вот, в 1830 г. он появляется в Саровской обители, дабы спросить преподобного: «есть ли ему благословение Божие поступить в монашество». Молодой человек падает великому подвижнику, оканчивающему свое земное течение, в ноги, просит развязать душу его от вихря сомнений. Он робко предлагает св. старцу вопрос: «есть ли воля Божия поступить ему и брату его, Николаю, в монашество»? Преподобный отвечал послушнику так: «Сам спасайся, и брата своего родного спасай». Потом, подумавши немного, сказал: «помнишь ли житие Иоанникия Великого? Странствуя по горам и стремнинам, он нечаянно уронил из рук жезл свой, который упал в пропасть. Жезла нельзя было достать, а без него святой не мог идти далее. В глубокой скорби он возопил к Господу Богу, и ангел Господень вручил ему новый жезл».

Сказавши это, о. Серафим вложил в правую руку послушника свою собственную палку и сказал: «трудно управлять душами человеческими. Но среди всех твоих напастей и скорбей в управлении душами братий, ангел Господень непрестанно при тебе будет до скончания жизни твоей»²⁶. – Такова была воля Божия о молодом Глинском послушнике, изреченная устами великого и святого мужа нашей отечественной Церкви!

Путешествие по России, встреча с разными лицами, опытными в духовной жизни, знакомство с различными порядками внутренней и внешней жизни разных монастырей, им посещенных, для наблюдательного послушника имели большое значение, расширяя круг его воззрений, обогащая ум его многими сведениями. Образы древнего иночества постоянно преподносились его духовному взору и увлекали к подражанию подвигам древних подвижников.

Возвратившись в Глинскую пустынь, успокоенный и умиротворенный духом, имея указание преподобного Серафима в благословении Божиим – стать ему иноком, молодой послушник, полный крепости и сил телесных, с большей, против прежнего, ревностью проходил назначенное ему послушание. Его строительные и хозяйственные способности, так широко развывшиеся впоследствии, дают нам основание предполагать, что послушание его состояло в наблюдении за производившимися в пустыни постройками. Его усердие, его благочестивая настроенность и совершенно безукоризненная жизнь обратили особенное, преимущественное пред другими, внимание мудрого старца Филарета, зорко следившего за духовным преуспеянием того, кому впоследствии суждено было самому стать руководителем монахов и благостроителем иноческой обители. 5 декабря 1833 г. этот усердный послушник, произнеся невозвратные обеты иноческие, от рук своего богомудрого настоятеля принял пострижение в мантию, с наречением ему имени Паисия, в честь препод. Паисия Великого.

Менее года пробыв в звании простого рядового монаха, 30 августа 1834 г., преосвящ. Илиодором, архиепископом Белгородским и Курским, о. Паисий был рукоположен во иеродиакона. Проходя свое священно-диаконское служение с благоговением и дела своего послушания с рачительностью, иеродиакон Паисий прожил в Глинской пустыни до 28 февраля 1838 г., когда, по определению епархиального начальства, состоялось перемещение его в Троицко-Николаевский монастырь г. Белгорода, бывший тогда резиденцией Курских архипастырей. В этой обители нетленно и открыто почивает св. Иоасаф Горленко, епископ Белгородский, чудодействующий от дня блаженной своей кончины и доныне. Под благодатным кровом сего святителя, 28 июня того же 1838 г., иеродиакон Паисий рукоположен был в иеромонаха.

В то время, как молодой иеромонах Паисий проходил свое служение в Белгородском монастыре, на отдаленном Кавказе лилась и русская, и туземная кровь. Жизнь двух враждебных друг другу сторон представляла бездну опасностей, и лица

белого духовенства, в особенности, семейные, крайне неохотно шли на службу полковых священников Кавказской армии. Вследствие этого, решено было заменить их иеромонахами различных монастырей. Один из таких иеромонахов был и о. Паисий, по Высочайшему соизволению Императора Николая Павловича, указом Св. Синода, от 18 мая 1840 г., определенный в Закубанское Абинское укрепление, в ведомство Черноморской кордонной линии.

Прибыв к месту своего служения, о. Паисий тотчас же вступил в отправление обязанностей отрядного священника.

О. Паисий не потерялся в этом первоначально бывшем для него чуждом обществе и скоро освоился со своим положением. Вместе со своим отрядом в 1841 г. он находился в движении от Ольгинского до Абинского укрепления, за Кубань и обратно, в 1842 г. сделал такой же путь; в 1844 г. так же; в 1849 г. два раза ходил за Кубань. Опасности, которым подвергался весь отряд вообще, и иеромонах Паисий в частности, были далеко не шуточными.

На рассвете одного дня черкесы напали на укрепление и забрали вместе с другими в плен и о. Паисия. Выведя его за укрепление, обобрали дочиста и заставили нести на гору десять русских ружей. На горе сели отдыхать. Один черкесский князек, потерявший в схватке своего сына, стал рубить пленных русских. Одинаковая участь ожидала и о. Паисия: князек уже поднял над ним шашку; но Промысл Божий бдел над достойным иноком: один из черкесов, проникнувшись состраданием к нему, защитил о. Паисия от нападения разъяренного отца и взял его к себе в плен, как часть военной добычи. У него и был иеромонах Паисий целых полгода, по истечении которых был выкуплен русскими за сравнительно незначительную цену.

Возвратился иером. Паисий к церкви своего отряда окруженный ореолом страдальца. Это, само по себе печальное событие в его жизни, послужило впоследствии даже к его личной пользе. Он сделался известным самому наместнику Кавказа, светлейшему князю Воронцову, не говоря уже о других высокопоставленных лицах, с которыми завязалось знакомство о. Паисия в это именно время, и которое так пригодилось ему

впоследствии, в период его управления Чуркинской пустынью. Впрочем, и сам иером. Паисий своею ревностью, своим всегдашним усердием в исполнении лежавших на нем обязанностей, соединенным с примерным иноческим благоповедением, заслуживал всеобщей к нему любви и расположенности, которыми действительно и пользовался. За эти перечисленные качества, он, 22 мая 1843 г., был награжден золотым наперсным крестом, от Св. Синода выдаваемым.

Но, принося и свои силы, и свое здоровье св. делу служения ближним, о. Паисий сделался сам жертвою своей ревности и своего пастырского долга. На этом поприще он окончательно расстроил свое здоровье и приобрел неизлечимую ломоту в ногах, от которой уже никогда не мог избавиться, и от которой впоследствии сошел и в могилу. Девять лет продолжалось это его самоотверженное служение, но приступы болезни так усилились, наконец, что он был вынужден просить Св. Синод об увольнении его от обязанностей отрядного священника и о перечислении в число братства Глинской пустыни, на место своего пострижения. Желание его было исполнено Синодальным указом от 11 июня 1849 г.

Что же приобрел себе о. Паисий за эти девять лет служения при отрядной церкви? – Жизнь, полная опасностей, выработала в нем твердую волю, не страшившуюся никаких опасностей, не отступавшую пред ними и смело начинавшую борьбу с различными препятствиями, которые, в конце концов, он и успевал преодолевать. Твердость и настойчивость воли, приобретенные здесь, сослужили ему, точнее же, обители Чуркинской, в свое время, громадную службу. Долговременное служение в звании пастыря, всегдашняя ровность характера, любвеобильное со всеми обращение, замечательная его общительность, наконец, природный и здравый ум, в соединении с умением всегда и везде, во всяком обществе быть на своем месте, снискали ему всеобщее расположение и любовь, не охладевшие и тогда, когда о. Паисия уже не было и в отряде. Эти добрые отношения о. Паисий старательно поддерживал впоследствии и им в значительной степени обязан был успехом своей последующей плодотворной деятельности.

Кроме того, будучи человеком весьма воздержным, привыкшим ограничивать свои требования, он, из получаемого 1000-рублевого годового жалованья, скопил себе небольшую денежную сумму, так что еще в бытность свою в Абинском укреплении имел возможность положить на имя своего брата – иеромонаха Козелецкого Георгиевского монастыря Назария в сохранную казну 1000 руб. серебром, с условием, что в случае смерти Назария, он, Паисий, мог получить их обратно в свое распоряжение. Это благоприобретенное состояние дало ему в непродолжительном, как увидим, времени возможность самостоятельного действия.

Прибыв в Глинскую пустынь, иером. Паисий зажил скромной иноческой жизнью. Молитва, уединение и относительное спокойствие были уделом жизни его в ней. После девятилетнего служения в обстановке, полной лишений и опасностей, он отдыхал и душою, и телом среди иноческой семьи уединенной обители. За это время даже самое здоровье его окрепло. Из тихой своей келлии он писал оставленным в укреплении и других местах друзьям своим сердечные письма. Сношения его с этими лицами еще более укрепляли их обоюдную духовную связь. И тогда, как о. Паисий сообщил своим друзьям о благоприятных последствиях своего Глинского пребывания и улучшении в состоянии здоровья, друзья постарались довести об этом до сведения наместника, князя Воронцова. Князь, лично знавший и по достоинству оценивший плодотворную деятельность почтенного инок, очень желал его видеть снова на службе в военном ведомстве управляемого им края. Место при церкви Абинского укрепления было уже занято, но представлялась возможность дать Паисию другое назначение. И князь решился действовать в этом направлении. По докладу военного совета, основанному на ходатайстве князя Воронцова, 10 апреля 1851 г. иером. Паисий, с Высочайшего соизволения, был снова назначен в состав армейского духовенства в Георгиевское укрепление. Получив уведомление об этом, о. Паисий простившись с братией пустыни, выехал к месту нового своего служения и 22 июня был уже в укреплении, где немедленно и вступил в отправление пастырских своих

обязанностей. Однако, в этот раз ему суждено было весьма немного послужить в настоящем укреплении. Св. Синод, еще ранее назначения сюда Паисия, постановлением своим определил в Георгиевское укрепление другое лицо. Таким образом, иером. Паисию ничего не оставалось более, как выехать обратно в Глинскую пустынь, что он и сделал 10 июля.

Пребывание его в Глинской пустыни, по возвращении из Георгиевского укрепления, было так же мирно, как и прежнее, и продолжалось почти три года. Петербургские друзья в это время позаботились об о. Паисии. В северной столице находился тогда Астраханский архиепископ Евгений, бывший экзарх Грузии (ум. 1869 г. в Пскове), вызванный для присутствия в Св. Синоде, – архипастырь добрый и благопопечительный о своей епархии и о лучшем благо устройстве ее. Пребывая так далеко от своего кафедрального града, он мыслью часто переносился в свою епархию. Немало забот доставляла его сердцу Николаевская Чуркинская пустынь, 17 декабря 1850 г. лишившаяся своего приснопамятного старца-настоятеля о. архимандрита Евгения, вызвавшего ее к бытию почти из развалин.

Собрав более точные предварительные справки об о. Паисии и убедившись, что в лице его Чуркинская пустынь может рассчитывать видеть продолжателя деятельности приснопамятного возобновителя своего архим. Евгения, преосвященный Евгений, согласно изъявленному им желанию, принял о. Паисия в ведомство Астраханской епархии и дал надлежащее движение делу о его перемещении из Глинской пустыни. 7 мая 1854 г. иеромонах Паисий был переведен в Астраханскую епархию и определен настоятелем Чуркинской Николаевской пустыни.

Прибыв в пустынь, о. Паисий приступил к принятию обители и ее имущества: церковной утвари, ризницы, библиотеки, документов, билетов и наличной суммы. Основной капитал обители, заключающийся в ломбардных билетах, выражался в 24 660 руб. 15 коп.; наличная же сумма равнялась всего 750 р. Приемка пустыни окончена была 7 июня 1854 г., о чем новый

настоятель рапортами донес консистории и благочинному монастырей архимандриту Аполлосу.

Таким образом, о. Паисий вступил в настоятельскую должность, и исполнилось прозорливо предсказанное ему за 24 года пред тем великим Саровским подвижником – преподобным Серафимом вшествие в подвиг духовного пастырствования и бдения о душах, вверенных его духовному руководительству. Обитель, порученная о. Паисию, требовала от своего настоятеля весьма многого: и опытности духовной, и практических знаний хозяйственных, твердой воли и непоколебимой энергии. Всеми этими качествами в достаточной мере обладал новоназначенный настоятель ее.

Прежде всего, он обратил свое внимание на богослужение. Привыкнув в Глинской пустыни видеть его совершаемым с точным и буквальным соблюдением предписаний устава церковного, без малейших отступлений, – и смотря на этот предмет, как на дело воистину Божие, он и во вверенной его управлению пустыни восстановил поколебленный было временными управителями ее церковный чин. Из собранных о. архимандритом Евгением 26 человек братии, к приезду о. Паисия на Чурку едва оставалась половина. Но он не унывал, прекрасно понимая, что самый первый залог успеха во всяком деле – есть точное определение обязанностей каждого члена, призванного послужить этому делу, и точное их выполнение. Он веровал твердо, что Бог пошлет к нему людей, даст ему соразработчиков. И действительно: с первых же дней прибытия о. Паисия в Чуркинскую пустынь к нему начали являться благонамеренные лица, искавшие не материальных выгод, а наиболее удобной обстановки для прохождения монашеской жизни. Прекрасный знаток сердца человеческого, умудренный опытами богатой разнообразными событиями жизни, он не побеждался желанием только умножить в количественном отношении братию своей пустыни, а смотрел на способности и душевное расположение к монашеской жизни просившихся у него людей. И должно отдать справедливость его мудрой осмотрительности в этом деле, и его строгой разборчивости. Из принятых им в пустынь братий вырабатывались преданные ему

дети и усердные исполнители его предначертаний, из числа которых, в особенности, заслуживают упоминания иеромонахи Досифей и Иаков, немало потрудившиеся для обители, в которой они и монашество приняли, и рукоположения во священные саны удостоены, и в которой, наконец, скончались. Сознывая всю скуку и уныние, каким подвергаются пришельцы других местностей в безотрадных степях Астраханских, о. Паисий, если видел и замечал, что принятый им брат может быть очень полезным для обители, старался ускорить его формальное зачисление в число братства указным предписанием консистории, и затем своим любвеобильным отношением к таковому, возведением его в следующие степени монастырской иерархии, своим горячим участием к его внутреннему миру и внешнему быту удерживал такового в Чуркинской пустыни.

22-го июня 1854 года, спустя несколько дней только после своего прибытия в обитель, о. Паисий донес консистории о своем намерении – продолжать приостановившуюся постройку, начатую архимандритом Евгением и заброшенную временными управителями пустыни. Прежде всего, он решил достроить настоятельский каменный трехэтажный дом, имеющий 8 саж. длины и 6 ширины, – на что и испрашивал позволения. О. Паисий не остановился на полдороге: он решил расходовать на предположенное дело личные свои средства. И, прежде всего, несколько исправив и восстановив кирпичный завод и наняв каменщиков, он приступил к достройке дома, не выжидая даже формального разрешения на это. Когда же получено было это разрешение, работы уже кипели и подвигались вперед так быстро, что 18 ноября того же года новый настоятель донес преосв. Евгению об окончании постройки. 22 марта следующего года, указом духовной консистории дано было знать иеромонаху Паисию о последовавшей резолюции архиеп. Евгения: «настоятелю пустыни о. иеромонаху Паисию изъявить от меня признательность и благословение Божие за постройку вчерне каменного корпуса, со внесением сего в формулярный его список». Не ограничиваясь этой, уже произведенной и оконченной постройкой, о. Паисий желал возвысить и

благоустроить вверенную ему обитель во всех отношениях. Озабочиваясь мыслью доставить посетителям возможно удобное помещение на все время их пребывания в монастыре, он в 1855 г. приступил к постройке каменного флигеля, предназначенного для этой цели, и, несколько времени спустя, начал строить каменную трехэтажную гостиницу. Средств монастырских, в то время крайне скудных, для начатых построек было недостаточно. И вот, с разрешения епархиального начальства о. Паисий отправляет для сбора на этот предмет dobroхотных даяний иеромон. Иакова, сам лично производит этот сбор в Астрахани, пишет письма к известным ему благотворителям, с просьбой о помощи, и при их посредстве в 1859 году оканчивает и корпус, и флигель, на что расходует 6285 р. 74 к. сер. Консистория назначила комиссию для освидетельствования вновь сооруженных зданий. Осмотрев произведенные постройки, комиссия представила свое заключение, в котором доносила консистории, что оба здания, как по доброкачеству материалов и прочности, так и по чистоте и правильности отделки всех частей снаружи и внутри зданий, могут быть причислены к лучшим, современной архитектуры, зданиям, и обличают в строителе изящество вкуса и знание строительного дела. На основании сего отзыва о. Паисию объявлена «за прочное построение упомянутых зданий, и в весьма хорошем виде в техническом отношении, от епархиального начальства полная признательность, с дозволением внесения ее в формулярный список».

Однако не одними только выражениями благодарности и призыванием на него Божия благословения епархиальное начальство поощряло иеромон. Паисия к новым трудам ни пользу Чуркинской пустыни. Еще ранее мы видели, что грудь о. Паисия была украшена золотым наперсным крестом, но, имея крест, он, в то же время, не имел набедренника. И вот, преосвящен. Евгений, за попечение его об устройстве пустыни, 28 мая 1856 г. возложил на него набедренник, а год спустя после этого, 9 мая 1857 г., в храмовой праздник обители, литургисавший здесь новый архипастырь – преосвящ. архиепископ Афанасий возвел о. Паисия в сан игумена. Но не

награды и не иерархическое возвышение услаждали душу ревностного трудолюбца. Сознание добросовестно исполняемых им обязанностей было лучшей его наградой. Он, кажется, и вставал от сна, и ко сну отходил, и жил день за днем с одной глубокой думой, с одной неотвязной заботой: как бы лучше благоустроить, и, если можно, то и обеспечить Чуркинскую пустынь материальными средствами к дальнейшему ее безбедному существованию? Принимая близко к сердцу все интересы ее, он питал благоговейное почитание к памяти своего предшественника старца, о. архимандрита Евгения, преклоняясь пред его подвижнической жизнью и по достоинству ценя многие труды, подъятые о. Евгением для блага пустыни. Став его преемником по настоятельству, о. Паисий призывал себе на помощь молитвы старца Божия. Вера его в силу загробных молитв архимандр. Евгения была искренна и горяча, и она никогда не посрамляла его. В письмах к знакомым своим о. Паисий отзывается о старце Евгении, как о муже *преподобном*. Несколько ниже мы скажем о той невидимой духовной связи, которая существовала между этими двумя чуркинскими настоятелями, – одним живым, другим – уже отошедшим ко Господу. Теперь же, здесь мы должны заметить, что, если и встречались в первоначальной чуркинской жизни о. Паисия некоторые утешения, то наряду, об руку с ними, являлись и огорчения, глубоко волновавшие его чуткую душу. Одним из таких огорчений был следующий случай, имевший место на первом же году вступления о. Паисия в настоятельскую должность.

Три послушника пустыни: Василий Смирнов, Александр Орлов и Яков Самохин были отправлены настоятелем на монастырской лодке в Астрахань, для закупки необходимых для обители предметов и найма рабочих. 22 ноября 1854 года, возвращаясь из города в пустынь, и не доезжая 10 верст до Ветлугинской ватаги, в 25 вер. от Астрахани, на речке Калшалдаке, в 11 ч. вечера путники были настигнуты двумя лодками, в которых сидело шесть неизвестных человек. На требование незнакомцев, чтобы монастырские лодки пристали к берегу, послушники отвечали отказом. Тогда незнакомцы начали

бросать в них сырыми таловыми палками. Орлова оглушили и выбросили в воду, Самохина избили до такой степени, что 5 декабря он умер, Смирнов также значительно пострадал; вновь нанятые ими рабочие были пьяны и не могли участвовать в обороне: они также были выброшены в воду. Затем злодеи, забрав монастырские покупки на 150 р. 63 к. сер., и принадлежавшие, как послушникам, так и рабочим, вещи, всего с монастырскими на сумму 330 руб. 53 коп., скрылись, захватив в том числе 8 писем, адресованных Паисию, несколько указов и паспорта нанятых рабочих. Помощь, в виде проезжавшего в своей лодке рыболова, явилась поздно, тогда, когда разбойников уже, как говорится, и след простыл.

К этому же времени относится и свидетельство святопочившего старца о. архимандрита Евгения о Чуркинской пустыни и ограждении ее интересов. Несколько человек послушников и рабочих были посланы о. Паисием в Астрахань за лесным материалом для производившихся в обители построек. Нагрузив дощаник тесовыми досками и т. под. предметами, посланные уже возвращались в пустынь, как внезапно поднялась сильная буря. Волны с яростью устремлялись на дощаник, благодаря своему грузу, низко сидевший в воде, и ежесекундно угрожали затопить и судно, и пловцов, принужденных идти против течения. Выбившись окончательно из сил, утомленные пловцы решили освободить судно от его груза и налегке отплыть в пустынь с тем, чтобы, возвратившись, впоследствии забрать оставленный материал. Так и сделали. Пристав к одному безлюдному островку, они разгрузили свое судно и отправились в дальнейший путь. Все это видели несколько человек ловцов, жителей с. Тишкова, следовавших за монастырским дощаником. Корусть закралась в их сердца. После недолгого между собою совещания, они решились воспользоваться, по крайней мере, хотя частью монастырского леса. И вот, пристают они к берегу; идут к сваленному и оставленному без всякой охраны лесу. Вдруг видят: из близ растущих кустов направляется к ним покойный старец о. архим. Евгений, которого знал весь Астраханский край. Ни на минуту не забывая, что старца уже нет на земле,

устрашенные тишковцы поспешно бросились к своим лодкам и еще поспешнее стали удаляться от этого острова. Отъехав от него на значительное расстояние, они задумались: как могло случиться, чтобы умерший за несколько пред тем лет старец мог показаться им на этом безлюдном острове? И вот, почитая видение старца плодом расстроенного своего воображения, и побуждаемые возможностью безнаказанно похитить чужое достояние, они решились вторично пристать к тому же острову, и на этот раз захватить с собою как можно более монастырского лесного материала. Возвратились; пристали к острову и направились к тесу. Уже взялись они за концы тесин, чтобы перенести их в свои суда, как вдруг пред ними, в сумраке ночи, вырастает фигура о. архим. Евгения, и слышится его грозный негодующий голос: «как смее вы похищать не принадлежащее вам?» И видят устрашенные ловцы, что палка, которую явившийся имел в правой руке, с угрозою поднимается над ними, как бы для наказания. Потрясенные до глубины души явлением почившего и его грозным окликом, любители чужой собственности без чувств упали к ногам о. Евгения. Когда же, спустя некоторое время, они очнулись, явившегося уже не было. Также безмолвствовал безлюдный остров, также без охраны лежал лесной материал. Но уже не дерзнули вразумленные тишковцы коснуться его, а поспешно удалились от острова, и, по прибытии домой, откровенно поведали своему приходскому пастырю все, бывшее с ними. По совету почтенного иерея, явились они в пустынь, рассказали о. Паисию о явлении им старца Евгения и, отслужив на могиле его панихиду, испросив его прощение, умиранные духом возвратились в свои дома к обычным своим занятиям.

Как ни велики и многолюдны для обители Чуркинской были труды о. Паисия, ему предстояло в будущем увековечить свое имя и память о своем в ней настоятельстве сооружением обширного трехпрестольного, каменного, прекрасного соборного храма.

Приступая к постройке, о. Паисий, можно сказать, почти вовсе не имел на это наличных средств, поэтому и ожидать разрешения на это было не только сомнительно, но и

совершенно немыслимо, а собор был безотлагательно нужен. Будучи весьма предусмотрительным, он занял у некоторых астраханских купцов 5000 руб. и явился к архиеп. Афанасию за благословением. – «Да есть ли у тебя на это средства? – спросил архипастырь. – «Есть пять тысяч; на зачин будет, а там – Бог не без милости ответил ему Паисий». Подумав несколько секунд, преосв. Афанасий сказал: «благословляю; да поможет тебе Бог и Пресвятая Владычица вкупе со Своим угодником св. Николаем во святом начинании». Таким образом, первое затруднение было устранено. Глубокая и твердая вера в помощь Божию одушевляла о. Паисия в решимости приступить к такому делу. И помощь Божия действительно не оставляла его, открываясь иногда чудесным образом.

«Архитектор нужен, мастер нужен, – говорил он братии; – где я возьму?» В одно время является в обитель крестьянин Нижегородской губ., Арзамасского уезда, Андрей Степанов, посланный сюда будто бы каким-то юродивым, и заявляет, что он может быть и архитектором, и мастером, и в удостоверение своих слов показывает игумену документ о постройке им где-то каменного собора. Игумен, конечно, рад был такой дешевой находке.

Закладка соборного храма совершена была в день первоверховных апостолов Петра и Павла, 29 июня 1858 г., Спасо-Преображенского Астраханского монастыря архимандритом Никоном, вместе с игуменом Паисием и братией пустыни, при многочисленном стечении народа и торжественном молебствии. При разборке старого храма оказалось до двухсот тысяч кирпича, который и был употреблен на новую постройку. Работы начались под ведением одного почти мастера Андрея; а сам о. Паисий предпринимал неоднократные поездки в Петербург, Москву и др. города по делам обители. Во время этих своих путешествий он находил людей, усердствующим к храмам Божиим, располагал их в пользу своей обители и получал посильные их жертвы.

Хотя постройка соборного храма подвигалась сравнительно неспешно, но она доставляла ему и тихие радости. Впрочем, не одни только радости были уделом о. Паисия: на его пути

встречались и скорби, – и скорби тяжкие. Виновником их был некто Ив. Боровков, рясофорный послушник, при жизни о. архим. Евгения в хозяйственном отношении совершенно самостоятельно распоряжавшийся в пустыни. При назначении настоятелем обители о. Паисия, Боровков назначен был также помощником его по хозяйству и, думая сохранить свое прежнее влияние на течение дел, при своем крайне немирном и вздорном характере и при полнейшем игнорировании власти настоятельской, вскоре сделался настолько обременительным для него, что о. Паисий лично усердно просил архиеп. Афанасия освободить и его, Паисия, и обитель от этого тяжелого человека. Вследствие данного преосв. Афанасием консистории предложения, Боровков, 30 ноября 1854 г., был перемещен в Спасский монастырь г. Астрахани. Ученик великого старца, не наследовавший, однако, ни одной из его иноческих добродетелей, Боровков оставил Чуркинскую пустынь с положительно непримиримой ненавистью к ее настоятелю. Пользуясь доверием и расположением к себе некоторых небезвлиятельных в духовном Астраханском мире лиц, а также обширным знакомством среди астраханского купечества, он, при всяком удобном и неудобном случае старался уронить о. Паисия во мнении своих собеседников, извращая все его намерения и перетолковывая его действия в превратную сторону. Нельзя сказать, чтобы эти злонамеренные действия Боровкова против Паисия оставались без желательных для первого из них результатов. Вместе с тем, злонамеренные слухи, распускаемые о нем, волновали Паисия и в одно время до такой степени расстроили его и возмутили его душевный мир, что он даже решил оставить настоятельство. Написано было им прошение об увольнении от занимаемой должности. Наутро он решил ехать с ним к преосв. Афанасию. В крайнем расстройстве, забывшись тонким сном незадолго до утрени, Паисий видит явившегося ему архим. Евгения, в мантии и с жезлом в руках. – «Малодушный монах, сказал ему явившийся старец: ты забыл свой обет – с покорностью воле Божией переносить в жизни все: надейся на Бога, и Он поможет тебе». О. Паисий принял это явление за ниспосланное ему свыше, и

после утрени, в присутствии некоторых из братий, разорвал прошение и с особенной ревностью отдался постройке собора.

И действительно, помощь Божия приходила к о. Паисию очевидным образом. Сборщики монастырские, из которых самым способным был вышеупомянутый иером. Иаков, доставляли ему необходимые для дела денежные суммы, независимо от пожертвований, изыскиваемых самим настоятелем и присылавшихся ему благотворителями. Бывали при этом случае особенно замечательные. Когда, благодаря неутомимому усердию о. Паисия, постройка собора была окончена, как снаружи, так и внутри, оставалось позаботиться об иконостасе. Не находя подходящего к его требованиям мастера в Астрахани, Паисий, предприняв поездку в Москву, обратился здесь к известному в то время мастеру Скворцову, который уже совсем было прекратил свои занятия и не принимал более никаких заказов. Долго уговаривал его Паисий принять на себя устройство иконостаса, и только, снисходя к его убедительной просьбе, Скворцов решился изменить своему намерению и в последний раз построить иконостас в Чуркинскую пустынь за 17 тысяч рублей, получив из этой суммы в задаток семь. Когда иконостас был готов, и Скворцов прибыл в обитель для установки его, то заявил о. Паисию: «за иконостас с меня довольно семи тысяч, а остальные десять – пусть останутся в пользу обители». От такой радостной нечаянности Паисий не находил слов для выражения Скворцову своей душевной признательности.

Питая глубокую веру в покровительство Матери Божией и желая вручить Ее непосредственным попечениям вверенную ему обитель, о. Паисий, 13 мая 1862 г. возведенный в сан архимандрита, предположил посвятить устроенный храм в честь Успения Пресв. Богородицы, с приделом правым – Преображения Господня и левым – св. Николая. Подобно тому, как в отдаленные века на горы Киевские препод. Антоний Печерский принес благословение св. Афона, архим. Паисий, желая снискать и Чуркинской обители благословение Киево-Печерской лавры, в сентябре 1863 г. препроводил в лаврский духовный собор 50 руб., с просьбою о написании точной копии с

иконы Успения – личного дара Богоматери, получив которую в следующем году, поместил ее над царскими вратами новосозданного храма, соорудив для нее, по подобию киевскому, меднопозлащенный круг в виде сияния. Остальные же св. иконы всех трех иконостасов о. Паисий поручил написать инокиням Серафимо-Дивеевского монастыря, едва согласившимся принять за весь прекрасный труд свой крайне скромную сумму в 600р. Израсходовав на всю постройку и окончательную отделку собора как внутреннюю, так и наружную, 48053 руб. 85 коп. сер., о. архим. Паисий имел утешение видеть собор совершенно оконченным и на своем высоком холме величественно возвышающимся над окрестностью. 9 мая 1867 г. преосвященный Астраханский архиепископ Афанасий, при многочисленном стечении народа освятил главный престол вновь сооруженного храма в честь Успения Божией Матери, отчего и самая пустынь, от дня сего освящения, по главному своему храму, начала именоваться Успенско-Николаевской.

Но, если созданием соборного храма архим. Паисий воздвиг себе прочный памятник, то другим своим деянием он оказал положительное благодеяние Чуркинской пустыни, из рода в род, из века в век имеющее свидетельствовать о его неусыпной заботливости о благе и обеспечении обители. Говоря так, мы имеем в виду долговременные хлопоты, в конце концов, увенчавшиеся успехом, в возвращении пустыни земель и вод.

Возвращаясь в 1861 г. из Петербурга в свою обитель, о. Паисий заехал по дороге в г. Тихвин, где в Богородицком монастыре сияет икона Владычицы, более 500 лет тому назад принесенная ангелами на место нынешнего города и обители. Благоговевая пред сей величайшей святыней христианского мира, он усердно молил Царицу Небесную о благопоспешении ему в его, точнее же, обительском деле. Отправляясь в свою пустынь, о. Паисий захотел приобрести в благословение ей точную копию с Тихвинской иконы, о чем и заявил настоятелю Тихвинского монастыря архим. Владимиру. Сей последний, движимый братской любовью, по предварительном соглашении с братией своего монастыря, изъявил свое намерение дать отдаленной обители Астраханского края точную копию своей великой

святыни, приняв все расходы по сему предмету на счет управляемого им Тихвинского монастыря. Когда св. икона была принесена в Успенский монастырский собор для освящения, то ее поместили при киоте ее оригинала и, после акафистного пения и освящения воды, совершенных архим. Владимиром, игуменом Паисием и братией Тихвинского монастыря, произошло освящение самой св. иконы, причем, копия была прикладываема к своему оригиналу. В момент соприкосновения св. икон совершилось чудо милосердия Царицы Небесной к игум. Паисию. Незадолго пред сим, без всякой, по-видимому, причины, у него образовалась мучительная опухоль десны. Опухоль, сопровождаемая сильнейшей ломотой, скоро видоизменилась в язву, в которой зароились даже черви. Болезнь причиняла ужасные страдания игумену и не поддавалась лечению. И вот, когда свв. иконы были соединены вместе, язва разрешилась обильным истечением гнойной материи, и с этого именно момента Паисий перестал ощущать какую бы то ни было боль.

Желая увековечить духовное единение обеих обителей, оба настоятеля выработали следующую надпись, помещенную на оборотной стороне новоосвященной св. иконы: *«от святой обители Тихвинской Пресвятой Богородицы, в святую Высокогорскую Николаевскую Чуркинскую пустынь, при настоятелях – архимандрите Владимире и игумене Паисии. 1861 г. апреля 25 дня»*. Св. икона торжественно была изнесена из Тихвинского монастыря в сопровождении крестного хода, при праздничном трезвоне и пении священных песен.

Сопутствуя о. Паисию, св. икона привезена была им, наконец, и в Чуркинскую пустынь, где братия радостно и благоговейно встретили святыню. Но в это же время совершилось событие, глубоко запечатлевшееся в сердцах очевидцев и послужившее для многих уроком того, как всякий христианин должен питать чувства к свящ. изображениям. Один иеродиакон пустыни, по имени Нектарий, питавший беспричинное нерасположение к своему настоятелю и всегда осуждавший каждое его действие, при встрече Тихвинской иконы Богоматери легкомысленно выразился так, к соблазну

других: «что он (Паисий) навез сюда досок, горшки что ли покрывать ими? И без этих – много своих». Дерзость легкомысленного, недостойного имени иноческого, человека не осталась без небесного вразумления: тотчас же по произнесении хульных слов, несчастного поразил удар, обративши рот и легкомысленную голову его на бок и оставивший их в таком положении. Кроме того, одна половина тела его, одновременно пораженная тем же ударом, положительно онемела. Поверженный на одре болезни и прикованный к нему в течение нескольких недель, хулителю св. иконы, сознав свой грех, просил принести святыню в его келлию и совершить пред нею молебное пение. Желание его было исполнено. С теплой верой и слезами искреннего раскаяния несчастный просил Матерь Божию о прощении тяжкого греха своего. И Матерь милосердия, по Своему неизреченному человеколюбию, благоволила простить его и возвратить ему прежнее здравие.

Благоговейно чтил эту икону о. Паисий. С бывшего храмового, разобранный Николаевской церкви, образа Спасителя, переделав сребропозлащенную ризу, он украсил ею чтимую святыню. Пред нею же усердно молился он 28 июня 1862 г., отправляясь в Петербург, прося всесильной помощи Царицы Небесной к скорейшему окончанию бесконечного дела о землях и водах монастырских. Он глубоко веровал в помощь и милосердие Пресв. Богородицы, и эти вера не посрамила его. Прибыв в Петербург, о. Паисий явился к Т. Б. Потемкиной и усердно просил ее помощи делу его обители. Благодетельная княгиня обещала ему свое содействие и вот, что придумала для этого. Однажды у Т. Б. обещала быть Императрица Мария Александровна, которой княгиня нашла случай рассказать об о. Паисии, вместе с тем, не позабыла и о предсказании относительно его преп. Серафима. И вот, во время пребывания Государыни у Потемкиной, Паисий, по предварительному соглашению с нею, явился в ее дом и, введенный в гостиную, пал на колена пред Царицей, высказывая ей нужды своей обители и прося ее милости. Императрица, выслушав просьбу его, подкрепляемую и Татьяной Борисовной, обещала

переговорить об этом с Императором Александром Николаевичем. Как передает хранящееся в пустыни предание, Государь колебался в решимости возвратить ей громадное количество земли и вод, но напоминание Императрицы о явленных некоторым лицам царствующего дома опытах милосердия Божия, совершившихся по молитвам преподобного Саровского пустынножителя, положило конец колебаниям Государя, и он частным образом соизволил повелеть, чтобы дело Чуркинской пустыни было ускорено окончанием. Так и в настоящем случае великий Серафим своим именем помог о. Паисию, тогда уже архимандриту, и не раз, конечно, вспоминались ему глубоко знаменательные слова великого угодника Божия: «ангел Господень будет с тобою до кончины твоей».

19 марта 1863 г. обитель Чуркинская вступила, наконец, во владение отшедшими к ней водами. При этом, ей пришлось уплатить 21 тысячу рублей за здания, устроенные на чернобугоринском рыбном промысле и предназначенные как для помещения рабочих и служащих, так и для склада, и хранения рыбы, и рыболовных принадлежностей. Такой суммы в монастыре в наличности не было, и архим. Паисий, с разрешения преосв. Афанасия, сделал денежный заем в 7 тысяч рублей у Спасо-Преображенского Астраханского монастыря. Воды эти дали возможность о. Паисию вздохнуть более свободно и с более спокойным духом смотреть вперед. За покрытием всех расходов по содержанию промысла, уплаты рабочим и служащим, и т. под. издержек, в пользу монастыря оставалось до 10 и более тысяч ежегодного чистого денежного дохода. А эта сумма была немаловажным подспорьем в хозяйстве бедной и до того времени лишенной всяких средств к более или менее обеспеченному содержанию своему пустыни. Воды и до настоящего времени служат единственным источником содержания Чуркинской обители, так как посторонние, кроме них, доходы выражаются в крайне малой сумме. Заканчивая повествование о трудах и заботах о. Паисия, понесенных им по делу о возвращении их обители, мы скажем, что этим деянием своим многозаботливый архимандрит оказал

своей обители положительное, никогда не могущие быть забытым, благодеяние.

Но, исходатайствовав для обители возвращение ее угодий, о. Паисий не успокоился на этом. Его живая натура не терпела бездействия. При посредстве получаемых с промысла денежных доходов, он, принимая во внимание как отдаленность пустыни от Астрахани, так и затруднительность путей сообщения с нею, иногда положительно невозможного, и необходимость медицинской помощи как для братии обители, так отчасти и для окрестных жителей, по предложению преосв. Афанасия, решил открыть в монастыре больницу на шесть кроватей и аптеку, откуда медикаментами пользовались и пользуются не только братия, но безвозмездно и жители окрестных поселков. Кроме того, в г. Астрахани он привел в надлежащий вид и благоустройство подворье, пожертвованное пустыни г. Абезьяниным.

Обладая практической опытностью, о. Паисий, кроме доходов от вод, изыскивал и другие способы к увеличению их из таких источников, из которых другому на его месте не скоро бы пришло на мысль пожинать значительную мзду. У подножия бугра, на котором расположена пустынь, предместником его о. архим. Евгением разведен был довольно обширный виноградник и фруктовый сад. Во дни настоятельства архим. Паисия виноградник этот давал обильный, вкусный и сочный виноград. И вот, в уме о. Паисия родилась мысль продавать его на нужды обители. Имея в Петербурге знакомых продавцов фруктов братьев Кериных, о. Паисий ежегодно в значительном количестве отправлял в северную столицу дары монастырского виноградника и, за исключением небольших процентов, платимых Кериным за комиссию, ежегодно получал от виноградника чистой прибыли по несколько сот рублей. Как часть винограда, так и икру, и некоторые породы рыб, доставляемые в монастырь с собственного промысла, архим. Паисий посылал в гостинец наиболее к нему расположенным лицам, а те, в свою очередь, не оставались неблагодарными к вниманию и любезности настоятеля, и в благодарность за его

гостинцы слали обители свои посильные лепты, дававшие Паисию возможность продолжать благоустройство обители.

В своей частной домашней жизни о. Паисий был прост и непритязателен. Доступ к нему для всех, имеющих дело, был всегда и во всякое время свободно открыт: никаких докладов и прочих церемоний у него в этих случаях не существовало. Он входил во все, что делалось в монастыре, интересовался делами каждого члена своего братства, принимая самое теплое участие в его нуждах и устраняя их, если то было в его силе. Даже оставляя обитель по делам ее иногда на значительное время и проживая в Петербурге и Москве, он требовал и получал подробные донесения о всем, что совершалось в обители, отсюда посылая свои начальственные распоряжения.

При всей своей хозяйственности и домовитости, соединенных со строгой экономией, о. Паисий не был, однако, черствым человеком. В архиве монастырском сохраняется за его время много дел о самовольных порубках монастырского леса и самовольного кошения травы с монастырских лугов, производившихся жителями окрестных поселков и бугров. Он не мог оставлять подобных поступков безнаказанными, как клонившихся ко вреду благосостояния пустыни, и жаловался в надлежащие учреждения, но при этом имел настолько сострадания и душевной чуткости, что умел отличить в этих проступках действительную нужду от злой воли, побудившую бедняка на противозаконное деяние. Раз убедившись в том, архим. Паисий прекращал дело полным его прощением и кротким увещанием – не повторять самовольного вторжения в пределы монастырских земель и лесов. Подобных случаев, как мы сказали, было очень много.

Астраханское епархиальное начальство, ценя его великие труды, считало своим долгом оказывать ему знаки особенного внимания: так, по его представлению, 20 ноября 1868 г. о. архимандрит Паисий «за отлично-ревностную службу удостоен благословения Св. Синода», а в следующем году Высочайше сопричислен к ордену св. Анны 3-й степени, которого, впрочем, ему не суждено было носить: и орден, и грамота на него были получены уже после его кончины.

Несмотря, однако, на крайнее утомление после такой далекой и продолжительной поездки и неудовлетворительное состояние своего здоровья, он тотчас же приступил к занятию монастырскими делами и еще в этом же году успел заложить и вывести первый ярус колокольни, употребив на это до 500 тысяч кирпича. Наступившая зима, с своим крайне переменным здесь климатом, удручающим образом повлияла на о. архимандрита и в конце расстроила его расшатавшееся здоровье. К нестерпимой ломоте ног присоединилось и общее расстройство всего организма. Пришлось обратиться к медицинской помощи. Врачи предписали ему поездку в г. Пятигорск, для лечения минеральными водами. Нерадостно встретил о. Паисий и наступившую весну 1869 года, последнюю в его жизни. Часто смотрел он на начатую колокольню и, как бы предчувствуя свою скорую смерть, скорбел, что ему не удалось окончить ее. В мае 1869 г., получив благословение архиеп. Афанасия и простившись с ним и братией своей обители, а также и со своими астраханскими знакомыми, в сопровождении монаха Макария и послушника Семена Попова, архимандрит Паисий оставил обитель, чтобы уже более никогда в нее не возвращаться. Грустно было прощание его с обителью, для которой он употребил столько трудов, и братией, им собранной и душевно им любимой. Со слезами простился он с нею, с рыданиями провожала своего отца и иноческая семья его: всеми как будто чувствовалось, что они более не увидят своего достойного настоятеля. И вот, о. архимандр. Паисий уехал из Чуркинской пустыни и, говорят, долго-долго смотрел на обитель, смотрел до тех пор, пока она совершенно скрылась из вида. С отъездом его как бы осиротела и сама обитель. Но в душах братии теплилась еще слабая надежда, что минеральные воды помогут их отцу и поддержат его жизнь еще хотя на некоторое время. Увы, надежде этой не суждено было осуществиться!

14 мая о. архим. Паисий письмом своим уведомлял казначея пустыни иеромон. Досифея, что, выехав из Астрахани 3 мая, они достигли г. Кизляра 6 числа, где настоятель Крестовоздвиженского монастыря архим. Антоний принял путников очень ласково. Здесь они прожили до 9 мая и в 3 часа

дня праздника св. Николая отправились в Пятигорск, куда приехали в 10 час. утра 12 мая. Здесь, приглашенный о. Паисием доктор, назначил ему брать тепло-серные ванны с 15 числа. На водах о. Паисий предполагал прожить весь курс. Этим же письмом он просил о. Досифея сообщить ему о состоянии улова в монастырских водах и ценах, по которым продана рыба. Заботился он и о заказанных для св. икон – Одигитрии и Тихвинской – киотах, спрашивая: привезены ли они и установлены ли на месте? Вообще, тон письма довольно спокойный, нимало не указывающий на то, чтобы сам о. Паисий считал положение свое безнадежным. Совершению иное настроение его представляет следующее письмо от 15 июля, – последнее в его жизни, в котором он сообщает о себе, что он тяжело болен и дает братии обители несколько советов и наставлений на случай своей смерти. Сам же, за невозможностью выехать, остановился на жительство в Кизлярском Крестовоздвиженском монастыре. За пять дней до своей кончины составил духовное завещание, в котором, между прочим, писал: «собственных моих денег в монастыре никаких не осталось, а принадлежащие мне вещи – платье, белье и прочее оставляю в пользу монастыря. Взятые мною на путевые издержки восемьсот руб. – собственные мои; из этого количества издержано по сие время шестьсот девяносто рублей, а остальные доверяю монаху Макарию, в случае моей смерти, употребить на погребение. Причем, если окажется денежная передержка, прошу любезную мою братию Чуркинского Николаевского монастыря милостиво покрыть оную передержку, во внимание к 15-летнему моему служению и заботливости о благосостоянии Чуркинского монастыря».

Имея чистую совесть, о. архим. Паисий без страха и смущения смотрел на приближающуюся к нему смерть. Еще отправляясь из обители, он как бы предчувствовал, что оставляет ее навсегда, о чем тогда же говорил и некоторым из братии. Предчувствие это его не обмануло. Напутствованный всеми спасительными таинствами, 19 июля 1869 года он тихо и спокойно закрыл навеки глаза свои на 67 году от рождения²⁷.

Благочестивые брат и сестра, послушники преподобного Серафима Саровского

(Память 20 июля).

Брат и сестра Мантуровы, Михаил Васильевич и Елена Васильевна, были ближайшими и усерднейшими послушниками великого старца преподобного Серафима Саровского. И жизнь их достойна памяти, как жизнь людей, удивительных по своей самоотверженности, по той великой силе, с которой они «нудили» Царство Небесное, исполняя слова Христовы: «Царство Небесное нудится силою, и нудящие восхищают его».

Брат и сестра Мантуровы, дворяне-помещики, не имевшие уже ни отца, ни матери – жили в родовом своем имении, селе Нуче, Ардатовского уезда. Брат раньше много лет служил в Лифляндии в военной службе, там и женился. Тяжкий недуг принудил его выйти в отставку и поселиться в деревне.

Елена Васильевна Мантурова, младшая по годам брата, была веселого нрава и мечтала лишь о светских забавах и выходе замуж.

Самые лучшие врачи не только не могли излечить болезнь Мантурова, но не в силах были даже определить ее.

Так как село Нуча находилось всего в 40 верстах от Сарова, то молва о святости и силе молитв преподобного Серафима, конечно, дошла и до Нучи. Болезнь развилась до того, что у больного выпадали кусочки кости из ног, и тогда, по совету близких, он решился отправиться к о. Серафиму. С трудом был он приведен своими крепостными к дверям старца, который, выйдя к нему, ласково спросил: «что пожаловал, – посмотреть на убогого Серафима?» Упав старцу в ноги, больной умолял исцелить его. Тогда старец спросил больного трижды, верует ли он в Бога, и на троекратный утвердительный ответ его сказал: «верь же и в то, что верующему все возможно от Бога, а я, убогий Серафим, помолюсь!» И, после молитвы, помазывая больные ноги Мантурова елеем, старец произнес: «по данной мне от Господа благодати, я первого тебя врачую!» Затем он велел ему идти, – и больной пошел, навсегда исцеленный.

Когда исцеленный благодарил старца, старец сказал «что ты! Это дело – единого Господа. Господу Всемогущему да Пречистой Его Матери даждь благодарение!»

Через несколько месяцев старец напомнил ему об этом долге благодарности и сказал: «вот, что, радость моя: все, что ни имеешь, отдай Богу и возьми на себя самопроизвольную нищету!» От этого неожиданного предложения смутился Мантуров, и старец на мысли его о жене его сказал: «оставь все и не пекись, о чем ты думаешь. Господь тебя не оставит ни в сей жизни, ни в будущей. Богат не будешь, а хлеб насущный все будешь иметь!» И пылкий, чистосердечный Мантуров согласился исполнить заповедь старца. Он продал свое имение, отпустил на волю крепостных, и, сохранив до времени деньги, купил в селе Дивееве (где о. Серафим поддерживал монастырскую общину) 15 десятин земли, чтоб завещать ее по себе Дивеевой обители. Здесь он поселился и стал терпеть недостатки и насмешки, упреки от знакомых и от жены. Все он переносил безропотно, молча, кротко, во всем предав себя старцу.

В 1822 году Елена Васильевна Мантурова на 17-м году сделалась невестой. Но вдруг, хотя жених ей нравился, она отказала ему, между тем, как ее веселость и стремление к забавам пугали ее родных. Вскоре скончался родной их дед, отец матери, богатый человек, потерявший внуков из виду и вызывавший их через газеты, чтоб передать им перед смертью свое состояние. Елена Васильевна, отправившись к нему, не застала деда в живых. На обратном пути, сидя в карете, в городе Княгинине, она была найдена людьми в оцепенении, с выражением невыразимого страха на лице. Когда она немного очнулась, ей предложили послать за священником, боясь, что она умирает; она исповедалась и приобщилась. Она рассказала потом брату, что, выходя из кареты и ступив на подножку, она невольно подняла голову кверху и увидала над головой громадного черного безобразного змия, изрыгавшего пламя и готового поглотить ее своею пастью. В ужасе, чувствуя на себе его дыхание, она закричала: «Царица Небесная, спаси! Дам

Тебе клятву никогда не выходить замуж и пойти в монастырь»! Тогда змий исчез.

С тех пор Елена Васильевна совершенно изменилась, стала уединяться, читать священные книги. Мирская жизнь сделалась для нее невыносима.

Она упрашивала преподобного Серафима благословить ее на монашество; но три года, испытывая ее, старец удерживал ее.

Наконец, она поселилась в Дивееве, где заняла крошечный чуланчик около маленькой келлии, выходившей крылечком к западной стене Казанской церкви. Она жила в постоянной молитве, созерцании и совершенном молчании. Часто подолгу безмолвно сидела на крылечке, погруженная в глубокие думы. Великий старец много беседовал с ней, руководя жизнью ее сильной и боголюбивой души. Елена Васильевна творила много тайного добра. Зная нужду бедных сестер, она тайно раздавала им, что получала, говоря при этом: «вот матушка такая-то просила меня передать тебе»! Вся пища ее состояла из печеного картофеля и лепешек, висевших у нее на крылечке в мешочке. Спала она на камне, прикрытом плохим ковром.

Когда на деньги Михаила Васильевича была выстроена и освящена для сестер большая, с особым ходом, пристройка к сельскому Дивеевскому храму, Елена Васильевна безвыходно почти бывала в этой церкви, по шести часов кряду читая псалтирь, так как мало было грамотных сестер

В 1832 году Мантуров, находясь по послушанию старцу в дальнем отъезде, заболел злокачественной лихорадкой. Тогда о. Серафим призвал к себе его сестру и сказал ей: «ты всегда меня слушала, радость моя, и вот, теперь хочу я тебе дать одно послушание. исполнишь ли его, матушка?» Елена Васильевна взялась исполнить. – «Вот, видишь ли, матушка, сказал ей тогда старец: Михаил Васильевич, братец твой, болен у нас, и пришло время ему умирать. А он еще нужен для обители нашей... Так вот и послушание тебе: умри ты за Михаила Васильевича!»

– «Благословите, батюшка» смиренно и покорно ответила Елена Васильевна. Старец долго утешительно беседовал с ней, говоря о смерти и вечности. Выходя от старца, она упала, а,

когда привезли ее домой, слегла. За несколько дней своей болезни она особоровалась и часто приобщалась. Духовник предложил ей вызвать ее брата, который ее очень любил. Но она сказала: «нет, мне будет жаль его, и это возмутит мою душу, которая уже не явится к Богу такой чистой, как то подобает».

Последние три дня своей жизни Елена Васильевна видела светлые видения и великие, дивные откровения. Она велела приготовить себя еще живой в гроб и вынести в церковь сейчас же после смерти. Действительно, как только она тихо предала Богу дух, сестры с горькими рыданиями вошли в ее крошечную келлию и ее еле могли положить в присланный за трое суток до того преп. Серафимом гроб, выдолбленный из целого дуба. Зазвонили к вечерне, и ее тотчас вынесли в церковь. Она лежала в рубашке о. Серафима, платье и монашеской ряске. В руки ей вложили шерстяные четки. Волосы, которые она всегда заплетала в косу, были закрыты под платком шапочкою из поручей о. Серафима, которую сам старец надел ей после пострижения. Она скончалась 28 мая 1832 года, пробыв в Дивееве 7 лет и 27 лет от роду.

Михаил Васильевич Мантуров надолго пережил сестру и преподобного Серафима. Много пришлось ему поработать для Дивеевской общины, много вынести за нее хлопот, унижений, огорчений. Он скончался в 60-летнем возрасте, накануне праздника Казанской иконы, 7-го июля 1858 года, и схоронен недалеко от сестры, слева от Рождественской церкви.

О других, блаженной памяти, сподвижниках преп. Серафима см. в прекрасной Летописи Дивеевского монастыря. Архим. Серафима²⁸.

Усть-Медведицкая игумения Арсения

(Память 21 июля).

Игумения Арсения, в миру Анна Михайловна Себрякова. Ее родители Михаил Васильевич и Мария Алексеевна Себряковы были знатные и самые богатые дворяне во всем Войске Донском. Отец ее занимал высокую и почетную должность областного предводителя дворянства Войска Донского, был образованным русским человеком прошлого столетия и глубоко религиозным. Матери своей Анна Михайловна лишилась рано, лет пяти или даже менее того, так что не помнила ее.

Ее родители, как люди благочестивые и набожные, ежегодно ездили в Воронеж на поклонение мощам святителя Митрофана и для бесед с святителем Воронежским Антонием. Иногда в такое путешествие Михаил Васильевич и Мария Алексеевна брали с собой кого-нибудь из детей. Раз, когда Анне Михайловне было три года, родители взяли и ее с собою и, по обыкновению, посетили архиепископа Антония, прося его святительского благословения их малолетней дочери Анне, которую няня держала на руках, но девочка вырвалась с рук няни и поклонилась в ноги архиепископу Антонию, к великому удивлению и изумлению ее родителей и няни. Тогда великий святитель благословил ребенка и сказал ее родителям: «ваша дочь Анна будет монахиня и великая подвижница».

Отец Анны Михайловны, рано сделавшись вдовым, всю свою жизнь посвятил на воспитание детей, которых у него осталось шестеро: три сына и три дочери, из них Анна была младшая. Он стал вести жизнь аскета и строго наблюдал за детьми, дал им блестящее образование и светское воспитание – достойное того высокого положения, какое он сам занимал, но более всего обращал внимание на православно-христианское воспитание души ребенка, развивал уважение ко всему святому, заставлял изучать жизнь подвижников и мучеников. Более всех он обращал внимание на младшую свою дочь, а Анна Михайловна от природы была одарена редким умом,

памятью, соображением и находчивостью, восприимчивостью и отзывчивостью ко всему доброму.

Под влиянием чисто христианского воспитания, с ранних лет Анна Михайловна начала увлекаться жизнью подвижников, и рано у нее созрела мысль подражать им, хотя родитель ее, Михаил Васильевич, будучи сам строгим подвижником, не поощрял ее на это, а, напротив, отклонял и рано стал ей предоставлять права хозяйки дома (старшие его дочери были уже замужем). Он думал, что и Анна Михайловна полюбит светскую жизнь, по примеру ее сестер; но она, едва достигнув семнадцатилетнего возраста, умолила своего родителя благословить ее на тесный иноческий путь со всеми его лишениями и трудностями. Михаил Васильевич, вероятно, помня предсказание архиепископа Антония, благословил свою семнадцатилетнюю красавицу дочь на жизнь иноческую и лично привез ее в 1850 году в Усть-Медведицкий Преображенский монастырь, отстоявший от его имения верстах в семидесяти, в келлию родственницы своей – монахини Леониды Ладыгиной и, с согласия настоятельницы монастыря – игумении Вирсавии, отдал Анну Михайловну под начало монахине Леониде.

Монастырь в то время был весьма бедный. Изнеженная, нарядная барышня-красавица облекается в грубую мухояровую одежду, препоясывается кожаным поясом и исполняет самую черную работу новоначальных: носит воду, рубит дрова, топит печки, чистит кухонную посуду, на трапезе подает кушанье сестрам, помогает печь просфоры, а по ночам ходит будить монашествующих на полночную молитву. Свободное от черной работы время она посвящает молитве и чтению святоотеческих книг.

Игуменья Вирсавия была весьма довольна поступлением Анны Михайловны Себряковой в управляемый ею монастырь и с первых же дней ее поступления, решила, что Анна Михайловна будет ее преемницей по управлению монастырем, почему вскоре же взяла ее от монахини Леониды к себе в келлию, под личное свое наблюдение и руководство.

Анна Михайловна, не надеясь на свои силы, хотя чувствовала и сознавала в своей душе влечение к монашеской

жизни, на первых же порах по поступлении в монастырь, с разрешения игумении Вирсавии и в сопровождении одной из стариц монастыря, совершила путешествие к великим подвижникам Киевским: преподобным Антонию и Феодосию, и прочим святым, в Киево-Печерской лавре почивающим, с единственной целью, чтобы на месте их прославления поучиться тихой, безмолвной, полной самоотвержения, жизни и преданности воле Божией. Это ее путешествие не было путешествием богатой, окруженной довольством и удобствами, дочери высокопоставленного родителя: шла она обыкновенной странницей, довольствовалась, чем Бог пошлет; не искала для отдыха и ночлегов достаточных домов, где бы могла найти покойный приют, а выбирала большей частью те лачуги, где жили нужда и горе. И в этих-то лачугах, где, кроме скорби, недостатка, холода и голода, ничего видеть нельзя, она впервые познакомилась с теми человеческими скорбями, беспроходной нуждой и лишениями, о которых до сего времени, по своему воспитанию и положению в свете, и понятия не имела; а, между тем, узнала она, что из этой-то простой среды состоит почти вся ее новая семья. И знакомство это с горькой судьбой простого, с мужеством несущего всевозможные недостатки и труды народа, немало послужило на утверждение в ней великого подвига – терпения, без которого немыслимо никакое иночество.

Настоятельская келлия в это время была весьма малопоместительна, почему Михаил Васильевич Себряков ни свои средства выстроил большой дом для настоятельницы и немного пониже дом о пяти комнатах для своей дочери, в котором она и стала жить по пострижении в 1854 г. в рясофор с именем Арсении; полное же монашество она приняла 11 января 1859 года на двадцать шестом году жизни.

Юная послушница, а потом и монахиня, спала в подряснике и кожаном поясе, непрестанно борясь со сном. Ни одной церковной службы старалась не пропускать и стояла в церкви всегда с трезвенным умом; когда дремота начинала побеждать ее, она выходила из церкви, какая бы погода ни была, какая бы

тьма ни стояла, обходила раз или два вокруг храма и возвращалась опять в храм с ясным и трезвенным умом.

В особенности, со тщанием она старалась приобрести навык в молитве Иисусовой и достигла того, что сия молитва ни на одну минуту не оставляла ее. Много ночных часов провела она за чтением святоотеческих книг и за богомыслием, и всеми силами старалась подражать святым угодникам Божиим, и не осталось, кажется, ни одного подвига, который не испытала бы она на себе и не усовершенствовалась бы в нем. От такой тяжелой, суровой жизни и пищи пошатнулось ее здоровье; но она не обращала на то внимания. Ее ум парил высоко-высоко над землей, работал неумоимо и жаждал подвига и подвига.

Она понимала всю важность и трудность духовной жизни, предчувствовала тяжкую борьбу духа с плотью, без которой не обходится никакой, удалившийся от мира, человек, и, не надеясь собственными силами победить влечения плоти и мира, она искала кого-нибудь, кто бы мог руководить ее душой. Ей казалось, что игуменья Вирсавия ее любит безгранично и сильно балует, почему она искала кого-нибудь другого, кто бы мог взять ее в полное послушание; она стремилась подчинить себя, и свою волю, и сердце опытной подвижнице и, притом, суровой. Господь исполнил ее желание: жизнь одной из сестер обители, именно, схимонахини Ардалионы, поразила монахиню Арсению, почему она всецело отдалась этой схимонахине под руководство, отрешившись совершенно от своих личных взглядов, от своего личного «я». Под руководством этой схимонахини она еще более усилила пост, молитву, бдение и предалась подвигам, изнуряя свое тело, непрестанно борясь с привычками, полученными в богатой аристократической семье, непрестанно борясь сама с собою, а схимонахиня Ардалиона требовала именно, чтобы монахиня Арсения видела перед собой только свои грехи, свои недостатки, а все, что было доброго в ней, все свои подвиги, дела милосердия, приписывала одному Господу Богу. Конечно, это было весьма трудно, в особенности, при многочисленных, тяжелых подвигах монахини Арсении; однако, она все преодолела и достигла такого состояния, что, и ставши игуменьей, все от глубины души

предавала в волю Божию и Ему Одному приписывала все добрые плоды своей многолетней и многотрудной жизни.

В мае месяце 1862 года монахиня Арсения была определена казначеей монастыря, и деятельность ее увеличилась

21 ноября, 1863 года скончалась игумения Вирсавия, завещавшая сестрам обители избрать казначею монахиню Арсению ее преемницей и заранее об этом просила высокопреосвященнейшего Иоанна, тогдашнего архиепископа Донского, почему, по утверждению Св. Синодом, 3 января 1864 года в Новочеркасске казначея монахиня Арсения возведена в сан игумении монастыря.

Сделавшись настоятельницей, игумения Арсения усугубила свои труды и молитвы. Раньше знала только себя одну, теперь ей предстояли внешние труды по управлению обителью и внутренние, как матери всех сестер монастыря. Ей, молодой, едва достигшей тридцатилетнего возраста, предстояло руководить старицами, пожилыми и молодыми сестрами, и нести их тяготы. И она сумела заставить не только уважать себя, но просто благоговеть перед ней, перед каждым ее словом.

Первое ее внимание было обращено на малограмотность сестер, и она открыла училище о четырех классах при монастыре, с преподаванием в нем: Закона Божия, русского языка, славянского языка, арифметики, чистописания, географии и русской истории; заставила туда ходить в качестве учениц способных молодых послушниц, которые впоследствии были сами учительницами. Преподавала сама матушка игумения Арсения, священники монастыря, монахиня Иннокентия (игумения Старочеркасского монастыря), монахиня Миропия (игумения Одесского монастыря), инспектор Усть-Медведицкой мужской гимназии Юргелевский, учитель той же гимназии Таганов, а с 1873 года Лидия Петровна Воскресенская (настоятельница Усть-Медведицкого монастыря, игумения Леонида). Когда же здоровье стало изменять игумении Арсении, в училище стали заниматься монахини, воспитанные ею для этой цели.

Кроме занятий по училищу, игумения Арсения собирала к себе более способных сестер и много с ними читала и беседовала, объясняя прочитанное, и, как сама имела навык в молитве Иисусовой, так старалась, чтобы и сестры монастыря были искусны в этой молитве. Она желала и стремилась из каждой, вверенной ее заботам, монахини и послушницы устроить и создать храм Бога Живого и жилище Святого Духа.

Нелегко было ей принять на себя такой великий, почти непосильный подвиг, и вот тут-то проявляется в ней твердая вера и глубокая надежда на помощь Божию. Она никого не осуждала, никого не считала грешным; она лишь видела падающего человека, которому необходимо подняться, встать, и спешила подать руку помощи. И действительно, человек поднимался. Случалось тому же человеку опять падать, и матушка говорила: «вновь и вновь поднимайся». Она всю свою деятельность духовного управления монастырем старалась основать на любви и преданности воле Божией и любви ко всякому ближнему, на какой бы он ступени ни стоял. Она умела привлекать к себе сердца всех людей, и каждый человек, кто бы он ни был, от самых высокопоставленных и до самых простых казаков и казачек, все чувствовали себя с нею хорошо, просто и забывали разницу положений.

Во все годы настоятельства этот великий образ любви к Богу и ближнему она старалась внушить и утвердить в душах, порученных ее духовным заботам. Она знала, что не страх исправляет и приводит к Богу человека, а любовь, и, что, в каком сердце обитает любовь, там обитает Сам Бог, но не все монашествующие понимали это святое руководство, а подчас любовную кротость ее считали слабостью, и только она одна в этом великом деле была воином твердым, непоколебимым и всей своей жизнью являла правило веры и образ кротости.

В часы досуга игумения Арсения любила заниматься живописью, которую знала хорошо еще в доме родительском, и учила послушниц, даже одно время приглашала художника давать уроки способным к живописи сестрам, так что теперь в обители имеется живописная мастерская и пишутся иконы как для своих храмов, так и по заказу. Как памятники матушкиной

живописи остались: плащаница и шесть больших икон в трапезе: 1) преподобный Арсений Великий, 2) преподобный Пахомий Великий, 3) преподобные Антоний и Феодосий Печерские, 4) преподобный Иоанн Лествичник, 5) преподобный Моисей Угрин и 6) преподобный Сергей Радонежский.

Также матушка читала всех классических русских писателей, находя в них сведения, полезные для более полного понимания душ человеческих в современном их состоянии.

Но в особенности ее любовь к Богу, Пречистой Его Матери и святым выразилась в построении ею Казанского собора с нижней Церковью во имя преподобного Арсения Великого, чье имя она носила в монашестве. План на собор был составлен академиком архитектором Горностаевым; но, за отдаленностью Усть-Медведицкого монастыря от столицы, он не мог сам руководить работами, и игуменья Арсения лично руководила ими. Ничего не делалось без ее указания: от самой незначительной вещи и до самой главной. Руководила она, также, живописью, и художники изумлялись ее знанию и уменью: иной раз заставляла переделывать кое-что по-своему, и всегда выходило лучше, изящнее, чем писали они одни.

Матушке игумении, однако, казалось мало трудов по управлению обителью, и она начала рыть пещеры, находя пользу в ночном физическом труде. Рыла она одна, ее келейные помогали ей лишь выносить землю. Раз, одна из них спасла матушку от смерти, успев толкнуть ее вперед, когда обвалилась земля, а в ней оказался большой камень, который слегка задел матушку за спину. Рытье обширных пещер, в которых матушка думала затвориться, приняв схиму, окончательно подорвало ее здоровье; но, несмотря на это, матушка не ослабляла своих подвигов.

Окончив собор, игуменья Арсения принялась за внешнее благоустройство монастыря, именно: на место маленьких, тесных домиков, покосившихся и с худыми крышами, выстроила хорошие двухэтажные корпуса на три или на четыре келлии каждый, и на конце дней своих заново отделала старый Преображенский храм, пристроив к нему новый теплый придел

в честь Владимирской иконы Божией Матери и преподобного Серафима, Саровского чудотворца.

Но главное, над чем работала покойная матушка Арсения, это над собой, стараясь жизнью своею подражать Христу, и приобрела такое глубокое смирение, что считала себя грешнее всех людей, а на людей смотрела, как на своих близких родных: всем сострадала, всем помогала, никого не осуждала, хотя имела право судить, как начальница; а с ожесточенными и грешными была еще более смиренна, добра, кротка и своею кроткою любовью привлекала сердца их, и они становились лучше, чище и мало-помалу исправляли свою жизнь. Во все свое долголетнее управление обителью ни разу не беспокоила высшее начальство жалобой.

Последние годы своей жизни матушка совсем не обращала внимания на все усиливающиеся недуги, все усиливающуюся слабость, но везде была сама. Церковь строится, – она там; иконы пишут живописцы, расписывают внутри храм, – и там она; привезли мрамор для иконостаса, и тут матушка первая. И так целые дни. Придет домой, в свою келлию, тут уже ее ожидают сестры с делами, которые с обительскими послушаниями, которые с своими келейными делами, а кто и с сердечными недугами, и матушка всех примет, всех обласкает, с каждой поговорит, вникнет в ее дело, все решит хорошо и мудро. В особенности подолгу беседовать приходилось матушке с сестрами, пришедшими просить ее помощи в борьбе с грехом, с помыслами, сердечными глубокими немощами. И матушка умела опытной рукой врачевать недугующих душой сестер, и сестры возвращались от нее обновленными, полными надежды на спасение, на милосердие Божие, с залогом исправления своей жизни, своих душ. И когда матушке говорили, чтобы она поберегла свое здоровье, что она слаба, чтобы она не везде была сама, то матушка всегда возражала: «нельзя, это мое послушание, врученное мне Господом. Вот, когда упаду на послушании, тогда уже можно будет сказать, что я исполнила его; а пока еще ноги служат, хотя и шатаюсь иногда, но должна я быть везде сама».

Действительно, игуменья Арсения старалась на деле исполнять слова апостола Павла: *«Должны есмы мы сильнии немощи немощных носити, и не себе угождати. Кийждо же вас ближнему да угождает во благое к созиданию»* (Рим.15:1–2), и еще: *«Свободен сый от всех, всем себе поработих, да множайшия приобрящу; бых иудеем яко иудей, да иудеи приобрящу; подзаконным, яко подзаконен, подзаконныя приобрящу; беззаконным, яко беззаконен, не сый беззаконник Богу, но законник Христу, да приобрящу беззаконныя. Бых немощным, яко немощен, да немощныя приобрящу: всем бых вся, да всяко некия спасу»* (1Кор.9:19–22). Эти слова Апостола она всегда старалась приложить к своей жизни: с подвижницей она была, как подвижница, с немощными она была, как немощная; с молодыми и неопытными, как молодая; с детьми, как дитя.

Душа матушкина томилаь этой суеой и стремилась к уединению, к затвору. Давно и много архипастырей Донских просила она отпустить ее на покой и постричь в схиму, но всякий раз получала отказ, так как архипастыри находили ее управление образцовым и желали, чтобы она управляла своею обителью до конца жизни.

За свое с лишком сорокалетнее управление Усть-Медведицким монастырем игуменья Арсения неоднократно получала благословения Донских архипастырей, благословения Святейшего Синода с грамотами, имела наперсный крест и крест с драгоценными украшениями, выдаваемый из Кабинета Его Величества Государя Императора, знак Красного Креста за войну 1877–1878 гг., медаль в память царствования Государя Императора Александра III и уже в 1905 году награждена Библией из Святейшего Синода за монастырское училище. Библия эта получена в монастыре по кончине игумении. Кроме того, она имела наперсный крест с драгоценными украшениями, поднесенный ей сестрами обители, с разрешения высшего начальства, в день тридцатипятилетнего юбилея управления монастырем.

Будучи во всей своей жизни подвижницей, игуменья Арсения приобретала только духовные сокровища, нимало не

заботясь о каких-либо приобретениях земных, и после смерти ее не осталось никаких средств, никаких дорогих вещей, никакой дорогой одежды, кроме образов и книг, так что и хоронили игумению Арсению частью на монастырский счет, а частью на dobroхотные пожертвования как проживающей при монастыре Анны Павловны Коньковой, так и духовных ее детей.

Игуменья Арсения стремилась всей душой поклониться мощам преподобного Серафима, Саровского чудотворца, и даже дала обещание непременно побывать в Сарове, как только позволят ей здоровье и силы, так как зимой она была очень больна, куда и поехала 24 июня 1905 года. Поехала игуменья Арсения, по обыкновению, с одной только келейной монахиней Агнией. Провожавших ее монахинь она благословляла и была со всеми ласково-приветлива, как родная мать со своими детьми. Возвратиться в монастырь она должна была через месяц, в Старосельский Мариинский скит, к 19 июля, ко дню полугодовой кончины родной своей сестры монахини Марии Мержановой, и там пробить храмовый праздник святой равноапостольной Марии Магдалины 22 июля. Но Господь судил иначе. У преп. Серафима она и почилла. С дороги игуменья Арсения писала матушке казначее и монахине Митрофании, писала, что она в Москве заболела дизентерией, но при помощи доктора болезнь скоро прошла, а так как игуменья Арсения была подвержена этой болезни при перемене воды, то никто особенно не беспокоился, выздоровев совершенно, она поехала в Саров, куда прибыла 12 июля. Письма ее из Арзамаса и первое из Сарова дышат энергией, бодрым духом и здоровьем, насколько возможно в ее годы.

16 июля казначея монахиня Леонида собралась посылать лошадей на станцию Себряково за матушкой игуменией, как вдруг получает телеграмму из Сарова такого содержания: «Я заболела, могу выехать не ранее двадцатого. Игуменья Арсения». Все монашествующие радовались скорому свиданию со своей матушкой, о которой все соскучились. Но Господь не судил монастырю этой радости: вдруг, 22 июля, в третьем часу дня, казначея монастыря монахиня Леонида, личный и многолетний друг игумении Арсении, получила из Сарова

телеграмму следующего содержания: «Матушка игумения скончалась двадцать первого ночью. Хлопочите скорее через вашего владыку получить разрешение Тамбовского губернатора и архиерея перевезти тело домой. Я остаюсь. Жду ответа. Агния». Первую минуту не верилось этой телеграмме, – так она была неожиданна!

Духовник игумении Арсении отец протоиерей Феодор Прокопиев, по просьбе сестер, поехал в Саров за телом. С ним поехали: келейная монахиня Димитрия, ризничая монахиня Вероника, монахиня Евангела и рясофорная монахиня Надежда.

В то же время, казначея послала телеграмму владыке о кончине матушки игумении в Сарове с просьбой разрешить перевезти тело ее в Усть-Медведицкий Преображенский монастырь и о содействии к перевозу тела через Тамбовского владыку и губернатора. А в это время заунывный большой колокол редким долгим звоном созывал сестер обители в Казанский храм на первую панихиду по усопшей настоятельнице. В храме была прочитана вышеприведенная телеграмма монахини Агнии. Совершал панихиду монастырский священник, протоиерей Поликарп Соболев с диаконом Македонием Стефановым. Что это была за панихида! Слов почти невозможно было разобрать: плакали духовенство и опросные, и все присутствовавшие. В соборе стоял стон от рыданий. Все чувствовали себя сиротами.

И потянулись дни за днями, полные скорби, тоски и только, как отрадный, светлый луч, была надежда получить тело матушкино, иметь его в стенах обители.

Пока отец протоиерей Феодор Прокопьев с монахинями ехал в Саров, из Москвы родственница покойной игумении Арсении, Софья Александровна Ладыгина привезла в Саров металлический гроб, в котором надо было перевозить тело.

23 июля с почты были получены собственноручные письма от самой матушки игумении Арсении: одно от 12 июля, а другое от 16, в которых она описывает, какое впечатление произвела на нее Саровская обитель, как она молилась у раки преподобного Серафима, купалась на источнике, а про

дальнюю пустыньку преподобного Серафима пишет так: «дальняя пустынька меня привела в умиление и много мне доставила утешения духовного, точно о. Серафим живет еще там, следы его подвигов и теперь все живы и говорят о нем так ясно, что точно видишь его. Келлия его с внутренним тайным ходом в тесную пещерку, где он укрывался от людей, когда безмолвствовал 15 лет; место, где он кормил медведя; место, где он молился 1000 дней; место, где он был почти до смерти бит разбойниками, – все это говорит о его трудах, о невыразимых подвигах. И я, недостойная, ходила с духовным восторгом по этим местам, собирая в лесу его травку и шишки с деревьев, и мне чувствовалось, что сам он живой присутствует там. Потом в ближней пустыньке я купалась на источнике. И такая я была счастливая и довольная. После вечерни я заболела. Два раза я перенесла эту болезнь за дорогу, но здесь с меньшим удобством, чем в Москве: пища слишком грубая для выздоравливающей от дизентерии. Если поправлюсь, думаю никуда не заезжать, даже в Дивеев. Здесь за один день я столько получила духовной отрады, что благодарю Господа за Его милости. Думаю, прямо ехать домой, где и болеть не страшно, и умереть желаю». В конце письма просит матушку казначею и всех сестер помолиться за нее. Когда это письмо полностью было прочитано в соборе после вечерней панихиды, рыдания сестер увеличились. С каким благоговением слушали сестры собственноручное письмо матушки, писанное за пять дней до кончины и полученное в обители почти через двое суток после ее кончины. Думали, что это ее последнее письмо; но 28 июля опять получили с почты два собственноручных письма матушки игумении: одно на имя казначеи, другое на имя монахини Митрофании и схимонахини Тихоны, помеченные 21 июля, т.е. за несколько часов до кончины. В этих письмах матушка описывает свою болезнь и то, что она прошла, что 21 июля за ранней обедней она сподобилась приобщиться Св. Таин, но с большим трудом и подвигом. Возвратясь из церкви, отдохнула и намеревается поехать к источнику Преподобного, а потом думает собираться домой, в обратный путь. Пишет, что

смерть не страшна, но желает умереть в своей обители, на своей родине, по которой соскучилась.

Что она свою кончину знала ранее отъезда из монастыря, можно заключить из следующего: в день отъезда игуменья пожелала отслужить панихиду над могилами ее сестры, монахини Марии, и духовной матери, схимонахини Ардалионы. Панихиду совершал духовник, протоиерей Феодор Прокопьев. Прощаясь с ним, игуменья попросила его перекрестить ее, благословляя в путь; а отец Феодор со своей стороны пожелал, чтобы она перекрестила и его. Такого прощания ранее никогда не было. В день отъезда игуменья сама показала ризничей, монахине Веронике, и экономке, монахине Геннадии, место, на каком должны ее похоронить, приказав монахине Веронике показать его казначее, монахине Леониде, как только уедет из монастыря, что монахиня Вероника и исполнила в точности. Впрочем, еще ранее это место сама матушка указала казначее. 23 июня, на храмовой праздник в честь Владимирской иконы Божией Матери, несмотря на усталость, матушка написала духовное завещание и, как дополнение к нему, список, кому из келейных и духовных дочерей дать какую из ее вещей на память. В ее письменном столе найдена записочка, писанная карандашом, следующего содержания: «дорогая Леонида. Прошу Вас похоронить меня хорошенько». Келейная покойной монахиня Митрофания видела, как матушка писала эту записочку стоя, в то время, когда уже были поданы лошади и потом спрятала ее в стол.

Все эти дни от 22 до 31 июля тянулись мрачно и будто без конца долго. Ежедневно служились по две обедни, утром и вечером панихиды.

31 июля тело почившей, было встречено обителью торжественно.

Только по приезде монахини Агнии удалось узнать о кончине игумении Арсении. Монахиня Агния сообщила, что и для нее, неотлучно бывшей при матушке, ее кончина была такой же неожиданностью, как и для оставшихся в Усть-Медведицком монастыре. Матушка скончалась в 11 часов ночи с 21 под 22 июля. Кончина была тихая, мирная, безмятежная.

В Сарове, с самого дня приезда, матушка пожелала пользоваться только трапезным кушаньем с братской трапезы Саровских монахов, а трапеза там весьма грубая и тяжелая для желудка. Расстройство желудка у матушки возобновилось, но матушка все-таки кроме трапезного кушанья и чая ничего не кушала, болезнь усилилась, пришлось обратиться к доктору, живущему в Сарове, и он помог, так что 19 июля, в день открытия мощей Преподобного, матушка была уже в церкви. Народу было очень много. Во время обнесения мощей преподобного Серафима вокруг церкви матушка стояла на высокой боковой паперти теплого храма во имя Живоносного Источника, куда народ не допускался. И, так как эта паперть вся в окнах, то весь крестный ход был отлично виден, а гроб с мощами преподобного Серафима несли очень высоко. И матушка усердно, с великим умилением молилась. Вечером в этот же день матушка задала такой вопрос монахине Агнии: «Агния, а в случае, если я умру, куда ты денешься?» Та так растерялась от этого неожиданного вопроса, что сама не знает, как ответила: «я вас тут не оставляю»; на что матушка сказала: «так это сейчас надо металлический гроб заказывать». Монахиня Агния не придавала особого значения этому разговору, пока матушка не скончалась. Тут она о нем вспомнила. И действительно, если бы тогда же выписали из Москвы гроб металлический, он как раз был бы доставлен в Саров ко дню кончины матушки. Матушка игуменья решила поговорить в Сарове и приобщиться Св. Таин 21 июля в церкви преподобного Серафима. Несмотря на слабость, она стала посещать церковные богослужения, весьма продолжительные в Сарове. 20 июля, возвращаясь от ранней обедни, встретили рясофорную монахиню своей обители Лию, бывшую в Сарове со своими родными. Матушка обрадовалась ей и велела перебраться к себе в номер, так как родные монахини Лии уезжали в этот день домой. Лия осталась с великой радостью, но нашла матушку очень слабой. Утром 21 июля, готовясь приобщиться, матушка Арсения обратилась к монахине Агнии со словами: «Агния, так как ты одна тут со мной из всех моих келейных и сестер монастыря, то я прощаюсь в лице твоём со

всеми моими келейными и со всеми сестрами», а увидав Лию, сказала: «и ты, Лия, одна тут из сестер, то в лице твоём прощаюсь со всеми сестрами», а потом прибавила: «Агния, может быть, в церкви со мной сделается обморок, то не бойся». Пешком до церкви уже не могла дойти, и поехала на извозчике, хотя Дворянская гостиница, в которой матушке отвели номер, у самой ограды монастыря. Но, так как подобная слабость бывала с матушкой и ранее, то монахиня Агния не беспокоилась и не встревожилась. Приехав в церковь преподобного Серафима, в которой совершаются ранние обедни, игуменья прежде всего приложилась к мантии Преподобного, которую для нее открывали, а потом прошла на левый клирос, где монахи заранее приготовили ей место; но долго стоять тут не могла из-за народа, и монахи ее перевели на правый клирос, где было свободно. Игуменья приобщилась на своих ногах, в храме, так, как хотела, но силы ей изменили почти совсем: дух был совершенно бодрый, а тело изнемогло так, что и в гостиницу она поехала на извозчике. При выходе из храма, матушка много подавала милостыни и велела монахине Агнии то же делать, не жалея денег. Тут матушка встретила клиросных сестер Самарского монастыря, приехавших со своей игуменией и священником отслужить панихиду по своему священнике, скончавшемся в Сарове и тут же погребенном. Этим монашкам игуменья Арсения дала много мелких денег.

Возвратясь домой, матушка отдохнула, выпила чашку чая, написала письма, и сама с монахиней Агнией повезла их на почту. Пока монахиня Агния сдавала их, матушка проехала по лесу, вдыхая живительный воздух; потом вместе поехали к источнику, но матушка не купалась, и только умылась. По обе стороны дороги и частью в лесу стоят, сидят и лежат калеки: слепые, хромые, безногие, безрукие и много нищих; матушка щедрою рукою подавала милостыню каждому и заставляла монахиню Агнию то же делать. Возвратясь домой, матушка покушала немного трапезного кушанья, принесенного с братской трапезы, легла отдохнуть; но говорила, что душа ее тоскует, и она не желает тут умирать, хотя смерть не страшна, а желает умереть в своей обители, у себя на родине, по которой

соскучилась и соскучилась обо всех сестрах своего монастыря. Последние дни своей жизни матушка, ходя, сидя и даже лежа постоянно пела ирмосы: *Ты моя крепость, Господи*, и другой: *Услышах, Господи, смотрения Твоего таинство*. К вечерне и ко всенощной матушка не пошла, вследствие изнеможения, но Лию послала, так как на завтра праздник в честь святой равноапостольной Марии Магдалины. Всенощная в Сарове начинается в 7 часов, а кончается в 12 ночи. Лия ушла, а матушка села у открытого окна подышать свежим воздухом и посидела долго; потом перешла на свою кровать, и вдруг у нее вырвался какой-то необыкновенный, протяжный вздох, встревоживший монахиню Агнию, – и она едва могла упросить матушку послать за доктором, а сама начала растирать спину матушке и чувствовала обильный холодный пот. Доктор сейчас же пришел, успокоил монахиню Агнию, говоря, что с матушкой ничего опасного нет, сердце и пульс правильные, а просто надо поставить горчичник на грудь и дать порошок в капсулах, какой он пропишет, и все пройдет. Пока приготавливали порошок, монахиня Агния поставила горчичник; матушка сидела.

Принесли порошок в желатиновых длинных капсулах; одну из них матушка проглотила с трудом. Матушке пришлось много воды выпить, и на вопрос монахини Агнии – прошла ли капсула? матушка ответила: да. Это было ее последнее слово. Монахиня Агния хотела поправить горчичник и попросила матушку лечь, даже стала ей помогать ложиться; но вдруг матушка сама быстро легла на спину, и глаза ее стали большие, черные, блестящие, глубокие и радостные. Глаза она подняла вверх; видно было, что она созерцает что-то, для нее необыкновенно радостное, вздохнула три раза и перестала; лицо сделалось светлое, а глаза еще светлее; потом еще три раза вздохнула, глаза стали еще радостнее и, наконец, еще один последний вздох, и душа ее отлетела ко Господу, а глаза продолжали созерцать что-то непостижимое, так что монахиня Агния уже закрыла их, сама дивясь мирной, безболезненной кончине матушки игумении. Из всей обители удостоились видеть матушкину кончину только двое: монахиня Агния, прожившая с матушкой в одной келлии более 43 лет, и молодая

рясофорная монахиня Лия, не достоявшая всюнощную, и вернувшаяся в гостиницу, как пропели «Честнейшую».

Матушка скончалась, как истая странница. Явился вопрос: во что одеть настоятельницу Усть-Медведицкого монастыря, дочь богатых людей на Дону? Рубашка, парамант, ряса, апостольник, клобук, четки свои, а кожаный пояс сняла с себя Лия и надела на матушку, мухояровую мантию прислал свою настоятель Саровской пустыни игумен Иерофей, он же прислал перламутровый крест в руки, потом замененный отцом Феодором ее постригальным, деревянным крестом, привезенным им с собою из Усть-Медведицкого монастыря. Сандалий не оказалось вовсе, и матушку обули в ее старенькие башмаки. Дивеевская монахиня Калерия и некоторые другие приехали читать псалтирь по матушке, но монашки Самарского монастыря, только что вечером пришедшие из Сарова в Дивеев, услышав о кончине игумении Арсении, тотчас же ночью возвратились в Саров, говоря, что они обязаны читать и петь по матушке игумении Арсении.

Как только Саровские монахи-плотники приготовили деревянный гроб, то положили в него матушку, подостлав полотно и покрыли мухояром, а Самарские монашки перенесли гроб с телом из номера в кладбищенскую церковь. Пели монашки очень хорошо. Псалтирь над телом не читали, потому что церковь запиралась от любопытных, и читали в номере, где матушка скончалась.

Между тем, как монахиня Агния и о. протоиерей Феодор Прокопьев рассказывали про Саровское событие, гроб с телом матушки оставался в Усть-Медведицком монастырском Казанском храме несколько дней, так как кроме сестер обители ехали и шли сюда люди разных сословий, разного состояния, собственно, к матушке, попрощаться с нею. Сколько искренних горьких слез было тут. Каждый вспоминал все те благодеяния или материальные, или духовные, которыми матушка осыпала каждого человека, обращавшегося к ней. Псалтирь над гробом день и ночь читали все сестры монастыря, храм не запирался.

Наконец, наступило второе августа, – день, назначенный для погребения игумении Арсении. Иеромонах Петр отслужил

раннюю литургию и панихиду в Преображенском храме. К поздней литургии прибыли священнослужители из станицы. Обедня прошла при большом стечении народа и в горьких слезах.

После литургии совершенно было отпевание почившей, на которое вышло местное духовенство и Усть-Медведицкое, всего 9 иереев и 3 диакона.

Перед пением: «Приидите, дадим последнее целование», протоиерей Феодор Прокопьев прочел от лица самой матушки игумении, как от живой, ее духовное завещание:

«Во имя Отца и Сына и Святого Духа. Аминь.

Благословен Господь Бог, призвавший меня от юности в монашескую жизнь, всегда простиравший руку Свою крепкую, изводящую меня от всех преткновений на пути, спасавший от всех бед и смущений. Да будет имя Его благословенно во веки!

Приближаясь к концу жизни моей, обремененная годами и болезнями, к вам обращаюсь, сестры мои о Христе.

1) Благодарю вас всех за любовь вашу, непрестанно мне являемую, как при моем поступлении в монастырь, так и при избрании меня в настоятельницу, тогда самую младшую из всех сестер обители, и до сих пор от всех вас показанную мне делами послушания, полного доверия во всем и преданности. Прошу вас и теперь, по кончине жизни моей, окажите мне святую любовь вашу, молитесь о душе моей Господу Богу, да простит мне согрешения мои, и вас прошу простить меня, кого чем обидела, огорчила по недоумению моему.

2) Все, что получила я от моего родителя деньгами и вещами, я все передала в разное время обители. Наследники мои не должны ничего требовать от монастыря после моей смерти.

3) Если останутся по смерти моей небольшие деньги, то прошу мать казначею и мою келейную мать Митрофанию распорядиться ими при погребении моем и поминовении.

4) Иконы мои и книги прошу раздать моим келейным и духовным дочерям, и некоторым моим родственникам.

5) Если казначея, монахиня Леонида, переживет меня, советую сестрам избрать ее в настоятельницы, как опытную по

делам правления монастырем.

6) Желание мое при жизни и по смерти, и моя всегдашняя молитва к Господу и Его Пречистой Матери, да хранят все сестры мои о Господе уставы монашеского жития, молитвенные правила, полное подчинение настоятельнице и да будет им Господь путеводитель во спасении.

7) Прошу священнослужителей обители молиться обо мне, поминать меня пред святым престолом.

Завещание это составлено мною и собственноручно подписано 23 июня 1905 года. Настоятельница Усть-Медведицкого Преображенского женского монастыря игумения Арсения».

По прочтении сего духовного завещания о. Феодор, как духовник матушкин, прочел разрешительную молитву и при пении: «Приидите, дадим последнее целование», начали прощаться с покойной сначала все духовенство, а с ними казначея монастыря, келейные матушкины, все сестры и мирские люди. Прощание длилось очень долго, не один час. Все, бывшие в этот день в монастыре, прощались с матушкой в последний раз, но в сердце чувствовалось, что матушка жива, что она всегда будет с нами и будет за нас молиться Господу Богу пред Его престолом.

Когда прощание окончилось, погребальная процессия тронулась из собора через западные двери. Гроб с телом игумении Арсении обнесли вокруг всех церквей, ее трудами и заботами построенных и обновленных. Погода была ясная, тихая. Гроб внесли в Арсеньевскую церковь и опустили в только что приготовленный склеп на месте, указанном самою матушкой игуменией в день ее отъезда в Саров, что и было разрешено архипастырем. Землю на гроб посыпал о. Феодор, частью привезенную из Сарова, а частью из Задонска от святителя Тихона. Склеп над матушкиным гробом огородили решеткой и внутри решетки поставили аналой с иконой Казанской Божией Матери, поднесенной покойной матушке сестрами обители, перед которой постоянно теплится лампада²⁹.

Михаил Феодорович Улазовский

(Память 22 июля).

Михаил Феодорович Улазовский воспитывался дома под благотворным влиянием благочестивой матери. В молодых годах он поступил на службу в Орловскую Судебную Палату, где потом занял должность секретаря, вел важные дела, всегда являлся защитником невинных, гонимых, обиженных. Он помогал бедным и отличался набожностью. Когда в Палате назначали заседание в праздник, то секретарь скорее соглашался платить положенный пятирублевый штраф за неприбытие, чем не помолиться в храме при совершении божественной литургии. Служебная карьера не соответствовала его душевному устройению. В чине коллежского советника он вышел в отставку и поселился в своем имении в селе Тулиголовы, Глуховского уезда, Черниговской губ. Тут он стал еще более благотворить тайно и явно. Когда не мог удовлетворить в данное время чьей-либо действительной нужды, то скорбел, плакал и старался нужду восполнить после.

В своем селе к Успенской холодной церкви он пристроил каменный теплый храм во имя святителя Николая, в который вошла могила его матери. В с. Щебры, Глуховского уезда он пожертвовал лес на постройку храма, а частью своим же лесом помог постройке более 10-ти храмов. В своем селе давал лес на постройку домов для священника Успенского прихода, для волостного правления и для школы. Бедным крестьянам он строил хаты, отпускал дрова, муку, давал деньги, помогал странникам, благотворил монастырям и проч.

Некоторым певчим своего храма, в поощрение их усердия, дарил небольшие участки земли. Не раз случалось, что Михаил Феодорович поедет в Глухов за получением процентов и вернется без денег: все раздаст в городе или дорогою. Больным на лечение он давал пособие, сумма которого иногда простиралась до сотни рублей. Кроме того, имел у себя довольно большую домашнюю аптечку, из которой бесплатно

отпускал лекарства. Более 10-ти лет держал при себе фельдшера для помощи приходящим больным.

Хорошо знавшие Тулиголовского помещика, считали его благотворительность на сотни тысяч рублей.

Домашняя и общественная молитва составляла насущную потребность боголюбивой его души. Молился он часто на коленях и со слезами, молитвенным видом его многие умилялись. Однажды, когда он был в Глинской пустыни и ночевал в настоятельских покоях, к нему пришел сверху вниз от отца игумена монах М. и застал гостя молящимся в спальне. Пришедший не захотел прерывать молитвы и сделался невольным свидетелем ее. Он остановился в прихожей и ждал, когда Михаил Феодорович кончит молитву. Спустя несколько минут гость через столовую прошел в зал и там так же восторженно, с умилением, лобызал святые иконы, читая вполголоса тропари или молитвы святым, изображенным на иконах. Как-то особенно благоговейно им были произнесены заключительные слова молитвы св. Иоанну Крестителю: *«очисти мя грехами оскверненного и понуди внити, аможе ничтоже скверно входит, в царствие небесное»*. Слова эти глубоко запали в сердце монаха М. В дни, когда в храме не было богослужений, Михаил Феодорович у себя ночью вычитывал утреню и часы. Куда-либо только что приедет и узнает, что в храме скоро будет служба или уже идет, он бежал в храм, и никакие убеждения других не останавливали его.

Раз, ему надо было совершить дарственную на землю. Нотариус приехал на воскресенье, утром стал писать бумаги. Зазвонили к литургии. Михаил Феодорович набожно перекрестился, из глаз покатились слезы, из глубины души его послышались стоны. Видя его тревожное состояние, бывший тут М. А. спросил: что с вами? «В церковь звонят, праздник»! жалобным голосом ответил спрошенный. М. А. понял, в чем дело, и сказал: идите в церковь; пока бумаги придется подписывать, вы еще вернетесь. Признательный Михаил Феодорович расцеловал своего друга и пошел в храм к литургии. Бывало, едет куда-либо Михаил Феодорович и услышит звон в ближайшем храме, велит свернуть, отстоит

богослужение и едет дальше. Бедных и странников по два и по три садил в свой экипаж, а, расставаясь с ними, давал небольшое пособие.

Милосердый Господь внимал молитве милосердного раба Своего. Приведем здесь два случая. Однажды, во время болезни Михаила Феодоровича, бедная вдова из села Ярославца со слезами просила пуд муки для голодных детей. Перед этим работник только что начисто вымел заком и отдал муку просящим. Сколько ни отказывали вдове, она не отходила, плакала и просила. Михаил Феодорович велел снова смести закома и дать хотя 10 фунтов муки. Ему сказали, что и пяти фунтов не наберется. Он просил дать три фунта. Только для удостоверения бедной женщины, Петр Ф-евич, живший тогда у Михаила Феодоровича, отворил амбар и сказал: смотри, где мука. Вдова стояла, оплакивая свое несчастье. Тогда Петр Ф-ич влез в закома и, к великому удивлению, увидел несколько кучек муки, точно кто их насыпал. Он отпустил вдове 1 пуд 12 фунтов и еще осталось муки порядочно. Михаил Феодорович признал это за чудо и со слезами благодарил Господа.

Раз с N.N. Михаил Феодорович приехал в Глинскую пустынь вечером, 24 сентября, накануне памяти преподобного Сергия Радонежского. В полночь зазвонили к утрени. Михаил Феодорович не мог разбудить уставшего с дороги спутника и один пошел в храм. Но мысль, что N.N. проспит утрени и не почтит памяти великого угодника Божия, беспокоила благочестивого помещика. Он стал о нем молиться, и его молитву не презрел Господь. Спящий N.N. видит во сне множество разнообразных птиц с человеческими головами, летящих при озаряющем свете на северо-восток. Вдруг явился прекрасный юноша и сказал: это чада св. Сергия спешат ублажить его память, а ты ленивый и окаянный, не хочешь вместе с Михаилом Феодоровичем почтить угодника Божия. С этими словами N.N. проснулся и поспешил в храм, где уже пели величание. В страхе он рассказал Михаилу Феодоровичу свой сон. Тот, по обыкновению, кротко ему ответил: хорошо, что пришел, я о тебе молился.

С Глинскими и Оптинскими известными благочестием старцами Михаил Феодорович был лично знаком, глубоко уважал их, слушался добрых советов и научился во всем смирять себя ради Бога, жить весьма скромно и даже отказывать себе, чтобы более благотворить ближним. Строя другим дома, он не обращал внимания на ветхость построек своей усадьбы, требовавшей многих поправок. В громадном господском доме он занимал одну комнату рядом с залом. О чистоте комнат не заботился: на полу под коврами лежал толстый слой песка, на мебели – пыль, на стенах висела черная паутина. Видно было всякому, что хозяин, помышляя о небесном, не радел о земном. Прислуга часто злоупотребляла добротой нетребовательного барина, а он, как будто, не замечал ничего: для него все были хороши, все с ним уживались. Он, кажется, и врагов любил по заповеди Господней. Случающиеся с ним болезни и несчастия переносил без ропота, с покорностью, как посланные от Бога на его же душевную пользу.

Обед Михаила Феодоровича состоял почти всегда из одного холодного и одного горячего блюда, самого простого изготовления. Горячая пища ему подавалась на стол прямо из печки, в пропитанном маслом черном глиняном горшке. Ради изредка приезжавших к нему посторонних, стол его не изменялся, все предлагалось по заведенному порядку.

В неделю говенья Михаил Феодорович не обедал, а вечером часов в 8 ему подавался чай с куском хлеба. Видел он или не видел неблагопристойные дела человеческие, но никогда не осуждал ближних. Когда другие говорили худое, хотя про мало ему известного, он начинал хвалить и тем преграждал дальнейшее злословие. Если же говорили про неизвестного, то молчал или старался переменить тему разговора на душеполезное.

Скончался Михаил Феодорович в глубокой старости 22 июля 1899 года и погребен в построенном им храме в одном склепе со своей матерью и сестрой.

Подвижницы Хорошевской Харьковской обители: игуменьи Евпраксия и Анатолия, схимонахиня Херувима и инокиня Мария

(Память 22 июля).

Игуменья Евпраксия происходила из дворянской фамилии Тимошенковых. Оставшись после родителей своих круглой сиротой, приютилась она еще в ранних годах своей жизни у старшей своей сестры, бывшей в замужестве за довольно богатым землевладельцем. По несчастью, сестра кроткой и доброй Евпраксии была совершенно противоположных ей свойств и причиняла ей много скорбей. Но за это вознаграждала Евпраксию любовь и привязанность к ней племянников-малюток, которым и посвящала она все свое свободное время, нередко защищая их собой от гнева вспыльчивой матери. Подобное участие принимала она также в прислуге и крестьянах подвластных ее сестре, она была их всегдашней заступницей пред разгневанной их госпожой, нередко и сама претерпевая от нее за это брани и даже побои. Однажды озлобленная всегдашними ее просьбами и увещаниями, сестра заперла ее в темный, холодный чулан, где и держала ее около суток без пищи, но терпение Евпраксии превозмогло злобу. Сама сестра ее, утраченная обличительным сновидением, на коленях впоследствии умоляла ее о прощении безумного этого проступка, и с тех пор начала особенно уважать благочестивую свою сестру. Но и на Евпраксию случай этот имел особенное влияние: по собственным ее словам, в это тяжелое для нее время, она имела видение святителя и чудотворца Николая, утешившего ее в заключении, после чего и дала она обет, остальную свою жизнь посвятить Богу в иноческом образе. Вскоре, при помощи сестры, выстроила она себе келлию в Хорошевском монастыре, куда и поступила, уже будучи немолодых лет. Избранная в игумении в 1812 году, она несла послушание это до самой блаженной своей кончины, хотя по старческой своей немощи сильно тяготилась им и неоднократно просилась у епархиального начальства на покой. Тогдашний

архипастырь Харьковский, преосвященный епископ Павел, отменно уважавший добродетельную старицу, всякий раз уговаривал ее еще потрудиться для Господа, и увещевал ее к этому и письменно.

Однажды прибыла к нему маститая старица в Харьков, всячески упрашивая его освободить ее от бремени, превышающего старческие ее силы. Но преосвященный Павел уговаривал ее и на этот раз еще потрудиться немного на пользу обители, и как бы пророчески сказал ей: «и ты, возлюбленная о Господе сестра, и я, многогрешный, оба поставлены Господом Богом трудиться и сберегать Его ниву: будем же трудиться до конца, чтобы и нам некогда сказать с царем псалмопевцем: пою Богу моему, дондеже есмь». Слова эти действительно исполнились на обоих: и преосвященный Павел, и игуменья Евпраксия трудились до конца свой жизни и скончались в занимаемых ими должностях.

Памятником забот игумении Евпраксии о внешнем благоустройстве обители остались в Хорошевской обители серебропозолоченные богатые ризы на местных иконах Спасителя и Богоматери в соборном Вознесенском храме. Риза на икону Спасителя была принесена незадолго до кончины добродетельной старицы, которая пламенно желала дожждаться ее, чтобы пред смертью наглядеться на сию икону в новой ризе. Она просила принести икону в свою приемную и, с трудом перешедши туда из своей келлии, упала перед образом на колени, воскликнув: «дождалась я, наконец, видеть еще раз лицо моего Господа на земле, сподоблюсь ли этого там, куда готовлюсь вскоре предстать»!

Во время предсмертной своей болезни, с терпением переносила она телесные страдания, причем, говорила окружающим ее сестрам и родным своим: «трудно, сестры, трудно, родные мои, достигнуть небесного царствия, впрочем, надеюсь на милость Божию». Пред концом же тихо, как бы с уверенностью, произнесла: «достигла по милости Божией», – и с этими словами мирно скончалась 4 февраля 1827 года. Старица была погребена близ северной алтарной стены трапезного Михайловского храма, при расширении же этого

храма приделами могила ее отошла под алтарь нынешнего Филаретовского придела³⁰.

Игуменья Анатолия происходила из дворянской фамилии Веревкиных. Оставшись сиротою в юных годах, вместе с сестрою воспитывалась у дяди, который очень любил их обеих. Почувствовав влечение к иноческому уединению, открыла она желание свое дяде, но тот и слышать не хотел об этом. Долго томясь душой, она, наконец, тайно скрылась из дома дяди, жившего в Курской губернии, и пришла в Хорошевский монастырь, где жила тетка ее, монахиня. Долго не знал дядя, где скрывалась его племянница, узнав же о пребывании ее в монастыре, разгневавшись, сказал, что более не хочет ее знать и считать своей родной. Это значило, что молодой дворянке-послушнице надлежало бороться с нуждами и нуждами обучать душу свою иноческому смирению и молитве. Перед смертью своей, впрочем, дядя пригласил ее к себе и испросил у нее прощение за незаслуженный ею гнев. Избранная в 1827 году игуменьей, она, можно сказать, воссоздала Хорошевскую обитель своими стараниями и неусыпными трудами, и заботами. Все нынешнее благоустройство обители: соборный храм, каменная ограда, колокольня, драгоценные ризы на иконах и утвари церковные, богатая ризница, – все это носит на себе память ее попечений, устроено ею самой, или доброхотным попечением жертвователей, которых привлекала благою своею жизнью и ласковым обхождением. Гостеприимство было отличительной ее чертою, не говоря о посетителях почетных, самые простолюдины не отходили от ее порога неутешенными и необласканными. В полном значении слова, была она матерью не одних лишь своих подчиненных, но и многих неимущих в окрестности, много сирот ею были воспитаны, в горе и нужде всякий шел к ней смело, с надеждою получить утешение и посильную помощь. Сестра ее так же окончила жизнь в Хорошеве в звании монахини казначеи, разделяя настоятельские труды попечительной Анатолии. 22 года управляла она Хорошевской обителью и мирно почил в августе 1849 года, на 66 году жизни, тогда как цветущее лицо ее не давало ей на вид более 45 лет.

С особенным уважением читается также в Хорошевском монастыре память инокини Варвары-пономарки. Старица Варвара подвизалась во времена настоятельства игумении Евпраксии; она отличалась смирением и сердечной простотой. Нестяжание ее было крайнее: кроме голой скамьи, убогих сосудов и фонаря, ничего нельзя было найти более в ее келлии, о самой пище мало когда она заботилась, питаясь, по большей части, от щедрости игумении и других сестер. Никто никогда не видел ее праздною. Кроме нелегкого служения пономарского по церкви, руки ее постоянно были заняты плетением шерстяных четок; в самой церкви, на утрени, во время чтения псалтири, когда, обыкновенно, другие садились для отдохновения, бодро стояла она на ногах, руками плетя свои четки, умом же внимая читаемому Божественному писанию. Особенное усердие имела старица к соименной ей св. великомученице Варваре, пламенно желая, чтобы был в Хорошевской обители храм во имя этой святой. Она начала собирать на этот предмет гроши и копейки, выпрашиваемые у посетителей; тщательно храня все собранное, таким образом, умножала она сбор свой и другими приобретениями. Например, имела старица близ своей келлии несколько кустов смородины, ягоды с которых, никогда не вкушая, тщательно сберегала она до храмовых праздников монастыря, и в эти дни распродавали богомольцам; или же выпрашивала негодные в церкви огарки восковых свеч и из них потом делала небольшие свечи и продавала проходящим. Ничем нельзя было более утешить убогую старицу, как положить что-либо в ее кружку; по благодарности, нередко кланялась она в ноги за самое скудное подаяние. Подвиг этот, продолжавшийся не один десяток лет, увенчался, наконец, некоторым успехом: в кружке старицы собралось около 3 тысяч рублей ассигнациями, вследствие чего, в один из приездов в Хорошевскую обитель тогдашнего архипастыря Харьковского преосвященного Павла, приступила она к нему с смиренной просьбой, благословить ей построение в Хорошевском монастыре храма во имя святой великомученицы Варвары. Благосклонно выслушав почтенную старицу, владыка заметил ей, что для построения храма нужна довольно значительная

сумма денег. Старица отвечала, что собрано ею целых 3 тысячи, по простоте своей предполагая, что их будет очень достаточно для построения желаемого ею храма. Похвалив ее усердие, преосвященный заметил, что собранных ею денег очень недостаточно еще для такой значительной постройки, ибо за 3 тысячи можно лишь выстроить храм из шелевки, покрытый тесом. Хотя и такой, ваше преосвященство, радостно ответствовала старица, видевшая как бы уже совершившимся свое задушевное желание. И мудрый архипастырь посоветовал ей еще потрудиться немного для Господа, обнадеживая впоследствии разрешить желаемую постройку. Но старице не суждено было дожидаться этого разрешения: труженица скоро окончила свое земное шествие самой замечательной христианской кончиной. Напутствованная св. Таинствами, радостно готовилась она к переходу в блаженную вечность, в болезни своей не расставаясь с обычными своими иноческими подвигами. Некоторые усердствовавшие к ней сестры предлагали ей переменить жесткую скамью, на которой она лежала, на более мягкое, спокойное ложе, но с твердостью воспротивилась этому старица, до конца желавшая соблюсти иноческую свою нищету и угнетение телесное. Но вот, приблизился и час ее отшествия: окружающие смертный ее одр затеплили одну из свеч ее рукоделия, но старица приказала ее потушить, промолвив, что не стоит того, чтобы так долго горела над нею свеча и что сама скажет, когда нужно будет ее зажечь. Через несколько времени, действительно, потребовала она зажженную свечу и, взяв ее в руки, радостно улыбнулась, взглянула на окружающих ее одр и с этим мирно отошла в вечность, чтобы и там, по подобию Евангельских мудрых дев, с горящим светильником добрых дел, предстать Жениху наших душ Господу. Она была погребена близ северной алтарной стены Вознесенского храма³¹. Собранные же ею сумма денег, по общему совету, была употреблена на сооружение серебропозолоченной ризы на местную икону Божией Матери в Вознесенском храме; на нижней части ризы утверждена на финифтевой дощечке надпись, гласящая, что устроена она тщанием и трудами старицы инокини Варвары.

Памятны также в Хорошевском монастыре по строго подвижнической жизни старицы-схимонахини Херувима (Чеботарева) и инокиня Мария (Кубасова). Схимонахиня Херувима, родом из купеческого звания города Старого Оскола, Курской губернии, с молодых лет посвятила себя на служение Богу в иноческом чине. По убеждению архипастыря Харьковского, преосвященного Филарета, очень желавшего иметь в числе инокинь Хорошевских хотя бы одну в великом схимонашеском образе, восприняла она от его рук схиму, и, вместе с тем, усугубила строгость и без того примерной подвижнической своей жизни. При этом, по любви своей к уединению и глубокому смирению, очень тяготилась она любопытством посетителей, привлекаемых схимническим ее одеянием, из которых некоторые даже посещали ее келлию, желая услышать от нее душеполезный совет или наставление. Смиренная старица всячески старалась избегать знаков этого к ней уважения; в самый храм проникала она незаметно для других, предваряя заранее начало богослужения, и, обыкновенно, становилась в потаенном месте храма. Монастырские пономарки, обязанные послушанием своим прежде других обретаться в церкви пред богослужением, всегда заставляли ее уже во храме, погруженную в безмолвную молитву. Нередко и в келлии своей утаивалась она от сожительства с нею в отдельный уединенный покой, обыкновенно, нетопленный даже зимой, где и пребывала иногда по целым дням в молитвенном безмолвии. Любила она также в глухую полночь обходить келлии инокинь, прибирать и подметать внутренние их дворики, облегчая тем труды послушниц, которые долгое время и не подозревали, что это сама, всеми уважаемая, старица помогает им в смиренных трудах, собственным смирением поучая и их этой главной иноческой добродетели. По восприятии на себя схимы, недолго прожила добродетельная старица. Однажды, при совершении схимнического своего правила, от многих земных поклонов, получила она апоплексический удар, от которого вскоре и скончалась.

Инокиня Мария, родом из дворян Курской губернии, поступила в Хорошевскую обитель около 1804 года и подвизалась в ней до глубокой старости. Пожертвовав обители большую часть своего состояния, сама она вела жизнь самую строгую и воздержную, отказывала себе в самом необходимом. Воздержание ее было так велико, что никогда не вкушала скоромного масла, довольствуясь одним елеем, и то несвежим, ибо приобретала его, обыкновенно, однажды на целый год. Нередко по целым дням питалась одной просфорой. Одежду носила самую грубую, приличную лишь беднейшей послушнице. Самый сон принимала она очень ненадолго, посвящая большую часть ночи уединенной молитве; утомившись в молитвенном подвиге, стоя на коленях и опершись локтями о пол, задремлет, бывало, ненадолго, чтобы опять продолжать свое бдение. Приближаясь к кончине, старица начала отчасти проявлять в себе дар предведения. Так, из рассказов о прозорливом предведении старицы Марии особенно памятным остался рассказ одной бедной вдовы старушки, матери довольно многочисленного семейства, которая была знаема этой старицей и часто посещала ее в Хорошевской обители. Однажды посетила она ее с дочерью, девушкой, бывшей в это время невестой. На радостное сообщение матери, что Господь устраивает судьбу ее дочери, старица грустно покачала головой и, воспользовавшись отсутствием вышедшей в то время дочери, тихо, по обычаю своему, сказала ей: «невеста твоя хороша, но только Жениха не земного». Пораженная этими словами, мать помыслила, что, в таком случае, верно, придется ей возложить надежды свои на старшего своего сына. «Недолгий и он жилец белого света», ответствовала ей прозорливая старица. На кого же мне надеяться, кто прокормит меня до смерти? – воскликнула огорченная мать. «Надейся на Бога; прокормит тебя меньший твой сын, но не будет тебе его хлеб очень сладок», – отвечала ей старица, и с точностью сбылись в свое время все ее слова. Во время самой предсмертной своей болезни, не оставляла старица обычного своего воздержания. Томимая жаждою, никак не хотела она

утолять ее часто водою, боясь греха невоздержания. Кончина ее была самая мирная, христианская.

Монахиня Мария Ардатовская

(Память 22 июля).

В Ардатовском Покровском женском монастыре покоится прах монахини Марии, руководствовавшейся в своей жизни правилами, данными старцем Антонием, и достигшей высокого совершенства в духовной жизни. Жизнь и кончина ее по своей назидательности достойна подробного описания.

Монахиня Мария, в мире девица Матрона, из крестьян деревни Тоторшева, Ардатовского уезда, шестнадцати лет поступила в Ардатовский Покровский женский монастырь при первоначальнице Вере. От всей души стремясь к духовной жизни, приходит она к старцу Антонию за советом и благословением на поступление в монастырь.

Выслушав ее просьбу о совете и благословении на монашескую жизнь, старец Антоний сказал Матроне: «что тебе сказать, Матронушка, вот, даю тебе правило, живи так: никому из людей не завидуй, а довольствуйся тем, что сама имеешь, безропотно терпи скорби и болезни, какие тебе встретятся в жизни, – в этом все твое спасение». Давая такое правило, старец, вместе с тем, и предрек, что в жизни Матрона встретит бедность, скорби и болезни. И действительно, безропотно несла она и бедность, и скорби, и страшную болезнь, являя величайшее смирение, незлобие, послушание, молчаливость. По поступлении Матроны в монастырь, ее постигла болезнь – рак на груди. Настоятельница Евпраксия призвала ее к себе и объявила, что ей необходима операция. Выслушав это, Матрона пошла в трапезу, где стояла икона Божией Матери «Неувядаемый Цвет» и, став пред иконой, обратилась к Божией Матери со слезами и горячей молитвой, говоря вслух: «Царица Небесная, если на пользу жизнь моя, помоги мне это претерпеть и даждь мне здравие; если же не на пользу, буди воля Твоя, устрой так, как Тебе угодно». Потом целую ночь молилась, читала акафист Божией Матери, ходила на могилку к старцу Антонию и просила его молитв. Утром настоятельница Евпраксия пригласила доктора и просила его, чтобы он сделал

операцию Матроне. Доктор отказывался произвести операцию, говоря, что больная не перенесет ее, но настоятельница Евпраксия уговорила его, и он согласился. Господь помог Матроне благополучно перенести операцию, и она совершенно выздоровела.

После выздоровления, девица Матрона еще с большим усердием, чем прежде, начала служить Богу.

Целых сорок пять лет после болезни Матрона прожила в монастыре, проводя и дни, и ночи в труде и молитвенных подвигах. Приняв монашество, она получила имя Марии. На все церковные службы и монастырские правила монахиня Мария являлась первой и уходила из церкви последней; двенадцатый час ночи проводила в молитве: читала полунощницу, клала земные поклоны Иисусу, Божией Матери и три поклона с молитвой: *помяни мя, Господи, егда приидеши во Царствии Твоем*; свободное от общих трудов время монахиня Мария проводила в своей келлии в молитве. В монашестве монахиня Мария явила истинное незлобие и смирение. Самый внешний вид ее говорил об этих качествах: она имела очи кроткие, уста молчаливые. Незлобие ее было так велико, что она молилась за оскорбителей и обидчиков, тотчас же после нанесенного оскорбления, причем, избирала такое место для молитвы, где бы ее никто не видел. Сила ее молитвенного чувства выражалась слезами: во время пения Херувимской песни она всегда плакала, причем, наклоняла голову, дабы никто не видел ее слез. То обстоятельство, что она склоняла свою голову во время службы, дабы скрыть слезы, нередко заставляло некоторых говорить: «святоша, ночь не спит, а во время службы дремлет». Монахиня Мария знала эти укоры, но продолжала скрывать свои добродетели.

Одна из воспитанниц монахини Марии, видя свою наставницу больной и всегда молящейся, однажды сказала ей: «матушка, что это ты? такая больная и не спишь, я вижу ты каждую ночь молишься и не спишь, потому и болеешь». На это монахиня Мария ответила: «я бы и рада спала, да мне по болезни нельзя много спать». Так ответила Мария, желая

скрыть свой подвиг; на самом же деле, у нее было правило: отходить ко сну не ранее часа полуночи.

Исполненная кротости и незлобия, полная молитвенными подвигами, жизнь монахини Марии привлекла к ней сердца всех насельниц монастыря: все уважали и любили ее.

Игуменья Серафима, уважая жизнь монахини Марии, отдавала ей на воспитание малолетних девочек; этих девочек Мария обучала грамоте, воспитывала в них любовь к Богу, к молитве. На ее попечение отдана была глупенькая безродная девица 20 лет Пелагия, и монахиня Мария, как мать, заботилась о ней.

Видя благочестивую жизнь монахини Марии, сестры монастыря ходили к ней, открывали ей свои скорби и искушения, и никогда не уходили от нее без духовного назидания. После ухода таких сестер, монахиня Мария всю ночь молилась за них.

Опишем теперь кончину монахини Марии. Незадолго пред смертью, она тяжело заболела. Предвидя близость смерти, она сказала своей воспитаннице, которую воспитывала с малых лет: «послужи мне в последний раз: позови батюшку, чтобы он меня причастил, принеси мне все погребальное, я посмотрю, все ли у тебя готово и в чем ты меня положишь в гроб». Воспитанница горько заплакала и сказала: «матушка, на кого ты меня покидаешь»? Мария сказала ей: «не плачь, я тебя поручаю Царице Небесной и прошу Ее, чтобы Она помогла тебе во всей жизни, и ты Ей молись всегда: Она тебя научит и спасет». Потом благословила свою воспитанницу образом «Достойно» Божией Матери, говоря: «вот, да будет Управительница всей твоей жизни». Призвали священника к больной, и он причастил ее. Была суббота. Во время всенощной воспитанница стояла около больной. Вдруг больная спрашивает ее: «ты ничего не слышишь?» – «Нет, ничего не слышу», – отвечала воспитанница. «Какое пение-то ангельское», – сказала Мария. Воспитанница на это заметила: «я недостойна, матушка, не слышу ничего». «Жалко, что ты не удостоилась», – ответила больная.

После всенощной приходили священники и диакон прощаться с больной, так как они имели к монахине Марии особенное почтение. Приходили также и сестры монастыря.

Пришла получить последнее благословение вдова Параскева. О ней всю жизнь заботилась Мария. Подошедши к умирающей, она сказала: «благослови меня, матушка, и помолись за меня и за сына моего, который, ты знаешь, бедно живет». – «Не плачь, сын твой будет жить хорошо, так, что неимущим будет помогать», – ответила Мария.

Подошла к умирающей и глупенькая Пелагия, горько заплакала и сказала: «матушка, возьми меня с собой под правое крылышко». Больная только сказала: «буду молиться».

В двенадцать часов ночи, с улыбающимся лицом, со словами: «Царица Небесная», монахиня Мария предала свой дух Богу. Воспитанница похоронила ее, отдала последний долг, как матери.

Девушка Пелагия, просившая монахиню Марию взять ее с собой под правое крылышко, скончалась в девятый день по смерти Марии и похоронена в одной могиле с ней по правую сторону³².

Св. праведный Иоанн Русский

(Память 24 июля).

Родина Иоанна – Россия, а частное место, где он родился и воспитался, неизвестно; без всякого сомнения, он имел православных и благочестивых родителей – Русских. Взятый в плен во время войны, при Петре Великом, турецким начальником конницы, Иоанн отведен в Каппадокийское местечко Прокопион, в 12-ти часах расстояния от Кесарии. Прокопион теперь по-турецки носит название Уркюб.

По преданию, новый господин Иоанна все усилия употреблял привлечь его к магометанству и ласкательством, и угрозами, но неустрашимый воин Христов, *вменяя все земное во уметы и устремляя ум к небесным вечным благам, представлял себе в образец мужественных поборников Православной веры, и говорил господину своему: ничтоже мя разлучит от любве Христовы ни обольстительные обещания привременных благ, ни биения, ни раны, ни другие какие жестокие мучения; имея пред собою Спасителя моего, Который как бы в царском вместилище возлежал в яслях в пещере Вифлеемской, я с благодарностью к Нему помещаюсь в темном углу пещерной конюшни твоей, где ты назначил пребывать мне, и она мне кажется раем, где свободно приношу молитвы и хвалы Господу моему, благодушно принимаю за веру в Него палочные удары; представляя терновый венец, возложенный на Божественную Главу, готов я с радостью претерпеть надевание раскаленного шлема, которым вы прожигаете до мозга головы христиан, противящихся неправым хотениям вашим, и на другие более лютые сего муки я усердствую о благодати Христа моего, научившего нас Своею смертью на кресте твердости, терпению, небоязненности в самой лютой за Него смерти, как виновной вечного неизреченного блаженства на небеси. Я – Русский, верный слуга земного царя моего, хотя и пленен тобою, но небесному Царю истинного служения и правой веры родителей моих никогда не отрекусь: в христианстве я*

родился, христианином и умру». Такие дерзновенные слова Иоанна, являющие непреклонный нрав его касательно веры, смягчили жестокого господина его, и он перестал принуждать его к вероотступничеству, хотя и оставил по-прежнему в темном углу конюшни своей, для ухода за лошадьми и следования за ним, как конюха, когда выезжал на лошади. Находясь в таком положении, праведный постоянно славил Вышнего, и в свободное от работы время совершал различные подвиги жестокого жития, всеночные молитвенные бдения, сопровождаемые земными поклонами и слезами; всякий день рано утром приходил к церкви, отстоявшей всего на 20 минут ходу, где у паперти, один, молясь одному Богу, возвращался в свое место прежде пробуждения господина; всякую же субботу приобщался Пречистых Таин в храме Божиим, приходя в оный тайно, к причастию приготавлился сухоядением, часто постясь до трех дней.

Один неожиданный случай побудил хозяев Иоанновых иметь благоволение к нему и сделал его известным, как мужа святого. Бывший начальник турецкой конницы, по требованию веры своей, должен был посетить Мекку, куда и отправился. В отсутствие его, госпожа раз угощала у себя в дому родных и знакомых; Иоанна назначила служить гостям. Одно из подаваемых кушаний особенно понравилось хозяйке; вспомнив о муже, она сказала: «как бы доволен был муж мой блюдом этим, если б кушал теперь с нами». Иоанн, полный веры во всемогущество Божие, просит блюдо с обещанием немедленно доставить господину. Кушавшие смеялись, считая это за шутку, а праведный, вышед с горячим кушаньем, коленопреклоненный молил *Творящего волю боящихся Его (Пс.144:19)*, чтоб Он, как из Палестины в Вавилон мгновенно послал пищу св. Даниилу, так доставил, им же весть образом, и держимое им блюдо в Мекку, во славу Пресвятого и великолепного имени Своего. По возвращении, он сказал: «кушанье доставлено господину». Хозяйка, будучи уверена, что он снес блюдо к себе, погрозила ему наказанием за неуместные для пленного раба шутки, но после пришли все в великое изумление, когда господин, по возвращении, рассказал, как он в такой-то день и час, пришед

от молитвы в свою запертую им квартиру, видит на столе испускающее пар кушанье. Съев оное с особенным аппетитом и благодарением Богу, он, к большому удивлению, увидел, по вычеканенному штемпелю, свое блюдо, теперь обратно привезенное. Как это случилось, не может постигнуть. Когда же госпожа объяснила, как Иоанн взял горячее кушанье, обещаясь доставить немедленно в Мекку, – стали уважать его как угодника Божия, и перевели из конюшни в дом, хотя праведный и не желал того. Когда разнеслась молва о святости Иоанна, и посторонние начали благоговеть к нему, и просили молитв его о них. Получив теперь более свободного времени, Иоанн усилил подвиги, смиренномудрствуя, и плоть порабощая духу.

После нескольких лет постничества, он почувствовал приближавшийся конец своей трудно-печальной в плену у мусульман жизни. Заболев, он пригласил священника, исповедался и причастился Пречистых Таин, которыми напутствованный, преставился от земных скорбей к небесным радостям. Господин дал знать священникам и старейшинам местечка, чтобы они погребли праведного по христианскому чину, и в знак уважения своего к почившему, пожертвовал для мощей его дорогой ковер. Христиане с благоговением похоронили тело Иоанна на своем кладбище. По прошествии трех лет со дня отшествия его ко Господу, старший из иереев видит во сне праведного, побуждающего откопать и перенести мощи свои, но протоиерей колебался и медлил, пока небесный свет, сошедши на могилу, побудил исполнить желание святого, при большом стечении народа. Изъятое из земли тело его оказалось невредимым, нетленным и благоуханным. Благоговейно поклонившись св. мощам, перенесли оные с псалмами и песнями духовными в иссеченную в скале церковь великомученика Георгия, а назад тому несколько лет, перенесены оттуда мощи в новую церковь св. Василия Великого, положены в раке на правой стороне, где, притекающие к св. Иоанну, днем и ночью освобождаются от всяких болезней, и молящиеся ему в различных нуждах получают просимое от дивного во святых Своих Бога, по ходатайству праведного, и бесчисленные чудеса совершены и

совершаются через угодника Божия, по невозможности перечислить все из них, упомянем здесь о немногих.

В царствование султана Махмута 2-го, при восстании на него Египетского паши Ибрагима, послан был против восставшего, в числе других, Осман-паша с 1800 чел. солдат. Пройдя Кесарию, он прибыл к местечку Прокопион, чтоб, переночевав там, на утро отправиться через Неаполь к Киликийским воротам, где стоял Ибрагим лагерем. Так как большая часть жителей-турок в Прокопии были янычары, ненавидевшие султана, как гонителя их, порешили не принять Османа; тщетно старались христиане внушить им, что через непринятие навлекут гнев, идущего по царскому повелению, предводителя войска, что в ярости он может наделать в местечке много зла, но, видя их, непреклонных, не желающих сообразить о дурных последствиях такового бунта, – удалились в окрестности, оставив в городке старых. Действительно, противление турецких жителей побудило Османа войти в Прокопию с войском, которое предалось грабежу, насилию и убийству. Расхищая, что находили ценным в домах, ворвались и в храм великомученика Георгия, похитили священные сосуды и одежды, и затем отворили раку с мощами, думая найти в ней деньги и т. п.; не нашедши же ничего, кроме мощей, порешили сжечь их на посмеяние и поругание христиан, с каковой целью вынесли мощи на двор церковный и пошли набирать дрова; по возвращении, разожгли костер, но к удивлению своему мощи находят в церкви. Не вразумившись этим чудом, вынесли оные снова и положили на костер, но огонь не коснулся святыни, и к большему удивлению увидели Иоанна живым, с грозным взором, рукою и словами угрожающего туркам за дерзость их. Поразившись этим, они, как сами после рассказали, разбежались, оставив мощи. Чудо это было в 1832 году.

В 1862 г., в день субботний, при конце литургии одна старушка сообщила, как во сне видела праведного, вышедшего из раки своей и спешившего к училищу; там он старался удержать обеими руками падавшую крышу. Едва успела она закончить рассказ о видении, как послышался треск и стук; молившиеся выбежали из храма и увидели, что крыша

еллинского училища опустилась вниз на учившихся в то время детей. Тогда все с плачем побежали отрывать заваленных учеников и нашли их целыми и нисколько невредимыми. Услышав наверху здания треск, они как бы сговорились и, какую-то невидимую силой влекомые, залезли все под столы и скамьи, на которые и легли перекладыны крыши, не придавив никого. Тогда объявлено было видение, сообщенное старушкою, и все с радостью возблагодарили Бога, прославляющего праведного Иоанна совершением таких благодетельных чудес.

В 1874 г. двенадцатилетняя девочка из рода бывшего господина Иоаннова (род этот и поныне в цветущем, богатом состоянии) пропала без вести; все тщательные поиски родителей и родственников были тщетны. Потеряв надежду отыскать дочь свою, родители притекли ко святому и усердно молились ему пред ракой, чтоб он открыл, куда девалось любимое чадо их. Иоанн не замедлил явиться во сне матери девицы в образе иноческом и открыл ей, что такая-то из ваших, сребролюбием недугуя, сняла у девочки серьги и прочие золотые украшения и, наложив руки на дочь твою, скрыла труп в доме своем. Пробудившись, она пошла с мужем и родными в указанный дом; по старательном исследовании, нашли тело убитой зарытым в углу дома. Власти осудили убийцу по закону. Дивясь открытию Иоанном сокрытого беззакония, все прославили Бога.

В заключение скажем о перенесении руки праведного Иоанна в Русский на Афоне монастырь, что можно причислить так же к чуду особенного снисхождения и благоволения святого к спасающимся там соотечественникам его. Дерзающие отнимать частицы от мощей праведного, явлением и угрозами его принуждены бывают возвращать отъятое, но на отъятие и послание руки в св. гору Афонскую не было от него никакого препятствия. Случилось же это так: назад тому несколько лет, подвизающиеся в обители св. Пантелеймона отцы, узнав о совершающихся у раки св. Иоанна чудесах, просили себе у Прокопийцев части многоцелебных его мощей. По долгом совещании и несогласии некоторых, жители согласились, наконец, все как бы чудом исполнить просьбу отцов и, после

молебствия отделив от мощей правую руку, послали ее (в 1880 г.) через отца Дионисия и одного из уважаемых старейшин местечка. Принятие мощей в обители св. Пантелеймона было торжественное. Когда дано было знать о прибытии к монастырю святыни, все отцы вышли вне с игуменом Макарием, и в некотором расстоянии от обители встретили мощи с песнопениями при полном колокольном звоне и ударах в била. Поставив честные мощи в соборной церкви на аналое, пели торжественно славословие, после которого было поклонение принесенной святыне с большим чествованием и благоговением. Таким образом, находясь теперь в жребии Богородицы, рука праведного Иоанна почитается там наравне с честными мощами многих святых³³.

Архиепископ Смоленский Тимофей

(Память 24 июля).

Архиепископ Тимофей родился 23 июля 1782 г. в Смоленской губернии, в селе Костырях, Рославльского уезда и при крещении был назван Трофимом. Отец его, Тимофей Никитич Котлярев был священником этого села. После домашнего благочестивого воспитания, Трофим Тимофеевич Котлярев сначала обучался в Смоленской семинарии, а потом из среднего отделения был отправлен в Московскую духовную академию. Во время дороги в Москву, продолжавшейся тогда две недели, Трофим выучил наизусть много стихотворений из немецких поэтов и некоторые слова французских проповедников, чем и обратил на себя особенное внимание академического начальства. По окончании учения в академии в 1806 году, Котлярев более 10 лет ревностно проходил должность учителя при Смоленской семинарии и, по преобразовании ее, в 1817 году, определен инспектором ее и профессором философии. В 1821 году 18 ноября он был пострижен в монашество, с именем Тимофея, в честь своего родителя, ректором семинарии архимандритом Сильвестром, 2 числа того же месяца рукоположен в иеродиакона, 21 – в иеромонаха, а 9 июля 1822 года возведен в сан архимандрита Смоленского Троицкого монастыря преосвященным Иосифом, епископом Смоленским. По ходатайству епископа Харьковского Павла, бывшего в Смоленске ректором и лично знавшего высокие качества души и ученость архимандрита Тимофея, он был перемещен в Харьков ректором тамошнего коллегиума. Здесь он обязан был каждую субботу являться к преосвященному на обед, который сопровождался самым строгим экзаменом по управлению коллегиумом и был, скорее, пищей ума и сердца, а не тела. Здесь же он познакомился и с Иваном Борисовым, будущим знаменитым архиепископом Иннокентием, которого преосвященный Тимофей называл «русским Массильоном» или «восточным Златоустом». Старший брат Борисова был профессором коллегиума, меньший брат,

приезжая к старшему из Орловской губернии на каникулы, бывал с ним у ректора, а когда нужно было младшему Борисову отправляться в академию, и оба брата были в денежном затруднении, ректор Тимофей безвозвратно ссудил им 25 рублей. Преосвященный Иннокентий никогда не забывал этой услуги и впоследствии с благодарностью рассказывал о таком одолжении.

Из Харькова архимандрит Тимофей был вызван в С.-Петербург на чреду священнослужения и проповеди слова Божия. Здесь митрополит Серафим, знавший его в бытность свою в Смоленске епископом, пожелал иметь его викарием по Новгородской кафедре. Новый архиерей участвовал в некоторых придворных церемониях и был при погребении Императрицы Марии Феодоровны. В Новгороде он познакомился с архимандритом Фотием, которого называл «человеком самородным», и графиней А. А. Орловой-Чесменской. Уважением графини преосвященный Тимофей пользовался до конца жизни ее и, уже будучи епископом Смоленским, получил от нее 1000 руб. для раздачи бедным, в неурожайный год. В Новгороде имя преосвященного Тимофея осталось незабвенным, особенно по случаю возмущения военных поселян в 1831 году. Граф Аракчеев, скрываясь от бунтовщиков, прожил несколько дней и ночей в Хутынском монастыре у епископа Тимофея, переодетый в крестьянское платье, а сам Тимофей привел в смущение бунтовщиков тем, что, в том же году, на панихиде 26 июля, когда иеродиакон возгласил: *«о убиенных рабех Божиих»*, громко повелел говорить: *«о невинно убиенных рабех Божиих»*. Между поселянами произошел шум, но епископ еще громче повторил свое приказание, и в заключение произнес к ним увещание о раскаянии и признании вины, присовокупив: «кровь невинных вопиет на вас пред Господом». Через два часа после панихиды прибыл на место происшествия Государь Император Николай I и был свидетелем еще продолжавшегося волнения. Наградой епископу был орден св. Анны 1 степени, а вскоре (в 1834 году), и назначение на Смоленскую кафедру. 15 апреля, в неделю Ваий, епископ прибыл в Смоленск, где еще были живы: мать

его, вдова Евдокия, брат архимандрит Вениамин и две сестры, священнические жены. Впоследствии, преосвященный Тимофей сам хоронил свою мать в Вознесенском монастыре и при этом плакал, как дитя.

Служение его церкви Смоленской продолжалось ровно 25 лет. Долговечными памятниками деятельности его служат: обновление и украшение теплого Богоявленского собора (1840–1843 гг.), устройство в нем придела во имя св. Меркурия, Смоленского чудотворца (1843 г.), устройство для кафедрального собора новой ризницы (1847 г.), учреждение училища для девиц духовного звания сначала при Вяземском Аркадьевском девичьем монастыре (1849 г.), а потом перемещение его в Смоленск (1852 г.), в дом, устроенный при Вознесенском девичьем монастыре, устройство нового двухэтажного корпуса для Бельского духовного училища (1852 г.). Архипастырская ревность его свидетельствуется попечением о распространении в простом народе знания молитв и важнейших истин веры, усердными трудами к ослаблению раскола, заслужившими благодарность Св. Синода, изъявленную ему в 1855 году. За усердие в прохождении архипастырского служения, он сопричислен в 1851 году к ордену св. равноапостольного князя Владимира большого креста, а 26 августа 1856 года пожалован в сан архиепископа.

Время, свободное от служебных обязанностей, преосвященный Тимофей проводил в чтении и письме, иногда до глубокой ночи. Проповеди его отличались Евангельской простотой и особенным «помазанием». Впрочем, святитель, по смирению, не любил видеть произведения свои в печати, не любил также, чтобы и другие подчиненные печатали что-либо. Без молитвы он не начинал и не оканчивал ни одного дела; молился в роще, в саду и вообще, там, куда не достигал посторонний глаз. Образ жизни его был самый воздержный, пища самая простая – раз в сутки, почти всегда в полдень из двух блюд, и только в праздники – из трех; одеждой его в келлии и загородном доме был подрясник из коленкора или нанки, а шелковую рясу преосвященный надевал только на служение и при посещении значительных лиц. Во все время

своего архиерейства, т.е. в 25 лет, он не переменял в своих келлиях ничего, что было при предшественнике его, преосвященном Иосифе, т.е. мебель, картины, ковры и т. п. оставались одни и те же, так же, как и экипажи, прислуга и т. д. Вообще, преосвященный Тимофей любил уединение и удалялся от общественных обедов, после которых, как он говаривал, три дня не мог употреблять пищу, чтобы прийти опять в порядок. Лекарствами не пользовался во всю жизнь, хотя и знал медицину, изучив ее в Московском университете. Холодная вода особенно нравилась ему как в питье, так и в купанье; последнее он делал без купальни даже и тогда, когда у берегов озера замерзала вода. Проживая в загородном доме, он утром и вечером делал прогулку пешком верст за пять и далее, в простом старческом наряде, со встречными заговаривал, причем, иногда узнавал несчастье и бедность людей и, по возвращении домой, тотчас старался оказать пособие или из собственных средств, или же ходатайством пред сильными людьми. В епархиальных делах был крайне недоверчив, так же, как и в домашнем быту. Малейшая неприятность со стороны высшего правительства повергала его почти в болезненное состояние: он хотел, чтобы и мимолетная тень не падала на него и на окружающих его.

Особенным расположением преосвященного Тимофея пользовались монастыри и монашествующие, почему он и заслужил название «монахолобивого». 31 мая 1843 года он разослал красноречивое послание ко всем благочинным своей епархии, с приглашением вдовых священнослужителей и церковников поступать в монашество.

В 1859 году, преосвященный Тимофей, по слабости здоровья и преклонности лет, просил Св. Синод об увольнении от управления епархией. Еще за пять лет до этой просьбы преосвященный думал окончить свою жизнь в Киево-Печерской лавре, как это сделал предместник его епископ Иосиф, а потом решил построить себе дом с церковью в Бельской Красногородищенской пустыни, отличающейся прекрасным местоположением. Это здание вчерне было построено с каменным жилым основанием как на собственные средства

архиепископа, так и на пожертвование г-жи Пенской, бывшей по мужу ктиторм пустыни, но неудовольствие настоятеля на то, что будто постройка обезобразила монастырь, и что он сам должен будет оставить настоятельство в случае переселения туда преосвященного, побудило преосвященного избрать местом своего успокоения Ордынскую пустынь.

29 ноября 1859 года архиепископ Тимофей в последний раз служил в Богоявленском соборе и произнес к пастве прощальное слово.

3 декабря архиепископ оставил Смоленск и 5 прибыл в Ордынскую пустынь. Здесь, при постепенном ослаблении телесных сил, он деятельно приготавлился к тому покою, где нет ни болезни, ни печали, ни воздыхания. Он проводил время в молитве, чтении, благочестивых размышлениях и назидательных беседах с братией и посетителями. В келлиях его ежедневно, по желанию его, были совершаемы вечерня, утреня и молитвенное правило. К литургии ходил в церковь неопустительно и ежедневно говорил поучения, всегда изустно, простой речью, почему поучения его особенно нравились тем, которые не могли понимать отеческих писаний на славянском языке, ежедневно читаемых в Ордынской пустыни. После литургии он слушал чтение периодических изданий, а чаще всего – житий святых. В вечернее время, после отдыха, он выходил на крыльцо или на берег реки, протекающей мимо монастыря. Здесь он часто вступал в разговор со встречными. У поселян спрашивал, умеют ли молиться? Знающих ежедневные молитвы, с любовью благословлял и отпускал. У монашествующих осведомлялся, не читали ли они чего назидательного? Какие места Св. Писания или какие песни церковные кажутся им невразумительными? На вопросы и недоумения охотно давал ответы и радовался, если они не забываются. Иногда, так же вечером, любил слушать пение старинных духовных стихов (псалм).

Перед богослужением он часто объяснял смысл неудобопонятных выражений, встречающихся в богослужебных книгах, и заставлял повторять объяснение, с целью, как он говорил, возбудить большее внимание и благоговение к

церковной службе. С этой же целью он заботился объяснять значение богослужебных действий, для чего, при келейной службе, кроме отеческих поучений, заставлял ежедневно читать «Новую Скрижаль», архиепископа Вениамина. После вечернего правила он, обыкновенно, три раза прослушивал Апостол и Евангелие следующего дня и объяснял места неудобовразумительные, заключающие в себе глубокий смысл, а также прочитывал толкование на них. После этого, он, отходя ко сну, лобызал распятие Господа Иисуса Христа, тихо читая: «Пролей, Господи, каплю Твоей святейшей крови в мое сердце, иссохшее от страстей и грехов, и нечистот душевных и телесных». Затем произносил: «Просвети очи мои, Христе Боже», и: «Да воскреснет Бог».

Любимым его наставлением тем, которые приходили к нему за благословением, было: «да научит тебя Господь творить волюне свою, но Божию». Жалоб на других и осуждений он не мог слушать без неудовольствия, наставляя терпением и любовью побеждать зло. После выговоров, сделанных кому бы то ни было, хотя и вполне заслуженных, преосвященный всегда просил прощения. К собственности не имел пристрастия и дорожил только книгами: даже не знал, сколько и какие у него вещи или деньги. Но давал не всякому без разбора, чтобы необдуманном подаянием не дать повода ко греху, а родственникам своим часто отказывал, чтобы они не впали, как он выражался, в гордость и корыстолюбие. Среди беседы он часто вспоминал прошедшее своей жизни.

Слабея постепенно силами, ощущая уже начатки болезни, преосвященный Тимофей часто помышлял о часе смертном. «Сколько грехов!» В таких мыслях он взывал: *«Боже, милостив буди мне грешному! Без числа согреших, Господи! Боже, очисти мя грешного и помилуй мя! Многая множество содеянных мною лютых помышляя, окаянный, трепещу страшного дне судного, но, надеясь на милость благоутробия Твоего, яко Давид, вопию Ти: помилуй мя, Боже, по велицей милости Твоей»*.

Благословляя посетителей и прощаясь с ними, он просил помолиться о нем. Опасно заболел он в январе 1862 г.

опухолью в ногах и одышкой в груди. Но, уверяя, что у него ничего не болит, не оставлял ежедневного хождения в церковь и оказывание поучений. На советы обратиться к помощи врачебной он долго не соглашался: «я что-то нерасположен лечиться, – говорил он, – потому что никогда не лечился, не лучше ли оставить так, на волю Божию!»

В феврале болезнь его стала развиваться более, опухоль распространилась выше, одышка стала случаться чаще. В последний раз, 28 января, он был у литургии и говорил поучение о смиренном сознании своей греховности, подобно мытарю, и приготовлении к св. Четыредесятнице. В неделю о блудном сыне, 4 февраля, уже не мог, по немощи телесной, быть в церкви у литургии и весьма много жалел об этом. Вместо службы заставлял читать толкование на чтенное Евангелие и проповедь в неделю о блудном сыне Никифора, архиепископа Астраханского, весьма любимого и уважаемого им автора. После отдыха, для утешения своего духа, пригласил певцов пропеть: «На реках Вавилонских», еще заставил пропеть любимые свои псалмы и весьма много благодарил за доставленное ему утешение. Продолжая в эти покаянные дни, по-прежнему, совершать богослужение и иногда занимая присутствующих изъяснением неудобопонятных выражений в богослужебных книгах, он много сетовал о том, что немощь телесная возбраняет ему присутствовать в храме Божиим, при совершении бескровной жертвы.

В неделю мясопустную, 11 февраля, преосвященный велел читать и с особенным вниманием слушал умилительные беседы св. Ефрема Сирина о последних днях мира и рода человеческого. В среду, 14 февраля, его очень заняла статья, помещенная в «Страннике»: Воспоминание о высокопреосвященном Филарете, митрополите Киевском.

В четверток сырной недели, 15 февраля, после молитв утренних, преосвященный опять заставил прочитать о Филарете, митрополите Киевском, и вновь слушал со вниманием. После отдыха приказал петь: «Да исправится молитва моя...» и некоторые псалмы. В неделю сыропустную, 18 февраля, о. архимандрит с братией прибыл проститься с

архипастырем. При пении песни: «На реках Вавилонских», преосвященный, по облачении в мантию, обратясь ко всем, трогательным голосом сказал: «простите меня, простите, кого оскорбил, и помолитесь за меня»; потом всем преподал мир и благословение на совершение подвигов поста. И сам он, и все предчувствовали, что это ежегодное, совершаемое по обычаю церковному, прощение есть последнее. Во вторник 1-й недели Великого поста, 20 февраля, преосвященный заставлял прочитать что-нибудь. Прочитана ему одна статья из «Домашней Беседы», а потом читано о последних днях жизни Филарета, митрополита Киевского.

В субботу 1-й недели Великого поста, 24 февраля, архиепископ, по утренней молитве, выразил желание причаститься в следующий день Св. Таин. Принимал в этот день благочестивых посетителей, совершавших подвиг св. поста в пустынной обители, поздравил их с принятием Св. Таин, пожелав им быть в единении со Иисусом Христом до конца жизни, и благословил всех просфорами. 25 февраля, в воскресенье, он, по выслушании канона и акафиста Иисусу Сладчайшему и Божией Матери, и молитв ко св. Причащению, исповедался и облачился в мантию и омофор. В ожидании священнослужителей со св. Дарами, говорил: «Господи, помилуй! Как не скоро идут! Я жду их, как ангелов... Сам Спаситель ко мне придет». При входе священнослужителей со Св. Дарами, он встал, поддерживаемый диаконами, поклонился и сам читал: «Верую, Господи..., и Вечери Твоея тайныя...» При словах: «Ты еси Христос, Сын Бога живого, пришедый в мир грешныя спасти», он заплакал и едва дрожащим голосом договорил слова молитвы, от слез духовного умиления. Нужно заметить, что болезнь архиепископа уже развилась вполне, опухоль распространилась по всему телу, одышка и стеснение в груди томили его. Страдания его были велики, но он таил их и не жаловался.

При опасном состоянии своего здоровья, он не прерывал обычных занятий, ежедневно выслушивал келейное богослужение, предлагал для объяснения трудные места св. Писания, одним словом, спокойно готовился к смерти. В

следующий день совершенно, по его желанию, таинство Елеосвящения. К вечеру, болящему стало очень трудно, он тяжело дышал, чувствовал сильный жар и томился. Однако, и при таких страданиях сохранил сознание, следил за совершавшимся всенощным бдением и повторял слова молитв церковных. По случаю крайне опасного состояния здоровья больного, ранняя литургия начата в 4 часа утра. В 6 часов больной после бессонной тяжелой ночи причастился Св. Таин. Ежечасно ожидали в эту ночь кончины его, но Господу угодно было отсрочить смертный час его. По причащении Св. Таин, он стал бодрее и мог быть посажен в кресла. Прибыл в пустынь, для совершения благочестивого подвига поста, г. Л. и, при Божией помощи, начал пользоваться болящего. Сокрушенный тяжелой болезнью, он уже не отвергал врачебных наставлений. Ежедневно, в назначенное время, сотворив молитву, он принимал лекарство. Несколько ночей сряду были для него весьма тяжки, но страдания его постепенно стали уменьшаться, опухоль начала опадать. Ежедневное совершение в келлиях его богослужения и частое причащение Св. Таин доставляли ему ободрение и утешение. Но видно было, что тяжелая и долговременная болезнь сокрушила его силы. Сам, без сторонней помощи, он едва мог двигаться по комнате. От чтения, большей частью, отказывался. Уединенная дума и молитва были его упражнением. Часто творил он краткие молитвы: «Господи, помилуй! Боже, очисти мя, грешного! Пресвятая Богородице, спаси нас!» Особенно часто, ежедневно, он повторял: упование мое Отец, прибежище мое Сын, покров мой Дух Святой, Троице Святая, слава Тебе!

Прошла весенняя непогода, самая опасная для его здоровья. Радость Воскресения Христова оживила дух его. В надежде освежить его весенним воздухом, выводили его иногда на крыльцо или на берег реки, в ясную погоду он проезжался раза два среди пустынных полей, верст за 5 и более. Можно было надеяться, что жизнь его продлится, по крайней мере, до осени. К сожалению, еще не оправившись от тяжелой болезни, он вновь заболел, в исходе месяца июня, расстройством желудка. Около месяца продолжалась последняя болезнь. В течение

этого времени он не мог употреблять твердой пищи, питаясь почти одним чаем. Частое причащение Св. Таин составляло самое лучшее утешение и укрепление духа и тела его. Чтения не мог долго слушать и говорил, что расстроен и неспособен к рассуждению. Он стал весьма молчалив и задумчив; часто просиживал часа три и более, погруженный в тихую думу и творя краткие молитвы. Предчувствие близкой кончины, как заметно было, побуждало его углубляться внутрь себя. В последнюю неделю, на благожелание о. архимандрита Ордынской пустыни – быть здоровым – он отвечал: «мне пора умирать», и потом прибавил: «может быть, Господь скоро позовет меня». При стороннем пособии, преосвященный мог еще выходить из спальни в залу, а иногда на крыльцо, до 23 июля. Но в этот день, который был днем рождения его, уже он не мог встать с постели. На предложение выпить чаю, отвечал: «Нет, благодарствую». Дыхание его стало тяжело и прерывисто, часто останавливалось. К вечеру ему стало еще хуже, дыхание сделалось тяжелее и затруднительнее, почему о. архимандрит прибыл с братией проститься в последний раз с архипастырем. Прочитан был канон к Пресвятой Богородице на исход души, но Господь благоволил продлить его жизнь до следующего дня, чтобы сподобить его, в последний раз, в напутствие к жизни вечной, вкусить Источника бессмертия.

Ночь проведена была у одра больного в совершении богослужения: читан акафист Спасителю, потом отправлена полунощница, утренняя и прочтены молитвы ко св. Причащению. Видно было, что больной чувствовал и слышал, хотя от крайней слабости ничего не мог говорить: то полагал обе руки на голову, то складывал их на груди, то обращал взоры на присутствующих. В 6 часов утра он был причащен Св. Таин. Вновь прочитан канон ко Пресвятой Богородице на исход души, но смертное томление его продлилось еще более трех часов. Для всех присутствующих при одре умирающего архипастыря стало очевидно, что близка кончина его: дыхание его то останавливалось, то вновь порывисто возобновлялось, руки и ноги хладели. Сделано о. настоятелем распоряжение – принести соборне местную икону Владимирской Богоматери,

для совершения молебного пения. При внесении св. иконы в келлию, с пением тропаря: «Днесь светло красуется славнейший град Москва и обитель сия», дыхание умирающего остановилось, – он испустил вздох. Св. икона поставлена у одра его. Преосвященный испустил еще три вдоха, сомкнул уста и почил о Господе, в глазах братии Ордынской пустыни, безмолвно окружавшей смертный одр его и прослезившейся при последнем вздохе его. Архиепископ Тимофей скончался 80 лет от рождения, после 32-летнего служения Церкви в сане епископа, пробыв на покое в Ордынской пустыни 2 года и около 8 месяцев. 24 июля 1862 г. в половине 11 часа пополудни, отошел ко Господу маститый архиепископ³⁴.

Старец Феофан Соловецкий

(Память 26 июля).

Старец Феофан был родом из малороссийских крестьян; 12 лет он лишился родителей, а с 16-ти должен был взяться за хозяйственные работы. Однажды, во время работы в поле, ему пала на сердце мысль оставить все и последовать за Христом. Немедленно он оставил волов и, не простясь даже с братом и сестрою, ушел в Киево-Печерскую лавру, где и был принят в качестве послушника. Семнадцать лет провел Феофан в различных испытаниях, а затем отдан был под начало прозорливому затворнику Досифею. Под руководством мудрого старца он быстро совершенствовался в духовной жизни, и у него родилось желание видеть святые места. О своем желании он сказал учителю, но тот не благословил его на путь. «Нет тебе пути ни в Иерусалим, ни в Святую Гору, в свое время тебе предложит другой путь. А теперь, если желаешь, ступай в Молдавию», говорил прозорливый старец своему ученику и указал двух спутников. Вместе с указанными старцем спутниками Феофан отправился в Молдавию.

Перенеся массу всевозможных дорожных трудов и притеснений от турок, странники благополучно прибыли в Нямецкий монастырь Паисия Величковского. Феофан был принят с любовью и стал продолжать здесь свои иноческие подвиги. Проведя несколько времени в этой обители и посетив другие, Феофан был поражен строгостью жизни молдавских старцев и просил игумена Паисия дозволить ему остаться тут навсегда. Но Паисий не исполнил его просьбы и велел идти в Россию. «Иди теперь в Россию и еще немного послужи старцу, имеющему скоро скончаться и по благословению его иди спасаться, куда он укажет», говорил подвижник и велел передать братский привет старцу. Снабженный всем необходимым, Феофан отправился на родину и, благополучно прибыв в Китаевскую пустынь, по-прежнему стал служить своему духовному отцу. Однако это недолго продолжалось. Старец Досифей почувствовал приближение смерти и, призвав

своего любимого ученика, дал ему такой совет: «возлюбленное чадо мое, ты много послужил мне. Теперь я отхожу в путь отцов моих. Когда погребут меня, не оставайся здесь, но иди на север: там, в обители Соловецкой, ты найдешь спасение». – «Отче, возразил со смущением на это ученик, – я обещался проводить жизнь при пещерах преподобных Антония и Феодосия». «Чад, – успокоил его старец, – пред Богом равны: здесь Антоний и Феодосий, там – Зосима и Савватий. Они имеют одинаковую благодать у Бога ходатайствовать за духовных чад своих. Вижу, что Божественный Промысл указывает тебе место на севере, и верую, что строит все по желанию твоему, на пользу и спасение души твоей и поможет тебе понести скорби пустынного жития. Не противься определению Всевышнего, но, пребывая там, внимай себе и блюдись от лютого зверя, ищущего поглотить тебя. Если же и найдет искушение, – не унывай, но старайся мужественно исправлять себя». Старец скоро скончался (1778 г.), и Феофан отправился в Соловки, хотя и не сразу. Сначала он думал было жить в Киеве, но, когда увидел, что нигде ему не удастся устроиться, покорился совету старца и прибыл в назначенную обитель, при архимандрите Иерониме. Здесь он проходил разные послушания и, трудясь в просфорне, близко узнал одного инока Климента. Климент познакомил Феофана с Соловецким пустынножительством, и, когда Климент удалился в пустынь, Феофан последовал его примеру. Он провел несколько времени в землянке, близ Ягодного озера, и узнал несколько подвижников. Но на этот раз Феофану недолго привелось жить в пустыне. Он был вызван в обитель и сделан начальником Сумского монастырского подворья, а затем и экономом обители. Более 3 ½ лет провел так Феофан. Жизнь в соприкосновении с миром не могла пройти бесследно, и она повлияла неблагоприятно на душевный строй о. Феофана.

Промысл Божий не попустил подвижнику сойти с избранного пути. Однажды звонарь, заблудившись в лесу, встретился с Климентом, которого некогда знал, а ныне совершенно потерял из виду отец Феофан. Климент, расспросив звонаря обо всем и об о. Феофане, глубоко опечалился, когда узнал, что тот

занимает должность эконома. Отпуская звонаря, старец дал ему такой наказ: «скажи ему Господа ради, что он погибает. Передай ему скорбь мою. Где его прежняя подвижническая жизнь? Где ревность к добродетели и желание пустынной жизни? Находясь среди мира, он более и более погрязает в житейских заботах». Рассказ звонаря и слова друга глубоко потрясли о. Феофана. Он решился снова пустынножить. Скоро представился и случай оставить должность эконома. Новый настоятель Герасим, заметив упущения в работах, стал делать строгие выговоры о. Феофану. Тогда о. Феофан оставил все и на маленьком карбасе пустился в море, надеясь выйти на взморье и там подвизаться. Но поднялась буря; десять дней носился карбас по бурному Белому морю, наконец, он был выброшен на Кемский берег. Спасенный так чудесно от смерти, старец поселился около г. Кеми в густом лесу, но его скоро открыли, привезли в Кемь и посадили в темницу. Но, раз, сторож заснул, и старец снова вышел на свободу, удалился верст за 40 от города и снова стал подвизаться. Трудно было сначала старцу, приходилось питаться мхом и ягодами, более у него ничего не было. Через долгое время он достал, однако, земледельческие орудия и стал разводить овощи. Большую же часть времени проводил в посте и молитвах. Кемляне знали старца, любили его и нередко посещали.

В первое время по поселении здесь на него раз напали разбойники. Узнав в старце Соловецкого эконома и думая, что он бежал с большими деньгами, они требовали от него денег. А, когда ничего не получили, то мучили его, протаскивая на веревке из одной проруби в другую и, наконец, бросили едва живым. Старец же молился и благодарил Бога за испытание. Впоследствии, его никто уже не беспокоил, и он мирно в подвигах прожил 24 года. Но местные власти, видя, что народ толпами ходит к старцу, и тот их учит, подозрительно смотрели на это, и по этой причине старец Феофан был взят и перевезен на Соловки. Впрочем, его здесь не стали удерживать и отпустили в Анзерский скит на безмолвие. Там он провел в подвигах еще несколько лет и достиг высокого совершенства.

Нечистые духи много его искушали, но он отгонял их молитвою. Однажды нечистый дух явился старцу во время молитвы и сказал ему: «ты делаешь свое, а я – свое. Одного ученика я поразил двумя стрелами, а другому шепчу на ухо». Старец немедленно призвал учеников и, найдя в них действительно греховные мысли, исправил их и еще более усиленно стал молиться. Поборов все искушения, Феофан был удостоен и дара прозрения в будущее.

Однажды, при архимандрите Паисии, произошло нестроение в обители. Некоторые из братьев обратились к о. Феофану с вопросом: «скоро ли это прекратится?» – «Вскоре, по молитвам преподобных, это произойдет, и обитель еще более прославится. В обители будут два настоятеля, подобные Зосиме и Савватию, которые в смирении духа и в простоте сердца управят ею, – тогда многие преуспеют в добродетели». Слова его скоро оправдались.

Господь утешал подвижника и благодатными посещениями. Ему явилась раз во сне жена, сияющая благолепием, с двумя светозарными мужами и ободряла не бояться бесовских искушений. Правда, пред самой смертью на него напали злые люди и жестоко его избили, опалили все тело огнем и вырвали волосы на голове и бороде. Но это было уже последним испытанием. Однажды неземной свет озарил келлию, и старцу явился иеросхимонах Иисус Голгофский. «Радуйся, брат, скоро наступит твой конец», сказал блаженный, и видение прекратилось. В другой раз ему явились еще двое бывших известными подвижников, несколько лет уже умерших и утешили его надеждою на спасение.

Старец еще прожил до лета, тогда у него открылась горячка, и он мирно скончался 26 июля 1819 года. Гробница подвижника находится под полом церкви преп. Германа у местного образа Пресв. Богородицы³⁵.

Схимонах Пантелеймон, основатель Костычевской Смоленской общины

(Память 27 июля).

3-го января 1884 года на 74 году от рождения в селе Костычах, Сызранского уезда, скончался основатель Костычевской Смоленской женской общины старец Петр Савельевич Прохоров, дивный подвижник, более 40 лет трудившийся в уединении, посте и молитве, при пострижении в схиму названный Пантелеймоном.

Он был сын крестьянина Симбирской губернии, Сызранского уезда, села Старых Костычей, Савелия Антонова Прохорова и родился в 1811 году. С самого раннего детства мальчик обнаруживал любовь к посещению храма Божия и изучению, со слов матери и других лиц, молитв, какие они знали; любил слушать, когда читали священные книги, в особенности, жития святых, в особенности же, Иоанна Лествичника, и до самой глубокой старости заставлял по несколько раз перечитывать лучшие места из жизни сего святого и его Лествицы. Сам же он читать не умел.

Отец его Савелий, как только минуло юноше 17 ½ лет, женил его, не спрашивая на то согласия сына и против его желания, что впоследствии причинило ему немало горя. Юноша покорно подчинился воле отца и противоречить ему не посмел. Это было в 1829 году. И с этого времени, как при жизни отца, так и по смерти его, он был хорошим семьянином, примерным работником и пахарем. Дом его считался одним из исправнейших и состоятельных крестьянских домов до 1840 года, т.е. до начала его подвижнической жизни; но и до этого времени, несмотря на семью и большое хозяйство, был настоящим подвижником.

После десятилетней супружеской жизни Петр Савельич совсем переменял свой образ жизни и отправился в путешествие по св. местам.

В своем первом путешествии к святым местам он пробыл недолго. Вероятно, в это самое время, по ознакомлении с

подвигами русских иноков Киево-Печерской лавры, у него созрела мысль оставить жену и детей, и уйти трудиться до конца дней своих на Афонскую гору, куда влекла его слава подвижнической жизни иноков этой горы. По возвращении домой, он наскоро поправил свои семейные дела и начал готовиться ко второму дальнейшему путешествию. Деревенский кузнец приготовил ему нечто похожее на вериги, весьма грубой работы, и железную палку на дорогу. Приготовив все это, он сказал жене: «вот этот посох я припас себе на дорогу, отпусти меня на Афон молиться Богу: дома я уже не работник. И прежде Анну Прохоровну с трудом убедили отпустить мужа ненадолго в Киев, а теперь, увидев намерение мужа покинуть ее с детьми окончательно, она решительно воспротивилась: ударилась об пол, отчаянно плакала, рвала на себе волосы и через несколько времени, когда в состоянии была говорить, начала его отговаривать оставить это намерение. Петр Савельич в ответ ей подал железную палку и сказал: «попробуй переломить ее. Не можешь?! Ну, и меня не старайся отговаривать». Тогда она вновь спросила его: «а на кого ты дом-то покинешь?» – «О доме тебе нечего беспокоиться; хорошо, если успеешь в нем наутро позавтракать» (только на другой день после ухода мужа она поняла смысл его слов: в этот день случился в селе пожар, и дом их сгорел). «А с детьми-то как быть»? – «Бог милостив, Он найдет им всем место» (через неделю двое детей умерли). И затем, простившись со всеми родственниками, отправился в путь. В первый день он дошел до г. Сызрани и здесь остановился на ночлег. Здесь же выпросил себе на дорогу икону Смоленской Божией Матери у Сызранской купчихи Сопляковой.

Дворянка Мария Троицкая со слов старца так пишет об этом: «Соплякова была раскольница, и я (Прохоров) часто ездил к ней, когда еще мужиком был. Стал собираться на Афон и пошел к ней проститься; у нее была моленная. Я и говорю ей: «дай мне икону на дорогу!» Она повела меня в моленную, я и выбрал эту икону (Смоленской Божией Матери). А она и говорит: «ни за что не отдам эту икону, она у меня старинная, чудотворная». «Ну, говорю, а другой-то мне и не надо!» И пошел из моленной. Там позади слышался стук. Оглянулись, а это

икона упала на пол. Она ее подняла и поставила на прежнее место. Тогда, прощаясь с ней, сказал: «ну, завтра я зайду, завтра Сам Господь укажет, что делать». Ночью эта икона опять упала, а на утро упала в третий раз. Купчиха заплакала и отдала мне икону. Я с ней никогда не расставался и везде носил ее с собою. Во имя этой иконы и церковь построил».

Эта икона (древнего письма) находится теперь в иконостасе Смоленского храма, богато украшена бисером, жемчугом и тремя алмазными звездами на челе и оплечьях, и всегда почиталась чудотворной. Во время путешествий по святым местам икона хранилась у Петра Савельича в ранце на спине. По приходе на место, или начиная новый путь, он вынимал ее из ранца, ставил пред собою и молитвою пред иконой Смоленской Божией Матери всегда начинал и оканчивал всякое дело. Прощаясь с Сопляковой, он просил ее позаботиться о его жене в случае ее болезни и отправился в путь. Между тем, из Костычей в Сызрань приехал гонец, нагнал Прохорова и сообщил ему, что дом и все имущество его сгорели, дети спасены, но жена, спасая их, страшно обгорела, находится при смерти, и, что начальство распорядилось отправить ее в Сызранскую больницу. Прохоров не воротился, как того хотели его жена с родственниками, а сказал только: «да будет во всем воля Господня», и отправился дальше. Соплякова, узнавши, что Прохорова привезена в городскую больницу и что с ней случилось несчастье, сама ухаживала за больной и по выздоровлении оказала ей денежное пособие. Родственники и все крестьяне села Костычей, сочувствуя несчастной обожженной Прохоровой, все единогласно осуждали ее мужа, называли его ханжей и безумным святошей, и говорили: «Да умолит ли там (на Афоне), Господа?! – Пожалуй, что нагрешит только больше: ведь оставил жену-то и детей без всякого призора».

Слава подвижнической жизни иноков горы Афонской, где в то время в монастыре святого великомученика Пантелеимона подвизались многие русские иноки, давно влекла его туда.

Но нескоро подвижнику удалось прибыть на Афон. Вследствие политических замешательств, отпуски в Турцию для

русских путешественников разрешаемы не были, и потому Петр Савельич около трех лет прожил в Одессе, на Афонском подворье, собирая подаяния на монастырь св. великомученика Пантелеймона. Притом, он проявил сильную энергию, как по сбору подаяний, так и по усердию в молитве, посте и нестяжательности. Заведующий Одесским подворьем после трехлетнего испытания постриг его в рясофор, с наречением ему имени Пахомия.

По прибытии на Афон, рясофорный послушник Пахомий начал вести (в монастыре св. великомученика Пантелеймона) самую строгую иноческую жизнь; раньше всех вставал к полунощнице, раньше всех приходил в храм и позже всех уходил из него; мало вкушал пищи за общей трапезой, но зато гораздо больше и внимательнее слушал чтение житий святых за трапезой, и по окончании обеда, не обращая ни на кого внимания, молча уходил на свое послушание.

Не обращавший никогда внимания на посторонних послушников, Пахомий все-таки один раз заметил, что некоторые благообразные старцы накануне праздников откуда-то приходят с кувшинами и сумками, и по окончании службы на другой день опять куда-то уходят до следующих праздников. Это его заинтересовало, и он просил объяснить, что это значит. Старец, у которого Пахомий находился в послушании, объяснил, что это пустынники-отшельники.

С тех пор у вновь прибывшего послушника явилось непреодолимое желание посмотреть на подвиги отшельников и самому начать такие же подвиги. И вот, дождавшись свободного времени от своего обычного послушания, он отправился посмотреть на труды отшельников и был поражен разнообразием жизни многих из них. Необыкновенные подвиги отшельников возбудили в ревностном послушнике жгучую любовь к соревнованию; впоследствии все эти упражнения их он испытал на себе, во многом даже впоследствии превосходил Афонских тружеников.

Немедленно по возвращении в монастырь, он просил настоятеля, чтобы тот благословил его на отшельнические подвиги, но просьба его была отклонена на том основании, что

он еще молод и для жизни подвижнической не подготовлен. Только после 8-летнего пребывания на Афоне ему позволили присоединиться к отшельникам.

Афонские старцы, однажды, по возвращении послушника из скита, уразумев его жизнь и провидя в нем доброго подвижника Христова, постригли его в мантию, с наречением ему имени Пантелеймона, в честь св. великомученика – покровителя обители. А затем старцы указали ему, что местом подвигов его должна быть родина его, Россия, и присовокупили: «гряди, чадо Божие, в Россию, и обращай там раскольников. Здесь таких, как ты, много, а там нет! место, где ты оснуешься, будет тебе и многим во спасение. Там ты построишь новую иноческую обитель и в ней окончишь дни свои».

С неохотой Афонский постриженник возвращался домой. По возвращении на родину, ему предстояло перенести целый ряд тяжелых испытаний. Дом его, как уже выше было сказано, сгорел, имущество тоже, скот продан. Жена, увидя на нем монашеское одеяние и длинные волосы, подняла вой и ужаснейший плач на весь околоток, как о покойнике. Явились любопытные и родственники, которые начали упрекать его и говорили: «что это ты сделал, на кого ты покидаешь жену и детей (кроме умерших двоих мальчиков у него было в живых еще три дочери) и кто их будет поить, кормить?» Подвижник отвечал: «всяк, иже оставит дом, или братию, или сестры, или чада, или села, имени Моего ради, сторицею примет и живот вечный наследит» (Мф.19:29). Этот ответ возбудил в родственниках только смех. Тут же явились и те поселяне, которым жена его отчасти задолжала: они нагло требовали уплаты. Монах мужественно перенес все эти неприятности: за долги он отдал на несколько лет землю (свой душевой надел), а жену на некоторое время успел успокоить тем, что скоро начнет строить новый дом. И действительно, вооружившись топором, киркой и лопатой, без посторонней помощи он вдали от села, на своем отцовском наделе, близ сельского кладбища, сам поставил келлийку, наполовину врытую в землю и до того маленькую, что в ней помещалась одна маленькая печка, сложенная им же, поставить кровать в ней было нельзя, лечь

человеку во всю длину тела тоже невозможно. Келлия эта прежде служила сторожевой будкой на барже, была для какой-то потребности изверчена буравами, вся в дырах, которые Прохоров забил деревянными гвоздями. В этой-то келлии он и поселился, с целью затвориться там для молитвы и возобновления прерванных афонских упражнений. Но это пока сделать ему не удалось. Жена, как только узнала, что он затворился и к себе никого не пускает, пришла к келлии, начала шуметь, стучать и кричать в единственное маленькое оконце, чтобы муж ее вышел, но не получила никакого ответа. Это молчание страшно взорвало женщину, и она решилась во что бы то ни стало поставить на своем и вызвать мужа. С раннего утра она являлась к землянке, всовывала голову в оконце и начинала выть; стояла она так и выла по несколько часов подряд; продолжала выть на другой и на третий день. На это состязание начали приходить любопытные. Начались шутки, остроты; шум и стук усиливался. Наконец, Прохоров вынужден был выйти к жене... Каково было объяснение между мужем и женой, с точностью передать трудно, но оно окончилось тем, что Прохоров успел убедить свою жену в том, чтобы она искала себе утешения и помощи в путешествии по святым местам, в особенности же, в Киеве у преподобных Антония и Феодосия Печерских, и предложил проводить ее туда. Впоследствии к ним присоединилась священническая жена с дочерью Евдокия Сокольская. Долго убеждал он, чтобы они прожили в Лавре не менее шести недель и не выходили бы отсюда, ничему полезному не научившись. Пожелав душевной пользы и душевного спасения, он расстался с ними и отправился в Иерусалим ко гробу Господню.

Побывав в Назарете, а из Назарета отправился в Сирию, где внимательно осматривал места жизни и действий великих пророков Илии и Елисея. Оттуда прибыл опять в Иерусалим ко гробу Господню. Узнавши, что возможно на всю ночь остаться в храме Воскресения над пещерой гроба Господня, подвижник с радостью и душевным восторгом, стоя босыми ногами на плитах храма, провел в молитве сто двадцать ночей. На ночь двери храма всегда аккуратно запирались вместе с

молящимися, но в это время богомольцев, кроме русского монаха, почти не было; потому что после Страстной седмицы все они расходятся, и в Иерусалиме остаются только одни монашествующие. Прохоров в простоте сердца думал, что о его тайных подвигах никто не знает; но оказалось, что о нем знали все представители Иерусалимской иерархии то, чего он и не предполагал. По всей вероятности, привратник, зорко следивший за ночными богомольцами, доносил в управление патриархией о необыкновенном молитвеннике, о носимой им в ранце иконе и о веригах. Однажды, в праздник пред совершением литургии патриарх Петр провел подвижника в алтарь, велел ему вынуть икону (Смоленской Божией Матери), поставить ее близ горнего места и, когда окончилась служба, сказал русскому монаху «эта икона прославится и воссияет на твоей родине и труды твои приняты пред престолом Господним». Русский паломник с недоумением посмотрел на патриарха и немало дивился тому, как могли узнать о его иконе, которую он вынимал только по ночам. А митрополит Мелетий дал ему отрезок цепи, которая протягивалась около гроба Господня в предупреждение тесноты на Страстной седмице, и велел носить этот отрезок вместе с веригами.

Из Иерусалима Прохоров отправился в Иерихон, а оттуда на Иордан, где в монастыре святого Иоанна Предтечи он прожил некоторое время и приобрел там икону, писанную на круглом камне, с изображением с двух сторон главы Иоанна Предтечи. Отсюда прибыл в обитель святого Саввы. В этой обители Прохоров жил довольно долго, упражняясь в молитве и разделяя труды монахов этой пустынной обители. Отсюда за караваном любознательный путешественник вступил в пустыню Аравийскую, намереваясь побывать на Синае. Не доходя несколько станций до Синая – на караван напали бедуины и начали грабить. Петр Савельич вынул из ранца икону, отошел немного в сторону и начал усердно молиться Божией Матери, Заступнице всех христиан. И вот чудо: бедуины, ограбив караван и всех проводников, его не тронули, и все вещи, какие он вез с востока на родину, остались целы, что он всегда приписывал заступлению Божией Матери. С ним была часть

древа Животворящего Креста Господня, много частиц святых мощей, взятых в обители святого Саввы и преподобного Георгия. Часть Животворящего Креста Господня куплена им еще во время пребывания его в Иерусалиме и находится теперь в Вознесенском приходском храме села Костычей. Части же святых мощей в настоящее время находятся в Смоленском храме Костычевской общины и вставлены в различные иконы. Во все время своего пребывания на Синае (около 5 недель) Прохоров мало жил в общежительных монастырях, а уходил больше в горы, где наблюдал жизнь тамошних отшельников. В Египте (Александрии) Прохоров пробыл недолго, потому что не нашел для своего пытливого подвижнического духа удовлетворения, и оттуда направился в Россию. Мимоездом побывал он опять на св. горе Афонской, где вторично получил новое подтверждение старцев подвизаться на родине и обращать там раскольников. Побывав на обратном пути в Киеве и в Москве, и поклонившись мощам святых чудотворцев Печерских и святителей Московских, он захотел осмотреть и Соловецкие острова. Здесь, оставаясь для подробного изучения жизни Соловецких и Анзерских монахов, путник не заметил, как последний пароход ушел к устью Двины, и он принужден был остаться на островах зимовать. В сущности, Прохоров рад был этой невольной остановке. Здесь ему нравилось. Монахи сами везде работали. Во всех этих работах Петр Савельич всегда принимал участие, и когда настала суровая, полярная зима, он поселился в Анзерском скиту, где ему больше всего нравилась продолжительная служба и подвижническая жизнь иноков, похожая на Афонскую. Только на третий год путешественник прибыл на родину, и монах Пантелеймон начал спокойно, ни для кого незаметно, продолжать свои аскетические труды. Жена его уже больше не беспокоила; побывав в Киеве и других святых местах, она, видимо, успокоилась. Второе продолжительное путешествие ко святым местам, в которых Прохоров видел для себя много дивных примеров подвижничества, возвысило и успокоило его дух, а частые упражнения и пребывание в продолжительной молитве и посте подготовили его к дальнейшим подвигам, укрепили его волю, и

в глубине его, под покровом глубокого смирения, созревал внутренний его человек.

По возвращении на родину, он наложил на себя новые подвиги, новые тяжкие труды. Его не удовлетворял уже для других сам по себе тяжкий труд иноческой жизни: молитвы, пост, нестяжательность. В нем раскрывается жажда все более и более высших подвигов. И вот, в безмолвном уединении, вдали от села, близ кладбища, в убогой келлии проводит он жизнь строго отшельническую: надевает на себя железные тяжелые вериги, становится на подвиг, подобный столпническому: встает на гранитный камень, налагает на себя обет молчания и заключается в затворе. Кроме вериг подвижник навесил на себя два железных креста, весом один в 5 фунтов, а другой в 3 фунта и железный обруч-наголовник. Всего весу в веригах, крестах и обруче 35 фунтов. В таком одеянии он, обыкновенно, трудился в периоды затвора от 1-го октября до 25 марта. В это время он никого не принимал и никому не отвечал; исключение делал только для своего духовника, который около 25 декабря приходил к нему, чтобы исповедовать и причастить его Святых Таин. В келлию его приносили пресный хлеб и кувшин воды. В первое время по его просьбе пресные хлебы готовила ему священническая жена Е. Сокольская, а потом, по ее примеру, стали приносить и другие, и тайно клали через маленькое оконце в сени на полку.

Двадцать лет почти безвыходно труженик подвизался в своей убогой келлии, выходящим из нее видали его только перед праздником Благовещения, в приходский храм для исповеди и причастия Святых Таин. Гранитный камень, на который он, обыкновенно, становился на молитву, от продолжительного стояния и частых коленопреклонений сделался черным и как бы отполированным. На этом камне всю ночь до самого утра, не засыпая, стоял он на молитве и клал земные поклоны. Во все время своих дивных подвигов с 1840 по 1880 г. постели он не имел. Никто не видал, чтобы он когда-нибудь ложился спать, но часто видели его около полуночи, как он дремал, стоя, прислонившись спиной к печке и опершись на костыль.

Только, когда уже достиг он глубокой старости, телесные (1880–84 г.) немощи заставляли его ложиться на голые доски. В головах, вместо подушки, лежал камень, покрытый кожаным ранцем, с которым, обыкновенно, ходил по святым местам. На день доски кровати иногда покрывались воловьей кожей. Пищу вкушал не каждый день; среду и пяток проводил без пищи, а в остальные дни ел пресный хлеб, а воду пил из колодца (неподалеку от его келлии в его же наделе, вода дурного качества). Чай он считал такой роскошью, которая непозволительна не только монахам, но и мирянам; впоследствии, когда у него начала устраиваться община, и некоторые лица позволяли себе пить чай, он так усердно преследовал их, что они прятали свои самовары, и никогда ничто не могло привести его в негодование, как только чаепитие, которое он считал для здоровья вредным, а для души великим грехом.

В первое время, когда он затворялся в келлии и становился на камень для молитвы, немало было для него различных искушений. По ночам около келлии раздавались шум, грохот, гром и выстрелы. Однажды ему казалось, что келлия его была объята пламенем, в другой раз крышу келлии снесло бурей, во внутренность ее потекла вода, а один раз явились солдаты и по повелению будто бы начальства, приказывая ему выйти из келлии, и начали быстро разбрасывать крышу и стены, и уже наполовину разбросали. Когда стены келлии были наполовину разбросаны, подул ветер. Волосы на голове у старца начали шевелиться. Наконец, раздается грозный голос: «вот он! Ребята, берите его»! Старец испугался и упал без чувств. Когда он очнулся, первым движением его было схватиться за шнурок, который был проведен к колокольчику из его келлии в отстроенное одним благодетелем помещение жены его. Она тотчас же пришла и спросила, что ему нужно. Старец через окно сказал ей, чтобы она позвала матушку Сокольскую с дочерью: там она знает зачем (15-летняя Ольга Сокольская была у него чтицей). Сокольская наскоро собралась, разбудила дочь и велела ей захватить с собою акафистник. По приходе, они увидели подвижника бледным и измученным. Он велел Ольге

читать акафист Божией Матери и потом святителю Митрофану, и во все время до утра со слезами молился; а утром отпустил их домой и на прощание рассказал о происшествии этой ночи и о своей слабости.

Вот, только нашелся один случай, о котором передают, что во время затвора труженик нарушил свой обычный порядок и принял посторонних посетителей. Слава о его затворничестве и подвигах далеко распространилась за пределами села Костычей. Со всех сторон начали приходить к нему люди, ищущие утешения в душевных скорбях и исцеления немощей телесных. Тогда подвижник после двадцатилетних трудов уединения, созревши в духовной жизни, по особенному внушению свыше открыл двери келлии. С удивительным детским незлобием, простотою и кротостью он принимал к себе всех и каждого. Многие священники, а также и другие образованные люди, видевшие его и беседовавшие с ним, говорили: «в нем воистину обитает благодать Божия». Множество болящих, одержимых падучей болезнью, бесноватых, в продолжение 20-ти лет второй половины его труженической деятельности получало от него исцеления.

Болящих различными недугами он помазывал маслом из лампады от Смоленской иконы Божией Матери или давал пить святой воды, и они получали исцеление. Бесноватым, прикованным иногда на цепи или связанным, после молебного пения Божией Матери с водоосвящением, старец давал пить святой воды и ложку деревянного масла из лампады, и бесноватые переставали биться и кричать, и возвращались в дом здоровыми.

С 1861 по 1870 год во внутренней жизни русского народа прошло много весьма существенных реформ, значительно изменивших строй прежнего государственного быта крестьян и других сословий. В это печальное время либерализма и шатания умов явились два столпа, поборника православия, которые (один словом назидания и увещания, а другой благочестивой жизнью и делами чудесных исцелений страждущих различными недугами) поколебали уверенность крестьян в истине раскола и обратили многих из них к

православной Церкви. Это были архимандрит Павел, прежде бывший Сызранский купец, раскольник, из представителя австрийской лжеиерархии сделавшийся поборником православия, и Костычевский затворник Петр Савельич Прохоров. Первый из них, как бывший сам последователь раскола, хорошо знавший заблуждения его, вооружался и боролся против отступников словом увещания устно и печатно. В некоторых селениях, как Шереметево, Канадеи, раскольники обращались целыми массами, но были и такие, которые ему не доверяли и укоряли его в измене своих убеждений; эти являлись в Костычи к затворнику Петру Савельичу проверить свои сомнения. Здесь, видя его добрую жизнь и чудесные исцеления страждущих, они тотчас же обращались, оставляли свои заблуждения. Первыми явились к нему крестьяне села Канадей, многие из них привезли сюда своих больных, и все они получили исцеления. По возвращении на родину, они распространяли о затворнике добрую славу и говорили, что в православной Церкви благодать Божия еще никогда не оскудевала и не оскудеет, чему они были свидетелями сами. По примеру Канадейских крестьян начали приезжать и другие. Таким образом, этими двумя лицами нанесено раскольникам сильное поражение: все сколько-нибудь искренно верующие и ищущие душевного спасения обратились в православие, в расколе остались только вожаки, которые из-за корыстных видов не хотели обратиться, но они теперь потеряли всякое влияние на народ. У Марии Троицкой записано, что старец Петр Савельич, рассказывая ей о том, что его из Афона послали обращать раскольников, сказал, что он обратил их более 2000 душ.

Движимые чувством благоговения и душевной благодарности к старцу, многие лица стали жертвовать ему свечи, масло, иконы, драгоценности и деньги. Деньги он посылал по почте Афонским старцам, а драгоценности, сукно, холст и проч. неоднократно посылал с своим приятелем Мартыновым в Иерусалим, в обитель святого Саввы и другие места Палестины. Около 1866 года, несмотря на щедрые пожертвования и посылки на Восток, материальных средств в

его келлии накопилось довольно, так что он недоумевал, на что их употребить. В это время он вспомнил предсказание Афонских старцев: «ты оснуешь там (на родине) новую иноческую обитель и в ней окончишь дни свои», и с тех пор у него явилась мысль устроить в Костычах монастырь. И потому, он отправился в третий раз на Афон испросить благословение старцев на устройство обители. Они одобрили его намерение, воодушевили на новый подвиг и благословили его заняться устройством монастыря. Подкрепленный, таким образом, благодатным сновидением и пострижением в схиму, подвижник Пантелеймон энергично стал хлопотать об устройстве общины, и ничто уже не могло остановить его: ни препятствия, ни обиды, ни обманы, – он твердо шел к раз намеченной цели. Многие удивлялись, как это неграмотный крестьянин без всяких средств мог задумать такое трудное дело и успел окончить. М. Троицкая пишет, что «он 7 раз ездил в Петербург и один раз был представлен Государю Императору обер-церемониймейстером двора Его Величества Н. Ф. Дурасовым».

На обратном пути из Иерусалима он заехал в Саровскую пустынь. Там и прежде не один раз он бывал в монастырях и келлии преподобного Серафима, у которого он заимствовал стояние на камне и многие другие подвиги. Но теперь он поехал туда с целью подробно осмотреть вновь мужской монастырь и устроенную преподобным Серафимом Дивеевскую женскую общину, чтобы избрать который-нибудь из Саровских монастырей образцом для своего будущего монастыря. Устройство Дивеевской женской общины ему понравилось. В особенности же, ему понравилось воодушевление и усердие монахинь, которые весьма старательно занимались всякими работами и, в то же время, не оставляли молитвы. Костычевский труженик и задумал по образцу Дивеевской женской общины устроить у себя на родине такую же общину.

Но возвращении на родину, старец начал хлопотать прежде всего об устройстве у себя храма. Но тут-то и начались для него новые тяжкие испытания. Наконец, кто-то посоветовал ему подать прошение о разрешении устроить церковь, под именем Кладбищенской, на его наделе, который был рядом с

кладбищем. Просьба эта вскоре увенчалась успехом. Кладбищенскую церковь тотчас же разрешили устроить, а через год (1869 г.) деревянная церковь была готова и освящена. По воскресным и праздничным дням во вновь устроенной Кладбищенской церкви Смоленской Божией Матери началась служба. Начались новые пожертвования; церковь украсилась хорошими иконами, обогатилась ризницей и книгами. Это обстоятельство вновь воодушевило схимника, и он начал опять просить крестьян, чтоб выделили ему надел.

Когда разнесся слух, что старец устраивает женскую общину, то многие девицы и вдовы пожелали поступить туда и вскоре поселились (в построенных помещениях) около храма. Способных и грамотных он приучал в храме петь и читать, других – ухаживать за садом, пчельником и огородом. И, хотя община еще не была открыта, но устав и порядок заведены были, как следует для лиц монашествующих. Между тем, к светскому и духовному начальству по чьим-то проискам посылались доносы, что будто Прохоров затевает какую-то противоправительственную и противоцерковную секту, что у него собираются люди, не имеющие никаких видов на жительство. Местная полиция, нужно сказать к ее чести, осмотрев, что у него делается, всегда отвечала, что «Прохоров человек хороший, религиозный, и собравшиеся у него, все молятся Богу».

Становой пристав М. когда-то служил в военной службе, был контужен и, по неспособности продолжать военную службу, перешел в гражданскую. Он имел на руках многочисленное и весьма бедное семейство: вдову мать и несколько малолетних братьев и сестер. В своих нуждах и горе вдова часто обращалась к старцу искать утешения и всегда получала от него душевную радость и успокоение. Пристав знал старца лично и по просьбе матери всегда делал о нем хорошие отзывы. Наконец, доносы и ответы на них надоели уездному исправнику. Он и порешил разогнать всех, собравшихся у Прохорова. Приезжает исправник в Костычи и застаёт старца в храме стоящим коленопреклоненным на камне и его паству на молитве. Это озадачило начальника: гнев его мгновенно стих.

Однако через несколько секунд, собираясь с духом и спрашивает схимника строго: «что ты тут, старик, делаешь?» Старец встал на ноги, кротко посмотрел на того и, вместо ответа, сказал исправнику: «а ты помолись сначала Богородице-то, да приложись вот тут. Она, Царица-то Небесная, милостива ко всем нам (при этом подвел его к иконе). Эта икона у меня с Афона со святыми мощами («Достойно есть» и в ней вложены части святых мощей)». Исправник послушался, приложился к иконе, обвел быстрым взглядом всех молившихся и сказал труженику: «ну, старик, как живешь, так и живи», и тотчас же уехал. С тех пор доносы на Прохорова светскому начальству прекратились. Но дело открытия монастыря нисколько не подвигалось. Только через 15 лет со дня устройства храма схимнику удалось получить новый приговор на выделение надела 2 десят. под устройство общины на месте его подвигов, близ сельского кладбища, и 6 десятин пахотной земли за селом. Около этого времени для содержания будущей обители Прохоров купил 200 дес. земли в Николаевском уезде, Самарской губ. Кроме того, соседняя помещица г-жа Агеева пожертвовала 50 десятин в той же местности. Таким образом, будущая обитель относительно содержания была вполне обеспечена. Но и теперь препятствия не прекращались: 250 десятин находились за рекой Волгой в Самарской губ. и в 60 верстах от места устройства общины. Эта удаленность земли послужила препятствием к открытию обители, и схимник на свою просьбу получил отказ. Но он не упал духом и поехал в С.-Петербург ходатайствовать об открытии общины пред Святейшим Синодом, но там, за неимением надлежащих документов и удостоверения от местного начальства, было отказано. Тогда он обратился с слезной просьбой к обер-церемониймейстеру Высочайшего Двора г. Д. Вельможа знал старца лично более 20 лет, нередко беседовал с ним и находил утешение в этой беседе. Здесь же в доме этого вельможи старец познакомился с архимандритом Игнатием. Эти лица вступились за него и ходатайствовали пред духовным начальством. В это самое время была окончена постройка железнодорожного моста через Волгу, и ему последовала

радостная резолюция на его просьбу: «В виду проведения железной дороги из Симбирской в Самарскую и соединения обоих берегов Волги железнодорожным мостом, удаленность 250 дес. земли от места жительства Прохорова не считать препятствием к открытию общины в с. Костычах, Сызранского уезда». Первое известие об открытии общины старцу прочитали из газет 15 декабря 1883 года за несколько дней до его кончины.

Продолжительные препятствия, несправедливость, ложные доносы, обманы, – все это схимник переносил с христианским терпением и с удивительным детским незлобием, никогда никого не винил в своих неудачах, ко всем был приветлив и с любовью принимал всех, ищущих у него утешения. Самые грубые и ожесточенные раскольники в бытность их у старца чувствовали здесь особенное присутствие благодати Божией и уходили от него умиленные и смягченные сердцем, и по возвращении домой обращались в православие.

Получив первое известие об открытии общины, он воскликнул: *«ну, теперь, слава и благодарение Господу, я могу уйти на покой в затвор и совсем удалиться от вас»*. Через несколько дней он почувствовал приближение смерти и еще за две недели до своей кончины начал говорить всем: *«я скоро уйду от вас»*. За две недели он обошел все келлии общины, учил всех монашествующих, как нужно вести иноческую жизнь, как нужно заботиться о нравственном преуспевании и искоренять в себе дурные наклонности, привычки и страсти, и принимал посетителей. При этом, он многим предсказывал будущее. Например, Самарская мещанская вдова Анна Е. Поляева рассказывала о последней своей беседе с старцем следующее: *«за несколько месяцев до кончины старца я была у него в келлии. Он просил меня с дочерью побывать у него еще раз, «потому что на зиму, – говорил он: – я уйду на покой»*. Я спросила его: *«а монастырь-то, кто будет достраивать?»* Он отвечал, *«А Царица-то Небесная! Церковь у нас будет большая, каменная»*. При этом, он показал мне план храма и говорил, что храм будет двухэтажный, каменный, что после его ухода на покой, *«пять лет будет страшный мятеж в общине»*.

Екатерина Георгиевская также передает, что незадолго до кончины старца она неоднократно слышала от него, что после его смерти будет такая война в общине, что все разойдутся, а как монастырь окончательно устроится, все опять соберутся.

Это предсказание сбылось в точности. Через несколько месяцев после смерти старца в общине начались внутренние неурядицы, жалобы, волнения, и члены ее понемногу почти все разошлись, так что через четыре года из 35 сестер в общине осталась только настоятельница и одна послушница, девочка-сирота.

1-го января 1884 года около 11 часов дня старец позвонил в колокольчик, что он всегда делал, когда нужно было кого-нибудь позвать, пришедшая на его звонок дежурная, нашла его лежащим на полу. Несколько минут пред тем он, вероятно, хотел у себя в келлии затопить печку, otvorил ее, вынул крышку из трубы и припас дров, но тут, почувствовав себя дурно, успел дернуть за шнурок и упал. Собравшиеся сестры общины подняли его и положили на кровать. Руки и ноги у него не владели уже, и языком владел плохо, так что с трудом можно было разобрать, что он говорил. К 6 часам вечера ему стало лучше. Он, лежа на постели, начал творить крестное знамение и послал за священниками. Один исповедал его и причастил Святых Таин, а потом два совершили над ним таинство Елеосвящения. Несмотря на сильное телесное изнеможение, он с искренней верой и чувством благоговения приступал к таинству покаяния и Причащения, и с упованием и слезами выслушивал молитвы в таинстве Елеосвящения, мысленно поручая себя и свою обитель заступлению и покровительству Царицы Небесной.

С этого времени с одра болезни он уже более не вставал. На другой день, 2 января, почитатели его приходили к нему просить благословения и последнего наставления. Подозвав к себе просфорню Георгиевскую, он знаками велел только выдавать всем приходящим, вместо благословения и наставления, маленькие иконы или крестики, которые заблаговременно привез он из Сергиевской пустыни (на 60 руб.) и розданы были все. 3-го числа он стал еще слабее, язык почти

отказался служить, только по некоторым намекам угадывали то, что он желал выразить. Вечером, за несколько минут до своей кончины, он впал как бы в забытие и закрыл глаза. Через 5 минут он очнулся, открыл глаза и сказал предстоящим ясно и громко: «отгребите снег-то от святых ворот: Новотульские едут, четыре воза пшеницы везут, нужно их встретить». Это были его последние слова. Предстоящие все подумали, что старец пред смертью говорит это уже вне ума, и большинство отказалось исполнить его просьбу, только две сестры общины пошли отгребать снег. Между тем, Новотульские (Самар. губ.) крестьяне действительно везли четыре воза пшеницы, пожертвованной ими в общину. Они уже не застали старца в живых и приехали во двор после его кончины.

Сказавши последние слова, старец начал учащенно творить на себе крестное знамение. Между тем, рука его ослабевала все более и более. Когда он в последний раз сотворил на себе крестное знамение, рука его бессильно упала на чело, и он тотчас же безмятежно почил (около 11 часов ночи 3 января 1884 г.) сном праведника. Кончина эта была покойная и безмятежная, как тихий сон, словом, истинно христианская.

Печальная весть о кончине старца быстро разнеслась по селу, была принята с искренним чувством скорби и у всех вызвала молитвы об упокоении души его. Почитатели его, при первой же вести о его кончине, со всех сторон прибывали в общину и одни за другими служили панихиды. Со дня кончины с 3 января по 8, когда совершено было погребение, не было почти ни одного часа, в который бы народ не окружал гроба столь дивного и уважаемого всеми подвижника. С утра до поздней ночи многие приезжали из Сызрани, Кузнецка, Сингиля, Ставрополя (Самарского), Самары и Николаевского уезда (Самарской губ.).

Через день после кончины труженика приехал в Костычи крестьянин Николаевского уезда, Самарской губернии, села Вязового Гая Козьма Прокофьев Казаков и рассказал, что он приехал на похороны по чудесному откровению и приглашению самого старца. «В ночь, двое суток тому назад, мне дважды повторился почти один и тот же сон, в котором одна из сестер

общины и сам старец приглашали меня к себе, и я получил бумажный билетик на дорогу. Получив бумажку, я говорил старцу, что я неграмотен и не знаю, что в ней написано, но он сказал только: «приезжай, там увидишь, что нужно делать». Я так сильно был встревожен двукратным повторением сна, что проснулся в слезах, наскоро собрался и вот, слава Богу, приехал вовремя». Нужно заметить, что Козьма Казаков когда-то раньше был облагодетельствован старцем: один раз был исцелен от страсти к пьянству одной чашкой святой воды, а в другой раз, когда упал с палатей и переломил себе ребра, то старец помазал больной бок освященным елеем из Иерусалима, и крестьянин получил тотчас же исцеление. И с тех пор питал такую преданность и такую любовь к подвижнику, что нисколько не усомнился в виденном им сне, но тотчас же, в полночь, поехал за 120 верст в Костычи и, увидав старца, лежащим во гробе, горько зарыдал.

Наступившие затем сильнейшие морозы и ужаснейшие бури, свирепствовавшие в продолжение 4 и 5 числа, а затем праздник Богоявления Господня задержали похороны его до 8-го числа. Только 7 января было приступлено к устройству могилы, а 8 совершено погребение.

Игуменья Пульхерия, настоятельница Христо-Рождественского монастыря в г. Слободском (Вятской епархии)

(Память 27 июля).

Пульхерия происходила из крестьянской семьи Сазоновых, родина ее – село Васильевское, Нолинского уезда, Вятской губернии. В 1830 году, будучи еще мирянкой, она предприняла, по обещанию, путешествие в Саровскую обитель. Дорогой она стала страдать водянкой, все тело ее опухло, пожелтело и расслабло. Болезнь была настолько тяжела, что от совершенного изнеможения Пульхерия принуждена была подолгу останавливаться в Нижнем-Новгороде и Арзамасе, и только об одном молила Господа, чтобы Он привел ее побывать в Сарове и принять последнее благословение великого старца о. Серафима, так как на выздоровление свое она не надеялась. На другой же день по прибытии в Саров, после ранней обедни, она пошла в келлию о. Серафима. «Я увидела здесь, среди множества посетителей, одного человека, горько плачущего, – рассказывала впоследствии игуменья Пульхерия, – о. Серафим за что-то сделал ему строгий выговор, и когда тот хотел что-то дать ему, старец отвечал: «теперь не приму, теперь не приму». Я так же готовилась было из усердия поднести старцу полотенце своего рукоделия, но, услышав последние слова, не решилась на это, спрятала свой подарок и отошла к двери назад всех. И что же? Мысль моя и поступок не укрылись от прозорливости отца Серафима. Раздвинув толпу посетителей, он с улыбкой подошел ко мне и молча протянул руку. Тогда я от радости и удивления, не зная, что мне делать, поспешно подала ему полотенце, и он, взявши его, трижды утерся им и сказал: «иди, радость моя, за мной». Проведя в келлию свою, он благословил меня и дал мне просфоры со св. водой и потом сказал: «завтра мы с тобой увидимся».

На другой день о. Серафим после ранней обедни ушел в свою пустыньку, где и принимал своих посетителей. Когда позднее других подошла к нему за благословением мать

Пульхерия, то Преподобный сказал ей: «ты, матушка, нездорова. Пойди умойся в ключе и напейся, и будешь здорова». – «Я уж пила, батюшка, отвечала больная, и умывалась, как пришла сюда». На это о. Серафим сказал ей: «возьми, матушка, воды-то из ключа с собой, пей и умывайся, и тело-то омой. Апостолы Христовы исцелят тебя, и будешь здорова». Так как у больной не было ничего, во что можно бы было взять воды, то Преподобный вынес ей из своей келлии небольшой кувшинчик и, подавая его, повторил свои прежние слова; то же еще раз сказал он ей и по возвращении от источника с водой.

По приходе в гостиницу больная в точности исполнила все наставления о. Серафима, отнюдь не опасаясь ухудшить свое здоровье, хотя некоторые из Саровских паломников решительно не советовали ей при ее болезни мочить тело водою. И Господь по молитвам Своего праведника совершил чудо: на другой день больная встала с постели совершенно здоровой: вся вода, находившаяся под кожей и образовавшая мнимую полноту ее, вытекла, через что и опухоль уничтожилась сама собою, желтый цвет лица уступил место естественной белизне; боль ее совершенно утихла.

Все, раньше видевшие больную, особенно же опасавшиеся за исход ее лечения водою, теперь поразились происшедшей с нею переменой, не могли узнать ее утром и изумлялись чуду, совершенному над нею о. Серафимом.

«Пред самым отправлением моим в обратный путь, передавала Пульхерия, о. Серафим прислал мне и двум моим спутницам, вместе с благословением, каждой по символическому знаку: мне – палочку с клюшкой, а другой – палочку с четырьмя отростками, а третьей – простую палочку. Мы не поняли точного значения этих символов, но последствие показало, что в подарках, в каждом из них было значение, а в о. Серафиме прозорливость. Я, недостойная, поступила в монастырь и ношу теперь жезл игуменский, другая – с двумя сыновьями и дочерью – все четверо приняли монашество, а третья, из нас, одна, тоже поступила в монастырь. Все сбылось по предсказанию старца».

Исцеленная преп. Серафимом, Пульхерия в 1831 году поступила в число послушниц Слободского монастыря (Вятской губ.) и в продолжение многих лет управляла клиросным пением.

За эту пору ее жизни в обители она, между прочим, пережила, вместе с другими сестрами, и великую радость. Преосвященный Антоний Воронежский – друг преподобного Серафима в 1833 г. прислал в обитель образ святителя и чудотворца Митрофана, писанный тем самым живописцем, которому являлся во сне сам святитель для показания своего вида. И эта дорогая святыня была встречена всей обителью с благоговейной радостью. Мать Пульхерия в монашество была пострижена в 1840 году, и в 1849 году была назначена управительницей монастыря, а 20 июля 1850 года возведена преосвященным Неофитом и в сан игумении.

В сане настоятельницы матушка Пульхерия трудилась с 1849 г. по 1873 год, когда в декабре, по расстроенному здоровью, согласно ее усиленной просьбе была уволена на покой. В ее настоятельство было много сделано доброго для обители. Так, были куплены у частных владельцев три каменных дома, смежные с монастырем, из них два – двухэтажные. Построены внутри монастырской ограды четыре двухэтажных деревянных корпуса и такой же за монастырской оградой для священнослужителей. Много труда и огорчений при этом пришлось перенести ей, но и Господь не оставлял труженицу без Своего дивного содействия.

Один из таких домов, где потом была устроена больница, никак не удавалось купить, как ни старалась об этом игумения Пульхерия. Владелица дома была староверка и ни за что не хотела уступить свое место монастырю. Игумения глубоко чтит преподобного Серафима Саровского, имела большую к нему веру и после смерти старца свято хранила память о нем. У нее был большой портрет подвижника, написанный в Дивееве, где он изображен во весь рост. Часто, хотя старец и не был тогда причислен к лику святых, игумения молитвенно обращалась к нему, перед его портретом изливала свою душу и просила угодника Божия устроить для обители приобретение этого дома. И что же? Старец внял ее молитвам: он неоднократно являлся

в сонном видении домовладелице Шептаевой, строго приказывая ей пожертвовать свой дом монастырю, а самой принять православие, что она, наконец, и исполнила. В настоящее время этот портрет преподобного Серафима находится в церкви, и, с верой к нему притекающие, получают просимое.

Забываясь о благоустройстве обители, игуменья Пульхерия особенное старание прилагала к украшению св. храмов и приобретению для обители святынь.

На северо-восточном углу монастыря была поставлена при ней каменная часовня. Многие иконы в храмах украшены ризами, заведена хорошая ризница, не говоря уже об истовости и благоговейном совершении богослужения при ней в обители.

Большая часть святых икон, особенно чтимых ныне в обители, была устроена при игумении Пульхерии. Таковы: список с Афонской иконы Божией Матери, именуемой «Скоропослушницей», посланный из Афонского Андреевского скита в 1853 году в благословение игумении Пульхерии с сестрами. Риза на иконе устроена серебряная, позлащенная, венец и корона на Божией Матери и Предвечном Младенце убраны бриллиантами, пожертвованными казанской купчихой Крупениковой в благодарность за полученное ею исцеление по молитве пред этой иконой. Ценность всех камней около 1500 рублей. Празднество иконе прежде совершалось 3-го октября, в день получения св. иконы с Афона.

В последние годы, когда в честь Божией Матери «Скоропослушницы» была устроена церковь при новой трапезе, празднование это перенесено на 9 ноября – день прославления святой иконы.

Список с другой Афонской иконы Божией Матери, именуемой «Утешение в скорбях и печалях». Это точный снимок с древней чудотворной иконы, которую в 1863 г. афонские монахи приносили во время странствования по России и в г. Слободской (из Афонского Андреевского скита), и от которой 19-го ноября здешним живописцем Владимиром Неволиным получено исцеление от немоты. Этот снимок с чудотворной иконы снят самим исцеленным. Риза на монастырской иконе та

самая, которая находилась на чудотворной иконе и пожертвована братией Андреевского скита в Слободской монастырь в память благодатных исцелений, полученных многими из притекавших с верою к св. образу Богоматери. Празднество в честь этой иконы 25 января и 19 ноября – в память чудесного исцеления Неволлина.

Список с «Иверской» иконы Божией Матери, это – также точный снимок с чудотворной иконы. На ней риза, украшенная разноцветными камнями, сооружена игуменией Пульхерией на свои средства при участии некоторых граждан. Празднество иконе совершается 12 февраля, 31 марта и на 3-й день Пасхи.

Из икон святых угодников особенно чтится икона великомученика и целителя Пантелеймона с изображением по сторонам его чудес, писанная на кипарисовой доске. Послана она в здешний монастырь в 1871 году из Афонского Русского Пантелеимоновского монастыря. Еженедельно по вторникам читается акафист в честь святого.

Кроме святых икон есть в обители и части свв. мощей, хранящиеся в ковчеге, числом пятнадцать. Но более всего замечательна в обители икона Божией Матери «Целительницы». Эту икону берут к опасно больным, и многие от нее получают исцеления.

Благоговейная игуменья с заботами о храмах и святынях соединяла и заботы о благоустройстве быта сестер.

В 1869 году ею была введена в обители община на 60 человек; в 1871 году в хорошем помещении открыта школа для бедных детей. Приведена в лучшее состояние монастырская мельница, при ней построен дом для приезда настоятельницы и отдельно – изба для крестьян-помольцев.

За все свои труды на пользу обители, в 1854 году игуменья Пульхерия была удостоена Монаршего благоволения. В 1861 году награждена Св. Синодом золотым наперсным крестом, а в 1871 году награждена таким же крестом из кабинета Его Величества.

Не было дела, в которое бы мать Пульхерия не вложила своей души; не было и сестры, которая не согревалась материнской любовью старицы. На склоне дней своих, честно

совершив свое служение, старица удалилась на покой и, будучи 80 лет, тихо почила 27 июля 1890 г., оставив по себе светлую память, как верная своему наставнику ученица Серафимова³⁶!

Сезеновская первоначальница старица Дария

(Память 28 июля).

Старица Дария родилась в селе Пикове, Раненбургского уезда, Рязанской губернии, в 1772 г. и была дочь государственного крестьянина Дмитрия Гаврилова Кутукова. Дарья, будучи молодою и живя в кругу своего семейства, с видимым удовольствием вступала во все девичьи игры и считалась первой в них руководительницей. Когда, по достижении ею возраста невесты, стали за нее свататься женихи, то она при веселом своем характере, по-видимому, не склонном к жизни одинокой, к удивлению, как своих родных, так и посторонних лиц, сначала через бабуку, потом и прямо отцу заявила, что она мысленно навсегда отказалась от замужества. Убеждения семейных не могли вынудить Дарию переменить решение, и те, видя ее непреклонность, уже не препятствовали ей оставаться в девицах, и она мирно жила в доме родных до 24-летнего возраста.

Когда ей было 24 года, ее младший брат Василий праздновал свою свадьбу. Здесь Дария веселилась вместе с другими. Не был еще окончен свадебный пир, как Дария внезапно переменила веселый свой вид на мрачный. Перевязав себе правую руку платком, а палец на той же руке тряпочкой, она сказала, что вывихнула себе руку и палец. Ей предложены были услуги сельских костоправов. Она отказалась от этих услуг, говоря, что она пойдет в село Нижне-Ломовое к своей родственнице, которая найдет ей хорошую костоправку. Так, в праздничной одежде, а было это в первых числах ноября, и отправилась в сопровождении двух снох – жен братьев Евсея и Василия, которые пошли ее проводить.

Дойдя до реки, отделяющей Пиково от Ломового, Дария, сняв с себя шубку и вынув из ушей серьги, отдала снохе, которую попросила все это сберечь до ее прихода, говоря, что она у родственницы пробудет, быть может, дня три. При этом, она просила снох передать отцу, чтобы он ее благословил, а на

что не объяснила. Простившись с ними и сев в лодку, Дария отправилась через реку в Ломовое.

Дария, переехав реку, не пошла к своей родственнице, как говорила домашним, а отправилась через г. Раненбург, Рязанской губернии, в село Каликино Лебедянского уезда, к проживавшей там в особой келейке близ церкви, Евфимии Григорьевой Поповой, с которой думала пожить некоторое время и поучиться у нее, как у опытной в духовной жизни.

Эта старица в своей келлии вела жизнь совершенно уединенную до 1808 года. В этом году переселилась в Задонск, где скончалась в глубокой старости, 110 лет, 15 января 1860 года и погребена в Задонском мужском монастыре под алтарем Вознесенской церкви, рядом с затворником Георгием.

В то время жил в Каликинском лесу, известный своею богоугодной жизнью, старец, уроженец села Зенкина, Иларион Мефодиевич Фокин Троекуровский. По совету Евфимии, к нему и обратилась Дария с просьбой разъяснить: каким путем ей достигнуть вечного спасения? Вместе с Дарией ходила к отцу Илариону и Евфимия просить так же его совета, как ей поступить: оставаться ли ей в Каликине или удалиться в другое место.

Между тем, семейные Дарии, подождав несколько дней и не зная, чему приписать такое долгое ее отсутствие, послали в Ломовое к родственнице узнать: здорова ли она и не случилось ли чего с нею? Узнав же, что Дария в Ломовом не только у родственников, но и ни у кого не была, и что никто из жителей не видел ее там, семейные пришли в недоумение и делали разные предположения. Предположили, было, что она утонула при переезде через реку в Ломовое. Но лодка, на которой она переезжала, оказалась привязанной у берега реки. Недоумевали и по поводу того, с какой целью она отдала шубку, из ушей серьги и просила снوخ испросить у отца благословение себе. Если она хотела выйти замуж тайно от семейных, то не отдала б своего лучшего наряда и даже необходимого, судя по времени года. Делали и другие предположения, но ни на одном из них не остановились. Так и оставили дело, положившись на волю Божию.

Старец Иларион, между тем, благословил Дарию идти в Меловые горы, в женскую обитель. Там в то время начальницей была старица Агафья Лукьянова, жизни высокой.

Этой старице в сонном видении было сказано, что к ней идет кроткая, незлобивая голубица, и велено ее встретить. Старица, встав от сна и считая этот сон не за призрак какой-либо, а за веление свыше, собрала сестер обители и с ними вышла в сретение голубице, предполагая встретить потрудившуюся для Бога старицу или знатную особу. Вместо старицы, однако, она встретила Дарию, девицу еще молодую, в обыкновенной крестьянской одежде.

Старица не отринула от себя пришедшей. Считая, что пришедшая и есть та самая голубица, которую велено ей принять, Агафья Лукьяновна приняла с материнской любовью ее в число сестер обители.

Дария, вступив в ограду обители, приняла на себя строгий обет молчания, так что она в обители ни с кем из сестер ничего не говорила, кроме начальницы и той только: «прости, благослови». Послушание Дарии было долго в трапезе, где она приготовляла для сестер кушанье не только без ропота, но даже с видимым удовольствием и с таким успехом, что исполняемое ею одной было бы по расчетам обременительно для трех, а чугуны из печи, к удивлению всех, она вынимала прямо руками, без ухвата.

Начальница обители, старица Агафья, видя такое глубокое смирение и безропотное послушание не жившей в обители, молодой, неграмотной, крестьянской девицы Дарии, вполне убедилась, что сон был не призрак, а веление свыше и высказала сестрам, что Дария-то и есть та кроткая и незлобивая голубица, которую они встретили по повелению во сне.

Кроме этого о жизни Дарии в обители ничего не известно. При строгом молчании и безропотном послушании она минуты досуга от своих послушаний употребляла на молитвенные воздыхания о спасении души и молила Царя царей оставить ее в обители. Но судьбы Божии неисповедимы. Господь готовил ей неведомое для нее поприще жизни деятельной, умной. Ей

нужно было пройти и разные испытания. Так как она жила в обители без всякого письменного вида, то и должна была по времени удалиться из обители по необходимости.

Семь лет жизни Дарии в этой обители приучили ее к безропотному послушанию, смирению и другим монашеским добродетелям. И не без скорби она расставалась с сестрами, где она ко всем и ко всему привыкла.

Распростившись с обителью, Дария отправилась в родительский дом, в который не рассчитывала возвращаться никогда.

Прибытие Дарии в родительский дом, считавшейся в числе мертвых, привело всех в изумление. После встречи и приветствий начались опросы, где и как жила. Слух о прибытии Дарии разнесся по селу. Родные, знакомые, подруги ее молодых лет, жившие уже семейной жизнью, наполняли попеременно дом отца Дарии. Те же приветствия, те же опросы о ее жизни. В особенности, удивлялись ее подруги, считавшие ее за веселую девицу, увидев ее переменившейся в характере и не в обыкновенной крестьянской одежде, а в черном платье.

Прожив несколько времени дома, Дария открыла отцу свое намерение поступить в монастырь и просила исходатайствовать ей увольнительное свидетельство.

Отец рассчитывал, что Дария, пожив в монастыре и испытав трудности монашеской жизни, прибыла с тем, чтобы остаться навсегда. Однако, видя усиленную просьбу и имея в виду то, что ей было уже близ 35 лет, выхлопотал ей это свидетельство.

Получив свидетельство, Дария отправилась в Тамбов к девице Агафье Ивановой, посвятившей себя уединению, у которой прожила 8 лет. Отсюда отправилась в Ростов, где в монастыре прожила год, а оттуда в Муром и здесь прожила в монастыре год; из Мурома возвратилась опять на родину.

Старец Иларион, пожив несколько в Калинине, вынужден был отсюда удалиться и поступил в монастырь.

После него, искавшие уединенной жизни вдовицы и девицы, однако, по-прежнему проживали в устроенных келлиях близ церкви совершенно отдельно от своих семейных. Дария, прибыв

из Мурома, приютилась к этим черницам. Недолго она здесь прожила – не более полутора года. Со стороны гражданского начальства последовало запрещение жить вместе, почему все келейницы и должны были оставить свои келлии и разойтись.

Дария во второй раз прибыла в родительский дом. Здесь ей было неудобно заниматься молитвой и вести жизнь уединенную. Отец, во избежание соблазнов от жизни в кругу мирян, с общего согласия выстроил своей дочери Дарии в селе Головщине, Раненбургского уезда близ церкви келлию, куда и переселилась Дария, прожив в доме отца год.

Здесь Дария занялась печением просфор в Головщину, Сезеново, Матвеевщину, Карповку, Зенкино, отцу Илариону, жившему в то время в селе Колычеве, Данковского уезда, в имении господ Меншиковых, а впоследствии, и затворнику Иоанну, по прибытии его на подвиг в Сезеново в 1817 году. Порою она хаживала для богомолья по святым местам. Прожив в Головщине около 12 лет, Дария была в Киеве пять раз.

В декабре месяце 1817 года старица Дария, отговев в Задонском монастыре, пришла в келлию иеросхимонаха Агапита, за просфорою для старца Илариона и за благословением отправиться в свою келлию. Увидев здесь юродивого Иоанна с остриженными волосами, одетого в рубище, подумала взять его с собою и поместить со старцем Иларионом под его опытным руководством с тем, чтобы, в то же время, и самой ей послужить ради Господа им обоим.

Старец Агапит, предупредив желание Дарии, приказал ей взять с собою Иоанна. Дария выпросила для него одежду, так как он не имел не только теплой одежды, но и холодная была настолько ветха, что, скорее, можно было назвать рубищем. Иоанн послушался просьбы Дарии и совета Агапита, и поехал беспрекословно.

На пути они заезжали к некоторым особам, от которых Дария слышала, что Иоанн велик по жизни своей, что место для молитвы ему предназначено по особому сновидению. По прибытии к отцу Илариону, видела прием его, угощение холодным чаем и не в келлии у себя, а в сенях, слышала от старца, что Иоанн старше его и что не Иоанн ему, а он Иоанну

должен служить, и в довершение всего князь Несвицкий, видевший чудный сон, приехав к старцу Илариону, рассказал сон, и по совету старца взял Иоанна к себе в Сезеново, где и поместил его.

Все это поселило особенное уважение Дарии к Иоанну и такое, что она в 1828 году выстроила себе в Сезенове келлию и переселилась в нее на постоянное жительство, начав прислуживать уже одному затворнику Иоанну в качестве постоянной его послушницы.

Иоанн любил добрую старицу Дарию за ее простоту и преданность и, зная по особому указанию Божию предопределение ее к высшему служению на пользу христианской веры, укреплял ее в вере и терпении, он своими мудрыми советами и наставлениями приготавливал ее к тому великому подвигу, для которого Промысл Божий привел ее в Сезеново: быть строительницей храмов и обители, быть мудрой матерью не только насельницам обители, но и для посторонних, приходивших к ней за советами. Дария, следуя советам затворника в течение 10 лет бытности ее постоянной послушницей, настолько приготовила себя, что после смерти затворника вполне исполнила его поручение: устроила, совершенно без всяких материальных средств, целую женскую обитель.

Диавол не оставил в покое подвижницу и порою наводил на старицу Дарию страх, уныние и скорбь. Раз, мела она около сеней затворника; вдруг является змея и обвилась около ноги Дарии. Дарья, испугавшись, закричала и тут же слышит скорые шаги затворника; при выходе его из келлии змея скрылась неизвестно куда.

Другой раз старица Дария в раздумье стояла у ворот жилища затворника. К ней подошла неизвестная женщина и в самых оскорбительных для слуха честной женщины словах стала осыпать ее упреками за то, что она служит затворнику. Сильно огорченная, она ушла в свою келлию и горько плакала от скорби. Вдруг, совершенно неожиданно, потому что все три двери ее келлии были заперты, пред нею явился Иоанн и начал свою беседу, по обычаю, иносказательно: «Дария, я бы не

пошел к тебе, да слышишь ли, как бесы грохочут в овраге?» Продолжая беседу о блаженствах по Евангельскому обетованию, он разъяснил, что, когда поносят, должно не только благодарить Господа, но и молиться за обижающих. И Бог за оскорбление, – говорил затворник, – если оно будет перенесено безропотно, обещает великую награду на небесах: преимущественную и высокую степень блаженства; за молитву же за оскорбителей – помилование от вечного, за грехи, осуждения на суде Божиим. Также приучал затворник Иоанн свою послушницу Дарию к безропотному послушанию словами и опытами.

14 декабря 1839 года затворник Иоанн скончался, оставив строение начатого им о 7 престолах храма на попечение послушницы своей Дарии, которой онверял все свои планы и намерения. Она, оплавав смерть своего наставника, без всяких средств, сильная лишь верою и упованием на Божественную помощь и на молитвы усопшего своего наставника, с несколькими избранными сестрами, как из поселившихся еще при жизни затворника в Сезенове, коих было 4, так и вновь прибывшими насельницами обители, приняла на себя труд Иоанна и стала ревностно заботиться о приведении его к окончанию. Помощь Божия видимо осеняла труды храмоздательниц, но некоторые неблагонамеренные люди, руководимые больше корыстью, нежели усердием, пренебрегая завещанием затворника, вздумали взять на себя эту постройку и разными происками успели удалить добрую старицу из Сезенова. Не без скорби, не без слез, но с покорностью воле испытующего Промысла, Дария вынуждена была оставить довершение начатого затворником храма. Предполагая, что она удалена от забот по постройке храма навсегда, отправилась на жительство в Борисовскую женскую пустынь Белогородского уезда, и взяла с собою железные башмаки, обтянутые сукном и чугунные четки, принадлежавшие покойному затворнику.

Напрасно трудились зиждущии; дело не подвигалось вперед и после долгих и напрасных усилий нашлись вынужденными просить старицу возвратиться опять и взять на себя эту заботу о постройке.

Дария, оставив взятые с собою башмаки и четки у девицы Борисовской пустыни Авдотьи Осиповой, приехала в Сезеново и принялась за прерванную деятельность, которая возобновилась; нашлись средства, материалы, рабочие и все необходимое. Как и откуда? – На эти вопросы не умела бы, кажется, определенно отвечать и сама строительница, – так все было здесь знаменательно, так осязательно было во всем происходившем влияние десницы Вышней, направлявшей и руководствовавшей всех участников этого дела к определенной цели!

Когда клали большую церковь и довершали свод в трапезной, в одно время сошлось много народа, усердствовавшего поработать для храма Господня, и ему поручено было носить наверх, на подмости, кирпичи. Рабочие, обрадовавшись помощникам, начали слишком поспешно выкладывать своды. Вдруг, от излишней тяжести кирпича, которого было до 20 000, и от многолюдства, подмости под кружалами рухнули. Когда первый страх прошел, начали искать – не убит ли кто, и, к общему удивлению, все оказались целы и невредимы. Мастерские и народ, помогавший им, как будто каждый отдельно был предуведомлен заранее об опасности, и все успели сбежать на землю в самую минуту падения.

По сооружении церкви надобно было вынуть палубник и снять подмости, и за первое просили с Дарии 100 р., а за вторые 200 руб., но и палубник отошел, и подмости обрушились сами собою. «Вот», говорила Дария: «Господь помог нам и без денег все снять, остается только прибрать. Это все батюшка отец Иоанн им помогал».

Наконец, по истечении трех лет со времени основания, храм был готов, как предсказал затворник. 20 и 21 сентября 1842 года освящены два престола в трапезной: один с южной стороны – в честь Покрова Пресвятой Богородицы, а другой на хорах – во имя св. Великомученицы Варвары, а 27 и 28 февраля 1844 года, один с трапезной стороны во имя св. Николая чудотворца, и другой на хорах с той же стороны – в честь Рождества Предтечи и Крестителя Господня Иоанна. Между тем, старица Дария в продолжение этого времени тщательно

заботилась и о внутреннем украшении храма. Достояния ее помощница Евфимия, в монашестве Серафима, игуменья Сезеновской обители, еще в 1840 году была отправлена с книгой по сбору на устройство храма. Находясь в Петербурге, она получила в одно время письмо от Дарии. Та поручала ей похлопотать об иконах строящейся церкви. С 30 руб. (ассигн.) и с несомненной верой, что Господь силен преклонить на милость земных благодетелей, Евфимия усердно принялась за исполнение возложенного на нее поручения и в короткое время выслала в Сезеново до 70 образов большого размера, прекрасно написанных столичными художниками. Некоторые из них ценились в 3 000 р. каждый, все же стоили более 50 000 р. При таком явном содействии Божиим, в 1847 году церковь была отделана окончательно и 20 октября 1849 года главный ее престол в честь Казанской Божией Матери был освящен преосвященным епископом Тамбовским Николаем, скончавшимся в 1867 году на покое в Трегуляевском монастыре близ Тамбова. Еще два престола, устроенные по сторонам главного престола, остались тогда не освященными. Ризница и все необходимое для церковнослужения также пожертвованы усердием благотворителей.

Дария, между тем, в Сезенове заботилась об устройстве для монашествующих келлий, обнесла строяемую обитель, в 1847 и в 1848 г., с трех сторон – южной, западной и северной – каменной, довольно высокой оградой, с такими же с каждой стороны воротами; приобрела для обеспечения быта монашествующих часть земли; а, как местность эта почти безводная, то невдалеке от храма ископала колодезь. 2 июля 1849 г. она исходатайствовала грамоту на устройство нового храма в честь Рождества Христова о 3-х престолах, длины с алтарем 13 ½ и ширины 10 и вышины до кровли купола 13 саж. Евфимия, заботясь в Петербурге об украшении строившегося в Сезенове храма, ходатайствовала, вместе с тем, и об открытии обители; но это ее ходатайство за недостаточностью средств было отклонено. По приобретении же 25 десятин земли, Евфимия вновь ходатайствовала уже об открытии женской общины, каковая с Высочайшего соизволения и была открыта 1

октября 1849 года под названием «Сезеновской Иоанновской», начальницей коей избрана старица Дария. К этому времени было приобретено земли еще 72 дес.

Старица Дария и в новой должности к трудам прилагала труды и благоустраивала все более и более свою обитель: она устроила для посетителей небольшие гостиницы; келлию затворника Иоанна, где он скончался, с благословения того же преосвященного переделала в храм Преображения Господня.

Оставалось исполнить последнюю мысль и желание покойного Иоанна – утвердить на прочных основаниях устроившееся общежитие, открыть монастырь.

По ходатайству старицы Евфимии с Высочайшего соизволения и по благословению Святейшего Синода, община была утверждена 12 июля 1853 года, под названием Сезеновского Иоанно-Казанского девичьего монастыря, и в том же году монастырь был открыт.

Начальницей монастыря, за старостью Дарии, по ее желанию и всех сестер была избрана достойная ее помощница Евфимия, постриженная в монашество в декабре 1853 года с именем Серафимы.

Дария, сложив с себя бремя правления, не переставала трудиться для монастыря до последних минут своей жизни.

Многолетняя подвижническая жизнь Дарии сопровождалась многими искушениями со стороны исконного врага, во время ее подвига; хотя у нее в келлии из ее послушниц никогда никто не ночевал, однако некоторые из самых приближенных сестер ее порою находили ее с заплаканными глазами и видимо смущенную. Так была тяжела эта незримая, но беспощадная брань ее с искушителем праотцов!

Но, в то же время, Дария, совершая подвиг свой, была облагодатствована так, что многим предсказывала и прямо, и иносказательно о том, что уже случилось, или что будет. Известно несколько примеров, рассказанных теми, кому она говорила и что сбылось.

Козловский помещик Феодор Дмитриев Муравьев, страдавший с 1843 года одышкой в груди, а в 1846 и 1847 годах

водяной болезнью так, что доктора определили ему жить только шесть недель, получил исцеление от затворника.

Старица Дария, не зная прежде г. Муравьева, в бытность его в Сезенове, как бы предугадывая его болезнь, жаловалась на стеснение в груди и боль в ногах, и вдруг, переменяв разговор, сказала ему: «я бы желала иметь образ, как Дева восходит на небо, а у тебя есть, тебе негде будет поставить его». Г. Муравьев с удовольствием исполнил ее желание, образ прислал. Это было в 1847 году. В 1849 году он переехал жить в другой дом, который был весь в окнах и простенки так малы, что действительно во всем доме не нашлось бы места, где поставить образ, пожертвованный г. Муравьевым в Сезеново по просьбе старицы Дарии. Тогда-то г. Муравьев вспомнил слова Дарии об образе.

Он же, Муравьев, имел поместье, которое за долги назначено было в аукционную продажу, что сильно беспокоило его, хотя и молчал об этом. Старица Дария, разумея скорбь г. Муравьева, при письме прислала ему $\frac{1}{2}$ копейки серебра на выкуп имения, приказав сказать посланному, что ему деньги нужны. Вскоре после этого он совершенно неожиданно получил деньги и заплатил долг.

У того же г. Муравьева было дело с его родственником, богатым человеком, почему и решение направлялось в неблагоприятную сторону для г. Муравьева. Это очень огорчало его. Старица Дария успокаивала его, говоря, что дело будет иметь благоприятный исход, в чем уверяла и письмами. Наконец, г. Муравьеву нужно было ехать по этому делу в Петербург. Знакомых у него там никого не было. Дария дала с ним письмо к проживавшей там Евфимии и уверяла, что он свое дело выиграет. Г. Муравьев, веря, что Господь силен преклонить богатых на милость, через посредничество Евфимии действительно выиграл дело.

В знак благодарности к обители, г. Муравьев послал в Сезеново образ Спасителя, который и теперь стоит в главном храме за плащаницей. Посланные еще не доехали до Сезенова, как Дария, не быв никем предуведомлена, собрала некоторых из сестер, приказала отворить ворота, сказав: «Гость к нам

едет». Только отворили ворота, подъехали с образом посланные.

В 1849 году этот же г. Муравьев приехал с сыном. Дария, не быв предупреждена об имени сына г. Муравьева, вдруг, обращаясь к нему, и говорит: «Николай, отчего в солдаты нейдешь?» Отец на это сказал, что он постоянно болен, и что хочет его женить. «Твой сын еще не женится, а прежде в солдаты уйдет», сказала Муравьеву Дария. В 1850 г. сосватали для Николая невесту; оставалось совершить обручение. Невеста жила по соседству с Сезеновым; гг. Муравьевы, по обыкновению, приехали в Сезеново. Старица Дария сама поехала к невесте, сказав: «поеду, посмотрю, хороша ли невеста и скажу, жениться или нет». Пока она успела съездить, невесты тогда дома не было, а жених сделался – в Сезенове же болен, и больной уехал домой. В 1855 году сын этого Муравьева был в Сезенове. Во время разговора со старицей Дарией о жизни, старица сказала ему, чтобы он ехал в военную службу, прибавив при том, что его не убьют, и он скоро вернется. Повинуясь старице Дарии, он приготовился к отправлению; сколько родные ни останавливали его под разными предлогами, но он остался непреклонным. Когда приехал он в Сезеново отслужить напутственный молебен и панихиду о упокоении затворника и был в пещере, вдруг вошла Дария и обратилась к нему со словами: «ты зачем сюда»? – «Как же, матушка, проститься с отцом Иоанном», отвечал он. – «Что тебе прощаться! он вперед тебя отправился хлопотать за тебя». По приезде в г. Одессу ему не было возможности определиться, потому что он не взял нужных бумаг, по незнанию, но его без всякого препятствия, сверх ожидания, в течение трех дней определили; в 1859 году он благополучно возвратился. Случай этот, предсказанный старицей Дарией, он приписывал молитвам затворника Иоанна и старицы Дарии. Что же касается до женитьбы, то он женился уже в 1866 году. Следовательно, как и предсказала Дария, прежде послужил в военной службе, а женился после.

Дочь Сапожковского купца девица Марья Ивановна Карташова, будучи рясофорной послушницей монастыря,

рассказывала следующее: «я в 1855 году поступила в Сезеновский монастырь еще ребенком, на 15 году. Пожив с год и не выдавшись с своими родными, попросилась у покойной игумении Серафимы в отпуск для свидания с родными. В это время тут же была и старица Дария. Она сказала мне довольно серьезно: «куда тебе ехать, какие там родные? поступила в монастырь, и живи». – «Получив отказ в моей просьбе, я горько плакала и роптала на Дарию». От Сезенова до Сапожка верст около двухсот. Это дело было зимою. На другой день пошел дождь, санный путь совершенно испортился. Прошло после этого недели с три; санный путь исправился вновь. Старица Дария, увидев меня, подозвала к себе и сказала: – «ну вот, матушка, ты просилась ехать: как бы поехала, то и не доехала б, а теперь ступай с Богом». – Тут-то я вспомнила, отчего не доехала б, – что был дождь, и оттого-то меня не пустили. Собравшись на этот раз, я благополучно съездила». Старица Дария года за три перед смертью приказала срубить яблоню, росшую по правую сторону храма Преображения Господня, говоря, что здесь выроют для нее могилу, когда она помрет. Когда же она померла, хотели тело ее положить под храмом, как храмосозидательницу, но это не было дозволено, почему и похоронили ее в предназначенном лично ею месте.

Когда незадолго пред смертью Дария была больна, сын г. Александра Николаевича Чулкова, обучавшийся в г. Москве, в это время находился в деревне у отца (от Сезенова в двух верстах), почти безвыходно был у постели больной, слушал ее беседы, и, как бы предчувствуя близкую свою кончину, часто плакал. Прощаясь с нею пред отъездом в Москву, он не мог удержаться от слез. Какая-то безотчетная тоска давила его. Дария в утешение ему сказала: «не плачь, мы с тобою ненадолго расстанемся, скоро опять увидимся, но уже не здесь». И что же? Он отправился в Москву и в скором времени после смерти Дарии заболел и умер. Тело его оттуда было привезено в Сезеново и схоронено близ его родных.

За день до смерти своей просила Дария бывшего Сезеновского священника, Василия Рождественского, попросить за нее у сотоварища его прощения, говоря, что он не увидит, как

ее схоронят. И действительно, спустя не более двух часов после его отъезда она переселилась в вечность, приехал же он на тот самый день вечером, когда ее похоронили.

Раненбургский купец Михаил Александров Еремеев, занимаясь винно-откупной торговлей в г. Фатеже, Курской губернии, по некоторым обстоятельствам проезжал в Раненбург и остановился на перепутье в с. Сезенове и отправился чтобы отслужить панихиду о затворнике Иоанне в пещеру. При входе в нее, старица Дария спросила его, зачем он приехал? Когда же он объяснил причину приезда и отслужил панихиду, старица спросила у него три рубля денег, сказав при том, что они у него есть. Еремеев ей в этом отказывал, говоря, что, хотя и есть только три рубля всех денег, но они нужны для проезда до Раненбурга, чтобы отдать ямщику. Старица на это ему сказала: «отдай, пешком не пойдешь», и Еремеев отдал ей просимые деньги, оставшись сам без денег. Когда же, по приглашению старицы, пил он у нее чай, приехал Раненбургский ямщик, который согласился довезти Еремеева до Раненбурга с получением денег на месте. Старица напомнила ему, что сказала: «не пойдешь пешком и теперь доедешь». Угощая чаем, сказала ему: «будешь торговать лесом, не забудь Сезеново, а то побогатеешь, пожалуй, поскупеешь, а вином перестанешь торговать». Прошло после этого 10 лет. По одному случаю Еремеев, как сказала старица, прекратил винную операцию и купил рощу в деревне Колычевой, Раненбургского уезда (от Сезенова в 15 верстах), и Сезеновский монастырь покупал в той роще лес за довольно выгодную цену.

Дария имела живой, твердый и решительный характер; вид всегда имела веселый, в приемах ласкова; двери келлии у нее ни для кого не были закрыты: и богатый, и нищий имели свободный доступ, – исключая определенного ею времени для келейных молитв, или, когда бывала нездорова. Она сестер всех вообще любила, и ее все любили, уважали и боялись. Что же касается до пришельцев, то она умела заставить каждого не только любить и почитать ее, но и питать к ней особенное чувство уважения, соединенное со страхом. Многие, чтобы

только видеть Дарию, слышать ее мудрые беседы, дожидались по несколько дней.

Сняв с себя бремя начальствования над монастырем, она не переставала трудиться для обители, сама всюду хлопотала. Она, как заботливая мать, заботясь о своих детях, несмотря на преклонность лет, принимала участие во всех постройках и старалась, чтобы каждая из насельниц имела покойный приют, где бы могла воссылать свои молитвы в свободные минуты.

Старица Дария, потрудясь для обители, заслужив общую любовь, почтение и уважение не только сестер, но и посторонних лиц, после кратковременной болезни кончила земной подвиг в глубокой старости 85–86 лет 28 июля 1858 года. Тело ее положено в могиле на избранном самом месте, по правую сторону храма Преображения Господня; по устройстве нового храма, теперь ее гроб находится по правую сторону среднего алтаря³⁷.

Святитель Питирим Тамбовский

(Память 28 июля).

Святитель Питирим родился в 1644 году. По преданию, местом рождения его считают Смоленскую губернию. Но ничего не известно ни о его родителях, ни о воспитании, ни о служебной деятельности святителя. Неизвестно также, каких именно лет Питирим, в мире Прокопий, оставил мир и посвятил себя исключительно на служение Богу, но раннее призвание его на 40 году в высокий сан архиерейства показывает, что он с молодых еще лет поступил в монашество. Верный своему призванию, молодой инок Питирим, строго сохранял иноческие обеты и, возрастая и укрепляясь телесно, укреплялся еще более в благочестии. Воздержание, строгая подвижническая жизнь, исполненная любви к Богу и ближним и рассудительность, скоро возвысили его пред всеми, и Питирим в молодые еще годы поставлен был игуменом Вяземской Предтеченской обители. Можно думать, что в этой же обители он принял и пострижение в монашество. В скором времени, он был возведен в сан архимандрита. В 1684 году архимандрит Питирим был вызван в Москву для рукоположения во епископа в Тамбов и 15 февраля 1685 г. был хиротонисован.

Не успел еще Питирим принять архипастырского рукоположения, как должен был принять на себя заботы устройства неустроенной своей епархии, так как его предшественник, по краткости своего пребывания на кафедре, не имел времени привести в порядок свою новооткрытую епархию, и потому все бремя устройства Тамбовской епархии пало на святителя Питирима. Средства были ничтожные, почему преосвященный Питирим нашелся вынужденным, вскоре по своем рукоположении, не выезжая еще из столицы, исходатайствовать у великих государей Иоанна и Петра Алексеевичей для увеличения крайне скудного содержания как архиерейского дома, так и кафедрального собора, пожалования ему «в удовольствие» трех монастырей: Рождество-Богородицкого-Чернеевского, Успенского-Сергиева, на Проломе,

монастырей и Вышенской пустыни. Преосвященный Питирим, прибыв на свою епархию 1-го марта 1686 года, не имел для себя никакого совершенно помещения, почему вынужден был, среди разнообразных трудов на пользу Церкви, заняться еще постройкой для себя и для своей свиты дома и разных служб.

Близ кафедрального собора, на протоке реки Ирсы, преосвященный Питирим выстроил для себя каменный одноэтажный дом со сводами о пяти комнатах. По левую сторону нынешнего собора построены были им каменные кладовые. Устраивая для себя жилище, святитель обратил свою пастырскую заботливость на главный в городе кафедральный собор, потому что он был весьма бедный, простой деревянный храм, без всяких украшений. Мало того, в бедном соборном храме не было даже порядочной утвари, не было достаточной ризницы, особенно для архиерейского служения. Владыка решился создать новый, благолепный, каменный собор. В 1694 году, по благословению патриарха Иоакима, святитель Питирим приступил к постройке двухэтажного собора в прежнее наименование Преображения Господня по образцу Рязанского собора (только в меньшем размере). Несмотря на успешно шедшую постройку храма, Питирим не успел кончить его и, как бы предчувствуя свою скорую кончину, поспешил в нижнем этаже освятить правый придел в честь святителя Николая. При жизни своей Питирим снабдил собор нужной ризницей. Благочестивому отшельнику, и на святительской кафедре не оставлявшему иноческих подвигов, трудно было жить среди мира, среди людей, непрестанно развлекаемых житейской суетой; потому святитель употреблял все свое старание на содержание святых обителей.

Неумолкающее предание, переходя от одного поколения к другому, передает, как несомненную истину, что благочестивый архипастырь, любивший вообще уединение, где представлялась ему полная возможность заниматься размышлением о Боге, нередко среди своих трудов и забот по делам епархии один или с людьми, близкими к нему по благочестивому настроению, отправлялся из Тамбова верст за семь в пустынное, лесистое место на берегу реки Цны и там прогуливался. Среди таких-то

прогулок ему особенно понравилось одно, возвышенное над рекою место и отовсюду окруженное лесом, и здесь-то он предположил устроить мужской монастырь, и действительно, с увеличением средств, с получением пособий от правительства, святитель Питирим немедленно приступил к устройству обители. В этом отношении святитель, за недостатком средств и людей доверенных, отказывал себе даже в необходимом, употребляя все свое достояние на дело Божие, и сам делается смотрителем за постройками, сам экономом и даже строителем. Так, еще прежде закладки собора, в 1688 году сентября 15, он заложил мужской Трегуляев монастырь, построил в нем деревянную церковь в честь Рождества св. Иоанна Предтечи; сам избрал и постриг первого инока и, вместе, настоятеля, вдового священника Василия, названного в монашестве Варлаамом. Главный храм был освящен им во имя св. Иоанна Предтечи. Здесь же он и устроил особую для себя келлию, среди любимой братии и первый подавал им собою пример строгой отшельнической жизни. Святитель часто любил уединяться в эту пустынную обитель, и здесь на время отдыхал от своих тяжелых архипастырских трудов, и здесь в теплой молитве находил себе утешение среди подвигов своих в борьбе с раскольниками и язычниками.

По своей особенной расположенности к этой обители, святитель Питирим озаботился, при своей еще жизни, обеспечить ее, исходатайствовавши у служивых людей с. Бовина достаточное количество земли со всяким вотчинным угодьем. В 1691 г. он сам освятил новоустроенный соборный храм Рождества св. Иоанна Предтечи. Обитель, при неусыпных трудах святителя, вскоре обустроилась, и число братий постепенно увеличивалось так, что при Варлааме было в обители 30 человек иноков. Не доведши еще до конца построения мужской обители, святитель Питирим приступил к устройению и женского монастыря. Побуждением к этому были просьбы благочестивых женщин, во главе которых была родная его сестра Екатерина, желавших всецело посвятить себя на служение Богу. В 1690 году преосвященный Питирим неподалеку от крепости, на левом берегу реки Студенца,

устроил женскую обитель и сам освятил в скором времени устроенный в ней главный деревянный храм, в честь Вознесения Господня. Первой *постницей* и настоятельницей этого монастыря была сестра его Екатерина. При Вознесенской церкви был устроен придел в честь тезоименитой ей великомученицы Екатерины. Игуменья Екатерина, неизвестно, когда скончавшаяся, была погребена близ древнего деревянного Вознесенского храма. В настоящее время над ее гробницей стоит небольшая часовня.

Созидая новые обители и приводя их в порядок, святитель Питирим не оставлял без своей особой заботливости монастырей, прежде его устроенных в Тамбовской епархии. Так, в Козловском мужском монастыре, вместо прежнего деревянного храма Пресв. Троицы, по его старанию, сооружен новый величественный каменный храм. По освящении храма, в знак своего особенного к обители благорасположения, святитель Питирим 19 августа 1692 года послал от себя в новоустроенный храм на благословение обители образ Св. Троицы в окладе с венцами и гривнами златыми. С христианской любовью он относился к меньшим братьям и особенно простирал свои попечения на людей несчастных. Неподалеку от Тамбова, в пяти верстах, в Пашкельской слободе Донской, большей частью, жили ссыльные, и для этих-то несчастных, к умягчению их загрубелых сердец и к утешению, святитель Питирим устроил храм во имя св. Иоанна Предтечи. По сооружении храма, святитель сам освятил его. Святитель Питирим во все время своего архипастырства, в течение 13 лет, должен был непрестанно учить и назидать своих пасомых. Епархия Тамбовская, собственно, и открыта была для возвращения в лоно Церкви отторгшихся от нее раскольников, а едва ли не большая часть тогдашних жителей Тамбова и Тамбовской епархии были раскольники. Кроме раскольников довольно было тогда в Тамбовской епархии и еще непросвещенных светом Евангелия – язычников. Тамбов, как и другие города этой епархии, населялись тогда татарами, мордвою, черемисами и другими инородцами. Святителю было больно видеть в пределах своей епархии неверующих в истинного Бога, и святая

ревность побуждала его к апостольским трудам среди язычников. Мало того, в Тамбовской епархии, как на окраине России, вследствие гражданских и церковных событий того времени, толпами стекались люди беглые, люди неодобрительной нравственности, сюда ссылались и государственные преступники. Понятно, какая тяжелая предстояла архипастырю забота в деле исправления нравственности и религии, требовались невероятные усилия, чтобы только иметь хотя какой-либо успех в пользу Церкви. Не человеческим, казалось, силам бороться со всеми трудностями и препятствиями, но ревностный к славе Божией архипастырь не падал духом и, при помощи Божией, достойно подвизался на поприще своего апостольского служения. Считая главной своей обязанностью спасение вверенной ему паствы, он во всю жизнь свою не переставал учить и наставлять ее. Он учил дома, был доступен для всех и со всеми обращался с истинно-христианской любовью, но, главным образом, он учил во храме, который в собственном смысле был духовным училищем. Он вразумлял и учил заблуждающихся, учил верных, учил и наставлял и само духовенство. Для водворения православия и для того, чтобы всех заставить непрестанно иметь пред своими глазами орудие нашего спасения – крест Христов и Царицу Небесную, непрестанную нашу Заступницу и Покровительницу, – святитель Питирим воздвиг на двух главных вратах крепости две величественные и боголепные иконы – икону Распятого Спасителя и икону Казанской Божией Матери. Икона Распятого Спасителя доселе сохранилась и свято чтится в Тамбове. Эта икона на полотне значительного размера, изображает распятого на кресте Господа с предстоящими пред Ним Божией Матерью и Иоанном Богословом. Доселе еще цела и надпись, писанная вязью, сделанная на иконе при свят. Питириме: «лета 7194 года. Апреля в 13 день поставил сей образ Распятого Господа Бога и Спаса нашего Иисуса Христа на городских воротах Преосвященный Питирим, епископ Тамбовский на поклонение всему православному Христианству». Икона эта была поставлена на главных выездных воротах в Пушкарскую слободу. Побуждением к поставлению этой иконы было у

святителя то, чтобы всякий, входящий и выходящий из крепости, видел пред собою своего Спасителя и, хотя бы против воли, припоминал орудие своего спасения. В настоящее время эта икона находится в нижней церкви собора, в Смоленском приделе, на северной стороне левого столба при клиросе за железной решеткой в позолоченном, с резьбой, киоте.

Икона Казанской Божией Матери весьма древняя. Неизвестно, когда и кем, но написана она прежде прибытия святителя Питирима на Тамбовскую кафедру и находилась еще в древнем деревянном соборе, построенном вместе с основанием города Тамбова (в 1636 году). Во время святителя Питирима эта икона прославилась замечательным чудом: «1695 года декабря 6 дня», так рассказывается в рукописной летописи города Тамбова: «во время всенощного бдения в деревянной соборной церкви в приделе Николая Чудотворца в начале шестопсалмия явились от иконы Казанской Божией Матери от очей слезы, каплющие и текущие до пелены, что было до Великого Славословия». Далее, как бы для предупреждения возможных возражений со стороны неверующих в это чудесное событие, летописец приводит в свидетельство очевидцев людей, заслуживающих полного доверия. «Оное чудо, продолжает летопись, видели стоящие, воевода Иван Иванович Леонтьев, той церкви протопоп Сергей со всеми соборянами и дома архиерейского казначей, иеромонах Гавриил. Вероятно, после сего чудного события икона была выставлена преосв. Питиримом на воротах крепости для всеобщего поклонения ей. В настоящее время эта икона находится в кафедральном Преображенском соборе, в верхней церкви за первым северным столбом в позолоченной раме за стеклом. На иконе риза серебряная позолоченная с венцом в лучах, венец Божией Матери и Спасителя унизаны образами, украшены топазами и бирюзой, на плече Божией Матери звезда с аметистовым камнем. Эта икона весьма чтима в Тамбове. Богомольцы, приходящие в собор для служения панихиды по святителе Питириме, обыкновенно, прежде слушают молебен Пресвятой Деве пред Ее чудотворной иконой.

Современная летопись свидетельствует, что он, любя молитву, не пропускал ни одного богослужения. Святитель любил и сам часто священнодействовать. Предание говорит, что свят. Питирим ежедневно присутствовал при богослужении и, если не сам священнодействовал, то в таком случае становился на клирос и пел, а, вместе с тем, обучал и причетников пению и чтению. Современники увековечили любовь святителя к молитве в замечательном его портрете. На портрете, или, лучше, на иконе, святитель представлен на коленях молящимся пред преподобным Прокопием с словами молитвы на устах: *«пастырю мой и наставниче мой, преподобне отче Прокопие! помолися Господу Богу о душе моей»*.

Преподобного Прокопия святитель Питирим почитал особенным своим покровителем и, вероятно, в честь его он при крещении был назван Прокопием. Память преподобного Прокопия 27 февраля, следовательно, месяцем рождения святителя Питирима можно считать февраль 1644 г. В настоящее время этот портрет поставлен над гробницей в золотой, красиво отделанной раме. Есть местное об этом портрете предание, будто бы он был написан вследствие чудесного явления святителю. На этом же образе современники выразили и свое убеждение в силе молитв своего архипастыря, принимая молитву святителя, преподобный Прокопий, в то же время, сам возносит за него молитву к Всевышнему: *«Бессмертный Боже! хвалу Тебе воздаю: Отец бо Един всем, помяни душу его и сподоби его царствия небесного»*, и Господь ниспосылает свыше Свое благословение на молящегося святителя. Памятниками любви святителя к молитве доселе еще служат две иконы, несомненно принадлежащие ему: икона Девпетерувской Божией Матери, по преданию бывшая келейная преосвященного Питирима и икона святого Николая. Икона Девпетерувской Божией Матери в настоящее время стоит при раке святителя и, по преданию, есть та самая икона, пред которой святитель Питирим возносил свои теплые молитвы к Богу. По очерку полууставом написанных литер надписи и кольцообразной чеканной работы на окладе

иконы, написание ее относят к концу 15 или началу 16 века. Прежде икона эта стояла в верхнем храме на горнем месте, но особенное обстоятельство заставило соборных священнослужителей поставить ее на настоящее место. Именно: одна женщина, у которой муж, вследствие ложного обвинения, посажен был в тюремный замок, видела во сне неизвестного старца, который, указав ей икону Девпетерувской Божией Матери, сказал ей, что икона эта стояла прежде в доме преосвященного Питирима, и потом, по смерти его, вместе с телом почившего принесена была в соборный храм, где и осталась с того времени. Сказавши это, старец приказал ей непременно отыскать означенную икону в соборе и отслужить пред Нею молебен, и затем, прибавил старец, по молитвам небесной Заступницы, муж ее в скором времени, как невинный, будет освобожден из тюрьмы. Женщина исполнила повеление старца на другой же день после виденного сна, явилась в собор и, рассказав там свое сновидение соборному причту, просила отыскать виденную ею во сне икону. Основываясь на описании величины и вида иконы, а, главным образом, на сказании, что виденная ею икона была прежде в доме преосвященного Питирима, ей показали икону Девпетерувской Божией Матери. При первом взгляде на эту икону, женщина объявила, что эта самая указана была ей старцем во сне, и просила отслужить пред Нею молебен, И действительно, вскоре муж этой женщины, как невинный, был освобожден из тюрьмы. После сего события соборные священнослужители нашли более приличным поставить эту икону при гробнице святителя, как бывшую у него келейной; чудесное событие, о котором было сказано, относится к 1833 году.

Из жизни святителя Питирима осталось отмеченным еще то, что он в 1690 году был вызываем в Москву для избрания, по смерти патриарха Иоакима, нового и участвовал в избрании патриарха Адриана. «Преосвященный Питирим, как говорится в Тамбовской летописи, в жизни своей пас с ревностью врученное ему Богом стадо, преуспевая в добродетелях». Все великие заслуги и труды святителя служили только внешним выражением внутреннего его совершенства и добродетели. Он

был истинный пастырь словесного стада Христова. Но, к сожалению Тамбовской паствы, недолго жил их многоуважаемый архипастырь. Преосвященный Питирим правил Тамбовской епархией 13 лет и пять месяцев. Он скончался в 1698 году июля 28 числа, 54 лет от роду. Тело святителя, согласно его завещанию, было погребено в соборе, им начатом, в приделе святителя Николая у южной стены против столба, за правым клиросом. Над местом, где положено тело святителя, поставлена деревянная, резная, по краям украшенная золотом, гробница. А сверх ее серебряная доска с вычеканным изображением свят. Питирима. Над его могилой написано было еще современниками святителя следующее надгробие: *«Божией милостью преосвященный Питирим епископ Тамбовский, егоже честное и многотрудное тело положено в сем месте. Аминь»*.

С течением времени, уважение к памяти святителя не только не уменьшилось, но год от года увеличивалось, особенно с 1832 г., по случаю некоторых чудесных исцелений при гробнице святителя. С незапамятных времен при его могиле многие служили по нем панихиды; так, и число почитателей памяти его умножается; все, посещающие кафедральный собор, за священный долг считают отслужить по нем панихиду. 28 июля, день кончины святителя, год от года становится для жителей Тамбова настоящим торжеством.

Большим уважением пользуется в Тамбове так называемый Питиримов колодезь. По преданию, он был выкопан самим святителем. Этот колодезь находится в недалеком месте от прежде бывшего архиерейского дома, устроенного святителем Питиримом, и по такой близости к нему можно видеть, что он действительно принадлежал к Питиримову дому. К колодцу по горе устроена каменная лестница, а самый колодезь отделан белым камнем, и над колодцем устроен в Византийском вкусе, вроде часовни, навес с различными живописными изображениями. Как лестница, так и навес, устроены усердием почитателей памяти святителя. Из означенного колодца многие берут воду, с верой принимают ее во время болезни, а в летнее время многие богомольцы обливаются ею близ самого колодца.

28 июля, в день памяти святителя Питирима, к этому колодцу бывает крестный ход и совершается в нем водоосвящение. Крестный ход установлен епископом Тамбовским Феофаном.

Вообще, память святителя Питирима в Тамбове и других окрестных городах чтится, как память святого и чудотворца. К такому уважению к памяти святителя были побуждением благодатные исцеления, полученные по вере в чудодейственную силу его мощей. Особенное прославление святителя совпадает со временем открытия мощей святителя Воронежского Митрофана и относится к 1832 г. С этого времени при кафедральном соборе была заведена книга для записи благодатных исцелений, бывших при его гробнице. В настоящее время число чудес, по имевшейся у нас рукописи, простирается до 200. Упомянем о некоторых.

Курская помещица М. М. Бибикова, от сильной и постоянной скорби вследствие кончины любимого ее мужа, подверглась сильному удару, от которого лишилась употребления ног. После всех докторских пособий, не получив ни от кого облегчения в болезни, Бибикова обратилась с молитвою к Богу, прося Его небесной помощи. Она долго путешествовала по святым местам. Не зная прежде о святителе Питириме, Бибикова, после чудного во сне откровения (в Воронеже), отправилась в Тамбов в июне 1843 года; по прибытии в город, она *немедленно* привезена была в кафедральный собор. На руках вынесли больную из экипажа служители и, посадив на особенно устроенный стул, внесли ее в храм. Сидя на стуле, Бибикова, после литургии, просила отслужить молебен чудотворной иконе Казанской Божией Матери и панихиду по святителе Питириме. Из собора Бибикова возвратилась на квартиру. По прибытии в дом, когда стала пить чай, вдруг почувствовала в ногах какое-то движение и вслед за тем, ощущая в себе расположение и способность к хождению, приказала прислуге поводить ее по комнате. Походивши немного при помощи других, она стала ходить затем одна. После чего Бибикова, прибывши в собор, на другой день сама уже вышла из экипажа, отстояла литургию, молебен Богоматери и панихиду по святителе Питириме, и в скором времени

сделалась совершенно здоровой. Проникшись благоговением к святителю Питириму, М. М. Бибикова, в благодарность за полученное при его мощах исцеление, хотела устроить над его гробницей великолепный балдахин, как над угодником Божиим, но преосвященный Николай не позволил ей. Потом Бибикова, не оставляя своего усердия, устроила на гробницу высеребренную доску с изображением святителя, в одной руке держащего крест, а в другой – Евангелие, и, вместе с тем, пожертвовала на гробницу бархатное, с серебряными кистями, покрывало, а в скором времени из С.-Петербурга она выслала 25 рублей на масло для лампы над гробницей святителя и еще новое дорогое покрывало на гробницу.

Н. А. Мотовилов, Симбирский помещик, шесть лет был болен ногами, совершенно не владел ими и не мог ходить, его носили на руках. По особому уважению к Саровскому подвижнику отцу Серафиму, он нарочно ездил к нему принять от благочестивого старца совет. О. Серафим посоветовал ему прежде всего съездить в Тамбов и помолиться там почивающему в соборном храме угоднику Божию Питириму, предсказывая ему, что Господь исцелит его по молитвам святителя. Мотовилов с полной доверенностью к словам о. Серафима в скором времени отправился в Тамбов и, не доехав еще, получил *облегчение* от болезни. По приезде, затем, в Тамбов, отстоял литургию, молебен Казанской Божией Матери и панихиду по святителе Питириме и вскоре почувствовал себя *здоровым*. В благодарность за свое исцеление, Мотовилов пожертвовал 150 руб. с. на отделку портрета святителя. Портрет, находящийся над гробницей св. Питирима, прежде был в простой позлащенной раме, а в настоящее время на деньги, пожертвованные Мотовиловым, он отделан в величественную золотую раму, украшенную богатой резьбой, и поставлен за стекло.

Тамбовская помещица Софья Гавриловна Соколова в апреле 1834 г. видела во сне двух монахов, из коих один называл себя врачом, а другой предлагал этого врача Соколовой, для излечения, будто бы больного, ее сына. Врач за исцеление его только требовал от Соколовой сшить ему

рубашку, так как сын ее на самом деле был совершенно здоров, то Соколова оставила этот сон без всякого внимания. Через несколько времени, бывши в соборе, и после панихиды по св. Питириме, прикладываясь к его гробнице, нечаянно взглянула на портрет его, стоящий пред гробницей. Поразительное сходство виденных ею во сне двух монахов с изображенными на нем (пр. Прокопием и свят. Питиримом), напомнило ей сон; она догадалась, что это являлся во сне святитель и под именем рубашки внушал ей на гробницу пожертвовать покрывало. Давши обет исполнить это внушение, она за разными недосугами со дня на день откладывала выполнение своего обещания. Весной в том же году Соколова была у своих родных, и бывший с нею полуторогодовалый сын в праздник Святой Троицы заболел сильнейшей желтой горячкой, – семь дней ребенок был беспамятен, никакие лекарства не могли привести его в чувство. В 8-й день ребенок был при смерти. Тогда-то Соколова вполне поняла значение виденного ею сна и припомнила свое обещание. С теплой верой обратилась она за помощью к святителю Питириму; в точности исполнила свой обет, и, по молитвам угодника, Господь даровал больному чудесное исцеление.

Помещик Борисоглебского уезда, села Кропоткина, генерал-майор князь Алексей Петрович Кропоткин, в 1834 году, в декабре месяце, прибыв из Москвы в родовое свое имение, расположился по приезде своем провести ночь в запустелом старом господском доме. Здесь, когда он, после утомления от продолжительной дороги, крепко заснул, вдруг был пробужден следующим видением. Ему представилось, будто бы стоял пред ним монах в черной рясе с поднятой правой рукой, которой он указывал в правую сторону и протяжным, внятным голосом произнес: «ты должен непременно на этом самом месте соорудить храм Божий во имя Покрова Пресвятой Богородицы, за какую жертву как ты сам, так и семейство твое будет под Ее непосредственным покровительством». Как не простой, а чудесный, этот сон произвел сильное впечатление на душу князя Кропоткина, и он решился немедленно приступить к делу. На другой же день хотел уже купить в одном селении ветхий

деревянный храм. Но не решился на это без благословения преосвященного. Немедленно отправился в Тамбов к преосвященному Арсению (пот. митрополиту Киевскому), рассказывает ему виденный сон и объясняет свое намерение. Преосвященный, взяв его за руку, предложил ему следовать за собою в кабинет свой, где по стенам висели портреты прежде бывших Тамбовских архипастырей. Здесь, после кратковременного молчания, преосвященный Арсений, обратясь к Кропоткину и указывая на портреты, просит повнимательнее рассмотреть их. После сего, Кропоткин невольно остановил свой взор на одном из них и, указывая на оный преосвященному, торжественно объявил сходство этого изображения с чертами виденного им во сне монаха. Тогда преосвященный, осеняя Кропоткина крестным знамением, сказал: «виденный вами во сне монах есть не кто другой, как бывший прежде Тамбовский епископ Питирим, который в настоящее время совершает много чудес, а потому, с особенным удовольствием приемлю на себя обязанность быть вашим руководителем и помощником в приведении в исполнение вашего намерения. Но я советую вам оставить мысль покупать готовую деревянную церковь, а заняться сооружением прочного каменного здания, не щадя на это потребного капитала, имея в виду получить невидимую помощь от благочестивого и мудрого вам предрекателя, бывшего Тамбовского архипастыря Питирима, что же касается до разного рода мастеровых, потребных на это дело, то я сам пришлю самых лучших и известных мне по своему искусству и честности людей, и сам берусь отчасти наблюдать за ними». С благословения архипастыря, Кропоткин немедленно принялся за дело, которое, несмотря на разные препятствия, шло весьма успешно. В мае заложена была каменная церковь и, при своей огромности, была окончена через три года в 1838 году. Церковь, в присутствии самого Кропоткина, была освящена в честь Покрова Пресвятой Богородицы с приделом святой великомученицы Екатерины. Потом, через несколько лет была построена колокольня и вокруг церкви ограда. К прискорбью Кропоткина оставалось только недостроенной одна сторона

ограды, за недостатком на ту пору кирпича. Это сильно беспокоило князя, но святитель Питирим, виновник построения храма, вывел его из такого затруднения. В том же монашеском простом виде, как и прежде, является ему во сне, благословляет его и говорит: «позади твоего дома ты найдешь нужное тебе количество кирпича». И действительно, стали копать, и кирпича нашлось так много, что сверх нужного для ограды осталось еще довольно. Чудесное явление святителя Кропоткину засвидетельствовано им в собственноручном объявлении, внесенном потом в соборную запись, и яснее всяких доказательств подтверждается существованием в селе Кропоткине величественного Покровского храма.

Замечательно, что к святителю Питириму с мольбою об исцелении от болезни прибегали нередко и иноверцы. Так, жена швейцарского гражданина Софья Швицгигель, реформатского исповедания, живя в гувернантках у Тамбовского купца Ивана Козмина Малина, 1 октября 1867 г. подверглась страшной и, вместе, непонятной болезни: в груди ощущалось что-то вроде клубка, который постоянно перекатывался и поднимался по груди выше и выше, наконец, дошел до горла и захватил дыхание, горло сильно опухло; пользовавший ее доктор не мог оказать пособия, и больной угрожала смерть. Живя среди православных и от них слыша о чудесных исцелениях святителя Питирима, больная попросила своих единоверцев, живших в Тамбове, сходить в собор и, отслужив там панихиду по святителе Питириме, принести ей масла из его лампады. Когда все это было исполнено, и больная, помазав горло принесенным маслом, выпила его немного, у нее немедленно открылась рвота, чего доктора при всех усилиях никак не могли добиться. После того больная погрузилась в глубокий сон; проспав около 6 часов, она встала здоровой.

Много было и других случаев благодатной помощи святителя Питирима³⁸.

Архимандрит Петр, настоятель первоклассного Тихвинского Большого монастыря

(Память 29 июля).

Архимандрит Петр родился в селе Данилове, близ города Дмитрова, Московской губернии, 24 июня 1782 года, от благочестивых родителей иерея Герасима и жены его Агриппины, по прозванию Зверевых-Богдановых. Во св. крещении дано ему имя Павел (в честь св. ап. Павла).

С детства имея в богобоязненных родителях своих живой пример благочестия, трудолюбия и терпения, Павел с ранних лет научился предавать себя в св. волю Провидения. С таким настроением мыслей Павел, по выходе из Славяно-Греко-Латинской академии, вступил на узкий и тернистый путь иноческой жизни.

Колыбелью иноческих подвигов он избрал для себя обитель Новый Иерусалим, где, изнуряя тело послушанием в хлебной, поварне и трапезной, старался укрощать свои страсти.

В течение нескольких лет он проходил различные послушания и, несмотря на трудность некоторых из этих послушаний, при помощи Божией безропотно исполнял их, постоянно преуспевая в терпении и смирении. Встречая день, он, по призыву колокола, с радостной готовностью спешил в храм на молитву, после с неутомимым усердием трудился на работах. В это время благое Провидение, готовя в нем для многих руководителя к отечеству небесному, предварительно послало ему самому, в лице архиепископа Ионы (тогда архимандрита Ново-Иерусалимского), наставника, исполненного Евангельской мудрости и иноческих добродетелей. От проницательности такого настоятеля не могли надолго укрыться ни возвышенное настроение души, ни добрая жизнь молодого труженика; скоро пламенное усердие в деле спасения, общее им обоим, духовно сблизило их между собою. Но, полагавший в отсечении воли вернейшее средство к преуспеянию в добре и надежнейшее орудие к победе над врагом спасения, настоятель

с той поры бдительнее следил за духовной жизнью Павла и еще более продолжал упражнять его в послушаниях, тем самым неизменно напоминая ему, что добрые дела только трудом стяжаются и болезнью исправляются.

Однажды архимандрит Иона, по делам службы, отправляясь из Нового Иерусалима в Москву, пожелал, чтобы в этой поездке Павел заменил кучера. При недостатке физических сил, ему трудно было управить молодыми, горячими лошадьми, несмотря на это, он беспрекословно исполнил долг послушания; но вскоре не мог сдержать их и был сбит на землю. При падении он получил сильный ушиб в голову. Вид обогрелного кровью, но по-прежнему терпеливого и покорного послушника, лучше всего показывал настоятелю, как благонадежен этот послушник для монашеской жизни.

В 1810 году 13 февраля достаточно уже испытанный послушник Павел, с именем Петра, был облечен в ангельский образ; спустя месяц, посвящен в иеродиакона; через три года рукоположен в иеромонаха и вслед за тем определен ризничим и присутствующим в соборном монастырском правлении.

По званию ризничего, с искренним усердием удовлетворяя любопытство богомольцев, он был неутомимым толкователем всего редкого и замечательного в обители, чем снискал любовь настоятеля и уважение многочисленных посетителей ее. Ведя скромную келейную жизнь и будучи радушен и почтителен ко всей братии, он взаимно пользовался ее расположением, а своею кротостью и смирением всегда заслуживал любовь архипастырей. Так, по убеждению Орловского архипастыря, в 1817 году он переместился в Орловскую епархию, где, несмотря на молодость лет, был сделан духовником, казначеем и ризничим архиерейского дома, ризничим кафедрального собора и членом духовной консистории, а в 1818 году, с оставлением при прежних должностях, строителем Каревского Одрина монастыря.

С получением монастыря в свое управление еще яснее проявились в нем те качества ума и души, которые всех так привлекали к нему, он оправдал ожидания преосвященного Ионы.

Кротость, неразлучная спутница смирения, вообще была отличительной чертой характера о. Петра. Она проявлялась у него везде: и в обращении, и в делах, но, должно заметить, никогда не делала управление его слабым. Нет! Препоясанный силой истины, он еще ею более привлекал к себе иноков, и, внушая доверенность, легко узнавал тайные расположения сердец и, узнав их, всегда указывал средства противостать искушениям диавола, и врачевал душевные раны с искусством и опытною духовного врача. Ибо стяжал ту старость, которая полагается не в числе лет, но измеряется числом добродетелей, мерою снисходительной мудрости, степенью духовной зрелости. И монастыри под его руководством жили жизнью благочестия и единокровия.

Его ревностное и неусыпно-бдительное соблюдение устава Церкви, его горячее желание к спасению душ братии не осталось чуждым внимания архипастырей, и, таким образом, для трудов его открылось обширное поприще подвигов иноческих.

В 1821 г. перемещенный из Орловской в Тверскую епархию настоятелем Николаевской Столбенской пустыни, о. Петр был возведен в сан игумена, и в 1822 г. получил в управление Кашинский Николаевский Клобуков монастырь, с правом присутствовать в местном духовном правлении.

Здесь, в порыве ревности к правосудию, он употребил над одним священником всю силу законов и после, придя в расположение обычной своей доброты, скорбел душой, что так строго поступил против виновного. Желая же ей возвратить прежнее спокойствие, изыскивал все возможные средства к примирению со священником, в чем и успел впоследствии, но, как можно было заметить из его разговоров, это обстоятельство на всю жизнь послужило ему твердым уроком быть снисходительным к грехопадениям подчиненных.

Через три года деятельных занятий по устройению упомянутого монастыря, он получил благословение носить палицу при священнослужениях. В 1826 г. был откомандирован сначала для ежедневного священнослужения и сопровождения от Москвы до Новгородской губернии кортежей в Бозе

почившего Императора Александра Благословенного, а потом, по случаю коронации Императора Николая I-го, с архиерейской ризницей из Тверского кафедрального собора в Москву. В следующем году он был переведен в Кизический монастырь, Казанской епархии, с званием члена духовной консистории и члена комитета о построении в Казани архиерейского дома; а по посвящении в сан архимандрита, определен настоятелем в Успенский Зилантов монастырь, и назначен благочинным двенадцати Казанских и Свияжских монастырей и пустыней. В Казани, еще раз на земле, он встретился со своим благодетельным наставником и покровителем преосвященным Ионой, но как бы только затем, чтобы принять его последний вздох и получить в напутствие своей жизни предсмертное благословение архипастыря, о котором всегда вспоминал с глубокой горестью в сердце.

С 1829 г. до перехода в Киев архимандрит Петр настоятельствова в монастырях Черниговской епархии: сначала в Глуховском Петропавловском, а впоследствии, для удобнейшего присутствования в консистории, – в Домницком. Поступив настоятелем Глуховского Петропавловского монастыря, на место умершего архимандрита Варлаама, он наследовал по завещанию и имущество последнего, но, как нестяжательный инок, совершенно от него отказался. В другой раз, преосвященный Владимир, епископ Черниговский, осматривая с ним обитель Домницкую, встретился с одним иеродиаконем, по имени Иоанникий, которого оклеветали пред ним в различных мнимых проступках. Уже приближалась минута горестного испытания для беззащитного Иоанникия, но о. Петр, зная благочестивую и кроткую жизнь его и жестокие ковы врага, восставшего против него в лице недоброжелателей, не убоился предстать защитником беспомощного. Преосвященный, вполне доверяя ходатайству архимандрита, вместо угрожавшего гнева, оказал свою милость напрасно гонимому рукоположением его в иеромонаха.

Так, нередко о. Петр бывал защитником невинных, помощник беспомощных, стараясь даже личное к себе

благорасположение архипастырей обращать на пользу ближним. Так по-Евангельски доброго отрадно благотворить!

Между учениками, окончившими курс в Орловской семинарии, достойным к переходу в духовную академию был один прилежный, даровитый, но бедный сирота, за смертью родителей и родственников, не имевший за себя ходатаев; а воспитанников, находившихся под покровительством родственников, было весьма много, и это заставляло наставников еще более забывать об участии достойного ученика. О. Петр, посетив публичный экзамен, заметил кроткий нрав и способности юноши, и участием в его положении доставил ему возможность поступить в академию. Ровно через тридцать лет о. Петр встретил беспомощного сироту архимандритом на чреде в С.-Петербурге, полного чувств благодарности за бескорыстное покровительство.

В 1837 г. архимандрит Петр в качестве члена Черниговского попечительства о призрении бедных духовного звания, принимал живое участие в этом благотворительном деле; а в должности благочинного над единоверческими приходскими церквами словом кроткого увещания много содействовал к обращению раскольников в недра Православной Церкви, в то же время, прилагая старания и об устройстве Успенского Елецкого монастыря.

В следующем году, в звании наместника Киево-Печерской лавры, он был уже в Киеве.

Однажды среди забот по своей обязанности о. Петр сильно простудился и впал в горячку. При таком состоянии больного одному из келейников его диавол вложил в голову злой умысел против своего наставника и благодетеля, и уже наступала минута к совершению злодеяния, но за час до этого времени, в которое келейник намеревался исполнить задуманное, о. Петр находился в легком сне, и в нем видел святителя в полном облачении с архипастырским жезлом в руках. По висевшему в келлии портрету, болящий узнал Святейшего патриарха Никона, к которому с самого вступления в монастырь питал особенное почтение. Представший ему святитель спросил: «почему ты не в церкви, и не наблюдаешь за врученной тебе братией?» –

«Слабость сил мне не позволяет быть там», отвечал старец, прикованный лютой болезнью к своему ложу. – Тогда святитель коснулся его концом жезла со словами: «будешь здоров, только не ленись: ходи в церковь»! После чего стал невидим. Пораженный видением и чудесно исцеленный о. Петр немедленно встал и поспешил в церковь. Это было около полуночи, и братии там еще никого не было. Предварив всех приходом, он стал на свое место; но, замеченное во время службы, неожиданное появление его привело всех в удивление, почти в ужас (ибо известное всем болезненное состояние не допускало и возможности его прихода), пока он не рассказал всего, с ним случившегося. По окончании утрени, когда возвратился в келлию, то был встречен келейником с глубоким раскаянием, передававшим ему про свое злое намерение. Уразумев на себе милосердие Божие, с искренним душевным утешением о. Петр простил виновного и отпустил его с миром из своей келлии.

В Киеве архимандрит Петр нашел себе возвышенный и увлекательный образец христианских добродетелей в почившем митрополите Киевском, подкреплявшим его своим отеческим благорасположением. Среди подвигов иноческих мысль о нем доставляла о. Петру отрадное успокоение и в отдаленном от Киева крае. Во время же служения своего в монастырях Киевской епархии и после того, о. Петр усердно следовал примеру этого страннолюбивого архипастыря, и с радушием предлагал пришельцу страны далекой, – усталому богомольцу вечерю любви в своей убогой келлии: одних назидал словом Божиим, а от других и сам пользовался плодами благочестия.

Любовь и уважение к архипастырям были для архимандрита Петра законом во всю жизнь.

В 1844 г. архимандрит Петр был определен настоятелем Киево-Николаевской обители, благочинным над мужскими и женскими монастырями, членом комитета о возобновлении, по Высочайшему повелению, древней живописи в Киево-Софийском кафедральном соборе и зданий в Киево-Злато-Верхо-Михайловском монастыре; в 1845 году разделял попечения комитета об обеспечении в содержании сельского

православного духовенства, и в 1847 г., с появлением в городе опустошительной болезни холеры, в качестве члена комитета, открытого по случаю появления эпидемии, участвовал в изыскании мер предосторожности против ее смертного распространения. Таким образом, и народное бедствие не осталось чуждо сострадательности того, кто любовь к ближнему полагал душой многих своих добродетелей.

Вскоре, однако же, к сожалению Киевлян, о. Петр был избран в Валдай настоятелем Иверского монастыря, знаменитого своей святыней и славой основателя, в котором пребывание его, хотя было не продолжительно, но оставило по себе незабвенную память через учреждение ежегодного крестного хода с чудотворной иконой Иверской Богоматери из монастыря в город Валдай, в вечное воспоминание избавления граждан от холеры в 1848 г., по обнесении св. иконы Божией Матери вокруг города.

В 1851 году он простился с обетом, чтобы положить свой страннический посох уже в обители Тихвинской. На него пал жребий озаботиться о внутреннем ее благоустройстве. Привыкший безропотно нести иго послушания, переходя из монастыря высшего степеню в монастырь низший, о. Петр не колебался духом, но со спокойной покорностью Евангельского дитяти вполне предал себя в волю архипастыря, ни на минуту не сомневаясь, что волей его руководит Бог.

Здесь, среди забот о благоустройстве обители, в 1852 году он был утешен возведением монастыря в число первоклассных; но душа его, при совершенной благонамеренности его поступков, не всегда в это время была чужда страданий.

Часы досуга от занятий монастырских и келейных он проводил в беседе с мирянами, преимущественно такими, у коих сердце было упитано горестью, и являлся между ними с утешениями, проникнутыми старческой опытностью.

Так протекло тридцать семь лет настоятельства его в многотрудном пасении словесного стада Христова.

Благотворительность и милосердие его ближним были широко известны.

28 июля 1855 года впервые почувствовал он предсмертное изнеможение и, в духе христианина, полного упования на милосердие Божие, тогда же объявил окружающим его, что для него *приспе день вечного покоя*.

Без боязни, исполненный покорной преданности Провидению, архимандрит Петр встретил болезнь смертную; по принесении чистосердечного покаяния в содеянных волей и неволей грехах, восприял Божественное Тело и Кровь Христа Спасителя, и на другой день, чувствуя быстрое разрушение плоти, просил совершить над ним елеосвящение. Грустно было смотреть на него, когда, забывая болезненное изнеможение, он благоговейно силился отдать должное уважение исполняемому над ним таинству.

Когда колокольный отбой часов донесся до слуха его, тогда, по-прежнему ревнуя к службе церковной, он спросил окружающих его: «это к вечерне звонят? Идите молиться, а я не могу идти: сами видите болезнь мою».

Потухавшие глаза его часто устремлялись к иконе Божией Матери Тихвинской, нарочито поставленной пред ним, и, на ней сосредоточивая молитвенный взор, он знаменовал рукою крестообразно чело, доколе члены его не стали ослабевать в своем действии, тогда изъявил желание выслушать канон молебный на исход души, что и было немедленно исполнено. Читали отходную, и при словах заключительной молитвы: *«Ей, Человеколюбивый Господи, повели, да отпустится от уз плотских и греховных, и приими в мир душу раба Твоего, сего архимандрита Петра, и покой ю в вечных обителях, со святыми Твоими»*, – душа его с тихим вздохом покинула тело. 29 июля в 10 час. 20 минут вечера он мирно почил о Господе.

Тело его предано земле в паперти холодного Успенского собора Тихвинского Большого монастыря, на том месте, которое за месяц пред тем он сам назначил местом вечного своего покоя.

Ныне тихий свет лампы, горящей пред образом первоверховных апостолов Петра и Павла, падая на каменный пол паперти, трепетным лучом озаряет плиту. Это могила архимандрита Петра³⁹.

Даниил Кушнир

(Память 29 июля).

В м. Млиеве, Киевской губернии, униатский поп Вас. Гдышинский все меры употреблял к совращению в унию жителей означенного местечка. Неправославные не поддавались его увещаниям и, собравшись к приходской церкви, забрали священнические облачения, богослужебные книги и сосуды, и все это сложили в сундуке, который поставили в колокольне; а затем пригласили односеленца, благочестивого старика Даниила Кушнина, и с общего согласия ему, как старейшему человеку, приказали снять с престола чашу и поставить в сундук. Кушнир, повинувшись воле громады, с благоговением приступил к престолу и, положив пред ним три земных поклона, а также обернув руки церковной завесой, взял чашу с престола и положил в комору под колокольней. Тогда Вас. Гдышинский начал грозить Кушнину смертью, распространяя клевету, будто он (Кушнир) с чашею ходил в корчму и пил из нее водку, вместе с частицами св. Даров. Кушнина взяли под стражу, заковали в железо и посадили в Смелянский замок. Напрасно односельчане Кушнина старались освободить его, действуя и просьбами, и деньгами. «Ежели Кушнир на унию пристанет, то будет отпущен, а ежели нет, то будет казнен», отвечали враги православия. Узнав о сем, Кушнир не только не пожелал сам принимать унию, но и другим советовал крепко и нерушимо держать православную веру. «Я готов и умереть за православную веру, а на унию пристать не хочу». После сего Кушнина, закованного в цепи, из Смелян. замка отправили в м. Ольшану (Звенигор. уезда), в обоз начальника польского отряда Воронина и там присудили его сжечь живым, обвертев ему руки пенькой и облив смолой. Обвинителями его были поп Василий Гдышинский, его отец, униат протопоп и его родные сыновья, «чего ни по каким законам и правилам не делается». Пред казнью к Кушнину приступил один униатский поп для исповеди. Кушнир сказал: «я вас, униатов, отрицаюсь, учения вашего и исповедания слушать

не хочу, я уже приготовился и Св. Таин приобщился, а вы делайте надо мной, что хотите». Когда его начали жечь, то от боли он возопил: «Господи, Боже мой! Что сие мне подал еси. Воля святая Твоя на мне да будет! О, Боже мой, прими дух мой». А потом, увидев народ, стоявший вокруг, говорил: «православные христиане! не веруйте вы униатам, они прокляты, и вера их проклята». Чтобы прекратить мучение, палач отсек Кушнику голову и, отсеки, привязал и прибил голову к палке гвоздем, а самое тело Кушника, по приказанию Вас. Гдышинского, было сожжено. Православные, вырыв «небольшой ровик, загребли в него оставшийся пепел и часть костей мученика». Казнь Даниила Кушника совершилась 29 июля 1766 г. Впоследствии, неизвестными православными была снята голова Кушника, перенесена в Переяслав, где за левым клиросом в Вознесенском монастыре была погребена (в конце сентября) православным епископом Гервасием. И таких страдальцев за православие в западнорусском крае было во времена унии великое множество. Их укрепляли, наставляли и мудро вели ко спасению великие православные архипастыри: Георгий Конисский или другие святители тех трудных времен⁴⁰.

Иеросхимонах Антоний

(Память 29 июля).

Странствуя по монастырям, я, в числе прочих, посетил на Дону Кременский Вознесенский монастырь, пишет один странник в «Душеполезном Собеседнике». В это время, на общей трапезе братия того монастыря вспоминали в Бозе почившего 29 июля 1899 года иеросхимонаха Антония. При этом, некоторые братия, в особенности, приближенные к нему, со вздохом и слезами жалели такого дорогого для них старца, но, вместе, и радовались, что он за праведную жизнь свою удостоился христианской кончины. Я заинтересовался узнать биографию старца и подробности о его кончине. И вот, те, которые близко знали старца, рассказали мне следующее: родом он из Донских казаков Хоперского округа, станицы Аннинской, мирское имя его Агапий. Родился он от благочестивых, смиренных и набожных родителей, казака Антона и жены его Ирины. Воспитан просто, по-казачьи, но в христианском благочестии. Обучен был слесарному мастерству, но грамоту знал не бойко. С достижением законного возраста, он вступил в брак с девицей Пелагией, дочерью тоже казака, а с наступлением времени военной службы, он зачислился станичным слесарем и ковалем за военную службу. Жизнь вели оба супруга одинаково добронравную, тихую, смиренную и отличались набожностью. Они оба часто мечтали о жизни монастырской и соглашались друг с другом отказаться не только от брачного сожития, но и от мира, и всего мирского. От исполнения этого намерения удерживали их только дети, коих у них было двое. Но благому намерению помощник Бог. Мальчик вскоре, в детском возрасте, умер, а девочку, с наступлением восьмилетнего возраста, они отдали на обучение в Усть-Медведицкий женский монастырь родственнице, монахине Пафнутии. Между тем, время текло, и намерение их жить безбрачно и в монашестве возрастало и созрело, но Агапия задерживала военная служба, в которой он произведен был в урядники, а жену его Пелагию – безграмотность. С открытием

Севастопольской войны, Агапию надлежало идти на военную службу; тогда жена его Пелагия сказала ему: «ты пойдешь на службу; а мне дома оставаться не причем, пойду я в монастырь и буду жить с дочерью Феней». Они так и порешили. Распродавши все свое имение, Пелагия поступила жить в монастырь. Но и Агапия почему-то освободили от службы, тогда и он поступил в тот же монастырь в качестве мастерового и вел слесарское дело. Случайно узнал о нем настоятель Кременского Вознесенского мужского монастыря Гавриил и уговорил его поступить в его монастырь, если не будет препятствовать ему жена его. Жена в этом не препятствовала ему и настаивала только на том, чтобы он постарался обучить ее грамоте, сговорившись сходить сначала на богомолье в Киев. Во время путешествия муж обучил жену свою грамоте. Тогда уже ничто им не мешало исполнить благое их намерение: Агапий поступил в братство Кременского мужского монастыря, а Пелагия в число сестер Усть-Медведицкого женского монастыря. Более пяти лет Агапий проходил послушание по слесарскому мастерству, а затем принял рясофорное монашеское пострижение; потом уже неизвестно по какому случаю переведен в архиерейский дом в Новочеркасск; где, по поданному им прошению, он и жена его Пелагия, в один и тот же день пострижены в мантии: первый в архиерейской церкви и наречен Тихоном, а последняя в Усть-Медведицком женском монастыре (такое было распоряжение консистории) и наименована Иеремией. Итак, оба супруга, в один и тот же день, оставив прелести мира, по доброй и непринужденной воле приняли обет работать Богу. В 1879 году Тихон рукоположен был в иеродиакона и, прослужив 1 ½ года при архиерейской церкви, переведен снова в Кременской монастырь. Иеродиаконом он прослужил всего пять лет, а потом, в 1884 году, рукоположен в иеромонаха. После о. Тихон принял вел. схиму и наречен Антонием. С этого времени о. Антоний повел жизнь строго-подвижническую: ел и спал мало. Хотя исторических и отеческих книг, по малограмотности своей, читал мало; но зато славословил Бога по книгам богослужебным постоянно, в чтениях канонов и акафистов он не

знал усталости. Во всю ночь вздремнет часик или полтора, а потом встрепенется и опять Богу поет. Пред смертью, дней за пять, почувствовал он расслабление всего организма, но в постель не слег, и все время ходил в церковь. За сутки пред кончиной, от вечерни пригласил в келлию свою иеромонахов и пособоровался; на утро другого дня на Божественной литургии сам приобщился Св. Христовых Таин; потом во весь тот день ему стало тяжелее, и он, ходя, тосковал. На вечер в свою келлию призвал своих приближенных и заставил их читать акафисты с припевами (это его сладчайшая пища), а сам молился то стоя, то сидя, то с земными поклонами, то с поясными при каждом икосе. Прочли акафисты Спасителю и Божией Матери в 12 час. ночи (читалось не спеша, чтобы он мог повторять). Давши чтецам несколько отдохнуть, о. Антоний настоял, чтобы они читали акафист св. чудотворцу Николаю, а сам продолжал молиться. С окончанием сего акафиста, около уже 2-х часов утра, при чтении 13 кондака: «о, преславный и пречудный отче Николае» – о. Антоний, перекрестившись, поклонился, но не доклонился до земли, держась одной рукой за спинку стула, а другой опершись на землю. Чтецы и певцы, продолжая свое и смотря на неподвижность о. Антония, повторили троекратно тот кондак и 1-й икос, а о. Антоний был все в том же неподвижном положении, стоя на коленях с наклоненной головой; тогда они, осмотревши, нашли его уже бездыханным. Итак, душа о. Антония на молитве так тихо перешла в руце Божии, что не могли заметить того присутствовавшие.

Игумения Севского Троицкого девичьего монастыря Паисия

(Память 30 июля).

В Черниговской губернии, Новгородско-Северского наместничества, недалеко от самого города Чернигова, в одном зажиточном мещанском семействе от благочестивых христианских супругов родилась в 1740 году дочь Параскева (так во святом крещении была наречена будущая инокиня, в честь преподобной Параскевы пустынножительницы, 14 октября). Воспитанная в страхе Божиим, юная отроковица прилежно училась русской грамоте и, читая жития святых, в семнадцатилетнем возрасте она испросила благословение своих родителей, и девицей посвятила себя на служение Богу под руководством честных стариц в Севском девичьем монастыре, и ни разу не отлучалась из него для посещения своих родителей. Наружный вид ее был столько же скромн, сколько приятен, и выражал во всех поступках ее благонравие. Сухость телесного сложения усвоилась ей от всегдашнего поста и внимания к своему делу. Она не заботилась о временном и суетном упражнении в делах житейских, но и не была беспечна.

В монастыре ей дано было послушание читать и петь на клиросе, и она исполняла то и другое с большой охотой и всегдашним прилежанием, так что в непродолжительном времени была отличена тогдашней настоятельницей за примерное свое трудолюбие. Кроме таких отличных способностей, для всех было приятно ее целомудрие, за что она удостоена быть уставщицей на клиросе, и старшие сестры с любовью стали повиноваться ей, называя ее своей матушкой. Несмотря на ее молодость, многие добродетели казались в ней естественными, потому что главнейшая – смирение – облекала все дела ее самым приятным видом уважения к каждому, к кому она с чем-либо относилась.

Иногда речь заходила о посте и разрешениях, и к ней, как уставщице, обращались с вопросами. В таких случаях она, обыкновенно, объясняла, что сказано в церковном уставе, и

иногда говаривала: «поститься со смирением всегда хорошо. За разрешение самовольное Адам изгнан из рая. А мы, монахини, за малое воздержание надеемся получить рай. К тому же, брашно не оправдывает нас пред Богом; но смирение и любовь соделают нас наследниками царства небесного». Кроме должности псаломщицы, или уставщицы, она исправляла должность ризничей и была любима при всех своих должностях. Достигши сорока лет, она сподобилась принять большой постриг – мантию. Пострижение над нею совершено было в Севском Троицком монастыре 13 мая 1779 года, когда наречена она Паисией. А по смерти настоятельницы монастыря игумении Евпраксии, она единогласно избрана на место ее и посвящена во игумении 26 апреля 1791 года преосвященным Аполлосом, епископом Севским и Брянским, в Севском Спасском монастыре, как местопребыванию преосвященного.

По любви к церковному пению, игумения Паисия не переставала участвовать в нем и при настоятельской должности. Она становилась, обыкновенно, на первом месте правого клироса вместе с певчими, и при ней всегда лежал церковный устав.

Любимые сотрудницы ее были монахини Маргарита и Мариамия. Обе достойны уважения по своим прекрасным качествам и духовным подвигам. Особенно первая была всю жизнь искренним другом игумении Паисии, и усердием своим, и достаточным состоянием содействовала всем благим намерениям ее о благоустроении монастыря. Родственники монахини Маргариты, помещики Вязьмитины, живя по соседству в Севском уезде, были первые благодетели монастыря. У них бывала и сама игумения, и всегда пользовалась их уважением. Родной брат Маргариты получил графское достоинство и, занимая должность Обер-Прокурора Св. Синода, считал для себя величайшим утешением сделать что-либо полезное для Севского девичьего монастыря. Домовая святыня их, особенно чтимая святая икона Дубовицкой Божией Матери, передана монастырю с обеспечением капиталом, из процентов с которого положено быть неугасимой свече на службах и лампаде пред этой святой иконой. Риза на ней серебряная,

вызолоченная и украшена в венцах дорогими камнями. Самая икона хорошей живописи и большого размера.

Также благотворителями монастыря и усердными почитателями достойной игумении Паисии были и другие лица, из коих отличались богатые помещики Череповы. От них часто присылали милостыню в монастырь. Общая молитва за таких благодетелей, при жизни и по кончине их, возносилась к Богу целые десятки лет с горячим усердием и благодарностью. Были и в городе многие усердные благотворители. Одна замечательная христороубица, Мария Афанасьева, до самой кончины своей ежедневно выпекала на долю монастыря первую печь белых калачей и посылала их всегда рано утром к игумении для раздачи сестрам. Сначала она была небогата, но Бог благословил дом ее большим изобилием впоследствии и даровал ей мирную жизнь и мирную христианскую кончину посреди многочисленного семейства. При свете духовного разума, одаренная крепостью телесной, игумения Паисия охотно принимала участие в общественных монастырских послушаниях и примером своего неизменного трудолюбия поощряла прочих. Если случалось заметить игумении монастырские мостики нечисто подметенными или нужду в воде для церкви и келлий; то, не сказавши никому, сама принималась за веник и начинала мести, или бралась за ведра и спешила с ними на воду. Таковой пример действовал на сестер сильнее всяких слов и внушений, так что они старались вперед не доводить игумению до исправления работ своею оплошностью и нерадением. Будучи для сестер своей обители примером в исполнении монастырского устава, игумения старалась о соблюдении его между сестрами. Оттого, между ними заметна была строгая подчиненность. Ни одна из них не смела нарушать монастырской заповеди или вмешаться самовольно в чужое послушание. Скромность и молчание были лучшим их украшением. Некоторые решительно держали себя так, как будто их нет в монастыре; ни рассказов о себе, ни расспросов о других у них никогда не было слышно; а вместо того, по монастырскому преданию, дело было в руках, а молитва в устах. Выходя из церкви, они шли, не останавливаясь, каждая в

свою келлию, а там продолжали хранить богомыслие и молчание, давая совершенный покой друг другу. В среду и пятницу монастырские ворота не отпирались. Одна калитка около церкви была отперта для приходящих, и там постоянно сидела вратарница, которая могла возвестить, о чем кому нужно спросить в монастыре. Строгая ответственность за каждую вину способствовала не только внешнему порядку в монастыре, но и самые чувства сердца обучала кротости, терпению и взаимному уважению друг друга; мирные отношения утверждались сами собою и способствовали прекрасному духовному образованию сестер. По этим качествам везде можно было узнать Севскую монахиню, и они легко уживались в других монастырях. Но это были сладкие плоды нелегких трудов. И поныне хранится в монастырской ризнице медный параман с таким же крестом и цепочками, более фунта весом. Сказывают, что в этом парамане кающиеся сестры исправляли епитимии церковных и особо назначаемых поклонов, от десяти до ста. Поклоны назначались игуменией по мере сил и погрешностей того лица, кто требовал исправления, и духовное врачевство это было очень действительно. Были также устроены в церковной трапезе две небольшие темницы, украшенные изображениями страждущего Спасителя на кресте в темничном заключении, в багрянице и терновом венце. В другой, такие же трогательные изображения из жизни святого Иоанна Предтечи и его усекновение. Пред ними горели лампы. В этом уединенном и безмолвном месте назначалось схимницам стоять во время богослужений. Они приходили, обыкновенно, ранее всех и уходили после всех; так что немногие и монастырские жительницы видали их в полном схимническом одеянии. Это истинное утаение от людей много содействовало к их душевной пользе. Иногда эти малые темницы служили и для другого назначения, а именно: когда кто требовал усиленного подвига покаяния и смирения, тогда в одну из них приносился высокий крашенный стул с подножием и на нем замыкали небольшой цепью кающую подвижницу и оставляли так иногда на сутки и более. После вечерни подавали ей хлеб и воду; но кающиеся иногда и эту скудную трапезу оставляли не тронутой, обливаясь

слезами раскаяния, и все это происходило с такой скромностью и состраданием, что не только вне монастырских стен, но даже и в келлиях новоначальных не было известно. Сказывают, что это сильное врачевство было весьма полезно для кающихся и изменяло самые грубые натуры. Великодушные постницы охотно покорялись такой строгости монашеского устава, сами открывали свои немощи и принимали с любовью попечительные заботы духовных матерей своих, с твердой надеждой, что временные страдания послужат им в очищение души и благоприятный ответ на страшном суде Христовом. На стенах церковной трапезы были также прекрасные изображения живописью монашеских подвигов и самого пострижения монахинь в лицах. Все это наглядно располагало юных желать монашества и благоговеть пред его высоким значением, и прежде получения пострига полагать в сердце основание доброй жизни.

Любя уединение и сохраняя твердо монашеские правила, игумения Паисия не жалела трудов и иждивений для пользы своих сестер и для благолепия храма Божия, но к постройкам в монастыре приступала только по необходимости и то с небольшой охотой. Ей казалось так, и очень справедливо, что многолюдство и молва житейских попечений разнесет, развеет монашеские добродетели, которые только и могут совершенствоваться в уединении, в глубине души, как сладкий мед внутри своего улья. На этом основании она почти не отлучалась из монастыря. Бывали у нее выезды к епархиальному архиерею и к некоторым благотворителям, и то весьма редко. Постоянное занятие ее было чтение отеческих книг и молитва. Иногда она прослушивала сама клиросных учащих церковному чтению, которыми, обыкновенно, занималась монахиня Мариамия и, поощряя их, всегда требовала, чтобы чтение их было громкое и внятное. Для этого объясняла им самый смысл и содержание церковных служб с большой удовлетворительностью и высоко ценила тех, кои внимательно проходили клиросное послушание. Обыкновенно, все дела у нее кончались до звона к вечерне. Отслушав вечерню, она уходила в свою уединенную особенную келлию и

до полуночи никому не являлась. Полуночное правило она любила совершать в церкви и часто, никого не беспокоя, даже из своих келейных, одна уходила туда и проводила около часа в усердной молитве; а иногда в это время она обходила несколько келлий, наблюдая, кто из живущих в них чем занимается, и душевно радовалась, если случалось заметить ей в какой-либо келлии выполнение полуночного правила, о чем иногда намекала другим.

Большие сени отделяли ее половину от живущих с нею, и те были разделены надвое, в одной стороне был очаг и хозяйственные помещения, а другая, чистая и опрятная, как зала, служила для входа в настоятельскую келлию и вводила прямо в приемные комнаты. В этой же половине была монастырская канцелярия и сохранялись церковные ключи, которые она сама принимала и отдавала с должным благословением. На церковные службы выходила всегда в полном монашеском облачении и от других требовала того же, кроме больных, которым дозволялось сидеть и одеваться, как могли, по состоянию своего слабого здоровья, лишь бы только не опускали божественной службы. Пищу употребляла дозволенную уставом святой Церкви один раз в сутки, и то с умеренностью и благодарением всех благ Подателю. Чай иногда подавали ей и два раза в день, когда случались посетители или свои, монастырские, сестры по какому-либо делу. В беседах своих она повторяла изречения святых отцов, приличные времени и образу мыслей посетителя. Иногда скажет: «молчание помогает посту, а когда нужно беседовать, то необходимо разрешить и на пищу». И при этом, бывало, угощает из своих рук. А маленьких гостей любила еще и подарить чем-нибудь, чтобы помнили, что были в монастыре. На этот счет у нее всегда был запас поясков с молитвою, вместо узора, или ложечки пустынного изделия, которыми часто усердствовали ей Пловчанские монахи. Многих маленьких девочек-сироток она воспитала в своей келлии, выучила их грамоте и монастырскому рукоделию (мирских рукоделий она не любила и не позволяла работать их по найму), помогала им обзаводиться

одеждой и всем нужным и, когда видела их благонадежность, устраивала на жительство в монастыре.

Современные подвижницы немало удивлялись, что игумения Паисия в нестарых еще летах достигла совершенного бесстрастия, между тем, она открывала им, что и в самой цветущей молодости почти не знала естественной брани, и объяснила это тем, что никогда не допускала себе вольных или осудительных помыслов, или шуток и насмешек над другими, или бесполезных разговоров с мирскими, особенно с мужчинами. Когда же, страждущие такой бранью просили у нее совета и молитв, она с живым участием убеждала их терпеть мужественно приключившееся искушение и молить Бога о своем спасении.

Игуменья Паисия всегда любила Киев и в жизни своей несколько раз посещала его и посылала туда стариц из своего монастыря заимствовать порядок службы и послушать добрых советов схимонахов Михаила и Вассиана, и других богомудрых старцев. По этой причине многие обычаи Киево-Печерской лавры вошли в употребление в Севском монастыре и составляют в нем некоторую особенность против чиноположения в других девичьих монастырях. Первый из таковых обычаев есть полный обряд воздвижения Честного Креста посреди церкви, совершаемый 14 сентября, тогда как в других церквах бывает только поклонение кресту, выносимому на середину церкви, и употребление при этом душистой травы васильков, которую нарочно сеют и берут для освящения, укладывая ее под святым крестом в большом количестве, во все дни в году, когда по уставу святой Церкви бывает поклонение кресту, и потом раздают эту траву для пользования больных и недужных. Бывали примеры исцеления, бывали и наказания Божии за пренебрежение этой освященной травой.

Однажды монастырский священник Иоаким Филиппов небрежно взял веточку травы и, положив в свою табакерку, забыл о том. В ночь он почувствовал сильные лихорадочные припадки. Познав свое согрешение, он понудил себя прийти в церковь и, исповедав пред всеми свой поступок, приложился ко кресту и тут же получил исцеление. Он любил вспоминать и

рассказывать об этом случае для пользы других. О. Иоаким священствовал при церкви Троицкого девичьего монастыря более 40 лет. В старческой простоте своей он был любим и уважаем всеми. Не только монастырские сестры, но и городские семейства, приезжие, монахи и священники имели его духовником своим. Он всегда молился с особенным чувством о упокоении души Императора Александра I, поминая часто его смирение, как Его Императорское Величество, целуя крест, поцеловал и у него руку, когда при проезде своем в Таганрог в 1825 году принимал встречу у святых ворот монастырских. Каждый раз слезы навертывались на глазах старца, когда он рассказывал кому-либо об этом. Скончался он в 1856 году 8 апреля, напутствованный всеми христианскими таинствами, с упованием на Бога.

На каждой службе, по прочтении отпуста священник благословляет рукой предстоящих в церкви. На Страстной неделе обносят плащаницу вокруг церкви на вечерне Великой Пятницы. При перенесении Святых Даров, во время Великого входа, священник прикасается святой чашей к преклоненным главам предстоящих. В Похвальную субботу пятой недели Великого поста ставят посреди церкви особенный убор для иконы Божией Матери и пред нею совершается торжественное богослужение. Все эти обычаи, как видно, заимствованы из Киево-Печерской лавры.

Смиренная старица навывкла считать каждого выше себя и всем предоставляла первенство, а себе – последнее место. Отсюда она наблюдала, чтобы никто из многочисленных гостей ее не был забыт, но, чтобы все были угощены и успокоены. Ученики богословия в Севской семинарии, по назначению ректоров, нередко произносили по праздникам в монастырской церкви проповеди, и ни один из проповедников, по окончании богослужения, не оставался неприглашенным в настоятельские келлии, где игуменья Паисия, сделавши каждому самый ласковый привет, угощала их чаем и завтраком, а при прощании предлагала им на память платочек, в узелке коего почти всегда оказывалась рублевая монета. Милостивое сердце ее не знало любостяжания. Она была скупа только к себе самой; и, хотя

одежды ее были очень просты, но благолепие внутреннего человека привлекало к ней сердце каждого. Бывали случаи, что душеполезные ее беседы сильно изменяли душевное настроение слушателей.

В то время около монастыря было немного городских построек. При входе в святые ворота, на улице, свободно росли высокие клены; под сенью их были устроены скамьи для отдохновения богомольцев и странников, которые с ранней весны начинали ехать и идти в Киев и потом, возвращаясь, никогда не миновали Севского монастыря. Тут же был и колодезь под крышей, в виде часовни; но вода в нем, как и на всем Севском грунте, невкусна. Монастырь весь был засеян благовонной травой тмином и зеленел как мягкий луг. Около келлий росло множество цветов. Между роскошными цветниками и высокой зеленью тмина извивались чистые тропинки по направлению от каждой келлии к храму Божию. Вокруг церкви и до настоятельской келлии простирался широкий дощатый мосток, который был содержим в чистоте. Бросить или вылить что-нибудь на монастыре почиталось противным совести и требовало неотложного исправления.

Монастырская ограда охватывала только 65 сажен в длину и 40 сажен в ширину; далее был сад и монастырский огород, обнесенные частоколом; а еще далее старинный крепостной вал, или ров, непригодный для постройки на нем зданий. Живущих в монастыре было немного: с престарелыми и новоначальными не более пятидесяти монахинь. Но все они горячо любили свой монастырь, оберегали его от всякого неприятного слова, и свято хранили заведенный в нем порядок.

В монастыре бывали гости – духовные старцы из Пещанской пустыни, которая отстоит от Севска в 50 верстах. Из них были особенно замечательны о. иеросхимонах старец Василий, схимонах Афанасий и ученик его иеросхимонах Макарий, который, по особенной способности руководить, поставлен был от преосвященного Никодима духовником и руководителем Севского девичьего монастыря и потом переселился в Оптину пустынь.

Оживленные рассказы о назидательных примерах духовной жизни и поучительные изречения старцев поддерживали дух истинного монашества и знакомили прочих с духовной жизнью. Чтение отеческих книг и переписывание их уставным письмом под наблюдением опытных, было, равным образом, в употреблении как в Площанской пустыни, так и в Севском монастыре.

Книга св. Иоанна Лествичника была знакома даже малолетним девочкам. Самый язык монашеский от частого употребления книжных изречений и некоторых символических слов был языком особенным, мало понятным для мирских людей. Очевидное покровительство Божией Матери проявлялось в монастыре довольно часто, как в исцелении больных, так и в прочих знамениях. Вот, что сказывала монахиня Мариамия, – та самая, которая пользовалась особенной доверенностью игумении Паисии и была замечательна своей ревностью к монашеству. «Недавно поступили к нам в монастырь две молодые девицы, родом из дворян Смоленской губернии, двоюродные сестры: Мария Ивановна Длотовская, в монашестве Магдалина, была игуменией (1847–1857 г.) в том же Севском монастыре. Умерла на покое схимницей 22-го апреля 1864 года, в час пополуночи, и, в то же время, являлась во сне одной духовной особе, входящей в рай. И Дарья Михайловна Лыкишина, в монашестве Досифея; умерла в том же монастыре 20 августа 1863 года. Обе приехали к нам по благословению известного старца Зосимы и других старцев, Рославльских пустынножителей. Когда въезжали в город по Орловской дороге, то, еще спускаясь за рекой Морицей с горы, думали, что подъезжают к монастырю. Так явственно видели пред собою большую церковь, подобную Киево-Печерской Лаврской, и за ее святыми воротами собрание монашествующих, осеняемых покровом или омофором Царицы Небесной. Они полагали, что такое изображение сделано живописно на ограде церковной, и благоговейно помолились на храм Божий и на святое изображение. Видели то же самое и прислуги, бывшие с ними, и так же молились и удивлялись необыкновенной красоте монастырского здания. Потом видение

скрылось. Они подъехали к монастырю и не верили глазам своим. Когда же вошли в церковь, то вдруг poznали, что это им было знамение, чтобы искать здесь спасения душам своим. С радостью поклонились чудотворной иконе Молченской Божией Матери и остались в монастыре. В то время жила еще столетняя монахиня Ева, которая помнила исцеление странника сухорукого и много других исцелений.

Еще сказывали достойные замечания о весьма старой монахине Евнике, которая была слепа несколько лет, но имела послушание вратарницы и была очень внимательна к своему делу. Сидя в Караулке за святыми вратами, ежедневно с утра и до вечера она принимала малое подаяние в пользу монастыря от проходящих и пребывала в этом послушании безропотно и в холод, и в зной. В утешение, часто поминала труды великого угодника Божия Николы Святоши, князя Черниговского, бывшего вратарем святой Киево-Печерской лавры, и примером его подвига укрепляла свою душу. Так прожила она в монастыре до глубокой старости и трудилась в этом послушании с той же ревностью. Привычка к месту и тонкий слух заменяли ей зрение, а более того, благодать Божия укрепляла и сохраняла ее. И кроме ее духовной сестры монахини Паисии, едва ли кто мог удостовериться, что она, будучи слепая, несет такой подвиг. Так она была скромна и смиренна в своих действиях!

Впрочем, надо сказать к похвале и остальных сестер, они избегали любопытства, как тяжкого вреда для души своей, и потому каждая могла совершать свой подвиг, не быв замеченной другими. Но вот, какое чудо Бог сотворил с этой слепой: в одно утро, мимоходом, один неизвестный странник беседовал с ней в ее караулке и, уходя, бросил ей в кошелек серебряную монету; она звонко упала на кирпичный пол мимо кошелька и укатилась, а странник ушел. В испуге старица вскрикнула: «батюшка, странничек! я слепа. Пропадет твоя милостыня, я ее не найду...». Найдешь, отозвался уходящий. И старица увидела его вдали, похожим на святителя Николая. С тех пор она прозрела и жила долго, говорят, – более ста лет. Обе они – Евника и Паисия жили богоугодно, во взаимной любви и духовном согласии. В праздники они имели обычай

ходить в пустыню за Спасский монастырь. Там был святой колодезь, с превосходной целебной водой, над ним теперь устроена часовня, и в ней хранится резной образ Спасителя, сидящего в темнице. Там они молились усердно Сладчайшему Иисусу и, почерпнув в колодезе святой воды, заходили в семинарию и, называя своими родственниками некоторых учеников, приветствовали их небольшими гостинцами; а между тем, поучали их, что они не простые школьники, но люди, посвященные Богу, которые готовятся быть служителями алтаря Господня, и потому должны хранить чистыми свои уста и сердце, чтобы привлечь к себе благодать Духа Святого. Этот рассказ подтверждал и один почтенный старец священник. Он сам был из числа этих семинаристов и свидетельствовал по священству, что слова этих стариц запечатлелись у него в сердце и послужили ему назиданием во всю жизнь. «Я поминаю, говорил он, имена этих монахинь каждый раз, когда Господь удостоивает меня священнодействовать при бескровной жертве, и не могу довольно воздать им, моим благодетельницам, за их материнские милости, оказанные мне в юности.

Там жила еще смиренная монахиня Епафродита, которая никому не позволяла видеть полузакрытого лица своего и, при встрече с кем бы то ни было, утаивала его глубоким и продолжительным поклоном и, таким образом, миновала каждого. В то же время жила в великом терпении болезненная рясофорная монахиня Виталия Армянинова. Никогда не просила она помощи ни у родных, ни у знакомых, хотя работать ничего не могла, и чиноположение монастыря необщежительного давало ей на то полное право; но она предпочитала с терпением переносить нужду и никогда не отлучалась из монастыря. Кончина ее была ознаменована явлением на небе особой большой звезды, стоявшей над ее келлией день и ночь до самого погребения. Казалось, она провожала ее за город на монастырское кладбище, и тогда уже скрылась, когда окончилось погребение.

Несколько старше этих была достойная вечной памяти схимонахиня Ксенофонта Соковнина. Умная, великодушная,

скромная постница, от юности посвятившая себя Богу и со времени вступления своего в монастырь даже до кончины своей не употреблявшая даже масла постного, отличалась бодростью и здоровьем до глубокой старости. Сказывают, что к ней приехал однажды родной племянник, сын ее брата, с намерением принять благословение от уважаемой его родителями старицы; разыскал ее в церкви и дождался окончания службы; она молча взглянула на него и пошла в свою келлию. Племянник последовал за нею. Она поклонилась ему с порога своей келлии и, затворив за собою дверь, никому ничего не сказала. Внимательная игумения Паисия знала строгую жизнь схимницы и тотчас послала пригласить к себе молодого гостя ее и, видев смущение, успокоила его тем, что обеты схимонахини очень велики; и, если бы Ксенофонта стала беседовать с ним в церкви, то это было бы ей крайне неприлично. А ввести его в свою келлию она тоже не смеет, но молитвы ее ему будут в помощь, потому что он оказал ей долг любви и уважения, которого она никогда не забудет.

Рядом с Ксенофонтой жили еще три единомышленные старицы-схимонахини: Евгения, Евсевия и Ксанфия. Все три из богатых дворянских семейств. Они согласились вместе поступить в монастырь и жили в удивительном единомыслии. Одна из них – Евгения – была слабого здоровья и на боку имела широкую золотушную рану, которая часто разболевалась; но терпеливая труженица с постоянным веселием духа заботилась не отставать от своих матерей ни в каких духовных подвигах. Едва двигаясь, выходила она к церковным богослужениям и выстаивала их до конца, остальное же время в келлии проводила в постели, на которой, вместо одеяла, служила ей льняная постилка деревенского изделия. Между тем, родственники их присылали им хорошее содержание; но каждая из них не только не называла его своим, но и просила старшую из них, Ксанфию, предпослать все в вечную жизнь, оставляя на общую потребу одно необходимое. Таким образом, вся жизнь их проходила в большой простоте, любви и смирении. Лучшим примером подражания служили для них жизнеописания святых подвижниц, прославленных святой православной Церковью, а

утешением в скорби – обетование вечных благ за терпение. Служившая у них келейница, из крепостных, неграмотная девица, столь преуспела в послушании, что при кончине своей всех удивила своими возвышенными мыслями и речами; и, наконец, при самом исходе души, воспела: *«Святому Духу, всякая всеспасительная вина: аще коему Сей по достоянию дхнет, скоро возьмет от земных, восперяет, возвращает, устрояет горе»*. После такого радостного исхода от жизни временной, можно ли сомневаться, что она получила там награду своих трудов и вечное блаженство? От этих благочестивых подвижниц заимствовала свое благое направление схимонахиня Варвара Пушкарева, которая впоследствии была и для прочих хорошей руководительницей. Глубокая преданность ее к блаженному старцу Оптиной пустыни иеросхимонаху Льву положила основание в Севском монастыре жить под руководством старцев и, по наставлению их, иметь ежедневное откровение помыслов духовным матерям, уполномоченным на то от такого же духовного старца с благословения настоятельницы.

Труды подвижнические и преклонные лета игумении Паисии часто напоминали ей о тщательнейшем приготовлении себя к вечной жизни. Она давно предположила в сердце своем сдать настоятельскую должность и водвориться в тишине уединенной келлии, вдали от всех беспокойств и бесед человеческих; но не знала, как это устроить ко благу вверенной ей обители. Всматриваясь в способности своих монахинь, она по справедливости отличала известную нам Мариамию, скромную, умную и неусыпную в заботах о монастырских нуждах. Уже несколько раз приходилось ей беседовать об этом предмете со своей любимой сотрудницей Маргаритой и слышать ее одобрения на то и на другое предположение. И сама Маргарита охотно желала принять великий Ангельский образ – схиму и удалиться от всех беспокойств, сопряженных с должностью благочинной, которую всю жизнь свою проходила по усердию к своей доброй настоятельнице, не быв обязана к тому указным определением от Епархиального начальства, как это впоследствии установилось в девичьих монастырях.

Неожиданный приезд высокочтимого ими игумена Глинской пустыни отца Филарета, проезжавшего тогда по делам своей обители в С.-Петербург, решил окончательно их сомнения. Духовно опытный старец дал совет и благословение обоим приступить к необходимой развязке временных обязанностей с тем, чтобы точнее исполнить монашеские обеты. Казалось, надежды их были самые основательные и намерение богоугодное. Но дивный и непостижимый в судьбах Своих Промысл Божий устроил иначе. Крепкая сложением и никогда не болевшая, 70-летняя Маргарита вдруг захворала, и болезнь ее продолжалась два года. В это время многое изменилось, и предначертанный план не мог прийти в исполнение. Напутствованная всеми христианскими таинствами, Маргарита отошла к Господу, Которого от юности возлюбила всем сердцем и усердно служила до последнего вздоха. Общее сожаление давало знать, какой подпоры лишилась обитель, и мужественная игуменья Паисия глубоко скорбела, не зная, как приступить к дальнейшему исполнению своего предположения, и почти находилась в необходимости продолжать свое управление монастырем по заведенному порядку. Но время не стоит, и события подвигаются не по нашей воле. Предназначение монахини Мариамии стало обнаруживаться для всех, и для нее самой сделалось весьма понятным.

Строгие меры бдительной Маргариты заменились слабым влиянием казначеи Евстолии, которая почти ни во что не входила. Бывало, Маргарита заметит между сестрами шептание, сейчас подойдет и скажет свое оригинальное поучение: «да, да! И мы были козы, и у нас были роги! Да вот, милостию Божиею пришли в монастырь, и нас учат быть овцами... Займитесь-ка, матушки-сестрицы, своим делом». И как рукой снимет всякое пустословие. В то время и Мариамии легко было идти по стопам такой влиятельной старицы; а теперь всюду встречала ее самая лестная предупредительность, на которую оставалось отвечать одной вежливостью.

Попечительная игуменья Паисия на закате дней своих с юношеской бодростью напрягала остатки сил к облегчению для будущей преемницы своей тех дел, которые считала еще не

доконченными в обители, для полного ее благоустройства. Поэтому, чтобы более утешить своих чад духовно, она приберегла небольшой капитал на прибавочный штат 10 манатейных монахинь к прежним 17 положенным по штату 3 класса. Святейший Синод утвердил ее ходатайство.

Наступил 1829 год, в котором игумении Паисии исполнилось 40 лет ее управления Севским монастырем, и ей казалось уже необходимым как можно скорее сложить с себя это тягостное бремя. Но, едва огласился достоверный слух о том, что она подает на покой и преемницей ее действительно назначается монахиня Мариамия, как все изменилось, и спокойствие всего монастыря поколебалось... Никто не мог сказать, чтобы Мариамия была недостойна такого избрания; и к тому это дело зависело еще от благосклонного воззрения Владыки и утверждения Святейшего Синода; но смятенные умы ничему не внимали и ясно выражали одно общее неудовольствие. Зависть возбудила злоречие, которое, разжигая страсти, делало недовольными всех, беседующих об этом предмете.

Не успели еще послать нужные бумаги касательно этого дела, как возникло другое обстоятельство, которое, при возбужденном внимании населения, сделалось находкой для недоброжелателей; хотя, в сущности, было достаточно одного кроткого вразумления для неопытных, послуживших причиной беспокойства всему монастырю. Некто, сын богатых родителей, несовершеннолетний юноша, юнкер квартировавшего в городе полка, вознамерился венчаться с молоденькой девочкой сиротой, только что вступившей в монастырь и находившейся в настоятельской келлии. Он ничего не успел, но громкая и весьма преувеличенная молва навлекла серьезное следствие от Губернского и Епархиального начальства, и подвергла весь монастырь большому потрясению. Не скоро уяснилось полное дознание о невинности тех лиц, на кого падало тайное донесение, по обычаю лжи, сделанное будто бы от лица всех монашествующих, оскорбившихся таким соблазном и в безымянных письмах своих, не скупившихся наставлениями и самому Епархиальному Архиерею. Дело дошло и до Св.

Синода. К счастью, из Петербурга и из Орла командированы были чиновники примерного благочестия, которые старались кроткими мерами успокоить умы и нашли в монастыре более действительно хорошего, нежели, что было сказано от недоброжелателей. Между тем, такие клеветы и возмущения по Севскому монастырю поставили в необходимость, заслуженную и всеми уважаемую старицу игумению Паисию, дать место гневу, чтобы поспешно удалиться на покой, не представляя уже никаких человеческих соображений касательно управления монастырем, но, единственно, возлагая все упование свое на Бога. В октябре 1829 года игумения Паисия просила о своем увольнении преосвященного Никодима, что, *«находясь немалое время в управлении вверенным ей монастырем, по старости лет своих и слабости здоровья, чувствует в силах изнеможение и более управлять монастырем не может»*. На прошении этом 29 октября последовала резолюция Преосвященного: «игумению Паисию от должности настоятельницы уволить, оставив ее на покое в том монастыре, и объявить ей, за долговременную ее службу, пастырскую благодарность, а об исходатайствовании ей пенсии представить Св. Синоду». 2 ноября от преосвященного Никодима дано было предложение об определении настоятельницей на место Паисии монахини Евстолии, которая 21 ноября 1829 года и была посвящена в Орловском Введенском женском монастыре. Таким образом, вместе с игуменией Паисией, монахиня Мариамия и все прочие монахини и послушницы, находившиеся в настоятельской келлии и проходившие разные послушания, вдруг были удалены от всякого участия в дальнейших судьбах воспитавшей их обители. После уже Епархиальное начальство, по рассмотрении всех обстоятельств, облегчило эту внезапную скорбь, и добродетельной игумении Паисии за долговременную и беспорочную службу была выражена признательность Святейшего Синода, и назначена из государственных сумм пожизненная пенсия в сто рублей ежегодно, которой она пользовалась до самой своей кончины. И другие все, находившиеся при ней, монахини и послушницы были также

оставлены при занимаемых ими послушаниях. Но такие дни и недели потрясений равняются многим годам.

Заштатная игумения-подвижница жила тихой, скорбной жизнью. Она жила в бедности. Одна заячья шубка, надетая в один рукав, служила ей день и ночь, зимою и летом, потому что и кровь не грела ее, и жесткая постель не успокаивала многолетней труженицы. Иногда, забытая всеми, она подолгу пролиwała слезы и глубокими вздохами облегчала свое сердце, приучая его смотреть в будущее с беспристрастным самоосуждением, и нередко, в полночь, по обычаю своему, уходила в церковь на молитвенное свое правило. Там, во святом алтаре, полагая бесчисленные поклоны, утешала душу свою неземной отрадой; недавнее, прекрасное и достохвальное, как будто давно прошло и забылось; не находилось даже случаев приятно вспомнить сорокалетнее безукоризненное управление монастырем и множество заслуг блаженной игумении Паисии. Напротив, все спешили все преобразовать, как отсталое и ни к чему не годное... Это тайна Креста!

Понимала это великодушная старица Паисия и мужественно пила ежедневно чашу незаслуженных порицаний то за одно, то за другое, и претерпевала еще множество поношений за свою бедную Мариамию, которая в это время подпала гнету уныния, но в молчании день от дня углублялась все более и более сама в себя и навывкала в смирении духа умной и сердечной молитве.

Наконец, по воле Божией, постигло ее новое, тяжкое испытание: от многих и непрестанных слез темная вода приступила к светлым очам ее: зрение ее померкло. И ночь, и день сделались для нее равно темны и продолжительны.

В это скорбное время некоторые начали приходить к блаженной игумении Паисии и находили ее столько покойной, что и сами заимствовали от нее успокоение своим взволнованным мыслям. Она обращала внимание в скорби их на чудотворную Молченскую икону Божией Матери и советовала прибегать к Ней.

Никакие перемены в монастыре уже не волновали ее окрепшую душу.

В 1837 году, проездом из Петербурга, посетил Севский монастырь Киевский митрополит Филарет и выразил глубокое уважение свое к игумении Паисии. Вспоминал много прежнего и с сердечным участием обласкал болящую монахиню Мариамию, чего она не могла забыть до самой кончины своей и, поминая это, глубоко задумывалась.

Так, незаметно прошло девять лет со времени водворения игумении Паисии на безмолвие, и приближалось ей время блаженного переселения в вечность. Прозирая чистым оком ума в будущее, она благодушно готовилась к этому желаемому часу и, проразумевая, что он уже недалек, пожелала, чтобы еще раз было совершено над нею таинство елеосвящения, к которому она и прежде прибегала в случавшихся недугах. И вот, в один из таковых дней, по желанию ее, принесена была с утра в ее келлию чудотворная икона Молченской Божией Матери. С чувством живой веры взирая померкшими очами к Богоматери, и лобызая Ее святую икону, старица несколько раз преклоняла молитвенно голову и, отпустив от себя икону, воззвала вдруг громким голосом: «идет Сама Царица Небесная!» Лицо молящейся игумении просветилось неземной радостью, и в ту минуту она прозрела. Монахиня с иконой стояла в благоговейном трепете, и все присутствующие исполнились радости. Болящая продолжала молиться; наконец, она тихо поднялась на одре своем и поклонилась Пришедшей невидимо посетить умирающую верную рабу Свою. Все безмолвствовали от удивления, но, по обычаю человеческого, опять скоро засуетились около одра болящей; тогда она, снова возвысив голос, сказала: «Слава Тебе, Господи! Се день и час, его же возжелала душа моя на всякое время! Пресвятая Богородице, не остави мене! Помогни мне, Владычице моя!» И с этими словами она посмотрела весело вокруг себя, и говорит: «я вижу святую чудотворную икону и всех вас». Тогда снова поднесли к ней святую икону, и она, облобызав ее, просила поспешить елеосвящением.

Все было готово, и некоторые старицы собрались участвовать в богослужении, и, когда по тамошнему обычаю на помазывании хор певчих уныло возглашал особые припевы: *«Услыши ны, Господи! Услыши ны, Владыко! Услыши ны, Святыи!»* тихие слезы катились по лицу блаженной старицы, но вид ее был светел и благолепен, как вид Ангела Божия. Наконец, кроткое прощание ее было обращено ко всем предстоящим; с необыкновенной любовью все подходило к ней; и это прощание происходило более часа. Некоторые плакали, другие спешили в церковь к божественной литургии, по окончании которой священник со Святыми Дарами прямо пришел к умирающей. Она в полной памяти и с глубоким смирением исповедалась и причастилась Святых Божественных Таин, в напутие жизни вечной. Тот же священник начал читать канон на исход души. Казалось, старица отдыхала, слушая умиленные молитвы к Пречистой Деве Богородице и Сладчайшему Господу нашему Иисусу Христу, и только несколько глубоких вздохов были убедительным признаком ее сознательного внимания; потом и их не стало слышно. Чистая душа многолетней старицы незаметно и безболезненно разрешилась от тела, оставив самый умиленный отблеск радости на охладевшем челе ее.

Так совершилась кончина блаженной старицы игумении Паисии. Она скончалась 30 июля 1838 года, а погребена 1 августа близ монастырской церкви⁴¹.

Примечания

- ¹ - См. кн. «Р. Б. Анна Ивановна Лашкина или Лукашева, почивающая на Смол. прав. кладбище в С.-Петербурге».
- ² - Игуменья Феофания была вдова генерал-майора.
- ³ - Более подробно можно читать о страннице Дарии в издании 1897 г. «Дарьюшка-странница».
- ⁴ - См. «Душ. Чт.» 1885 г.
- ⁵ - См. «Соловецкий Патерик».
- ⁶ - Об этом подробно изложено у о. Агапита в упомянутом труде.
- ⁷ - О пятисотнице есть особый, изданный Оптиной пустыней, листок.
- ⁸ - Из Ист.-статист. опис. Черниг. еп.
- ⁹ - См. «Соловецкий Патерик».
- ¹⁰ - «Общежит. Саровск. пустынь».
- ¹¹ - «Странник» 1866 г.
- ¹² - «Душеп. Чтение» 1902 г.
- ¹³ - Из „Душ. Соб.“ 1896 г.
- ¹⁴ - «Душеполезное Чтение» 1889 г., стр. 184–201. А кратко о нем было сказано в февр. книжке (131 стр.) в сказании о рославльских подвижниках.
- ¹⁵ - «Странник» 1864 года.
- ¹⁶ - Так в оригинале (прим. Ред.)
- ¹⁷ - Дмитрий Николаевич Бонческуло родом Харьковской губернии, Змиевского уезда, деревни Левковки. Родом он из Грузии. Во дни императрицы Екатерины II, бригадир Бонческуло получил от нее Левковку и начал здесь жить, – это был отец Димитрия Николаевича, мать же его была Иулиания Евсеевна, урожденная княжна Цицианова. Оба погребены в Левковке.
- ¹⁸ - «Душ. Чт.» 1883 г., ч. I.
- ¹⁹ - По кн. «Житие» подвижн. Глинской пустыни старца Феодота Курск. 1894 г.
- ²⁰ - Историко-стат. сведения о С.П.Б. епарх.

- ²¹ - «Странник» 1863 г. I ч.
- ²² - «Душ. Чт.» 1868 г. Июнь.
- ²³ - «Месяц. русск. св.».
- ²⁴ - «Валаамские подвижники».
- ²⁵ - Сокращенно взято из книги «Подвижник Нило-Сорской пустыни Иеросхимонах Нил» (изд. Аф. Пант. монастыря. 1892 г. 2-е изд.).
- ²⁶ - Житие старца Серафима СПб. 1863 г, стр. 189–190.
- ²⁷ - См. прекрасный труд г. А. Воскресенского: «Архимандрит Паисий, настоятель Высокогорской Успенско-Николаевской Чуркинской пустыни. Астраханской губ. Астрахань, 1904 год».
- ²⁸ - «Троицкий Листок» № 69.
- ²⁹ - См. брош. «Кончина настоятельницы Усть-Медведицкого Преображенского женского монастыря, игумении Арсении, и ее краткая биография». Новочеркасск. 1906 г.
- ³⁰ - При рытии фундамента под этот придел было, говорят, открыто несколько гробов с совершенно нетленными телами: один из них был признан гробом игумении Евпраксии, память которой с тех пор особенно уважается в Хорошевой обители.
- ³¹ - В 1835 г., когда игумения Анатолия приступила к расширению пристройками тесного в прежнее время этого храма, то при рытии рвов под фундамент этих пристроек, принуждены были коснуться могилы блаженной старицы, вследствие чего и решено было перенести ее гроб на другое место. При этом, несмотря на целый десяток протекших лет, не только гроб, но и самые одежды почившей были найдены целыми и крепкими, равно, и тело ее оказалось совершенно нетленным. Приподняв креп иноческого клобука, закрывавший лицо и руки усопшей, инокини узнали знакомые черты старческого лица, светлого и чистого, как бы у недавно почившей; на руках лишь заметили немного пыли, проникшей через скважины гроба и решили их омыть слегка водою, причем, для удобства хотели вынуть держимый усопшей крест, но не могли этого сделать, ибо твердо держала она его, как залог своего спасения. По отпении погребения, гроб блаженной

старицы опустили в новую могилу, которая находится теперь близ северного крыльца Вознесенского храма, у стены к востоку.

³² - См. «Ардатовский Покровский женский монастырь».

Н.Н. 1905 г.

³³ - Из «Душеполезн. Собеседн.».

³⁴ - Из истор. очерка Ордынской пустыни.

³⁵ - «Соловецкие подвижники».

³⁶ - См. «Христо-Рожд. женск. монастырь в г. Слободском, Вятской еп. С. М. Кедрова. 1905 г.» и «Житие, подвиги, чудеса и прославление пр. и Богон. о. н. Серафима, Сар. чуд.» Н. Левицкого, изд. Аф. Пант. м. (стр. 203–204; 256; 304–305). М. 1905 г.

³⁷ - См. кн. «Сезеновский женский монастырь, Лебедянского уезда, Тамб. губ.» 2.е изд. I-III ч. Москва. 1897 г.

³⁸ - «Святитель Питирим, второй епископ Тамбовский».

Сост. Воронежской Рождество-Богородицкой церкви священник Димитрий Самбикин (впосл. архиеп. Казанск. Димитрий).

Воронеж. 1872 г.

³⁹ - Из биогр. очерка.

⁴⁰ - «Месяц. Русск. Свят.».

⁴¹ - Из исторического очерка обители.